

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ ЕЖЕГОДНИКА

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом от одного до двух авторских листов (от 40 тыс. до 80 тыс. знаков, включая примечания); научные сообщения, рецензии и обзоры – до одного авторского листа (40 тыс. знаков). При оформлении текстов убедительно просим соблюдать следующие правила.

- В ежегоднике принята так называемая «поливановская» транскрипция, за исключением общепринятых названий: *Токио, Иокогама*.

- В отношении японских имен собственных принят существующий в Японии порядок написания: сначала фамилия, потом имя. При первом упоминании просим указывать фамилию и имя, далее – инициал и фамилию: *Обути Кэйдзо* и *К. Обути*.

- Японские имена собственные и географические названия не склоняются.

- Сноски имеют общую нумерацию в пределах статьи и помещаются внизу страницы.

- Просим представлять распечатку статьи в одном экземпляре и качественную дискету с аналогичным текстом в системе Windows/Word.

- Просим обратить внимание на предохранение представляемых дискет от вируса.

- Сроки предоставления статей в редакцию – до конца декабря текущего года.

Рукописи, представленные с нарушением перечисленных правил, рассматриваться редакцией не будут.

НАДЕЕМСЯ НА ПЛОДОТВОРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО!

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

*

ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

*

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

*

АССОЦИАЦИЯ ЯПОНОВЕДОВ

ЯПОНИЯ 2006

ЕЖЕГОДНИК

МОСКВА

2006

ББК 66.2 (5Я) я5
Я70
УДК 94(520)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР Э. В. МОЛОДЯКОВА

РЕДКОЛЕГИЯ: В. М. АЛПАТОВ, Т. П. ГРИГОРЬЕВА,
Н. П. ДМИТРИЕВСКАЯ (ответственный секретарь),
И. П. ЛЕБЕДЕВА, В. Н. ПАВЛЯТЕНКО, В. Б. РАМЗЕС,
А. И. СЕНАТОРОВ

Я 70 **Япония 2006**. Ежегодник. – М.: «АИРО-XXI», 2006. –288 с.
ISBN 5-91022-021-1

В настоящем выпуске ежегодника исследуется широкий круг проблем современной жизни Японии. Уделяется внимание внутренней политике Японии, ее экономической и политической деятельности на международной арене. Рассматриваются различные аспекты японской культуры, искусства и истории.

С 1994 г. издание осуществляется при поддержке Японского фонда

Я 0805000000-023
001(01)-00 (без объявления)

ISBN 5-91022-021-1

© Ассоциация японоведов, 2006

Либерально-демократическая партия: полвека у власти

А. И. Сенаторов, И. А. Цветова

В ноябре 2005 г. японские либерал-демократы отметили 50-летие образования своей партии. В декларации Либерально-демократической партии (ЛДП), опубликованной по случаю юбилея, указывается, что эта партия «постоянно играла руководящую роль в обеспечении безопасности государства и достижении экономического процветания»¹.

Действительно, в течение полувека ЛДП оставалась главной политической силой страны и лишь однажды была отстранена от власти менее чем на один год. Цель данной статьи – показать, каким образом японским либерал-демократам удастся сохранить столь долголетнее правящее положение.

Образование Либерально-демократической партии

На волне послевоенной демократизации на политическую арену Японии вышло множество партий, соперничавших между собой за представительство в парламенте и формирование своего правительства. К концу первого послевоенного десятилетия Демократическая партия и Либеральная партия, представлявшие правое, консервативное крыло политических сил, пришли к выводу о необходимости объединения. Представители этих партий небезосновательно опасались, что их разобщенность послужит на руку главному конкуренту в борьбе за власть – Социалистической партии Японии (СПЯ), которая смогла преодолеть раскол в своих рядах. К этому шагу их настойчиво подталкивали внутри страны – предпринимательские организации, а извне – США, сделавшие Японию своим союзником.

В результате 15 ноября 1955 г. была образована Либерально-демократическая партия, которая провозгласила себя «народной», «пацифистской», «подлинно демократической», «парламентской». В принципе либерал-демократы не возражали против причисления их к «консерваторам», но в

¹ Иомиури симбун. 23.11.2005.

своих программных документах все же предпочитали называть себя «прогрессивной» политической партией, которая, «сохраняя правильные традиции и порядок, неизменно идет вперед, отвечая на требования времени, проводит реформы, искореняет зло». Кроме того, ЛДП обещала работать во имя «построения государства благосостояния»².

Основными целями внутриполитической деятельности ЛДП были названы стабилизация жизни народа, повышение общественного благосостояния, а внешней политики – восстановление самостоятельности и независимости, создание условий для мирной жизни. При этом внешняя политика была ориентирована в первую очередь на сотрудничество и согласие со «свободными демократическими странами». Либерал-демократы заявили о намерении «активно разворачивать мирную дипломатию», призвали к запрещению ядерного оружия, поставили такие задачи, как вступление Японии в ООН, восстановление государственных отношений с СССР, КНР и другими странами, с которыми мирные договоры еще не были заключены³.

Соответствие общей направленности программных установок ЛДП духу послевоенной конституции Японии заметно нарушалось постановкой задачи «самостоятельного пересмотра действующей конституции»⁴.

Критерием оценки политической партии являются не столько ее программа и обещания, сколько в первую очередь реальные дела. Рассмотрим методы и результаты практической деятельности японских либерал-демократов в течение трех периодов: при монопольном правлении ЛДП (1955–1993 гг.), при коалиционном правлении (1994–2000 гг.), с 2001 г. по настоящее время.

ЛДП в рамках политической «системы 1955 г.»

«Системой 1955 г.» в Японии принято называть сложившуюся при образовании ЛДП и сохранявшуюся до 1993 г. многопартийную структуру, в которой эта партия непрерывно доминировала над другими политическими партиями и единолично формировала правительство. Поскольку главным оппонентом ЛДП на протяжении 38 лет являлась СПЯ, а прочие партии (Коммунистическая партия Японии, Партия демократического социализма, Комэйто и др.) не обладали большим влиянием в парламенте, то эту систему называют также «полуторапартийной».

Гарантом стабильности монопольной власти ЛДП в те годы были значительные достижения Японии под руководством либерал-демократических правительств, как в области экономического развития, так и в социальной сфере. Обещание партии стремиться к «построению государства благосостояния» не оказалось пустым звуком. Высокие темпы экономического рос-

² Вага то-но кихон хосин (Основной курс нашей партии). Токио, 1985, с. 4–7.

³ Там же, с. 14.

⁴ Там же.

та, выведшие страну на место второй, после США, промышленной державы, сопровождались непрерывным повышением материального и культурного уровня жизни всего населения.

Любопытно мнение японских политологов И. Кабасима и Т. Сугавара, которые усматривают в созданной либерал-демократами структуре удержания власти «своего рода социал-демократический характер». Он обусловлен тем, что одновременно с поощрением экономического роста «усилия направлялись и на достижение равенства путем ангажированного перераспределения результатов этого роста отстававшим от него социальным коллективам»⁵.

Близкие взгляды высказывают и сами либерал-демократы. Так, например, видный деятель ЛДП, бывший министр иностранных дел Н. Матимура полагает, что, хотя лидером послевоенного японского общества была ЛДП, а СПЯ не добилась власти, это общество «можно было назвать социал-демократическим». Основанием для такого заявления, по его мнению, является то, что Япония «характеризуется небольшим различием между бедными и богатыми даже по международным критериям»⁶.

Впрочем, экономическая и социальная политика ЛДП не оставалась неизменной в рассматриваемый период. К началу 80-х годов японская модель «общества благосостояния» стала подвергаться критике. Под влиянием зарубежной неолиберальной идеологии дальнейший курс экономической политики либерал-демократов стал в большей мере опираться на рыночные отношения, что нашло отражение в административно-финансовой реформе при кабинете Я. Накасонэ.

С большими трудностями сталкивались либерал-демократы при решении поставленной ими задачи сделать внешнюю политику самостоятельной. Главным ее ориентиром стал союз с США, да и в отношениях с ближайшими соседями Япония действовала с постоянной оглядкой на Вашингтон. Фактически внешнеполитический курс ЛДП был подчинен в первую очередь решению задач экономического характера.

Следуя мирным положениям конституции, Япония смогла уклониться от прямой поддержки вооруженных действий США в Индокитае, а позже – в Персидском заливе. В 1968 г. японское правительство, возглавляемое Э. Сато, провозгласило «три безъядерных принципа»: не производить, не ввозить и не хранить ядерное оружие. Хотя заявленная в программе ЛДП задача пересмотра конституции время от времени дискутировалась, в расписание практических действий партии она, однако, не включалась. Такая позиция определялась не только значительным влиянием защитников конституции в лице рабочего движения, левой и центристской оппозиции, ин-

⁵ Кабасима Икуо, Сугавара Таку. 2005 нэн сосэнкё бунсэки (Анализ выборов в палату представителей 2005 г.). – Тью корон. 2005, № 11, с. 109.

⁶ Матимура Нобутака. Хосю-но ронри (Логика консерваторов). Токио, 2005, с. 174.

телигенции. Внутри ЛДП, по мнению американских исследователей, имело место противостояние сторонников пересмотра конституции (Н. Киси и его последователи) и «консерваторов-реалистов», за которыми оставалось решающее слово. Так, «основное течение консерваторов» (Х. Икэда, Э. Сато, К. Миядзава и др.) рассматривало в качестве трех основ обеспечения безопасности не только силы самообороны и Японо-американский договор безопасности, но и пацифистскую девятую статью конституции, и поэтому «продолжало защищать конституцию от сторонников ее пересмотра»⁷.

Разумеется, феноменально долгая единоличная власть ЛДП была обусловлена не только результатами деятельности ее правительств, ведь их деятельность отнюдь не всегда и далеко не во всем отвечала интересам большинства населения. Монополии ЛДП на власть способствовала слабость противостоящих ей партий, не способных к сплоченным действиям, даже в форме сотрудничества на выборах.

Превосходство ЛДП над другими партиями обеспечивалось также тем, что ею была создана весьма эффективная «машина сбора организованных голосов» на парламентских выборах через многочисленные ассоциации предпринимателей, различные корпоративные объединения, сельскохозяйственные кооперативы и прочие организации.

Действовавший в то время порядок выборов в ключевую палату парламента – палату представителей – благоприятствовал сохранению многопартийности ее состава и одновременно препятствовал достижению абсолютного превосходства либерал-демократов, поскольку порождал соперничество между их собственными кандидатами. В условиях острой конкурентной борьбы выборы становились все более дорогостоящими, побуждая либерал-демократов к изысканию новых, в том числе противозаконных, источников финансирования избирательных кампаний. В ЛДП утвердился определенный стиль борьбы за парламентские места путем создания «трех опор». Это – опора на места (*дзибан*), опора на известность (*камбан* – «вывеска»), опора на деньги (*кабан* – «портфель»). Практически все политики правящей партии обзавелись персональными обществами поддержки на выборах.

Главной функцией взаимной, в том числе финансовой, поддержки стала также деятельность внутрипартийных группировок – фракций (*хабацу*). Фракции формировались вокруг наиболее влиятельных политиков, располагающих обширными связями, особенно в деловых кругах, и, следовательно, имеющих возможности финансирования избирательных кампаний

⁷ Richard J. Samuels, Patrick Boyd. Кэмпо кюдзю-ни-мо кюсэй ари? Кэмпо ронсо-но юкиката (У девятой статьи девять жизней? Путь споров о конституции). – Рондза. 2004, № 4, с. 174–176.

их членов. Фракционность стала отличительной чертой решения партийных вопросов внутри ЛДП.

Роль фракций в ЛДП была настолько велика, что партию нередко называли «фракционной коалицией». Фракционность способствовала внутрипартийному соперничеству и даже в какой-то степени создавала иллюзию сменяемости власти. Но одновременно, как признавали сами либерал-демократы, она возбуждала народное недоверие к партии и ее политике, вызывала пассивное отношение избирателей к выборам⁸. Действительно, фракционности сопутствовало широкое распространение коррупции среди политиков правящей партии, к которой оказывались причастными и лидеры внутрипартийных группировок, в том числе премьер-министр К. Танака (1974 г.). Факты свидетельствовали о сращивании политиков правящей партии с предпринимательскими кругами, о постоянно растущей значимости проблемы «политика – деньги» в формировании негативного имиджа ЛДП.

Следует заметить, что в период монопольного правления ЛДП была фактически единственной партией, пользовавшейся также официальной финансовой поддержкой со стороны деловых кругов, для чего под руководством Федерации экономических организаций (Кэйданрэн) была создана специальная организация, собиравшая для этой партии денежные средства. В результате деньги попадали в правящую партию по многочисленным каналам: в штаб и отделения партии, в адрес фракций и отдельных политиков.

Разносторонние связи ЛДП с предпринимателями подкреплялись их тесным сотрудничеством с бюрократией на уровне правительственных ведомств. В правящей партии были учреждены органы для изучения политических вопросов, которые работали параллельно и в тесной связи с соответствующими правительственными чиновниками. Это способствовало формированию так называемых «парламентских кланов», лоббировавших корпоративные и ведомственные интересы в кабинете министров и парламенте. Вслед за этим утвердился порядок, по которому правительственные законопроекты должны были проходить предварительное обсуждение в партийном Совете по изучению политических вопросов (начиная с его многочисленных специализированных отделов) и получать одобрение постановляющего партийного органа – Совета по общим вопросам.

В Японии практически единодушно признают, что следствием длительного монопольного правления либерал-демократов стало возникновение тесной связи между политиками, правительственными чиновниками и предпринимательскими кругами. Такая связь получила название «железный треугольник» и стала своего рода символом власти ЛДП.

⁸ Дзиминто кайдзоан (План перестройки Либерально-демократической партии). Токио, 1972, с. 234–25.

Монопольная власть не только порождала аморальное поведение политиков ЛДП, но и вела к утрате присущей ей ранее динамичности и энергичности в практической деятельности. Поддержка либерал-демократов электоратом заметно снизилась. Если в 1958, 1960 и 1963 гг. на выборах в палату представителей за них голосовали 54–58% избирателей, и ЛДП получала 60–63% депутатских мест, то начиная с 1967 г. эту партию поддерживали уже менее половины избирателей.

В начале 90-х годов Япония столкнулась с острой необходимостью незамедлительно внести во внутреннюю и внешнюю политику коррективы, отвечающие переменам в международной обстановке (ускорение процесса экономической глобализации и окончание «холодной войны»). Актуальность этой задачи усугублялась вступлением страны в полосу депрессии, экономических потрясений, краха «экономики мыльного пузыря», иными словами, негативными последствиями направления огромных капиталов в ненадежные инвестиционные проекты и спекулятивные операции.

В японском обществе зрело понимание того, что в усложняющихся международных условиях недопустимо медлить с экономическими и другими реформами, а старт к новым переменам должна дать политическая реформа, призванная создать условия для сменяемости власти, а также разорвать порочный союз «политика – деньги».

Характерно, что идея политической реформы обсуждалась как в экономических организациях, представлявших главную опору ЛДП, так и в профсоюзах, на которые опиралась СПЯ. Первые пришли к выводу о желательности формирования в Японии двухпартийной системы, близкой к американскому или английскому образцу; вторые высказались за создание условий для двухполюсной системы путем преобразования СПЯ в более широкую и влиятельную партию.

В конце концов, либерал-демократы были вынуждены придти к признанию необходимости политической реформы. Более того, в 1991 г. правительство Т. Кайфу разработало и внесло в парламент законопроекты о политической реформе, главным элементом которой должно было стать изменение системы выборов в палату представителей. Предлагалось вместо выборов депутатов по многомандатным округам большую их часть избирать в «малых», т. е. одномандатных округах, а меньшую – по партийным спискам в пропорциональных округах. Однако это не означало готовности ЛДП передать власть в другие руки. Среди либерал-демократов и ранее были сторонники введения системы выборов по одномандатным округам, полагавшие, что таким образом «партия власти» еще более укрепит правящее положение и ослабит влияние СПЯ и других партий.

Единодушие по вопросу политической реформы, тем не менее, в ЛДП не было, и правительственные законопроекты из парламента были отозваны. Т. Кайфу был вынужден уйти в отставку. Разногласия в правящей партии еще более усилились при новом кабинете, который возглавил К. Миядзава. Неспособность правительства к осуществлению политической рефор-

мы побудила оппозицию, которую поддержала большая группа либерал-демократов, выразить ему недоверие. Конфликт вылился в роспуск палаты представителей, назначение выборов нового состава, организационный раскол ЛДП, образование покинувшими ее политиками самостоятельных партий и групп.

В июле 1993 г. на выборах в палату представителей ЛДП удалось сохранить положение первой партии. Она получила 36,6% голосов и 43,5% депутатских мандатов. Однако этого оказалось не достаточно, чтобы удержаться у власти, поскольку прочие партии, за исключением КПЯ, смогли объединиться в направленную против ЛДП коалицию. Характерной чертой этой коалиции стало преобладание консервативных партий и групп, ядро которых составляли политики, покинувшие ЛДП, над социалистами, ослабленными крупным поражением на выборах. Многопартийное коалиционное правительство также возглавил бывший либерал-демократ Хосокава Мориhiro, являвшийся лидером Новой партии Японии, созданной годом ранее.

Это означало конец «системы 1955 г.», характерной монопольным правлением ЛДП, и возникновение в Японии новой формы власти – коалиционного правления в разных вариантах союзов политических партий.

Возвращение к власти через коалицию

Главным итогом правления многопартийной коалиции без участия либерал-демократов явилось принятие законодательных актов, определивших содержание политической реформы. Они мало отличались от отозванных из парламента законопроектов 1991 г., разработанных при правительстве ЛДП. Во-первых, был принят новый порядок выборов в палату представителей: 300 депутатов должны были избираться по одномандатным округам, а еще 200 – по партийным спискам в 11 крупных округах по пропорциональной системе. Во-вторых, была введена финансовая поддержка деятельности политических партий из государственной казны. В-третьих, были внесены поправки в законы, регулирующие поступление и расходование денежных средств партий из других источников. В принципе, как показали дальнейшие события, новый порядок выборов в палату представителей отвечал интересам в первую очередь либерал-демократов, сохранивших прочную базу выборной поддержки на местах.

Противоречия внутри правящей многопартийной коалиции сделали ее существование кратковременным. Интриги консервативных партий, направленные на сплочение с центристскими силами, игнорирование интересов и изоляция СПЯ побудили социалистов к выходу из коалиции, сделав ее недееспособной. Этим воспользовались либерал-демократы, предложив сотрудничество своему главному противнику на более приемлемых для СПЯ условиях. Так, в июне 1994 г. возникла правящая коалиция СПЯ, ЛДП и небольшой партии Сакигакэ (бывшие либерал-демократы) во главе с социалистом Мураема Томиити.

Коалиция прежних антагонистов могла существовать только на базе взаимоприемлемых компромиссов и общего стремления к власти. Итогами компромисса, достигнутого в острых спорах, явились, например, согласование позиций относительно продвижения административной реформы и заявления правительства и парламента в связи с 50-летием окончания второй мировой войны. Премьер-министр Т. Мураяма впервые в качестве главы японского правительства выразил «глубокое сожаление» и «искренние извинения» за причиненный Японией «своим колониальным господством и агрессией» «огромный ущерб народам других, в особенности, азиатских стран»⁹.

Тем не менее, СПЯ приходилось все чаще идти на односторонние уступки. Это объяснялось не только большей численностью ЛДП в парламенте, но и быстрым падением авторитета социалистов на фоне распада Советского Союза и значительных перемен в странах бывшего социалистического лагеря. Еще в начале деятельности на посту премьер-министра Т. Мураяма вопреки традиционному курсу своей партии заявил о легитимности сил самообороны и высказался за сохранение Японо-американского договора безопасности.

Дальнейшее ослабление роли СПЯ в правящей коалиции было связано с ее преобразованием в Социал-демократическую партию (СДП) и неудачными попытками реализовать идею построения на ее основе более массовой «новой партии демократическо-либерального характера». Это вынудило Т. Мураяма отказаться от поста премьер-министра.

В январе 1996 г. либерал-демократ Хасимото Рютаро возглавил новое трехпартийное правительство. Господствующее положение ЛДП в правящей коалиции побудило премьер-министра Хасимото ускорить попытку упрочить также парламентские позиции партии, досрочно распустив палату представителей и назначив первые выборы по новой избирательной системе.

Главным соперником ЛДП на этих выборах, состоявшихся в октябре 1996 г., стала Партия новых рубежей (ПНР), образованная путем объединения участников первой многопартийной коалиции после их отстранения от власти. Будучи второй партией в парламенте по численности депутатов, ПНР, подобно ЛДП, также рассчитывала использовать преимущества новой избирательной системы для крупных партий и претендовала на роль «второго полюса» будущей двухпартийной системы. Буквально в канун этих же выборов было провозглашено рождение еще одной партии – Демократической партии (ДП), объявленной «третьей силой» и привлечшей к себе значительную часть парламентариев СДП.

Первая проба выборов оправдала надежды ЛДП, подтвердившей свое превосходство над каждой из других партий в парламенте, лишь немного не добрав до желаемого большинства. Второе место заняла ПНР, в основ-

⁹ Япония сегодня. 1995, № 8, с. 9.

ном сохранив имевшиеся у нее депутатские мандаты. На третье место вышла Демократическая партия. СДП потерпела большое поражение, на грани исчезновения оказалась Сакигакэ. Стало ясно, что выборы по новой системе, когда большинство депутатов избираются в одномандатных округах, далеко не адекватны волеизъявлению избирателей из-за того, что создают большие преимущества для крупных партий и способствуют вытеснению менее влиятельных. ЛДП, получив 39% голосов в одномандатных округах, стала обладательницей 56% из оспаривавшихся на них 300 мест.

Зависимость ЛДП от партнеров по коалиционному правлению резко ослабла. Р. Хасимото сформировал правительство из одних либерал-демократов, а СДП и Сакигакэ стали осуществлять внеправительственное сотрудничество, которое вскоре приобрело формальный характер. В середине 1998 г. СДП и Сакигакэ заявили о выходе из правящей коалиции.

При кабинете Р. Хасимото (январь 1996 – июль 1998 гг.) были сделаны значительные шаги с целью осуществления структурных преобразований. Были приняты важные законы в сфере административной реформы, расширившие полномочия местного самоуправления и заложившие основу крупной реорганизации центральных органов государственного управления. Правительство объявило курс на другие реформы – бюджетной политики, финансовой системы, экономической структуры, системы социального обеспечения, образования.

Во внешней политике по инициативе ЛДП были приняты меры по укреплению союзнических отношений Японии с США, несколько ослабленных при кабинетах М. Хосокава и Т. Мураяма. В соответствии с подписанной в 1996 г. Совместной декларацией Японии и США взаимные обязательства о сотрудничестве двух стран в области обороны распространялись на весь Азиатско-тихоокеанский регион.

Заметными событиями во внешней политике ЛДП стало выдвижение премьер-министром Р. Хасимото «концепции евразийской дипломатии» (июль 1997 г.), согласно которой отношения Японии с Россией должны были строиться на принципах «доверия», «взаимных интересов», «долгосрочных перспектив». Хасимото также призвал к дальнейшему расширению и углублению японо-китайских отношений.

Кабинет Хасимото был вынужден уйти в отставку после неудачных для ЛДП выборов в палату советников (июль 1998 г.), на которых партия не смогла добиться восстановления утраченного ранее большинства в этой части парламента. Более того, по пропорциональной системе за ЛДП проголосовала лишь четверть избирателей.

Основная причина провала этой партии на выборах состояла в том, что политика ее правительства не смогла вывести страну из длительного экономического застоя, причем наружу выплеснулись внутренние разногласия по вопросу оптимального сочетания между антикризисной финансовой политикой и курсом на ускорение структурных преобразований.

Новое правительство во главе с Обути Кэндзо, лидером наиболее крупной в ЛДП фракции, в которую входил и Р. Хасимото, не внесло каких-либо серьезных изменений ни в экономическую, ни во внешнюю политику. На первое место выдвинулась задача поиска союзников для обеспечения большинства в парламенте, особенно для устранения слабости ЛДП в палате советников, мешающей принятию правительственных законопроектов.

К этому времени расстановка сил среди оппозиции вновь претерпела большие изменения. Партия новых рубежей развалилась вследствие разнородности ее состава и амбициозности ее лидера И. Одзава. Значительная часть ее парламентариев перекочевала в ДП, а другая часть во главе с И. Одзава основала Либеральную партию (ЛП). Была воссоздана в прежнем составе Партия чистой политики (Комэйто).

В течение 1999 г. ЛДП заключила соглашение о коалиционном сотрудничестве в правительстве сначала с ЛП, а затем и с Комэйто. Обе партии получили по одному месту в кабинете Обути. Однако союз с ЛП оказался непрочным, поскольку И. Одзава продолжал критиковать руководство ЛДП и оказывать давление на правительство с неолиберальных позиций. В начале 2000 г. по инициативе Одзава этот союз был разорван, при этом часть либералов осталась в правящей коалиции, объявив себя Консервативной партией. Союз ЛДП с центристской Комэйто продолжается до настоящего времени, поддерживая, хотя и с большей пользой для либерал-демократов, совокупное большинство двух партий в обеих палатах парламента.

Сотрудничество ЛДП, ЛП и Комэйто обеспечило прохождение ряда правительственных законопроектов, в том числе тех, которые резко оспаривались оппозицией. Так, парламентом было принято решение об учреждении в обеих палатах комитетов по изучению конституции. Тем самым дискуссия о пересмотре Основного закона была фактически вынесена на государственный уровень. В ожидании предстоящих выборов в палату представителей через парламент было проведено выгодное для ЛДП решение о сокращении численности этой палаты на 20 депутатов за счет той части, которая избирается по пропорциональной системе.

При правительстве К. Обути общественное недовольство деятельностью ЛДП и отсутствием эффективных шагов правительства с целью оживления японской экономики продолжало нарастать. Особенно наглядно оно проявилось после того, как из-за внезапной болезни Обути его преемником стал Мори Ёсиро. Буквально за один месяц рейтинг его кабинета упал до самого низкого уровня, и премьер-министр был вынужден распустить палату представителей.

Результаты выборов в палату представителей в июне 2000 г. показали, что ЛДП сохранила превосходство над всеми другими партиями только в одномандатных округах, а в пропорциональных за нее голосовали лишь 28,3% избирателей, что совсем не на много превышало результаты ДП

(25,2%). Численность депутатов ЛДП в нижней палате заметно сократилась, а большинство в ней сохранилось совместно с союзниками по правящей коалиции – Комэйто и Консервативной партией.

Ё. Мори вновь возглавил коалиционное правительство. Однако работу его кабинета затрудняло обострение внутренних противоречий в ЛДП, в частности выступления ряда парламентариев, в том числе Като Коити, Ямадзаки Таку и Коидзуми Дзюнъитиро, против доминирующего положения крупнейшей в партии фракции К. Обути, которую после смерти ее лидера возглавил Р. Хасимото.

В средствах массовой информации все чаще стали встречаться высказывания о том, что традиционная политика либерал-демократов исчерпала себя и ведет Японию в тупик. На ЛДП, в особенности на ее «основное течение» в лице фракции Р. Хасимото, возлагалась ответственность за «утраченное десятилетие», иначе говоря, за медлительность и нерешительность в осуществлении структурных реформ.

О содержании критики, раздававшейся в адрес либерал-демократов наиболее полно можно судить по характеристике обстановки в партии, которую дал тогда видный японский журналист Кобаяси Кадзухиро.

1. Упорное цепляние за политику, руководствующуюся узкоэгоистическими интересами, тесное сращивание политиков с чиновниками и деловыми кругами и, как результат, продолжающиеся коррупционные скандалы, торможение реформ, расточительное использование денежных средств в общественном секторе под вывеской антикризисной политики.

2. Закостенелость партийных и правительственных руководящих кадров вследствие их назначения в соответствии с политическим весом внутрипартийных фракций парламентариев и «по старшинству»; семейственность; засилье потомственных политиков.

3. Беспринципное формирование правящих коалиций с другими партиями как средство спасения от длительного упадка; силовое управление парламентом, основанное на использовании численного преимущества; корректировка избирательной системы в интересах партии.

4. «Двойная структура власти»: господство фракции Такэсита – Обути (Хасимото), ее доминирующее влияние на формирование состава правительства и определение его политики, снижение авторитета премьер-министра и политическая безответственность¹⁰.

Премьер-министр Ё. Мори не выдержал обрушившейся со всех сторон критики на ЛДП, правительство и лично в его адрес. В начале 2001 г. он заявил о намерении отказаться от руководства партией и правительством.

Все свидетельствовало о том, что ЛДП нуждается в коренном обновлении. В течение шести лет эта партия успешно использовала коалиционную

¹⁰ Кобаяси Кадзухиро. Мокухё сосицу-но дзиминто (Либерально-демократическая партия, утратившая цели). – Гэккан канкай. 2001, № 4, с. 43–44.

форму правления с тем, чтобы восстановить правящее положение, а затем и господствующие позиции в управлении страной. Однако она не смогла перестроиться и в должной мере учесть уроки поражения 1993 г., сохранила прежний стиль деятельности, укоренившийся при монопольном правлении.

Под лозунгом обновления

Начало XXI века в истории ЛДП выделяется необычайно высоким накалом межфракционной борьбы ее парламентариев. Центральной фигурой этого периода деятельности ЛДП становится неординарный политик Коидзуми Дзюньитиро, ранее десять раз избиравшийся в парламент, назначавшийся на ответственные посты в партии и правительстве и дважды неудачно претендовавший на избрание лидером партии.

Отставка Ё. Мори дала Коидзуми шанс в третий раз попытаться реализовать свои политические амбиции. В апреле 2001 г. на выборах председателя ЛДП он одержал убедительную победу над другими претендентами, включая бывшего премьер-министра Р. Хасимото, опиравшегося на собственную мощную внутрипартийную фракцию парламентариев.

Во время предвыборной полемики Дз. Коидзуми в отличие от своих соперников выступил с резкой критикой недостатков ЛДП, заявив о намерении «изменить» и даже «разрушить» партию, покончить с фракционными методами продвижения кадров и формирования политики. Коидзуми демонстрировал решимость добиваться «экономического возрождения страны через форсирование структурных реформ», тогда как другие кандидаты, не отрицая необходимости реформ, осторожно высказывались по проблемам экономической политики, большее внимание уделяли чрезвычайным антикризисным мерам.

Надежды избирателей на обещанные Коидзуми крупные перемены стали фактором заметного успеха ЛДП на выборах в палату советников в июле 2001 г., когда она смогла получить 53,7% депутатских мест, что, однако, не помогло восстановить утраченное ранее единоличное большинство в этой части парламента.

Дз. Коидзуми подчинил работу правительства девизу «без структурных реформ нет экономического роста». Исходя из идеи «малого правительства», он требовал скорейшей передачи от государства в частный сектор или на места всех предприятий и функций, которые могли бы ими исполняться. Особое внимание уделялось принятию законов, касающихся приватизации дорожных корпораций и государственной почты. Поскольку в сфере экономики процесс дерегулирования близился к завершению, акцент в нем был перенесен на усилия по созданию условий для внедрения рыночных отношений в социальную сферу. Новыми моментами в области внешней политики и обеспечении безопасности стала высокая активность премьер-

министра в демонстрации союзнической лояльности в отношениях с США и в законотворчестве, направленном на обретение Японией атрибутов «нормального государства», обладающего, в частности, возможностью направлять японские силы самообороны для участия в действиях за рубежом. В отличие от осторожной и сдержанной позиции предшественников относительно действующей конституции Коидзуми объявил себя сторонником быстрее ее пересмотра, а затем поставил задачу разработать партийный проект новой конституции.

Однако планы и практическая деятельность Коидзуми как главы правительства, методы его взаимоотношений с партией вызывали недовольство среди либерал-демократов.

Во-первых, серьезные противоречия выявились в отношении его курса на ускоренное проведение структурных реформ в неолиберальном духе. Со стороны его оппонентов, в принципе не возражавших против продолжения реформ, раздавались аргументированные упреки в ненужной поспешности, непродуманности намеченных преобразований, в отсутствии должного учета возможных негативных последствий, ведущих к нарушению социальной и политической стабильности. Иногда критика в адрес Коидзуми со стороны либерал-демократов перекликалась с обвинениями со стороны левой оппозиции. Например, бывший генеральный секретарь ЛДП Нонака Хирому называл «реформы Коидзуми» чрезмерно радикальными, направленными на «поощрение сильных и подавление слабых»¹¹.

Во-вторых, противоречия, хотя и не в столь острой форме, наблюдались и в вопросах внешней политики и обеспечения безопасности. Не возражая в целом против прочных союзнических отношений с США, многие видные либерал-демократы, главным образом старшего поколения, высказывали опасения по поводу безоглядного втягивания Японии в «мировую стратегию» США. Они требовали уделять больше внимания отношениям с соседними странами Азии, проведения взвешенной политики, более отвечающей национальным интересам.

В-третьих, среди либерал-демократов возникло сильное недовольство авторитарным стилем руководства Дз. Коидзуми, который настойчиво добивался фактической ликвидации установившегося в ЛДП порядка предварительного изучения, согласования и одобрения в партийных органах всех важнейших правительственных законопроектов. Стремясь обойти не устраивавший его порядок, премьер-министр начал внедрять метод принятия решений «сверху вниз» по личному усмотрению и при опоре на Консультативный совет по экономической и финансовой политике. Он был сформирован Коидзуми в канцелярии кабинета и работал под его руководством. В его состав входил ряд министров, крупных бизнесменов и ученых.

¹¹ *Нонака Хирому*. Дзякюса кирисутэ ва сэйдзи-дэ-ва най (Отвергать слабых – это не политика). – Тюо корон. 2002, № 4, с. 61–63.

Несмотря на довольно острую критику Дз. Коидзуми со стороны политиков ЛДП, его авторитет внутри партии и за ее пределами оставался весьма высоким. Это обстоятельство оказалось решающим при перевыборах председателя ЛДП в сентябре 2003 г., когда Коидзуми был избран главой партии еще на один трехлетний срок. Примечательно, что его кандидатуру поддержали 68,3% рядовых членов партии и только 54% депутатов парламента.

Желая упрочить парламентские позиции для проведения правительственного курса по собственному сценарию, премьер-министр распустил палату представителей. На досрочных выборах (ноябрь 2003 г.) ЛДП выступила с документом под броским названием «Декларация реформ Коидзуми». Однако выборы под лозунгом реформ не принесли дополнительных голосов либерал-демократам. Число депутатов ЛДП несколько сократилось, а ее главного соперника, Демократической партии, – напротив, резко возросло, причем в пропорциональных округах ДП даже первенствовала. Преимущество ЛДП над Демократической партией сохранилось только по итогам выборов в одномандатных округах.

Выборы в палату советников в июле 2004 г. оказались провальными для ЛДП. Впервые эта партия уступила, хотя и незначительно, даже по общему числу избранных депутатов. Это еще более ослабило ее непрочные позиции в этой части парламента. Выборы стали очередной демонстрацией разочарования электората многими аспектами деятельности Дз. Коидзуми, особенно широко разрекламированной пенсионной реформой, которая на деле не решила проблему сохранения достигнутого уровня пенсионных выплат и устойчивого функционирования пенсионной системы.

Поражение ЛДП послужило поводом для появления сообщений о вновь назревающем кризисе внутри партии. Действительно, разногласия среди либерал-демократов усиливались, достигнув высшей точки в острых спорах вокруг приватизации японской почты. Коидзуми изначально рассматривал приватизацию почты первоочередным объектом структурных реформ и даже символом их общего продвижения. С этим были не согласны многие либерал-демократы. Однако по его указанию были разработаны и внесены в парламент без рассмотрения в партийных органах правительственные законопроекты, касающиеся приватизации почты. Кроме того, Коидзуми, как глава партии, добился принятия партийного решения, обязывающего парламентариев ЛДП поддержать эти законопроекты. Однако значительная часть членов партии, пойдя на нарушение партийной дисциплины, продолжала критиковать законопроекты при обсуждении их в парламенте и голосовала против них, что в конечном счете помогло оппозиции отклонить правительственные предложения.

Ответом Коидзуми стало второе в его практике решение о роспуске палаты представителей, на этот раз мотивированное исключительно желанием «выявить народную волю по вопросу о приватизации почты». На самом

деле премьер-министр хотел, прежде всего, изменить состав депутатского корпуса ЛДП и в случае успешного исхода выборов упрочить свое лидерство в ней, ослабить зависимость от партийных решений. Для этого он воспользовался своим положением как главы партии, чтобы предотвратить выдвижение неугодных ему политиков кандидатами на выборах.

Результаты состоявшихся 11 сентября 2005 г. выборов полностью оправдали надежды Коидзуми. Если выборы в палату представителей 2003 г. и в палату советников 2004 г. обнаруживали тенденцию отказа электората от поддержки ЛДП, то теперь успех был очевиден. Он был сравним с показателями, характерными для первого десятилетия существования партии. Либерал-демократы получили 296 депутатских мест в палате представителей, т. е. 61,6%, став обладателями устойчивого единоличного большинства. Совместно со своим союзником Комэйто ЛДП располагала 237 (из 480) мандатами, что превысило $\frac{2}{3}$ их общего числа.

Премьер-министр и его окружение расценили результаты выборов как выражение «народной поддержки реформам Коидзуми». Японские аналитики, ссылаясь, в частности, на опросы общественного мнения, отмечали, что избиратели, голосовавшие за ЛДП, выражали в первую очередь поддержку лично Коидзуми, а не самой партии и ее кандидатам на выборах. Многие обозреватели подчеркивали харизматичность Коидзуми, его умение привлечь на свою сторону средства массовой информации, заинтересовать население выборами, поставить своего рода спектакль, в котором он «главный герой», ведущий борьбу со «злодеями», мешающими проведению его курса. Так, почетный профессор Киотоского университета Нода Нобуо указывает на редкую способность Дз. Коидзуми улавливать настроения масс и управлять ими, используя «дозволенную демагогию». По его мнению, это – показатель рождения в Японии чего-то похожего на «вождистскую демократию» (термин Макса Вебера), которая дает возможность осуществлять «сильное руководство», и это «следует приветствовать»¹².

Что же касается утверждений о том, что массы поддержали именно «реформы Коидзуми», то существует и иная точка зрения, по-своему толкующая поведение японского электората. Действительно, большая масса избирателей приветствовала крупные перемены в стране, но не радикальные и ускоренные, на которых «в своих реформах» настаивал премьер-министр, а скорее постепенные, не требующие от народа больших жертв, в целом такие, которые уже реально осуществлялись. Так, основному населению импонировали и правительственные законопроекты о приватизации почты, которые предлагал Коидзуми, поскольку, по крайней мере, на ближайшее время, они напрямую не затрагивали интересы народа.

¹² Нода Нобуо. Кокэйся наки сидося минсюсюги-но мунасиса (Бесплодность вождистской демократии при отсутствии преемника). – Тьюо корон. 2005, № 22, с. 95.

Успеху ЛДП на выборах в палату представителей 2005 г., безусловно, способствовали первые признаки выхода Японии из длительной экономической рецессии и, особенно, слабость ее основного конкурента, Демократической партии, пришедшей на выборы с нечеткой платформой, в том числе и по главному спорному вопросу – приватизации почты. И, естественно, нельзя не признать, что достижения ЛДП на выборах – это, прежде всего, личный успех Коидзуми. Вместе с тем следует обратить внимание на то, что отмеченные при опросах общественного мнения позитивные оценки успеха ЛДП как следствия поддержки главным образом премьер-министра сопровождалась опасениями по поводу чрезмерного превосходства либерал-демократов над всеми оппозиционными партиями. Так, более 60% опрошенных газетой «Иомиури» выразили беспокойство тем, что при таком соотношении партийных сил в парламенте Дз. Коидзуми может прибегнуть к «силовым методам правления и определения политики»¹³. Среди ученых и авторитетных обозревателей также высказывалась обеспокоенность возможными негативными последствиями результатов выборов. Например, по мнению политолога Д. Ямагути, «от выборов осталось впечатление как о начале диктаторской политики», тем более опасной, что «партия Коидзуми» получила «народную поддержку утопической ориентации, в первую очередь, на рыночные отношения»¹⁴.

Выборы привели к значительному изменению соотношения сил внутрипартийных фракций, серьезному организационному и политическому ослаблению оппонентов политического курса Коидзуми. Раскола ЛДП не произошло, но некоторые политики ушли из нее, создав самостоятельные организации (Народная партия, Партия Японии).

Новая расстановка политических сил в парламенте и подавление «внутренней оппозиции» позволили ЛДП добиться принятия законов о приватизации почты на первой после выборов парламентской сессии. 31 октября 2005 г. Коидзуми, не считаясь с мнением фракций, сформировал правительство снова с участием Комэйто, сделал некоторые перестановки в партийном руководстве, еще более укрепив свои руководящие позиции. Вместе с тем он подтвердил намерение оставаться на посту главы правительства только до сентября 2006 г., когда истекает максимально допустимый срок его полномочий в качестве председателя партии.

Незадолго до 50-летия ЛДП был опубликован партийный проект новой конституции, а на юбилейном съезде 22 ноября 2005 г. были приняты «Но-

¹³ Иомиури симбун. 14. 09.2005.

¹⁴ Ямагути Дзиро. Нихон гата сякайминсююги-но ато-ни куру моно (Что придет на смену социал-демократизму японского типа). – Рондза. 2005, № 10, с. 43.

вая программа» и «Новые принципы», которые должны стать основой дальнейшей деятельности либерал-демократов¹⁵.

В программе ЛДП на первое место поставлено принятие новой конституции путем «достижения народного согласия» через «реалистическую дискуссию». В ней вновь подтверждена выдвинутая партией задача пересмотреть основной закон об образовании, провозглашено стремление добиваться бережного отношения к семье, воспитания любви к стране и месту проживания, высокой духовности, включая осознание принадлежности к международному сообществу и гордость за свою нацию.

В программе отсутствуют упоминания о «государстве благосостояния», но подтверждено стремление к «малому правительству», подчеркивается ответственность и последовательность партии в продвижении административно-финансовой реформы, а также децентрализации путем «надлежащего распределения ответственности между государством и органами местного самоуправления».

Партия заявляет о направлении усилий на решение других актуальных задач. Это – устойчивое функционирование системы социального обеспечения, формирование самого спокойного и безопасного общества в мире, достижение энергетической и продовольственной безопасности, усиление интеллектуальной и технологической конкурентоспособности на мировом рынке, бережное отношение к природной среде и построение самого продвинутого в мире «общества рециклирования», активное участие женщин во всех сферах жизни общества, обеспечение достойной и привлекательной жизни всех людей в сотрудничестве с различными общественными организациями, особенно неправительственными и некоммерческими.

ЛДП называет себя «партией подлинного либерализма и демократии», партией, ответственной за определение курса Японии, настойчиво осуществляющей реформы, бережно относящейся к традициям и культуре страны и развивающей их.

В числе «новых принципов», провозглашенных ЛДП, – «миссия» защищать безопасность своей страны, вносить вклад в достижение мира в международном сообществе, а также в решение глобальных задач избавления человечества от нищеты и болезней, сохранения природной среды. Как и в прежних программных документах, подчеркивается принцип «народности», построения политики партии на основе народного доверия и получения широкой поддержки со стороны населения крупных городов и провинции.

50-летие ЛДП явилось поводом для размышлений в Японии о прошлом, настоящем и будущем этой партии. Предпринимаются попытки понять, каким образом, несмотря на «острую внутрипартийную борьбу и денежные скандалы», ЛДП удается феноменально долго удерживать правящее поло-

¹⁵ Тексты новых программных документов ЛДП см.: Иомиури симбун. 23.11.2005.

жение. По мнению одной из крупнейших японских газет, дело в том, что, во-первых, эта партия «в условиях экономического роста осуществляла через финансовую политику и дотации широкое перераспределение денежных средств». Во-вторых, сформировалась гибкая партийная структура, которая предполагает «терпимость» к политическим противникам, а внутри партии – «умелую смену лидеров и политики»¹⁶.

Близкое мнение, хотя и с разных позиций, высказывают многие другие обозреватели, политологи и сами либерал-демократы, одновременно поднимая вопросы, касающиеся будущего ЛДП.

Первый вопрос: если высокий экономический рост остался в прошлом и возможности «уравнительного» перераспределения доходов сократились, то какой должна быть политика ЛДП, чтобы эта партия и в дальнейшем получала народную поддержку? Ведь при премьер-министре Коидзуми правительственная политика приобрела ярко выраженную неолиберальную окраску, и теперь в стране нарастает обеспокоенность тем, что эта политика ведет к быстрому росту разницы в доходах богатых и малоимущих слоев населения. Не случайно, политики правящей партии по-разному оценивают плюсы и минусы «реформ Коидзуми». В средствах массовой информации Японии одной из тем дискуссий стало сравнение американской и западноевропейской моделей общества для того, чтобы представить собственную модель, соответствующую как процессу глобализации, так и японскому менталитету и национальным интересам.

Другой важный вопрос: действительно ли выполнено обещание Коидзуми «разрушить старую ЛДП», т. е. в первую очередь искоренить фракционность – постоянный объект общественной критики, – поскольку она непосредственно ведет к подчинению деятельности политиков правящей партии интересам предпринимательских кругов и соответственно к коррупции.

Напомним, что введение в 1994 г. государственного финансирования политических партий способствовало тому, что официальные партийные органы и руководство партии, прежде всего председатель и генеральный секретарь, стали распорядителями значительной части денежных поступлений в партийную кассу. Это стало важным фактором снижения, как роли фракций, так и заинтересованности в них парламентариев. Тем не менее, ни эта мера, ни игнорирование Дз. Коидзуми мнения фракций при кадровых назначениях не привели к их распаду. Произошло лишь изменение степени влияния каждой из фракций. По меткому выражению обозревателя одной из крупных японских газет, теперь в ЛДП, за исключением ослабленных, лишившихся своих авторитетных лидеров фракций, «все остальное – фракция Коидзуми»¹⁷.

К тому же, при Коидзуми в ЛДП, как и прежде, не предпринимали действенных мер с целью сдерживания как официального, так и незаконного

¹⁶ Асахи симбун. 22.11.2005.

¹⁷ Нихон кэйдзай симбун. 13.11.2005.

денежного потока в правящую партию. Да и недавно, в 2003 г., реорганизованная и укрупненная Японская федерация экономических организаций (Ниппон кэйданрэн) вновь вернулась к прерванной ею десятью годами ранее миссии организатора и посредника в сборе денежных средств для ЛДП. В свою очередь и Коидзуми в большей мере, чем предшествующие ему премьер-министры, стал опираться на мнение крупных бизнесменов, сделав их представителей главными фигурами в Консультативном совете по экономической и финансовой политике и других совещательных органах правительства.

Большую обеспокоенность парламентариев от ЛДП вызывало пренебрежение Коидзуми участием партии в определении правительственного курса. Решались эти вопросы в его ближайшем окружении. Косвенным подтверждением подобной практики явилось заверение нового председателя Совета по изучению политики Накагава Хидэнао в том, что руководимый им партийный орган «будет соперничать с правительством». Другой член «руководящей тройки» ЛДП, председатель Совета по общим вопросам Кюма Фумио заявил о «желательности» предварительного урегулирования разногласий в различных партийных комитетах с последующим единогласным одобрением в Совете по общим вопросам, избегая принятия решений большинством голосов. По его мнению, передача решения спорных вопросов «высшему руководству» допустима только в тех случаях, когда требуется незамедлительное принятие решения¹⁸.

В начале XXI в. политика ЛДП явно сместилась в сторону неолиберальной ориентации, которая, видимо, будет преобладать и на стадии завершения структурных реформ. В партии утверждается курс на усиление политической роли Японии в международных делах. Однако это не означает достижения полного единства взглядов по внутренним и международным проблемам, не исключает дальнейшего соперничества внутрипартийных группировок за степень влияния на определение правительственной политики.

Достигнутое на выборах в палату представителей 2005 г. подавляющее парламентское превосходство ЛДП в союзе с Комэйто гарантирует либерал-демократам прочное правящее положение в течение нескольких последующих лет. Можно ожидать, что внутренняя и внешняя политика Японии в эти годы будет формироваться главным образом в процессе преодоления разногласий внутри ЛДП.

¹⁸ Иомиури симбун. 08.11.2005.

Как выбирают лидера страны в современной Японии (на примере Коидзуми Дзюнъитиро)

Э. В. Молодякова

В японской конституции нет ясного определения понятия «глава государства». Главой государства обычно является лицо, которое формально занимает высшее место в иерархии государственных институтов и осуществляет верховное представительство страны во внутривнутриполитической жизни и на международной арене. В большинстве государств функционирует единоличный глава государства: либо наследный монарх при монархической форме правления, либо выборный президент при республиканской форме правления.

В Японии император, который «является символом государства и единства народа», лишен властных полномочий, а его статус четко определен в Основном законе. Полномочия, которые согласно конституционно-правовой теории традиционно исполняет глава государства, здесь принадлежат премьер-министру. В конституции предусмотрено избрание премьер-министра из числа членов парламента (ст. 67), а результаты голосования утверждаются парламентарской резолюцией. По традиции главой кабинета министров становится лидер парламентарского большинства, которое, как известно, вот уже на протяжении 50-ти лет прочно удерживает Либерально-демократическая партия (ЛДП). Если обе палаты парламента предлагают на этот пост разные кандидатуры, или палата советников в течение 10 дней не предложит свою кандидатуру, то решение палаты представителей становится решением парламента (п. 2, ст. 67).

Избрание премьер-министра довольно формальная процедура, но на самом деле в политической жизни страны – это сложный многоступенчатый процесс. Он приобрел особую значимость во второй половине 90-х годов в связи с проведением административной реформы. Ее главными целями были: реорганизация министерств и управлений в канцелярию кабинета министров и 12 министерств и управлений и осуществление мер по укреплению руководящей роли премьер-министра в правительстве. Как всегда, была создана юридическая база этой крупной организационной перестройки. Совет административной реформы подготовил проект Основного закона о реформе министерств и управлений, который был принят парламентом в июле 1998 г. Положения этого закона были конкретизированы в 17 правительственных законопроектах, одобренных парламентом в июле 1999 г.

В ходе правительственной реформы первостепенное место уделяется изменениям, которые призваны усилить лидерство премьер-министра и обеспечить его личное и правительственное политическое руководство. Наиболее важным является признание за ним инициативы в определении «принципиального курса по важным политическим делам кабинета», под которым понимается вся совокупность внутри- и внешнеполитической деятельности. Результатом реформы стало более четкое определение руководящей роли премьер-министра как главы государства в проведении государственной политики. Изменение структуры и функций ряда учреждений, которые помогают премьер-министру в его практической деятельности, позволяют ему воспользоваться расширенным правом на личное политическое руководство и стать реальным лидером страны.

Рассмотрим, как протекает процесс выбора лидера правящей Либерально-демократической партии и соответственно премьер-министра в настоящее время. Это представляется особенно интересным, поскольку последние пять лет страну возглавлял весьма неординарный политик, Коидзуми Дзюньитиро – 28-й премьер-министр в послевоенной Японии и 20-й председатель ЛДП – третий (после Ёсида Сигэру и Сато Эйсаку) премьер-долгожитель на политическом Олимпе страны. Такое «долгожительство» обычно связано с соответствующими социально-экономическими условиями в каждой конкретной ситуации.

До того, как одержать победу на выборах председателя ЛДП, Коидзуми дважды участвовал в таких выборах в 1995 г. и 1998 г., и каждый раз уступал тогдашнему лидеру Хасимото Рютаро. Став премьер-министром в 2001 г., он провозгласил свой знаменитый лозунг «Изменим ЛДП. Изменим Японию» и определил приоритеты своей политики, заявив при этом, что не будет «священных коров» и ничто не застраховано от преобразований. Другими словами, нынешний премьер, приверженный реформам еще с начала 90-х годов, сделал их стержнем проводимой политики и, что особенно важно, решил посягнуть на структуру правящей партии.

Ни у кого не вызывает сомнения, что Япония является страной зрелой демократии, где она приняла необратимый характер, а высокая степень стабильности правительственной структуры обеспечивается не только высоким качеством законов, но и тем, что структура каждого правительственного органа определяется законом и все перемены обсуждаются в парламенте.

Обратимся к политической ситуации современной демократической Японии. Как известно, главное состоит не в том, чтобы ввести представительную демократию в своей стране ради нее самой, а в том, чтобы обеспечить ей нормальное функционирование в соответствии с социально-экономическими и политическими реалиями. В Японии сложилась своя особая модель демократии, на которую огромное влияние оказали социокультурные особенности народа, этико-правовая специфика, традиции политической куль-

туры. Хотя японская демократия имеет все необходимые юридические основания и институты, необходимые для нормального функционирования, нельзя не заметить ее историческое своеобразие. Япония, как и другие азиатские страны, заимствовала западные политические структуры, но их содержание под влиянием конкретной политической практики претерпело серьезные изменения.

В результате стремительного усвоения достижений западных стран в Японии сложилась политическая система, наделенная специфическими чертами, которые выделяют ее в общемировом ряду. Одна из этих черт – долготелее нахождение у кормила власти Либерально-демократической партии, обеспечивающее, в частности, определенное превалирование исполнительной власти над законодательной. Парламент в Японии не столь влиятелен, как, например, аналогичный орган в Англии или конгресс в США. Драма, «разыгрываемая» в парламенте, в силу особенностей японской политической культуры (когда решения принимаются путем кулуарных переговоров, согласований, уязок и утрясок мнений различных групп, в результате чего достигается консенсус) пишется вне этой общенациональной сцены, в парламентских, партийных и правительственных кабинетах, что делает ее практически недоступной для публичного контроля¹.

Такие особенности японской демократии, как, например, отмеченное превалирование исполнительной власти над законодательной, а также всевластие бюрократии, ангажированность некоторых СМИ, нарушение выборного законодательства, иногда порождают сомнения на ее счет. Но фундаментальные основы демократии – регулярность проведения выборов, действенность вынесения вето недоверия правительству, способность к реорганизации той же избирательной системы – сохраняются в неприкосновенности. Кроме того, существует механизм защиты демократических принципов, пусть и не всегда работающий с нужной эффективностью.

За годы правления ЛДП сменилось два десятка премьер-министров, но и политическая система, и генеральный политический курс оставались неизменными, ибо во власти оставалась одна и та же консервативно ориентированная элита. Недаром известный политолог Т. Иногути охарактеризовал японскую демократию как «демократию караокэ» (исполнители меняются, а песня остается)².

В Японии успешно на протяжении десятилетий действует модель доминантной партии. Однако она успешно действует в условиях именно японского типа демократии, неизменно обеспечивая власть консервативно ориентированной политической элиты, даже в период краткосрочного нахож-

¹ См. подробнее: *Молодякова Э. В.* «Неординарная» демократия в Японии. – Япония: мифы и реальность. М., 1999, с. 160–166.

² *Иногути Такаси.* Караокэ сэйдзи кара но дассицу (Из политики караокэ). – This is Yomiuri. 1995, февраль, с. 62–71.

дения ЛДП в оппозиции. Партия практически срослась с административным аппаратом, стабильно получает достаточное число голосов для формирования однопартийного или с привлечением какой-либо небольшой партии коалиционного правительства.

Несмотря на единоличное правление ЛДП, японское общество выглядит в целом плюралистическим, поскольку в нем свободно действуют различные политические партии и объединения, и каждая политическая сила занимает свою нишу. Однако стоит заметить, что в стране никогда не было оппозиции, равновеликой правящей партии. В парламенте она, как выразился известный политолог К. Вольфгерен, по большей части играла роль хора в греческой трагедии. Несмотря на большинство мест в парламенте, ЛДП старается избегать лобовых столкновений с оппозицией и предпочитает достигать консенсуса.

Как известно, основой создания правящей Либерально-демократической партии послужило объединение в одну структуру трех фракций из Либеральной партии и пяти из Демократической. Из них жизнеспособными оказались лишь четыре фракции, а остальные были распущены еще в 60–70-е годы. Процесс их реформирования идет постоянно. Первоначально фракции представляли собой достаточно независимые от центрального руководства объединения с жесткой дисциплиной и субординацией, подчиненностью лидеру, со своими финансовыми средствами. Постепенно политические различия между фракциями (в целом весьма несущественные) стирались, а личностные отношения ослабевали. Подвижный характер отношений между ними, перетекание их членов из одной фракции в другую позволяет правящей элите в случае необходимости относительно свободное маневрирование.

Во фракции входит большинство депутатов обеих палат парламента от ЛДП. Для депутатов палаты представителей принадлежность к какой-либо фракции практически обязательна, ибо без такой поддержки молодому политику весьма затруднительно получить мандат депутата. Фракционность партии в первую очередь была связана с многовариантностью финансовой поддержки, что привело к симбиозу политиков, бюрократии и бизнеса. Немаловажную роль играют социопсихологические особенности японцев, проявляющиеся в патернализме и групповом сознании.

Борьба между фракциями идет не на идеологическом или доктринальном уровне. Это – борьба за право в данный момент возглавить партию и правительство. Достижение альянса соперничавших фракций, соблюдение баланса сил всегда были залогом успеха в борьбе за высший пост в партии. Данное условие, несмотря на формальный роспуск фракций в 1977г., в принципе сохраняется, и фракции продолжают существовать. Именно этим

фундаментальным положениям функционирования политической системы бросил вызов нынешний премьер-министр³.

Еще в 1997 г. был изменен порядок избрания председателя ЛДП. Ранее это происходило на партийном съезде, большинство делегатов которого составляли депутаты парламента. Теперь депутаты и представители с мест голосуют раздельно, но решающее слово остается в принципе за парламентариями. Новая формула подсчета голосов повысила число и соответственно вес голосов членов партии с мест.

В Японии премьер-министры меняются гораздо чаще, чем в других развитых странах. Это связано с тем, что они одновременно являются председателями правящей партии, которые ранее избирались на два, а ныне – на три года. Коидзуми не случайно пришел к руководству партией и правительством именно в апреле 2001 г.. Целый ряд факторов и, в первую очередь, положение в самой Либерально-демократической партии, которой на предстоявших летом того же года выборах в палату советников угрожал провал, повлияли на выбор лидером партии и правительства именно Коидзуми. Выборы тогда проводились из-за отставки Мори Ёсиро, срок полномочий которого истек в сентябре того же года. Сам Коидзуми во время предвыборной кампании на пост председателя партии обратился со своей программой непосредственно к простым членам партии, заручившись, безусловно, и поддержкой определенных фракций. Он подверг критике фракционность ЛДП и пообещал коренным образом изменить это положение. Такой маневр позволил ему получить ошеломляющую поддержку делегатов с мест, которых долгие годы «прикармливали» ветераны партии. Это было своего рода народное голосование, позволившее ему одержать убедительную победу над постоянным соперником Хасимото еще в первом туре голосования. Это сыграло решающую роль и в общей победе над Хасимото и его фракцией, которая долгие годы успешно контролировала партию.

Второй тур голосования в парламенте стал в принципе формальной процедурой, хотя именно здесь отношение к новому премьеру было наиболее критическим. В целом за Коидзуми было подано 298 голосов из 484. Согласно опросу общественного мнения, проведенному агентством Кёдо цусин, его поддерживали 86,3% респондентов, 29% заявили, что ожидают от него важных политических преобразований, лишь 6% высказали сомнения относительно результативности его деятельности⁴.

Выдвижение популярного у электората, популистски настроенного политика, выделяющегося своим неординарным внешним видом и своеобразной манерой поведения, было вынужденным, но хорошо просчитанным ходом. Успех Коидзуми на выборах обеспечивал сохранение власти в руках либерал-демократов, а неудачу можно было списать на его счет. Новый

³ Молодякова Э. В. Япония 90-х годов: кризис власти или политической элиты? – Япония 90-х: кризис власти или временные сбои? М., 1998, с. 133–136.

⁴ The Japan Times. 01.10.2002.

премьер пользовался поддержкой не только молодых членов партии, но и значительной части населения, живущего ожиданием перемен. На его хорошо раскрученную репутацию и возлагались немалые надежды ЛДП. Коидзуми старательно позиционировал себя, как эксцентричного политика, любой ценой добивающегося популярности у избирателей.

Однако путь его прихода во власть показал, что он прекрасно ориентируется во внутрипартийных фракционных делах и умеет играть по правилам. На первых для себя выборах на пост председателя партии Коидзуми проиграл Хасимото с убедительным «счетом» – 303 против 87 голосов. На вторых выборах, в 1998 г., на этот пост претендовал К. Обути, не самый влиятельный политик в партии, у которого были сильные конкуренты: один из

старейших и опытнейших деятелей С. Кадзияма и молодой реформатор Дз. Коидзуми, за которого выступало молодое поколение либерал-демократов. Однако Обути сумел договориться о поддержке своей кандидатуры не только собственной фракцией, но и очень влиятельной фракцией К. Миядзава, а также персонально этим старейшиной ЛДП. Кроме того, он обеспечил себе голоса бывшего в то время генеральным секретарем ЛДП К. Като и группы молодых либерал-демократов во главе с перспективным политиком Т. Ямадзаки. Итог – победа К. Обути. Достижение альянса соперничавших фракций, соблюдение баланса сил всегда были залогом успеха в борьбе за высший пост в партии. К третьей попытке Коидзуми оказался подготовленным.

Безусловно, стиль действий нового премьера отражал его личностные качества. Он сразу же стал действовать весьма оперативно, в агрессивной манере, добиваясь осуществления поставленных задач, оправдывая вполне заслуженную репутацию реформатора и человека склонного к неординарным решениям. Используя благоприятную для себя расстановку сил, Коидзуми при формировании кабинета позволил себе некоторое нарушение межфракционного баланса⁵. Так крупнейшая фракция Хасимото получила только два места в правительстве. В этом же правительстве впервые в истории страны пять министерских постов, в том числе министра иностранных дел, получили женщины. Новый премьер постарался создать вокруг себя группу единомышленников-профессионалов. Впервые в состав кабинета вошли три беспартийных специалиста по экономическим и финансовым проблемам, которые не являлись депутатами парламента. На выборах в палату советников 2001 г. Коидзуми привел партию к знаменательной победе: у ЛДП был лучший с 1992 г. результат голосования за ее кандидатов.

Уже на этих выборах Коидзуми показал, что умеет успешно проводить избирательную кампанию, опираясь в том числе на женскую часть электо-

⁵ The Japan Times, 01.10.2002.

рата. В этот период серьезную поддержку ему оказала тоже популярная, активная, экспансивная Танака Макико – дочь скандально известного премьера Танака Какуэй. Они вместе выступали на митингах, встречах, неформально общались с избирателями, как бы подчеркивая, что они такие же граждане, как все. Такая манера поведения, безусловно, импонировала людям. В августе 2002 г. на безальтернативной основе за Коидзуми на два года был сохранен пост председателя ЛДП.

Взяв курс на проведение структурных реформ, новый премьер сразу вступил в конфронтацию с политическими тяжеловесами внутри партии. Он в свойственной ему агрессивной манере заявил: «Если какая-либо фракция в ЛДП выступит против меня, то я, как председатель этой партии, буду предпринимать действия для ее ликвидации»⁶. Проведение заявленных реформ должно было помочь Коидзуми изменить политический ландшафт внутри ЛДП. Для этого следовало, прежде всего, сплотить тех, кто желал перемен, и выступить против доминировавшей фракции Хасимото.

Сопrotивление противников проведения реформ было весьма значительным, и без его преодоления невозможно было движение вперед. Аналитики в то время полагали, что, если старая гвардия попытается взять партию под контроль, то Коидзуми может без колебаний распустить парламент. Это он и сделал летом 2005 г. Но как бы то ни было, премьер начал проводить реформы, опираясь, безусловно, на свою партию, поскольку главная оппозиционная Демократическая партия Японии (ДПЯ) не предложила альтернативы. Наличие в рядах ЛДП своих «левых» и «правых», несомненно, затрудняло выработку четкого и ясного видения неотложных проблем. Следует отметить, что во время избирательной кампании в палату советников в 2001 г. многие в партии оказали ему поддержку, но это не означало, что они не выступят против намеченных реформ, что и произошло в 2005 г.

До прихода Коидзуми во власть многие понимали необходимость структурных реформ. Было ясно, что традиционные методы закачивания огромных бюджетных средств в общественные работы ради временного улучшения экономической ситуации только увеличивают бюджетный дефицит. Но никто в правительстве ничего не хотел менять, не предлагал альтернативные меры, дабы не вступать в конфликт с воротилами строительного бизнеса, которые оказывали мощную финансовую поддержку ЛДП. Другими словами, сокращение расходов на общественные работы лишало важного источника влияния старой гвардии на электорат. Приватизация почтовой службы, которая стала любимым детищем премьера, должна была нанести по ним еще один удар.

О реформе почтовой службы уже подробно рассказывалось на страницах настоящего издания. Стоит лишь напомнить, что с помощью фондов

⁶ Tht Japan Look. 2002, № 3, с. 13.

этой службы, которые оцениваются в 3 трлн. долл., формируется фактически второй государственный бюджет путем покупки пакетов облигаций центрального правительства и органов местного самоуправления и пр. Все это свидетельствует о сильном экономическом влиянии почтовой службы.

Как известно, суть предпринятых Коидзуми преобразований – передача частному бизнесу максимальных полномочий за счет свертывания доли государственного участия в региональных и экономических процессах. Приватизируя почтовую службу, он хочет решить несколько проблем: покончить с монополией этой службы, что сказывается на качестве предоставляемых ею услуг; утвердить равенство стартовых возможностей для всех, кто хочет работать в этом бизнесе; перекрыть или хотя бы затруднить доступ к средствам почтовой службы тех депутатов от ЛДП, которые лоббируют ее интересы и прикармливают за этот счет своих избирателей. Почтовая служба – это незыблемая твердыня власти ЛДП, поскольку она направляет под ее контроль огромные финансовые потоки. Напомним, что на протяжении всей пятидесятилетней истории правящей партии борьба фракций шла за контроль финансовых потоков, на которых покоится механизм власти либерал-демократов⁷.

Планы приватизации почтовой службы встретили явное и скрытое сопротивление внутри ЛДП, что грозит затянуть реформирование этой службы на долгие годы. Тем более, что решено ее начать с 2007 г. и растянуть на 10 лет, доведя процент государственной собственности до 30%. Кроме 300 тыс. работников этой службы, над которыми нависла угроза увольнения, общество пока эта проблема мало волнует.

В 2003 г. состоялись очередные выборы лидера ЛДП. Они проводились по новому регламенту, согласно которому, как уже упоминалось, срок полномочий председателя партии был увеличен до трех лет, но по-прежнему не допускалось избрание более чем на два срока. Коидзуми вновь был переизбран до сентября 2006 г. На этот раз, формируя руководство партии и правительство, он выбирал не столько тех, кто в данный момент более других разделял его политику, сколько тех, кто мог бы после его ухода из власти продолжить начатые им реформы.

Новым генеральным секретарем, фактически вторым человеком в партии был назначен Абэ Синдзо (1954 г. рождения) – сын бывшего в свое время генсеком Абэ Синтаро и внук бывшего премьер-министра Киси Нобусукэ⁸. Приняв это неординарное решение, Коидзуми победоносно спросил журналистов на пресс-конференции: «Вы никогда не могли даже предположить, что такой молодой человек может стать генеральным секретарем?»⁹ По меркам японского истеблишмента, впервые избранный в палату

⁷ Подробнее см.: Рамзес В. Мэйврик на фоне хроники текущих событий. – Экономика, политика, общество на заре XXI в. М., 2003, с. 57–59.

⁸ http://Tokyo.s-abe.or.jp/profile_in_English.html.

⁹ The Japan Times. 22.03.2003.

представителей в 1993 г. С.Абэ имеет слишком короткую политическую карьеру, чтобы занять такой пост в партии. Но Коидзуми был нужен в его команде этот перспективный влиятельный политик, реальный преемник, и он нарушил устоявшуюся традицию назначений по возрастному принципу. Как показали события следующих лет, вопрос о преемнике действительно стал важнейшим. Обновив более чем наполовину состав кабинета, Коидзуми, не отступая от курса проведения реформ, постарался умиротворить разнородные группировки внутри партии, понимая всю серьезность появления в ней сплоченной оппозиции

В октябре того же года он объявил о роспуске палаты представителей парламента и назначил на 9 ноября новые выборы. Как известно, в Японии премьер-министр обладает правом роспуска основной по значению нижней палаты и назначения досрочных выборов. В данном случае это было сделано за семь месяцев до истечения срока полномочий ее депутатов. Обычно это делается тогда, когда отвечает интересам правящей партии. У Коидзуми не было особых веских причин для такого шага, кроме стремления увеличить представительство партии и укрепить позиции для проведения намеченной им политики. В целом эти задачи были решены.

Используя потенциал экономики и проявив незаурядную политическую волю, кабинет Коидзуми начал выводить страну из стагнации. Прирост ВВП в 2004 г. составил 2,7%, в 2005–2006 гг. ожидался около 2%. Тем не менее, значительная часть населения недовольна принятым по инициативе либерал-демократов новым пенсионным законодательством, увеличившим норму отчисления в пенсионный фонд, сохранением японского миротворческого контингента в Ираке. Такое положение дел привело к беспрецедентному падению к середине 2004 г. рейтинга поддержки кабинета Коидзуми за все время его пребывания у власти – 38%.

Несмотря на это, никто не требовал отставки премьера, более того, на совещании с участием видных представителей всех основных фракций (Ф. Нукага, Т. Хиранума, М. Кога, М. Аоки) было решено «не раскачивать лодку» и сплотиться вокруг премьера. Похоже, даже противники премьера понимали, что пока альтернативы ему нет. Вместе с тем, явная неудача ЛДП на очередных выборах в палату советников в июле 2004 г., на которых она уступила Демократической партии по числу полученных мест в переизбираемой половине палаты советников, несмотря на отсутствие явной фронды в отношении Коидзуми, вынуждала его считаться с мнением оппозиции в партии, в парламенте и обществе. Однако правящая коалиция, сохраняя устойчивое большинство в обеих палатах парламента, без труда блокирует попытки оппозиции выступать против ее инициатив.

Выборы в палату советников подтвердили наметившуюся тенденцию к усилению фракции Ё. Мори, выходцем из которой является нынешний премьер. Крупнейшая до этого фракция Хасимото потеряла по итогам выборов 10 своих представителей в парламенте, а фракция Мори увеличила

свою численность на шесть депутатов и вплотную приблизилась к ней. Кроме того, уже при выборе председателя партии в 2003 г. фракция Хасимото фактически раскололась на сторонников и противников Коидзуми. Ослабил ее позиции и финансовый скандал, приведший к отставке самого Хасимото. По сути, в партии складывается система двух фракций.

Рейтинг кабинета Коидзуми остановился на критической отметке в 40%, которую лишь четверем из 25 послевоенных премьеров удавалось преодолеть принятием откровенно популистских решений или назначением в правительство чрезвычайно популярных политиков. К концу 2004 г. этот рейтинг правительства Коидзуми начал медленно расти. Как показали кадровые перестановки в кабинете в сентябре 2004 г., Коидзуми учитывал при назначениях на министерские посты не столько межфракционный расклад в партии, сколько уровень лояльности претендента к проведению приватизации почтовой системы, т. е. продолжил курс на формирование команды единомышленников, которая бы беспрекословно проводила его внутри- и внешнеполитический курс.

Коидзуми расставил на ключевых постах своих соратников, и «вертикаль» власти партии и правительства выглядит более монолитной и жестко ориентированной на лидера. В состав кабинета были назначены 11 новых министров, девять из них впервые получили министерские посты. Молодые депутаты из оппозиционных фракций, поддерживающие премьера, были приглашены в правительство. Значительно было увеличено представительство фракции Мори в правительстве (шесть человек), что стало своего рода рекордом. Это позволило «теневому сёгуну» ЛДП Х. Нанокэ сравнить кабинет Коидзуми с печально известным правительством Тодзё Хидэки по уровню авторитарности.

Еще больше подчинив себе оборонный и внешнеполитический блоки, Коидзуми не изменил состав экономического и административного блока, где окрепло влияние его близкого соратника по проведению структурных реформ – Х. Такэнака. Целью произведенных перемен, очевидно, являлось стремление Коидзуми нанести еще один удар по старой фракционной структуре ЛДП и добиться ее полного демонтажа. Созданная конфигурация политического руководства страны действует под полным контролем премьер-министра Коидзуми, политическая судьба которого во многом зависит от успеха его детища – реформы почтовой службы.

На начало 2005 г. в стране сохранялась стабильная внутривнутриполитическая ситуация и ничего не предвещало форс-мажорных обстоятельств, которые могли бы привести к внеочередным всеобщим выборам и возможной смене главы кабинета. Но уже летом политический истеблишмент пережил серьезное потрясение. После того, как премьеру удалось провести большинством всего в пять голосов правительственный пакет из шести законопроектов о приватизации почтовой службы в палате представителей, он был отклонен 8 августа палатой советников. В этом оппозиции помогли 17 депутатов от ЛДП, голосовавшие против реформаторской инициативы Коидзуми.

Отрицательный результат в этом случае был неизбежен, поскольку у правящей коалиции было весьма незначительное большинство в этой палате.

Это было самое тяжелое поражение в политической карьере Коидзуми. Он распустил палату представителей парламента, избранную лишь год тому назад, и назначил внеочередные выборы на 11 сентября 2005 г. В послевоенной истории страны только дважды парламентарии отработали положенный четырехгодичный срок. Премьер использовал отрицательное голосование в палате советников для того, чтобы очистить ряды партии от своих противников. Первым шагом в борьбе с «раскольниками», т. е. с нелояльными премьеру парламентариями, явился отказ в организационной и финансовой поддержке партии их как кандидатов на внеочередных выборах. Им пришлось участвовать в выборах как независимым кандидатам или создавать свои партии («Новая народная» и «Япония»). Таким образом, результаты голосования по законопроектам о приватизации почтовой службы провели, казалось бы, четкую линию между его политическими друзьями и противниками.

Склонный к историческим аналогиям предшественник Коидзуми Ё. Мори уподобил нынешнюю ситуацию «эпохе воюющих провинций» (*сэн-гоку дзидай*) XV–XVI вв. Ведь премьеру приходилось жертвовать молодыми парламентариями, но «фракционность не должна брать верх над партийной дисциплиной».

Премьер назвал предстоящие выборы национальным референдумом по проблеме приватизации почтовой службы. «Я хочу спросить у людей: они “за” или “против” такой приватизации»¹⁰, – заявил он во время пресс-конференции на общенациональном канале телевидения, добавив, что, если правящая коалиция ЛДП и Новой Комэйто не получит большинства, то он уйдет в отставку. Согласно опросам общественного мнения, популярность Коидзуми резко возросла после роспуска парламента. Избирателям, особенно женщинам, импонировала его позиция по отношению к антиприватизационным силам в партии, которую можно определить так: принимайте приватизацию или уходите, что подтверждало его имидж мэйврика. Роспуск парламента был вынужденный политический шаг, но шансы на успех были достаточно высоки. Не случайно один из основных союзников премьера Ё. Мори обронил, что, по его мнению, если Коидзуми на выборах обойдет своих оппонентов, то ему следует остаться у власти до окончания срока его полномочий в сентябре 2006 г. ради завершения, прежде всего, реорганизации партии и довести до конца начатые реформы. Коидзуми заявил, что «не намерен терпеть в рядах правящей партии тех, кто ставит своей целью свержение нынешнего кабинета».

ЛДП одержала по истине оглушительную победу на внеочередных выборах в палату представителей парламента, получив 296 депутатских мест

¹⁰ The Japan Times. 23.09. 2005.

из 480 и увеличив представительство на 83 мандата. (Только в 1986 г. представительство ЛДП в парламенте было больше – 300 мандатов.) «Мы получили более мощную поддержку, чем ожидали. Это означает уверенность общества в том, что голосование в парламенте против законопроектов о приватизации почтовой службы было ошибочным», – заявил Коидзуми. Партнер ЛДП по коалиции, Новая Комэйто потеряла три мандата из 34. Неудача постигла Демократическую партию, представительство которой сократилось со 177 мест до 113. В голосовании приняли участие 67,51% избирателей. Это был самый высокий показатель их активности с момента вступления в действие новой избирательной системы в 1996 г.

По словам премьер-министра, подобное голосование показало, что «реальные противники» почтовой реформы находятся в самой Либерально-демократической партии. Точнее сказать, противники не только почтовой реформы, но и стремления Коидзуми ввести в партии единоначалие, индивидуальный стиль руководства, что несвойственно японской политической культуре.

Эти выборы знаменательны для ЛДП поддержкой не только ее традиционного сельского, но и городского электората, не аффилированного с определенной партией. Этот сегмент считался опорой оппозиционных сил. В частности, ЛДП победила в 23 из 25 избирательных округов Токио, в то время как ДП только в одном. В 32 избирательных округах № 1 в каждой префектуре, который обычно включает самую развитую часть ее территории вместе со столицей, кандидаты ЛДП одержали победу, причем в 26 – в первый раз. Эти выборы показали, что для избирателя все-таки большее значение имеет личность, чем партия. Не случайно Коидзуми опять предложил избирателям в качестве кандидатов в депутаты энергичных, популярных женщин, которых пресса окрестила «киллерами» диссидентов из ЛДП, поскольку они баллотировались в тех же избирательных округах. Три наиболее яркие фигуры: Коикэ Юрико – в настоящее время министр по делам окружающей среды, в прошлом телеведущая, Иноуги Кунико – профессор-политолог университета Софии, бывший посол в комиссии по безопасности ООН, Катаяма Сацуки – высокопоставленный чиновник аппарата министерства финансов, бывшая фотомодель. Их называли «мадоннами реформ».

После победы на выборах Коидзуми успешно переизбрался на пост премьер-министра 340 голосами в палате представителей и 134 в палате советников на специальной сессии, открывшейся 21 сентября 2005 г. За него, как премьера, проголосовали и те, кто ранее был против его законодательной инициативы, объясняя свои действия тем, что Коидзуми оказало доверие большинство населения.

Обеспечив безоговорочную поддержку реформе почтовой службы, Коидзуми предпринял серьезные усилия для установления еще большего контроля над партией. Для начала руководство решило простить тех, кто в первый раз в палате представителей голосовал против законопроекта о ре-

форме почтовой службы, но наказать всех, кто выступил против него в палате советников. Дисциплинарный комитет занялся рассмотрением дел 59 депутатов-раскольников, 37 из них были депутатами палаты представителей. Сразу были исключены из партии девять ярких противников реформы, затем их число возросло до 13 человек.

Как уже не раз отмечалось, кризисные явления внутри правящей партии, особенно обострившиеся в 90-е годы, непосредственно связаны с фракционной структурой партии и проблемой смены поколений. Объявив борьбу фракционности, Коидзуми прекрасно понимал, что невозможно решить эту проблему быстро и, достаточно искусно маневрируя, ждал подходящего случая. Похоже, что триумфальный успех на последних выборах в палату представителей парламента предоставил этот случай. Как известно, межфракционная борьба – это, по сути, борьба за власть в данное время, а именно, лидер какой фракции имеет предпочтительные шансы победить на выборах председателя партии. Ослабление фракции снижает шансы ее лидера в этой борьбе. В настоящее время лидер ни одной фракции не может претендовать на то, чтобы стать преемником Коидзуми в следующем году. Поэтому только тот, кто проявляет лояльность лично ему, имеет предпочтительные шансы.

Долгое время противодействовавшие фракции Хасимото и Камэи в настоящее время оказались весьма чувствительно ослабленными, тем более что их лидеры покинули партию. Фракция Мори имеет в палате представителей парламента 53 своих членов и 26 – в палате советников. Таким образом, сегодня – это самая большая фракция (79 человек).

Известно, что практически все депутаты палаты представителей парламента от ЛДП входят в ту или иную фракцию, поскольку это обеспечивает им карьерный рост. Поэтому Коидзуми озаботился тем, чтобы 83 вновь избранных депутата его партии остались самостоятельной силой и не рассыпались по фракциям. Он убеждал их остаться вне фракций, и многие депутаты, прошедшие в парламент на волне популярности премьера, продемонстрировали лояльность ему. В частности, одна из «мадонн реформ» К. Иноуги очень эмоционально и со слезами в голосе заявила в выступлении по телевидению: «Я благодарна всем людям, которые преданы демократии в нашей стране». Ей вторит С. Катаяма: «Я хочу быть политиком, который работает с полной отдачей сил»¹¹.

Руководство партии намерено подготовить из них квалифицированных политиков, но самое главное помочь им развить и удовлетворить политические амбиции¹². С этой целью аппарату партии была поставлена задача заменить фракции в работе с новыми депутатами. Последние выборы показали, что у руководства ЛДП есть серьезные возможности отбирать канди-

¹¹ The Japan Times. 22.09.2005.

¹² The Japan Times. 12.10.2005.

датов в депутаты в соответствии с определенными критериями и заниматься их политическим обучением.

В настоящее время в политическом истеблишменте сформировалось новое поколение политиков, которых не устраивает руководство старых лидеров. Проблема смены поколений в ЛДП и вообще в партиях отнюдь не нова, но сейчас она приобретает все большую значимость. Среди нового поколения есть выходцы из старых политических кланов и те, кто, как говорится, сделал себя сам. Примером могут служить уже упоминавшийся потомственный политик Абэ Синдзо, или наследовавший избирательный округ после смерти отца и ставший депутатом Ямамото Итита, или получивший широкую популярность своими реформами мэр Иокогама Накада Хироси. К этому поколению можно отнести и нового председателя Демократической партии Маэхара Сэйдзи (42 года). Их объединяют общие характерные черты. Они достаточно молоды, хорошо образованы, многие обучались за рубежом и имеют опыт работы там, привержены демократическим ценностям, мыслят категориями национальных интересов, разбираются в бизнесе, хорошо понимают международный контекст. На выборах, как правило, избираются в одномандатных округах при поддержке населения. Вот на такой человеческий ресурс, который является залогом успешного будущего, и ориентировался лидер ЛДП.

Получив пополнение и почистив ряды партии, Коидзуми в какой-то степени исполнил свое намерение изменить ЛДП, но сделан, конечно, только первый шаг. Он, безусловно, попытался использовать такое положение как рычаг для усиления своего влияния на фракции и членов партии, что проявилось при формировании нового руководства партии и третьего кабинета министров. Главным был вопрос о выборе преемника премьер-министра. Коидзуми очень четко определил критерий отбора, заявив: «Я считаю, что тот, кто с энтузиазмом продолжит мои реформы, станет следующим председателем партии. Я хочу дать все шансы возможным кандидатам проявить свою активность (имеется виду кабинет или руководство партией. – Э. М.)»¹³.

Сохранив пост генерального секретаря ЛДП, пост номер два в партийной иерархии, за Такэбэ Цугому (64 года), Коидзуми подтвердил свой курс на приоритетность лояльности ему. Ранее он выбирал кандидатов на этот пост, учитывая политический климат внутри партии. Так было в случае с Ямадзаки Таку, который противостоял антиреформистским силам, и с Абэ Синдзо, который представлял партию в парламенте в благоприятном свете.

Называя себя человеком, который всегда говорит «О, да», Такэбэ активно занимался избирательной кампанией по выборам в палату представителей в 2005 г. и безжалостно преследовал депутатов-диссидентов. «Сейчас мы достигли стадии, когда следует сделать последние штрихи к ре-

¹³ Асахи симбун. 26.10. 2005.

формам Коидзуми. Всеми силами я буду содействовать этому». Его одноклассник Кюма Фумио, сохранивший пост председателя политического комитета ЛДП, повторяет в унисон с Коидзуми, что самое главное передать проведение начатых им реформ в руки следующего председателя партии¹⁴. Но comment. Накагава Хидэнао стал председателем комитета ЛДП по изучению политики.

Безусловным фаворитом в преемники Коидзуми был С. Абэ. Заняв пост генерального секретаря кабинета министров, он стал вторым человеком в правительстве, что сделало его основным кандидатом в премьер-министры. По популярности Абэ уступал лишь самому Коидзуми, и, похоже, последний захотел заручиться его полной поддержкой. По статусу Абэ – spokesman кабинета, главный координатор политики и интересов правительства и партий коалиции. По взглядам его можно отнести к «неонационалистам», или ястребам. В частности, он является одним из яростных сторонников посещения политиками святилища Ясукуни и поддерживал такие визиты Коидзуми, хотя это ухудшает отношения, прежде всего, с Китаем и Республикой Корея. Примечательна деталь, отмеченная наблюдателями. Коидзуми уведомил Абэ о назначении его генсеком кабинета еще утром до окончательного формирования списка членов правительства. Два других претендента на место преемника нынешнего премьера Асо Таро и Танигаки Садакадзу получили сообщение о своих назначениях только около трех часов дня.

Асо Таро стал министром иностранных дел, хотя мало сведущ в вопросах внешней политики. Тем не менее, именно ему предстоит разбирать завалы, накопившиеся в отношениях Японии с сопредельными странами. Он неплохо владеет английским языком и хорошо знаком со многими американскими политиками. По взглядам он близок Абэ. При назначении на должность он спросил у Коидзуми: «Хорошо ли, что министром иностранных дел станет такой ястреб, как я?». На это премьер заметил: «В то время, когда этот пост занимал Фукуда Такэо, ставший затем премьер-министром, двусторонние отношения с Китаем развивались очень хорошо. Дипломатия работает лучше, когда ею занимается ястреб»¹⁵.

Танигаки Садакадзу, который является активным членом Совета по экономике и налоговой политике, сохранил пост министра финансов. Он заявил, что готов продолжать налоговую реформу, включая непопулярный проект увеличения потребительского налога. «Налоговая реформа – чрезвычайно важное политическое мероприятие, рассчитанное на долгие годы. Я хочу сделать все возможное для его проведения в жизнь, неважно какой пост я буду занимать»¹⁶, – заявил Танигаки. Подобные высказывания рас-

¹⁴ The Japan Times. 01.11.2005.

¹⁵ Иомиури симбун. 01.11.2005.

¹⁶ Иомиури симбун. 01.11.2005.

цениваются, как завуалированное желание стать премьер-министром, чье имя будет связано с налоговой реформой, как имя Коидзуми с почтовой реформой. По мнению экспертов, Танигаки следует более энергично заниматься реформами, тем более что премьер критиковал его за недостаточные усилия в реформировании общественного сектора финансовых институтов. Кроме того, у него есть весьма активный соперник на поприще проведения реформ – государственный министр, ответственный за экономическую, финансовую и налоговую политику Ёсано Каору¹⁷.

В состав кабинета вошли семь новых членов. Трое из них поддержали приватизационную политику премьера, а трое получили свои посты, как говорится, по заслуге лет. В частности, председатель комиссии по общественной безопасности, государственный министр по делам гражданской обороны и ликвидации последствий стихийных бедствий и выработки политики по чрезвычайным ситуациям Куцукакэ Тэцую впервые стал членом кабинета в 76 лет. Государственный министр по научно-технической политике и информационным технологиям, ответственный за выработку политики в области обеспечения продовольственной безопасности Мацуда Ивао занял свой пост в 68 лет. Косака Кэндзи – сын бывшего министра иностранных дел Косака Дзэнтаро, первоначально резко выступил против приватизации почтовой службы, но затем стал верным союзником премьера и получил пост министра просвещения, науки и технологии.

Коидзуми Дзюньитиро придерживается точки зрения, что вчерашний враг – сегодняшний союзник, а сегодняшний друг – завтрашний враг, поэтому очень прагматично подходит к формированию партийных и правительственных органов.

Назначение на ключевые посты в правительстве трех претендентов на высшие должности в партии и правительстве должно многое предопределить в политической жизни страны после истечения срока полномочий Коидзуми. Вообще, новый состав кабинета показывал, что Коидзуми ставил проведение реформ впереди решения дипломатических отношений в Азии. Но именно в таком подходе могут обнаружиться подводные камни на, казалось бы, очевидном пути развития событий. Возможны два сценария: или продолжится пятилетний курс реформ Коидзуми, или будет выбран новый курс.

Безусловно, С. Абэ считался основным преемником нынешнего премьера. Однако сначала он должен был победить на выборах председателя партии. По мнению японских экспертов, расширяющееся в результате реформ Коидзуми социальное разделение и явное ухудшение отношений с КНР и РК, внешним поводом к чему послужили посещения Коидзуми святилища Ясучуни, могли стать главными проблемами на сентябрьских выборах¹⁸.

¹⁷ Асахи симбун. 01.11.2005.

¹⁸ The Japan Times. 15.05.2006.

Очевидно, не случайно в марте 2006 г. года под председательством С. Абэ был создан совет, который должен подготовить доклад о мерах предотвращения роста социального разделения в условиях конкуренции свободного рынка, и его результаты найдут отражение в бюджете следующего года. Асо высказался о необходимости обеспечения жизнедеятельности общества в условиях старения населения. Танигаки, несмотря на серьезное противодействие правительственных чиновников и законодателей, готовил пакет законопроектов по налоговой реформе, включая повышение потребительского налога с 2007 г.

В такой ситуации еще одним претендентом, не входящим в правительство, мог стать Фукуда Ясуо, который дольше всех политиков занимал пост генерального секретаря кабинета министров при Ё. Мори и Дз. Коидзуми. Его уход в отставку в 2004 г. с этого поста был вызван несогласием с политикой Коидзуми в отношении Китая и Южной Кореи. Он отличается умением соблюдать баланс интересов различных сил. У него очень хорошие связи со многими официальными китайскими лицами, и на него многие лидеры японского бизнеса возлагали надежды на улучшение отношений с Китаем.

Несмотря на ожидания, Коидзуми не предложил ему никакого правительственного поста, заявив, что это не мешает ему стать претендентом. Ведь он сам стал премьером, не занимая никаких постов в партии и правительстве. У Я. Фукуда много общего с С. Абэ. Оба потомственные политики, принадлежат к высшему эшелону политической элиты. Отец Я. Фукуда был премьер-министром, а отец С. Абэ – генеральным секретарем в его кабинете.

Т. Фукуда провозгласил внешнеполитическую доктрину, которая вошла в историю под его именем. Она была предназначена для укрепления взаимного доверия со странами ЮВА. В ней говорилось, что Япония никогда не станет военной державой, будет строить отношения с азиатскими странами на основе чистосердечного доверия и будет сотрудничать с АСЕАН как единой организацией. Я. Фукуда, продолжая линию отца, намерен развить его доктрину применительно к нынешним условиям. Он считает абсолютно недопустимым существующий уровень отношений с Китаем. Проблемой растущей напряженности в японо-китайских отношениях озабочены и в США, справедливо полагая, что она негативно скажется не только на Соединенных Штатах, но и на ситуации во всем мире. От нового японского премьера ждут, что он сможет преодолеть образовавшуюся дипломатическую мертвую точку.

20 сентября 2006 г. новым премьер-министром Японии стал Абэ Синдзо. Как и предполагалось, в этом выборе не было интриги, а, вот, сюрпризы в политическом курсе С. Абэ вполне ожидаемы.

В течение всего послевоенного времени отношения между Японией и Китаем развивались неровно, хотя и при благоприятных в целом тенденциях. С момента нормализации в 1972 г. наиболее стабильно и успешно они выстраивались в торгово-экономической области. В 90-е годы стало возможным не только динамичное и масштабное торгово-экономическое сотрудничество, но и политический диалог руководителей двух стран, постепенно приобретавший регулярный характер. В принятой в 1998 г. на токийском саммите совместной декларации было выражено стремление сторон к «партнерству в духе дружбы и сотрудничества в XXI в.».

Сегодня мы являемся свидетелями новых, в чем-то даже тревожных, тенденций в развитии японо-китайских отношений. Они наметились в сфере экономики, обретают все более острый характер в политической области. Заблокирован политический диалог, а значит, не преодолены давние разногласия вокруг территориальной принадлежности о-вов Сэнкаку, а также тайваньского вопроса. Крайнего обострения в 2004–2005 гг. достигла полемика между сторонами в связи с различиями в оценках общего военного прошлого. Возникают и постепенно множатся новые поводы для взаимных нападок и обвинений. В последнее время они концентрируются вокруг проблемы освоения газоносного шельфа в спорном районе Восточно-Китайского моря. Остановить дальнейшее ухудшение отношений между Токио и Пекином пока не удастся.

Однако, несмотря на политические и территориальные разногласия, двусторонние торгово-экономические связи продолжают расширяться. В 2004 г. Китай вышел на первое место как торговый партнер Японии, опередив США. Японо-китайский товарооборот достиг 22,2 трлн. иен (213,28 млрд. долл.), а японо-американский – 20,48 трлн. иен (196,75 млрд. долл.)¹. На начало 2004 г. прямые инвестиции японского капитала в китайскую экономику составили 66,6 млрд. долл.² В 2005 г. КНР сохранила положение ведущего партнера во внешней торговле Японии. Объем двусторонней торговли вырос по сравнению с предыдущим годом на 12,4%, достигнув 24,95 трлн. иен. При этом японский экспорт составил 12,81 трлн. иен (увеличение на 8,3%), а импорт из Китая – 12,14 трлн. иен (рост на 17%). По-

¹ The Japan Times. 27.01.2005.

² <http://www.mofa.go.jp/asia-paci/index.html>.

ложительное торговое сальдо было в пользу Японии – 669,6 млрд. иен (снижение на 53,8% по сравнению с предшествующим годом)³. Вместе с тем, превратившись в «планетарное производственное предприятие» и одного из ведущих экспортеров промышленной продукции, Китай стал главным торговым конкурентом Японии в странах Восточной Азии. Масштабы китайского рынка стали, станков, мобильных телефонов, электробытовой аппаратуры уже превосходили масштабы японского рынка и продолжают очень быстро увеличиваться.

В этом смысле показателен происходящий в стране автомобильный бум. В 2003 г. Китай поднялся на четвертое место в мире по производству (после США, Японии и Германии) и на третье место по продаже автомашин (после США и Японии), тогда как в 1990 г. он занимал и по производству и по продаже 13-е место⁴. В 2005 г. в КНР было произведено 5,71 млн. автомашин (в Японии – 9 млн.), продано 5,72 млн. (в Японии – 5,85 млн.). Согласно японским прогнозам в ближайшее время КНР обойдет Японию по продажам, а к 2010 г. – по производству автомобилей⁵. И японские производители активно способствуют этим переменам. Компании «Хонда», «Нисан», «Тоёта», «Мазда», «Судзуки», «Мицубиси» либо уже ввели в действие свои предприятия на территории Китая, либо имеют конкретные планы в этой области на ближайшие годы, так как потребительский спрос на автомобили в КНР быстро растет.

Китай стал одним из крупнейших потребителей сырья. В 2003 г. он обошел Японию по потреблению нефти. Гигантски выросшее потребление китайской экономикой сырья, по оценке японских специалистов, стало причиной резкого повышения цен на него на мировом рынке. Только в течение одного года цена на сталь поднялась на 20%, антрацит на 18%, металл на 30%, уголь на 25%, бумажная макулатура на 30%. Цена на никель выросла в 2 раза. Такой ход событий болезненно затрагивает интересы Японии⁶.

Особенностью складывающейся ситуации является то, что Япония сама внесла заметный вклад в усиление экономического могущества Китая, выступая в течение длительного времени в качестве и кредитора, и инвестора, и экспортера современных технологий и опыта. Свыше двух десятилетий Китай являлся одним из главных получателей официальной помощи развитию (ОПР), предоставляемой японским правительством. Эта помощь, включающая льготные кредиты, техническую и безвозмездную финансовую помощь, сыграла, по признанию китайских руководителей, немалую роль в процессе экономических преобразований в стране. Японская правительственная помощь, предоставляемая Китаю с начала реформ, решала

³ The Japan Times. 27.01.2006.

⁴ Экономисутто. 28.09.2004, с.18–24.

⁵ Асахи симбун. 31.03.2006.

⁶ Экономисутто. 28.09.2004, с. 18–24.

одновременно важные задачи и для экономики Японии: обеспечение стабильного импорта природных ресурсов и сырья, а также стимулирование экспорта. Иначе говоря, японская помощь, существенной частью которой были связанные льготные кредиты, прежде всего, способствовала освоению Японией китайского рынка. Но наряду с этим существовала и важная внешнеполитическая цель – обеспечение стабильной обстановки в регионе. Именно этим объяснялась та готовность, которую проявила правящая элита Японии к предоставлению Китаю крупных кредитов с правительственной гарантией. Необходимо подчеркнуть, что вначале кредитные программы были ориентированы главным образом на финансирование проектов развития экономической инфраструктуры КНР. Кредиты выделялись на развитие энергетического комплекса, строительство портов и железных дорог, заводов, электростанций и ирригационных систем, модернизацию систем связи и др., что обеспечивало предпосылки для экономического прогресса. На 2005 г. по линии ОПР Япония предоставила Китаю за весь предшествующий период льготных «кредитов» на сумму 3133,1 млрд. иен, безвозмездную помощь – 145,7 млрд. иен, на цели технического содействия – 144,6 млрд. иен⁷.

К настоящему времени позиция Токио в вопросе оказания экономической помощи Китаю претерпела коренное изменение. Основной причиной этого является нежелание и далее способствовать усилению экономической и военной мощи соседней страны, которая превратилась из экономически зависимого партнера в реального соперника за экономическое и политическое влияние, в первую очередь, в Восточной Азии. Более того, в последнее время Китай стал рассматриваться в качестве потенциальной угрозы для безопасности Японии. Начиная с 2001 г. японское правительство встало на путь последовательного сокращения объема экономической помощи Китаю, а с 2006 г. оно планирует полностью прекратить безвозмездную финансовую помощь. Согласно официальным разъяснениям, это делается с учетом принятого правительством критерия: оказывать помощь странам, у которых ВВП на душу населения не превышает 1400 долл. По оценке японских экспертов, данный рубеж КНР должна была преодолеть уже в 2005 г.⁸

С 2008 г. намечено прекратить выделение новых (иенowych) кредитов. «Нет больше необходимости в масштабной официальной помощи развитию Китая, учитывая его быстрый экономический рост»⁹, – считает японское правительство. Китай, который всегда рассматривал помощь в качестве компенсации ущерба, понесенного по вине Японии в ходе второй мировой войны, выражает недовольство действиями Токио.

⁷ http://www.mofa.jp/policy/oda/region/e_asia/china/index.html.

⁸ The Daily Yomiuri. 12.12.2004.

⁹ The Daily Yomiuri. 18.03.2005.

Таким образом, в сфере японо-китайских торгово-экономических связей ситуация принципиально меняется. Лет десять тому назад исследователи сходились во мнении, что состояние этих связей оказывает позитивное, стабилизирующее влияние на все стороны японо-китайских отношений. Однако уже не первый год это не так. Рубежом перемен стала первая торговая война между двумя странами в 2001 г. И хотя конфликт был преодолен, и стороны извлекли определенные уроки, вернуться полностью к прежнему состоянию отношений им не удалось. Торгово-экономические связи становятся все напряженней.

В большей мере о неблагоприятности в двусторонних отношениях свидетельствует затянувшееся состояние тупика в политическом диалоге Токио с Пекином. Член Госсовета КНР Тан Цзяхуан, ответственный за внешнеполитические вопросы, оценил нынешнее состояние отношений с Японией как «самое сложное» со времени нормализации в 1972 г.¹⁰ Ярким подтверждением правильности такой оценки являются взаимоотношения между лидерами двух стран. Так, с 2001 г. нарушилась утвердившаяся в 90-е годы практика обмена визитами. Правда, контакты продолжались на территории третьих стран, чаще всего во время международных конференций. Но подобные контакты, как правило, носили малосодержательный, скорее формальный, характер. А с конца 2005 г. китайская сторона отказалась и от подобных встреч с премьер-министром, а также с министром иностранных дел Японии¹¹. Отказ увязывался с непрекращающимися посещениями японским премьером широко известного храма Ясукуни, где захоронены осужденные Международным военным трибуналом военные преступники наряду с другими погибшими в войнах японцами.

Но «проблема Ясукуни», ставшая болевой точкой в двусторонних отношениях, является отнюдь не единственной в ряду проблем, связанных с трагической историей японо-китайских отношений. В последнее время предельного накала достигла полемика вокруг содержания японских школьных учебников истории. В марте – апреле 2005 г. в ряде китайских городов были организованы масштабные выступления населения под анти-японскими лозунгами. О накале страстей свидетельствовали многочисленные факты вандализма в отношении японских представительств, предприятий, магазинов. Характерно, что наряду с требованием пересмотра содержания учебников участники демонстраций призывали не допустить приема Японии в число постоянных членов Совета Безопасности ООН.

По мнению многих наблюдателей, в действительности, тема «неправильных» учебников истории для антияпонских выступлений в Китае была лишь формальным поводом. Очевидно, серьезным толчком для этих событий послужила выраженная Японией готовность к дальнейшему усилению

¹⁰ Асахи симбун. 12.12.2005.

¹¹ Там же.

военно-политического взаимодействия с США на том направлении, которое затрагивает существенные интересы КНР. 19 февраля 2005 г. в Вашингтоне состоялось заседание японо-американского консультативного комитета по вопросам безопасности с участием глав военных и внешнеполитических ведомств. Был принят важный программный документ – «Общие стратегические цели», несомненно, привлечший огромное внимание политико-общественных кругов многих заинтересованных стран, в первую очередь Китая.

Данный документ «знаменует эволюцию отношений двух стран». Япония как страна-союзник США трансформируется в «Британию Дальнего Востока». Она становится чекой, «ключевым аванпостом безопасности в оборонительной системе США в АТР». Такие оценки были даны, в частности, в комментарии политического обозревателя К. Такахаси, опубликованном газетой «Asia Times». Об итогах переговоров с японцами с подчеркнутым удовлетворением заявлял министр обороны США Дональд Рамсфельд: «Я не припомню того времени, когда бы отношения США с Японией были ближе и конструктивнее. Мы в США ценим это и пожинаем плоды». Между тем автор комментария отметил, что в документе прослеживается подтекст, касающийся будущего Японии, прежде всего в части перспективы пересмотра ее мирной конституции. «США разработали эту конституцию, а теперь хотят вычистить из нее пацифистские положения, чтобы, если потребуется, вовлечь Японию в вооруженный конфликт», – считает К. Такахаси¹².

Японо-американские договоренности непосредственно касаются Китая. В программном документе впервые в письменной форме зафиксировано обязательство Японии «нести вместе с США всю полноту ответственности за защиту общих интересов в зоне Корейского полуострова и Тайваня»¹³. Подобное согласование общих интересов, естественно, не могло восприниматься в Пекине иначе как недружественная акция. «Китайское правительство категорически против того, чтобы США и Япония выступали с какими-либо совместными заявлениями по Тайваню, поскольку это является вмешательством во внутренние дела КНР»¹⁴, заявил официальный представитель МИДа КНР. Но это была лишь первая реакция, обстоятельный ответ был дан позднее.

В марте 2005 г. в КНР был принят закон, допускающий применение военной силы в случае, если Тайбэй решится на объявление независимости «мятежной провинции» от материкового Китая. У такого шага сразу же объявились противники: США, Япония, Австралия. Госсекретарь США К. Райс заявила, что принятие этого закона повлечет за собой «повышение напряженности в регионе». «Серьезную озабоченность» в связи с решени-

¹² Asia Times. 19.03.2005.

¹³ Коммерсант. 21.02.2005.

¹⁴ Там же.

ем китайских законодателей выразили представители Японии и Австралии. Австралийский министр иностранных дел А. Даунер даже считал уместным напомнить Пекину о действующем соглашении, которое предусматривает возможность совместных действий США и Австралии против Китая, в рамках формально существующей со времени холодной войны (с 1951 г.) блоковой Организации государств Юго-Восточной Азии – СЕАТО¹⁵.

Итак, Япония в соответствии с принятой на себя «ответственностью за защиту общих интересов» с Соединенными Штатами в зоне Тайваня не может не ощущать угрозу прямого вовлечения в возможный конфликт, которого в годы холодной войны она успешно избежала. Произошло ли выдвижение Японии на этот, прямо скажем, рискованный рубеж внезапно? Очевидно, нет. Токио с начала 90-х годов целеустремленно продвигался в этом направлении. В 1990–2000 гг. вполне успешно была проведена политико-идеологическая работа, чтобы подготовить общественность к предстоявшему превращению Японии из государства «одинокого пацифизма» в «нормальную» страну, конституция которой не исключала бы войны как «суверенного права нации» (9-я статья). Одновременно происходил постепенный пересмотр законодательной базы японских сил самообороны.

Начиная с 1992 г. в Японии были приняты более 20 законодательных актов, так или иначе касающихся статуса сил самообороны. Список был начат вступившим в силу в 1992 г. Законом о сотрудничестве в проведении миротворческих операций ООН. Тем самым Япония получила право направлять служащих сил самообороны за пределы территории страны вопреки ограничению, предусмотренному Законом о силах самообороны (1954 г.).

Подписав в 1996 г. Японо-американскую совместную декларацию по вопросам безопасности, Япония дала согласие расширить сотрудничество с США, распространив его на весь Азиатско-тихоокеанский регион. При этом фактически был преодолен конституционный запрет на участие Японии в «коллективной обороне». Затем, в 1999 г. было внесено изменение в Закон о морских силах обороны в части их использования за пределами территориальных вод страны, а в 2000 г. был введен Закон о проведении досмотра иностранных судов в японских территориальных водах.

Закон об особых мерах против террора 2001 г. обеспечил возможность легально направлять персонал сил самообороны за рубеж, другими словами, применять на практике не признаваемое конституцией право Японии на «коллективную оборону». В 2003–2005 гг. по инициативе кабинета министров был принят ряд законов, получивших общее название «чрезвычайного законодательства», которое создавало юридическую основу для осуществления подготовки страны, ее населения, сил самообороны к возможности возникновения чрезвычайной ситуации. В 2005 г. в Управлении национальной обороны Японии был разработан План обороны о-вов Сэнкаку в целях противодействия возможному вторжению извне, были также под-

¹⁵ Известия. 15.02.2004.

готовлены поправки в Закон о силах самообороны, закрепляющие их участие в операциях по поддержанию мира за рубежом.

Совершенно очевидно, что Япония все активнее продвигается по пути расширения военного сотрудничества с США, легитимизации, легализации и расширения использования сил самообороны за пределами своей территории, отказа от «мирных» положений конституции, повышения статуса сил самообороны. Обсуждаются идеи превращения сил самообороны в вооруженные силы не только по названию, но и по боевым возможностям, а также преобразования Управления национальной обороны в министерство обороны. При правительстве, возглавляемом Дз. Коидзуми, этот процесс заметно ускорился. Во многом он «стимулируется» Вашингтоном. Сигналы, подаваемые японскому партнеру представителями американского правящего класса, нередко имеют довольно откровенный характер.

Так, бывший госсекретарь США Колин Пауэлл в ходе пребывания в Токио 13 августа 2004 г. открыто заявлял, что «если Япония надеется когда-либо стать постоянным членом Совета безопасности ООН, она, прежде всего, должна избавиться от своей пацифистской конституции»¹⁶. Позднее, сходные мысли высказывал бывший помощник госсекретаря США Ричард Армитадж. Он в специально подготовленной для газеты «Йомиури» статье «Решающая роль прочного альянса США и Японии в меняющейся Азии» давал понять, что «сохранение традиционных вооруженных сил (японские силы самообороны. – А. С.) вряд ли позволит Японии играть глобальную роль в мире». Американский политик указывал также на тот факт, что «все соседние Японии страны имеют более крупные вооруженные силы, чем она»¹⁷.

Китай серьезно обеспокоен новыми тенденциями в военной политике Японии, особенно тем, что в качестве одного из мотивов для изменения статуса сил самообороны и повышения их боевых возможностей в последнее время стала использоваться «китайская угроза». Впервые Китай в качестве потенциальной угрозы национальной безопасности Японии был назван в Основных направлениях программы национальной обороны 2005 г. Эта оценка затем была подтверждена начальником УНО Японии О. Ёсинори в том же году на февральском заседании Японо-американского консультативного комитета. Существенно, что принятыми им решениями был сделан важный шаг по согласованию военного взаимодействия двух стран. А 29 октября 2005 г. в Вашингтоне на очередном заседании комитета был одобрен промежуточный доклад «Японо-американский альянс: трансформация и перестройка с расчетом на будущее». Он предусматривает более тесную координацию разведывательной деятельности, усиление взаимодействия на уровне командования соединениями, а также совместное использование ряда военных баз на территории Японии. Были определены роль и задачи

¹⁶ Asia Times. 19.03.2005.

¹⁷ The Daily Yomiuri. 04.12.2005.

сил самообороны и американских вооруженных сил в случае нападения на Японию извне, а также возникновения военного инцидента вблизи японской территории, уточнена роль японских сил самообороны в рамках международного сотрудничества. Подводя итоги достигнутых договоренностей с США, начальник Управления национальной обороны заявил, что «правительство Японии готово к повышению роли сил самообороны в совместных оборонительных мероприятиях с вооруженными силами США»¹⁸. На следующем заседании консультативного комитета было намечено рассмотреть итоговый доклад по вопросам укрепления взаимодействия сторон в рамках японо-американского альянса.

Принципиально важно, что вопреки положениям действующей конституции руководство сил самообороны уже допускает возможность их участия в военных действиях. Рассматриваются и наиболее вероятные сценарии военных конфликтов, к которым Японии следует быть готовой. В Основных направлениях обороны 2005 г. впервые названы те проблемы, которые могут стать причиной возникновения вооруженного конфликта с соседним Китаем:

- природные ресурсы в спорном районе Восточно-Китайского моря;
- территориальный спор вокруг о-вов Сэнкаку (Дяюйдао);
- поддержка Японией Соединенных Штатов в их конфликте с Китаем из-за Тайваня¹⁹.

Давняя проблема территориального спора вокруг о-вов Сэнкаку в последнее время приобрела для японо-китайских отношений наиболее взрывоопасный характер. Острова находятся в Восточно-Китайском море. Среди них – три относительно крупных острова общей площадью 6 кв. км. История принадлежности этих необитаемых островов довольно запутанная. Япония владеет ими фактически. При нормализации отношений в 1972 г. Китай не изъявлял претензий на Сэнкаку и впервые их обозначил в 1978 г. – в год заключения Договора о мире и дружбе с Японией. Но по инициативе Дэн Сяопина спор тогда не получил развития и был отложен на будущее. Хотя, конечно, часовой механизм «мины замедленного действия» уже был включен. Японцам об этом напоминали периодически возникавшие инциденты. Так, в марте 2004 г. группа китайских активистов движения за возвращение островов высадилась на одном из них и пыталась установить флаг своей страны. Японскими пограничниками «десант» был арестован. Послу КНР в Японии был заявлен протест по поводу «незаконного вторжения на японскую территорию». В свою очередь китайская сторона заявила о своих «бесспорных правах» на территорию островов²⁰.

¹⁸ Асахи симбун. 31.10. 2005.

¹⁹ National Defense Program Guide line for FY 2005 and After. 2004. p.50.

²⁰ Известия. 25.03. 2004.

До середины 90-х годов территориальный спор не отличался особой остротой. Резко изменяться ситуация стала начиная с 1996 г., когда Япония ввела 200-мильную эксклюзивную экономическую зону (ЭЭЗ). Китайская сторона восприняла это как шаг по закреплению прав Японии на Сэнкаку. Пекин ответил организацией массовых и весьма шумных демонстраций под антияпонскими лозунгами. Было объявлено о создании «оперативной группировки войск», предназначенной специально для использования в районе островов²¹.

Эскалация напряженности в районе островов начала возрастать после обнаружения в Восточно-Китайском море газо-нефтеносных ресурсов. Только газодобыча, по предварительной оценке японских специалистов, может дать около 200 млрд. долл. Разработка с самого начала затруднялась отсутствием у КНР и Японии согласованного подхода к установлению морской границы. Китай линию своей границы ведет по кромке континентального шельфа. Она проходит гораздо восточнее той, которую признает Япония, предпочитающая признавать границу по центральной линии. Попытки достичь компромисса путем переговоров успеха до сих пор не принесли. Тем временем, китайская сторона уже приступила к добыче газа. Она осуществляется в трех пунктах: Чунсяо (яп. Сиракаба гасу-дэн), Тяньвайтянь (Каси гасу-дэн) и Дуаньцяо (Кусу гасу-дэн). В этих пунктах установлены мощные платформы, из района добычи к побережью проложен трубопровод. Японская сторона утверждает, что газо-нефтеносные участки на китайской стороне фактически соединяются с участками в японской экономической зоне. Японцы проявляют опасение, что Китай может выкачать весь газ из спорного района²².

В апреле 2005 г. японское правительство приняло решение начать выделение лицензий отечественным компаниям на ведение поисковых работ в Восточно-Китайском море. Первую лицензию получила в июле того же года компания «Тэйкоку ойл». Реакция китайской стороны была незамедлительной. МИД КНР заявил протест в жестких выражениях: действия японской стороны расценивались как «серьезная провокация», имеющая целью нарушить «суверенные права и интересы КНР и осложнить ситуацию в регионе». В обстановке растущей обеспокоенности в Японии в связи с развитием обстановки в Восточно-Китайском море в январе 2005 г. Управление национальной обороны сообщило о подготовке Плана обороны о-вов Сэнкаку на случай вторжения. Им предусматривается использование авиации, флота, частей сухопутных сил самообороны из состава Западной армии, дислоцирующейся на о-ве Кюсю.

В течение 2005 г. в органах законодательной и исполнительной власти Японии активизировалось обсуждение положения в Восточно-Китайском

²¹ Санкэй симбун. 12.09.1996.

²² Нихон кэйдзай симбун. 10.01.2006.

море с целью выработки мер противодействия потенциальной угрозе. Кабинет министров одобрил Основные направления по защите населения страны в случае нападения извне. В документе были квалифицированы категории подобного «нападения», намечены меры противодействия в случаях применения ядерного, биологического, химического оружия, а также террористической атаки на атомные электростанции. Принятие Основных направлений рассматривается в качестве шага на пути к созданию системы, которая будет действовать в чрезвычайной ситуации²³.

Итак, напряженность в отношениях между Токио и Пекином в последнее время стремительно нарастала. В октябре 2005 г. Дз. Коидзуми совершил свое пятое со времени вступления в должность премьер-министра посещение храма Ясукуни, несмотря на все протесты китайской стороны. Но на этот раз Пекин отреагировал жестко. С конца 2005 г. китайская сторона прекратила контакты с премьер-министром, а также министром иностранных дел Японии, в том числе в рамках международных конференций. Довольно скоро двусторонние связи стали нарушаться и на других уровнях, в том числе на рабочем. Так, например, в ходе плановых неофициальных консультаций на уровне руководителей департаментов МИДа двух стран, состоявшихся в январе 2006 г. в Пекине, не по одному из обсуждавшихся вопросов стороны не смогли прийти к согласию. В результате, в частности, отсутствует какое-либо продвижение в переговорах по столь острому вопросу, каким является разработка газовых ресурсов²⁴.

Своеобразным ответом Токио на позицию китайского руководства стало принятие кабинетом министров в марте 2006 г. решения о замораживании «иеновых» кредитов, выделенных Китаю на 2005/06 фин. г. Отчасти непосредственным поводом для этой санкции стал инцидент, имевший место в японском генеральном консульстве в Шанхае. Там покончил жизнь самоубийством консульский работник, находившийся, как утверждается в японских СМИ, под давлением спецслужб КНР. Инцидент вызвал значительный резонанс в Японии, причем, на официальном уровне была выражена серьезная неудовлетворенность позицией китайской стороны в ходе расследования и преодоления последствий инцидента²⁵.

Нынешнее состояние отношений между двумя странами не только не соответствует собственным интересам Японии и Китая. Оно угрожает оказать негативное влияние на ситуацию в Восточной Азии, где и Японии, и Китаю принадлежит важная роль, создает помехи в реализации общих планов региональной интеграции, тем более что проведение планов в жизнь осложнено соперничеством между Токио и Пекином за лидирующую роль в регионе.

²³ The Daily Yomiuri. 23.03.2005.

²⁴ Нихон кэйдзай симбун. 10.01.2006.

²⁵ The Japan Times. 16.01.2006.

Япония как наиболее развитая в финансово-экономическом, технологическом отношениях держава до известного времени весьма обоснованно претендовала на лидерство в Восточной Азии и изначально внесла значительный вклад в выработку концепций регионального сотрудничества. Признание «центральной роли Японии в процессе интеграции азиатского региона и тихоокеанского сообщества» было зафиксировано в японо-американской декларации «О мировом партнерстве и глобальном плане действий», подписанной в Токио в 1992 г. Тогда Япония подтвердила свою готовность координировать свою региональную политику с США²⁶.

Япония поддерживала тесные связи с первой в Восточной Азии субрегиональной организацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) со времени ее образования, принимала активное участие в формировании форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), учрежденного в 1989 г. (Китай вступил в него в 1991 г.). Однако АТЭС как региональная структура, находясь под эгидой Японии, не смогла реализовать многие из декларируемых ею намерений, оказалась неспособной создать действенный механизм согласования противоречивых интересов стран-участниц, успешно противостоять финансовому кризису в Азии 1997 г. В результате, авторитет АТЭС, а также ведущая роль в этом форуме Японии были поставлены под сомнение. Китай же, удержавший в ходе кризиса свои финансово-экономические позиции, воспользовался моментом, чтобы потеснить Японию. Он добился этого не только в АТЭС, но и в АСЕАН.

По мере укрепления экономического могущества и политического веса на международной и региональной арене, Пекин стал играть все более активную роль в осуществлении идеи создания в Восточной Азии региональной структуры, без участия в ней США. Подобная идея возникла вскоре после азиатского кризиса 1997 г. На шестой встрече глав государств АСЕАН, Китая, Японии и Южной Кореи в Ханое в декабре 1998 г. было выработано решение о регулярных встречах и развитии сотрудничества в формате АСЕАН+3. А на саммите в Маниле в ноябре 1999 г. его участники приняли Совместное заявление о сотрудничестве в экономической, социальной, политической и других областях.

Более конкретные очертания будущей региональной структуры обозначились в предложении, которое было сделано южнокорейским лидером Ким Тэчжуном. Он предложил образовать Группу прогноза для Восточной Азии. В нее были включены выдающиеся ученые, специалисты, которые к саммиту АСЕАН+3 2001 г. подготовили доклад с 57 конкретными рекомендациями для следующих областей: экономика, финансы, политика и безопасность, экология, общество и культура. Имелась и рекомендация, предусматривавшая «институционализацию», т. е. превращение саммита АСЕАН+3 в Восточно-Азиатский саммит, с перспективой образования

²⁶ Japan Review of International Affairs. Special Issue. 1992. p. 50.

Восточно-Азиатского сообщества. Доклад Группы прогноза был передан в специально созданную Группу по изучению проблем Восточной Азии, в которую вошли правительственные чиновники от стран-участниц АСЕАН+3. Данная группа подготовила отчет, в котором давалась положительная оценка доклада Группы прогноза, а также были определены в качестве приоритетных

17 краткосрочных и девять средне- и долгосрочных мер, имевших целью образование Восточно-Азиатского сообщества²⁷.

В дальнейшем, на этапе подготовки практических шагов по осуществлению регионального проекта, между Японией и Китаем возникли определенные разногласия. В частности, каждая из стран имела собственные представления о целях и составе сообщества. Так, в январе 2002 г. в Сингапуре премьер-министр Японии решил взять на себя инициативу, сформулировав цель создания регионального сообщества в Восточной Азии как «сообщества, которое совместно действует и совместно добивается успеха». Он предложил странам АСЕАН сотрудничество в достижении этой цели. При этом Дз. Коидзуми высказал предположение (граничившее с уверенностью), что в ядро организации также войдут Австралия и Новая Зеландия. По-видимому, с Пекином эта идея не обсуждалась, что, скорее всего, и определило ее бесперспективность. Японская сторона планировала в декабре 2003 г. провести в Токио саммит стран-участниц с тем, чтобы подписать Токийскую декларацию о «динамичном и долгосрочном партнерстве в новом тысячелетии»²⁸. Саммит так и не состоялся, декларация принята не была. Этот эпизод, с одной стороны, стал свидетельством наличия «подводных камней» на пути создания Восточно-Азиатского сообщества, с другой – показал официальному Токио, что ему не обойтись без поддержки Пекина, если он рассчитывает на успех регионального проекта.

В октябре 2003 г. Япония, Китай и Южная Корея приняли Совместную декларацию о развитии сотрудничества в Северо-Восточной Азии (СВА), которая рассматривалась ими в качестве подготовительного этапа распространения субрегионального опыта на всю Восточную Азию. В тексте декларации утверждалось, что трехстороннее сотрудничество будет развиваться «в прозрачной, не эксклюзивной и не дискриминационной форме»²⁹. До конца 2005 г. трехсторонние встречи на уровне лидеров, а также министров иностранных дел проходили регулярно. Казалось, Токио и Пекин готовы сделать следующий шаг к образованию региональной структуры с участием других стран. Предполагалось, что это может произойти в ходе очередного саммита АСЕАН, в котором должны были принять участие руководители Китая, Японии, Южной Кореи.

²⁷ Pacific Forum. 2002, vol. 04–06, p. 9–14.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid.

В декабре 2005 г. в Куала-Лумпуре (Малайзия) состоялась встреча руководителей стран-членов АСЕАН, на которой была учреждена Рабочая группа по подготовке устава региональной организации – Восточно-Азиатское сообщество (ВАС). Однако далее этого участники встречи продвинуться не смогли. Неудачный старт объяснялся разногласиями, прежде всего, между Токио и Пекином. Председатель КНР Ху Цзинтао, по-видимому, в связи с отказом от контактов с главой японского правительства в международной встрече участия не принимал. Между Китаем и Японией возникли расхождения и концептуального характера. Так, Китай при создании ВАС выражал заинтересованность ограничиться 13-ю странами (десять стран АСЕАН + Китай, Япония, Южная Корея). Япония же хотела, чтобы в состав сообщества входили 16 стран, включая Австралию, Новую Зеландию и Индию. По мнению японской стороны, в таком составе ВАС было бы менее зависимым от Китая, претендующего на абсолютное лидерство. Кроме того, участие Австралии, являющейся политическим союзником США, согласно японскому замыслу, могло бы умиротворить Вашингтон, которому, очевидно, будет трудно смириться с потерей прямого влияния на ВАС³⁰.

Итак, развернувшаяся «война нервов» в Восточной Азии, в которой в качестве основных «игроков» зримо участвуют Токио и Пекин, а незримо – и Вашингтон, вызывает усиливающуюся обеспокоенность в странах региона, в Японии. Согласно правительственному опросу общественного мнения, проведенному в феврале 2006 г., только 12% японских респондентов оценили состояние японо-китайских отношений как удовлетворительное. Среди специалистов существует мнение, что в случае «раскручивания» спирали напряженности Япония может пострадать в большей мере, чем Китай и Южная Корея (которая выступает солидарно с КНР в попытках оказания давления на Японию, в частности, в связи с «проблемой Ясукуни», содержанием школьных учебников истории). Китай, как считают японские специалисты, располагает мощными рычагами воздействия на Японию, и ее процветание находится в существенной зависимости от связей с КНР. Например, в 2001–2004 гг. объем японского экспорта в Китай вырос на 70%, став главным толчком для подъема экономики Японии, которая с трудом выходит из долговременного спада³¹. В политических кругах Японии есть сторонники точки зрения, что ради нормализации отношений с КНР руководство страны должно идти на компромисс с Пекином, в частности, согласиться с его требованием прекратить посещения премьер-министром храма Ясукуни. В то же время есть и противники такого взгляда.

Проблему двусторонних отношений пытается разрешить профессор Университета Рюкю Акио Такаха. Он считает, что «японцы должны уде-

³⁰ ИТАР-ТАСС. 12.12.2005.

³¹ Асахи симбун. 02.04.2006.

лить больше внимания преподаванию молодежи истории страны, особенно выяснению того, почему Япония в свое время вела войну с Китаем, и какие уроки были усвоены их родителями». Вместе с тем, отмечает Такахара, «хотя понятно, что китайское правительство находит национализм полезным средством единения нации, в то же время оно не должно забывать о том ущербе, который может быть нанесен региональной политике страны, если «патриотическое воспитание» формирует ненависть к партнеру КНР в регионе»³².

Следует отметить, что японцы предпринимают попытки вывести японо-китайские отношения из тупика. Так, в марте 2006 г. Пекин посетила делегация из представителей организаций японо-китайской дружбы во главе с бывшим премьер-министром Р. Хасимото. Из китайской столицы делегация возвратилась с посланием Председателя КНР Ху Цзинтао к японскому руководству. Основная мысль, выраженная в послании, состоит в следующем: если руководители Японии прекратят посещение храма Ясукуни, то глава китайского государства готов встретиться на высшем уровне «в любое время»³³.

Однако послание из Пекина не поколебало позицию премьер-министра Дз. Коидзуми, которая сводится к неоднократно повторенному тезису: «Храм Ясукуни не будет использован в качестве дипломатической карты». Эта позиция, кстати, получила поддержку со стороны двух наиболее вероятных кандидатов в преемники Коидзуми, который осенью 2006 г. оставляет свой пост. Один из них, министр иностранных дел Т. Асо, выступая по телевидению, в который раз за последние месяцы высказал резкие критические замечания в адрес Пекина и указал на исходящую со стороны Китая военную угрозу. Не замеченный до этого в «антикитайских настроениях» второй из кандидатов, генеральный секретарь кабинета министров С. Абэ, заявил, что «неправильно со стороны Китая отказываться от переговоров с Японией лишь из-за одной проблемы». Он также подчеркнул, что «именно Китай должен сделать первый шаг» на пути к возобновлению переговорного процесса³⁴.

Таким образом, как следует из изложенного выше, отношения между Японией и Китаем в последнее время резко осложнились. Причины этого следует искать не только в политической и экономической, но также и в исторической плоскостях. Хотя о заинтересованности в преодолении тупиковой ситуации в переговорном процессе заявляют и та, и другая сторона, выход из нее не представляется простым. Например, ожидания, что выход из сложившегося положения будет найден осенью 2006 г., после смены главы японского правительства, могут не оправдаться. Есть основания по-

³² Pacific Forum. 2002, vol. 04–06, p. 14.

³³ The Japan Times. 03.04.2006.

³⁴ The Japan Times. 03.04.2006.

лагать, что Токио и Пекину предстоит трудный и достаточно долгий путь к нормализации отношений.

Проблема «похищенных японцев» в отношениях Японии и КНДР

В. А. Гринюк

Отсутствие нормальных дипломатических отношений между Японией и КНДР – один из факторов нестабильности в Северо-Восточной Азии. С одной стороны, в Корее до сих пор жива память о колониальном господстве Японии, которое принесло корейцам беды и лишения, связанные с войной, подавление национальной культуры, насильственное переселение. С другой стороны, в настоящее время Япония рассматривает баллистические ракеты и оружие массового поражения Северной Кореи как главную угрозу для собственной безопасности. Перспективы налаживания нормальных двусторонних отношений еще более усложняются из-за проблем, связанных с похищениями японских граждан спецслужбами КНДР во второй половине XX в.

В сентябре 2002 г. состоялся официальный визит премьер-министра Японии Дз. Коидзуми в Пхеньян. И хотя на переговорах на высшем уровне, прежде всего, обсуждались проблемы безопасности обеих стран и вопросы сотрудничества в целях поддержания мира и стабильности в Северо-Восточной Азии, не осталась без внимания и болезненная тема о похищениях японцев. Председатель комитета обороны КНДР Ким Чен Ир в ходе беседы с Дз. Коидзуми признал факты похищений японских граждан спецслужбами КНДР и принес извинения. В подписанной руководителями двух государств «Пхеньянской декларации» по этому поводу говорится следующее: «Что касается еще не разрешенных вопросов, затрагивающих жизнь и безопасность японского народа, то Корейская Народно-Демократическая Республика подтвердила, что примет надлежащие меры, чтобы достойные сожаления проблемы, порожденные в обстановке отсутствия нормальных японо-корейских отношений, впредь не возникали»¹.

С 28 сентября по 1 октября 2002 г. группа следователей, сформированная японским правительством, изучала в Пхеньяне обстоятельства похищений соотечественников. Согласно разъяснениям северокорейской стороны, изложенным в докладе следственной группы, события развивались следующим образом. 15 ноября 1977 г. в г. Ниигата 13-летняя девочка М. Ёкота, возвращавшаяся домой из школы, была похищена северокорейским разведчиком и вывезена в КНДР. Как объясняли представители Пхеньяна, их оперативник в данном случае действовал самовольно и пошел на похи-

¹ Гайко фураму. 2002, декабрь, № 173, с. 15.

шение школьницы, потому что в тот момент возникла опасность его разоблачения. По версии северокорейской стороны, после этого инцидента в руководстве одной из спецслужб возникла идея вывозить взрослых японских граждан в КНДР для использования их в качестве преподавателей японского языка в разведшколах, и для легализации северокорейских нелегалов. Эта спецслужба якобы самовольно провела ряд операций: с июня 1978 г. по июнь 1980 г. из Японии в КНДР было вывезено девять мужчин и женщин. В начале 80-х годов агенты другой северокорейской спецслужбы также предприняли «самовольные» действия по доставке японцев в КНДР. Поскольку у этой спецслужбы не было возможностей действовать в Японии, северокорейские разведчики с июня 1980 г. по июль 1983 г. вывезли из Западной Европы в КНДР трех японских граждан. Таким образом, в общей сложности в Северную Корею были тайно доставлены 13 японцев и японок. Из них семь человек были похищены агентами, одна женщина была украдена неким японским предпринимателем по поручению северокорейского агента, а пять человек прибыли в КНДР добровольно. В 1998 г. два сотрудника северокорейских спецслужб, имевшие непосредственное отношение к похищению японских граждан, были осуждены в КНДР по шести статьям уголовного кодекса, в том числе за злоупотребление служебным положением. Чан Бон Лим был приговорен к смертной казни, а Ким Сон Чоль – к 15-летнему заключению².

Что касается судьбы японцев, увезенных в КНДР, то северокорейская сторона сообщила, что пять японцев живы, а восемь умерли в результате болезней или несчастных случаев. Характерно, что умершими были объявлены именно те японцы, которых сотрудники спецслужб привезли в КНДР, якобы предварительно заручившись их согласием.

Так, студент Киотского института иностранных языков К. Мацуки в 1980 г. проходил стажировку и готовил дипломную работу в Испании. По версии северокорейцев, когда сотрудник спецслужбы вышел на него и предложил совершить ознакомительную поездку в КНДР, Мацуки сразу принял предложение. По прибытии в Северную Корею в июне 1980 г. представители спецслужб попросили Мацуки остаться в КНДР и стать преподавателем японского языка, он согласился и в течение 16 лет добросовестно работал в разведшколе. В августе 1996 г. во время экскурсии по историческим местам автомобиль, на котором ехал Мацуки, попал в аварию на горной дороге. В результате он и водитель погибли. Останки Мацуки были захоронены на одном из кладбищ, но во время наводнения их смыло водой.

Т. Исиока, студент университета Нихон, в июне 1980 г. прибыл в Пхеньян из Мадрида вместе с Мацуки. Поскольку Исиока согласился ос-

² <http://www.asahi.com/special/abductees/report/html>.

таться в КНДР, ему также была предложена работа преподавателя японского языка в разведшколе.

С 1982 г. студентка института иностранных языков в Кобэ К. Аримото находилась на стажировке в Великобритании. По данным, предоставленным северокорейской стороной, она приняла предложение сотрудника спецслужбы посетить КНДР, а по прибытии в Пхеньян в июле 1983 г. высказала пожелание «пожить в условиях, отличающихся от условий капиталистического общества». Сотрудники спецслужб в 1984 г. предложили ей место преподавателя японского языка в том же учебном заведении, где уже работал Исиока. В декабре 1985 г. Исиока и Аримото поженились, а в следующем году у них родился ребенок. Как сообщила северокорейская сторона, в ноябре 1988 г. супруги вместе с ребенком умерли в результате отравления угарным газом во время сна в специальном «доме для гостей». Они были похоронены на кладбище в г. Хичён. Однако в августе 1995 г. их останки были унесены водой во время сильного наводнения³.

Якобы по своей воле оказались в КНДР еще два человека. 23-летняя работница ресторана из Токио Я. Тагути в июне 1978 г. познакомилась на побережье в районе г. Миядзакис с сотрудником северокорейской спецслужбы. Разведчик подбирал людей, документы которых могли бы использовать северокорейские нелегалы. Так как женщина высказала пожелание совершить трехдневную поездку в КНДР, оперативник переправил ее в Северную

Корею. С июня 1978 г. до октября 1984 г. Тагути находилась в одном из «домов для гостей», где согласно установленному органами порядку обучалась корейскому языку и знакомилась с реалиями жизни в КНДР.

Повар китайского ресторана в Осака Т. Хаара хотел выехать за границу, чтобы заработать денег и вылечить больные зубы. Вышедший на него сотрудник северокорейской спецслужбы предложил ему 1 млн. иен и возможность выехать в КНДР в обмен на подлинную выписку из книги семейной записи (записи актов гражданского состояния) семьи Хара. Сделка состоялась, в июне 1980 г. Хара был переправлен в Северную Корею и до октября 1984 г. проживал в «доме для гостей», где изучал корейский язык и знакомился с реалиями жизни в КНДР.

В октябре 1984 г. Хара и Тагути поженились, но в июле 1986 г. Хара умер от цирроза печени. Через несколько дней после смерти мужа Тагути погибла в автомобильной катастрофе: легковая автомашина, в которой она ехала по горной дороге, столкнулась с грузовиком. Супруги были похоронены, но в июле 1995 г. после сильных дождей произошел прорыв дамбы недалеко от кладбища, где покоились останки Хара и Тагути, и их могилы были смыты потоком воды.

³ <http://www.asahi.com/special/abductees/report/html>.

Согласно уверениям северокорейской стороны, в КНДР умерли также трое граждан Японии из числа похищенных и насильно увезенных в Северную Корею, вероятно, на кораблях для спецопераций. В августе 1978 г. северокорейские агенты похитили и переправили в Пхеньян 24-летнего жителя преф. Кагосима, служащего Телеграфно-телефонной корпорации С. Итикава. С момента прибытия в КНДР до апреля 1979 г. Итикава проживал в «доме для гостей». В апреле 1979 г. он женился на соотечественнице и подруге по несчастью Р. Масумото, которая была похищена вместе с ним. В сентябре 1979 г. Итикава утонул на пляже в районе г. Вонсан – во время купания у него остановилось сердце. Могила Итикава была смыта водой во время большого наводнения в июле 1995 г. В августе 1981 г. 25-летняя жена Итикава – Р. Масумото умерла в результате болезни сердца. Была похоронена на том же кладбище, что и муж, и ее останки якобы были утрачены при тех же обстоятельствах, что и останки Итикава.

Согласно информации, предоставленной северокорейской стороной, трагически завершилась в КНДР и жизнь М. Ёкота, чье похищение положило начало череде спецопераций северокорейской разведки в отношении японских граждан. Как и другие соотечественники, она до июля 1986 г. проживала в «доме для гостей». В августе 1986 г. Ёкота вышла замуж за гражданина КНДР и спустя год родила дочь. В марте 1993 г. она умерла в результате психического заболевания.

В неволе удалось выжить двум японцам и трем японкам. 23-летний ученик плотника Х. Тимура вместе со своей подругой Ю. Хамамото был выкраден в июле 1978 г. в г. Обама префектуры Фукуи. В ноябре 1979 г. они поженились. Живы также К. Хасуикэ, бывший студент университета Тюо, и его подруга Ю. Окудо, служащая компании Канэбо. Оба были похищены в июле 1978 г. в г. Касивадзаки преф. Ниигата и переправлены в КНДР. В мае 1980 г. они поженились, у них родился сын.

В августе 1978 г. по заданию северокорейского разведчика была похищена неким японским предпринимателем и была переправлена в КНДР Х. Сога, медсестра из уезда Садо преф. Ниигата. В августе 1980 г. она вышла замуж за Чарльза Роберта Дженкинса – сержанта армии США, в 1965 г. дезертировавшего из дислоцированной в Южной Корее воинской части и бежавшего на север. Супруги имеют двоих детей.

О деталях жизни в КНДР пяти ныне здравствующих граждан Японии из числа похищенных не сообщается – известно лишь, что Х. Тимура и К. Хасуикэ в сентябре 2002 г. работали переводчиками в Центре изучения национальных обычаев Института общественных наук КНДР⁴.

Что касается Ю. Кумэ и М. Сога, которые, по имеющейся у японской стороны информации, также были похищены, то северокорейские представители заявили, что эти японские граждане никогда не были на территории КНДР.

⁴ <http://www.asahi.com/special/abductees/report/html>.

Объяснения северокаорейской стороны об обстоятельствах переправки в КНДР японцев и их дальнейшей судьбе с самого начала были восприняты в Токио с недоверием. То, что некоторые японцы могли дать согласие на посещение Северной Кореи, звучит достаточно правдоподобно. Действительно, в 80-е годы у части японского общества, особенно у студенчества, пользовались популярностью левые идеи и существовал интерес к социалистическим странам. Однако совершенно невероятны ссылки Пхеньяна на то, что сотрудники северокаорейских спецслужб действовали самостоятельно, без санкции руководства. В обстановке жесткой регламентации всех сторон жизни в КНДР разведчики не могли и шага ступить без одобрения сверху. Кроме того, спецоперации долгое время были излюбленным инструментом внешнеполитической стратегии Пхеньяна. В изданной в Японии книге переебавшего в Южную Корею бывшего сотрудника разведки КНДР Ким Тон Хёка утверждается, что Ким Ир Сен в силу ряда обстоятельств (географическая близость к Корее, многочисленная каорейская диаспора, наличие мощной организации соотечественников «Тёсэн сорэн», отсутствие законов против шпионажа и пр.) считал Японию «интересным объектом» с точки зрения прокладывания «обходного пути» для проникновения в Южную Корею. Ким Тон Хёк пишет, что еще в ноябре 1969 г. на расширенном заседании руководства КНДР Ким Ир Сен говорил об операциях по похищению японцев как о мерах, полезных для осуществления революции⁵.

Не могли не вызывать подозрения и уверения Пхеньяна в том, что не сохранились даже останки умерших из числа приглашенных или насильно доставленных в КНДР японцев.

Проблема похищений японских граждан стала серьезным препятствием для нормализации японо-северокаорейских отношений. В мае 1991 г. во время третьего раунда переговоров японская сторона подняла вопрос об «инциденте с Ли Ун Хе». Сотрудница северокаорейской спецслужбы по имени Ким Хён Хи, осужденная в Южной Корее за подрыв южнокорейского пассажирского самолета в ноябре 1978 г. (в результате взрыва погибли 115 пассажиров и членов экипажа лайнера), сообщила, что японская женщина, получившая псевдоним Ли Ун Хе, обучала ее японскому языку. Японская полиция считала высокой вероятностью того, что упомянутой преподавательницей японского языка на самом деле была Я. Тагути, которую считали пропавшей. Северокаорейская сторона резко отреагировала на вопрос о Ли Ун Хе, заявив, что это – «оскорбление Корейской Народно-Демократической Республики, и шаг, направленный на подрыв двусторонних переговоров»⁶. Хотя по этому вопросу некоторое время велись двусто-

⁵ Ким Тон Хёк. Киннисэй но химицу кёдзи (Секретные указания Ким Ир Сена). Токио, 2004, с. 129–130.

⁶ The Ministry of Foreign Affairs of Japan. Outline and Background of Abduction Cases of Japanese Nationals by North Korea. April 2002. – http://www.mofa.go.jp/region/asia-pasi/n_korera/abduct.html.

ронные консультации на рабочем уровне, в ходе восьмого раунда консультаций по нормализации двусторонних отношений в ноябре 1992 г. представители Пхеньяна отказались обсуждать вопрос о Ле Ун Хе и в одностороннем порядке прервали консультации. Это привело к приостановке переговоров по нормализации отношений.

На предварительной встрече по поводу возобновления переговоров о нормализации двусторонних отношений в августе 1997 г., а также в ходе первого раунда переговоров представителей Красного Креста Японии и КНДР в сентябре того же года Токио поднимал вопрос о похищениях японских граждан, однако северокорейская сторона по-прежнему категорически отрицала свою причастность к таким действиям.

В ноябре 1997 г. делегация депутатов парламента Японии посетила Северную Корею. В ответ на просьбу делегации расследовать похищения японцев представители Пхеньяна заявили, что намерены «исследовать проблему как частный случай пропажи людей»⁷. В ходе второго раунда переговоров представителей Красного Креста Японии и КНДР в декабре 1997 г. японская сторона вновь настоятельно потребовала от Пхеньяна провести серьезное расследование и принять меры для урегулирования проблемы. Северокорейская сторона обещала провести расследование и предоставить японцам его результаты, утверждая при этом, что правительство КНДР никоим образом не причастно к похищениям.

В июне 1998 г. представитель Красного Креста КНДР заявил, что, как показали результаты расследования, ни один из десяти японских граждан, которых правоохранительные органы Японии считают похищенными, не проживает в КНДР. В августе того же года после запуска Северной Кореей баллистической ракеты переговоры представителей Красного Креста Японии и КНДР были приостановлены.

В апреле 2000 г. в ходе Пхеньянского раунда переговоров о нормализации отношений между Японией и Кореей, возобновленных после семилетнего перерыва, японская сторона указала, что без урегулирования проблемы похищений японских граждан улучшение двусторонних отношений невозможно, и призвала северокорейскую сторону проявить честность. В ответ представители КНДР заявили, что откажутся от продолжения диалога, если Токио будет и впредь использовать слово «похищение»⁸.

В августе 2000 г. в Японии проходила вторая после возобновления переговоров о нормализации отношений японо-северокорейская встреча. Японские дипломаты вновь заявили, что обе стороны не смогут игнорировать проблему похищений. Они выразили надежду, что КНДР тщательно изучит проблему и предоставит убедительные результаты расследований. Представители Пхеньяна вновь отвергли саму возможность похищений и

⁷ The Ministry of Foreign Affairs of Japan. Outline and Background of Abduction Cases of Japanese Nationals by North Korea. April 2002. – http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/n_korera/abduct.html.

⁸ Ibid.

утверждали, что эта тема не должна быть предметом переговоров о нормализации отношений между двумя странами. В то же время было заявлено, что Красный Крест КНДР проводит в сотрудничестве с соответствующими ведомствами Японии «тщательное расследование в отношении пропавших граждан»⁹. Однако 27 декабря 2001 г. Красный Крест КНДР объявил о приостановке расследования по поводу «пропавших граждан». Токио расценил этот шаг как совершенно неприемлемый.

11 марта 2002 г. Полицейское управление Японии официально объявило о своих подозрениях в том, что японская гражданка К. Аримото была похищена северокорейскими спецслужбами. 22 марта Красный Крест КНДР в очередной раз отверг обвинения в похищении японских граждан. Вместе с тем было заявлено о решении продолжить расследование случаев «пропажи людей» и о готовности провести переговоры представителей Красного Креста КНДР и Японии. В тот же день министр иностранных дел Японии Ё. Кавагути выступила с заявлением, в котором возобновление северокорейской стороной расследования случаев «пропажи людей» расценивалось как позитивный шаг в ответ на настоятельные просьбы Японии¹⁰.

Таким образом, визит премьер-министра Японии Дз. Коидзуми в КНДР в сентябре 2002 г. и подписание Пхеньянской декларации получили в Японии высокую оценку и расценивались как серьезный успех японской внешней политики. По мнению профессора Исследовательского института дипломатии и безопасности Юн Дук Мина (Республика Корея), в этот момент японские дипломаты умело использовали изменение обстановки на Корейском полуострове и вокруг Японии и КНДР. Во-первых, пришедшая к власти в США администрация Дж. Буша причислила Северную Корею к «оси зла». Во-вторых, в Северной Корее возникла крайне сложная экономическая ситуация. В-третьих, администрация президента Южной Кореи Ким Тэ Чжуна не возражала против опережающих Сеул дипломатических шагов Токио в отношении Пхеньяна. Такая позиция отличалась от линии прежнего южнокорейского президента, который проводил в отношении КНДР «политику солнечного тепла» и считал, что повестку дня японо-северокорейских и американо-северокорейских переговоров необходимо согласовывать с ходом внутрикореяского диалога¹¹. По мнению наблюдателей, важнейшим результатом переговоров Дз. Коидзуми и Ким Чен Ира в сентябре 2002 г. является признание северокорейским руководителем факта похищений японских граждан спецслужбами КНДР и принесенное им извинение. Это был беспрецедентный шаг северокорейской стороны. В частности, после корейской войны 1950–1953 гг. в КНДР насильно удерживались граждане Республики Корея, однако Пхеньян извинений не при-

⁹ Ibid.

¹⁰ The Ministry of Foreign Affairs of Japan. Outline and Background of Abduction Cases of Japanese Nationals by North Korea. April 2002. – http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/n_korera/abduct.html.

¹¹ Гайко форуму. 2002, декабрь, № 173, с. 13.

носил, и проблема остается до сих пор неурегулированной. По мнению Х. Танака, занимавшего на тот момент пост заведующего Департаментом Азии и Океании МИДа Японии, «решение проблемы похищения японских граждан станет индикатором того, как Северная Корея будет действовать в международном сообществе. Для решения этой проблемы Северная Корея должна быть твердо уверена, что ей выгодно вхождение в международное сообщество»¹². Вместе с тем специалисты высказывали мнение, что дальнейшее продвижение в деле разрешения проблемы похищенных японских граждан будет трудным. Реальное развитие событий подтвердило этот прогноз.

15 октября 2002 г. в Японию прибыли пять японских граждан из числа похищенных северокаорейскими спецслужбами – супружеские пары Тимура и Хасуикэ, а также Х. Сога. Однако воссоединение их с родственниками, оставшимися в КНДР, задержалось на неопределенное время. Хотя между сторонами был согласован вопрос о возвращении пяти японцев в КНДР после посещения Японии, Токио предпринял шаги вразрез с этими договоренностями. 24 октября 2002 г. генеральный секретарь кабинета министров Японии выступил с заявлением, в котором, в частности, говорилось: «Японское правительство позволит пяти похищенным гражданам остаться на родине, а что касается членов их семей, оставшихся в Северной Корее, то мы будем решительно настаивать на том, чтобы она обеспечила их безопасность, подтвердила, что они будут незамедлительно возвращены в Японию, и назначила дату их возвращения»¹³.

Такая линия поведения Токио вызвала резкое недовольство руководства КНДР, которое обвиняло японскую сторону в нарушении своего обещания вернуть бывших заложников до окончательного решения их судьбы на двусторонних переговорах. Пхеньян также не давал согласия на скорейший переезд в Японию родственников похищенных.

И хотя японская сторона продолжала оказывать давление на Пхеньян с целью окончательно решить вопрос о похищенных японцах практически на всех международных форумах, в которых участвовала КНДР, а также на двусторонних консультациях, в процессе урегулирования проблемы наступила затяжная пауза.

Среди японцев усиливались антисеверокаорейские настроения. Комитет связи семей, пострадавших в результате похищений, и Комитет спасения настаивали на решительных мерах японского правительства для скорейшего воссоединения членов семей похищенных вплоть до введения экономических санкций в отношении КНДР. Учитывая настроения общественности, японский парламент в 2004 г. принял Поправки к закону о валютном регулировании и Закон об особых мерах по запрещению захода в японские

¹² Там же, с. 16.

¹³ http://mofa.go.jp/region/asia-paci/n_korea/ccs0210html.

порты «определенных» морских судов. Эти законы позволяли запретить денежные переводы и приостановить доставку в Северную Корею грузов из Японии, прежде всего на теплоходе «Мангёнбон-92», совершающем рейсы между Ниигатой и корейскими портами¹⁴.

Для премьер-министра Дз. Коидзуми нормализация отношений с КНДР составляет одну из приоритетных целей. Ему требовался серьезный успех в урегулировании проблемы похищений японских граждан, которая является одной из главных помех для нормализации двусторонних отношений. И Дз. Коидзуми предпринял второй визит в Пхеньян. 22 мая 2004 г. состоялась его встреча с северокорейским лидером Ким Чен Иром. В ходе переговоров руководитель КНДР изменил прежнюю позицию и дал обещание «провести тщательное повторное расследование с чистого листа» в отношении десяти японских граждан, которых японская сторона считает похищенными и удерживаемыми КНДР¹⁵.

Важным результатом визита Дз. Коидзуми в Пхеньян стало окончательное возвращение в Японию детей супругов Тимура и Хасуикэ, т. е. пяти из оставшихся в КНДР восьми родственников японских граждан, репатриированных в октябре 2002 г.¹⁶

В Пхеньяне Дз. Коидзуми объявил, что если КНДР будет соблюдать положения Пхеньянской декларации, то Япония не станет применять против Северной Кореи поправки к Закону о валютном регулировании и Закон об особых мерах по запрещению захода в японские порты определенных морских судов. В качестве знака доброй воли японский премьер-министр объявил о намерении предоставить КНДР продовольственную помощь (250 тыс. т кукурузы или риса) и гуманитарную помощь (медикаменты на сумму 10 млн. долл.).

Руководство Японии дало высокую оценку визиту Дз. Коидзуми в КНДР в мае 2004 г. Сам премьер-министр подчеркивал, что визит послужит нормализации отношений между Японией и Северной Кореей, переходу от враждебности к дружбе, от противостояния к сотрудничеству двух стран¹⁷. Положительно отнеслось к этой инициативе премьер-министра и большинство населения Японии. Согласно результатам опроса, проведенного газетой «Иомиури», 72% опрошенных одобрили визит, и только 24% – отнеслись к

¹⁴ Харука нару риндзин-ниттё но мэйро (Далёкий сосед. Японо-северокорейский лабиринт). Токио, 2004. С. 218.

¹⁵ Рондза. 2004, № 7, с. 12–13.

¹⁶ Что касается остальных, то встреча Х. Сога с ее двумя детьми и мужем Чарльзом Дженкинсом произошла в Индонезии в июле 2004 г. Позднее Дженкинс предстал перед американским военным судом на военной базе Дзама (преф. Канагава) и по приговору суда за дезертирство отбыл заключение сроком в 30 дней. В декабре 2004 г. семья в полном составе поселилась на родине супруги – в г. Садо преф. Ниигата.

¹⁷ Рондза. 2004, № 7, с. 33.

нему негативно¹⁸. Комитет связи семей, пострадавших в результате похищений, расценил итоги визита как «наихудшие» из возможных, поскольку северокорейская сторона так и не представила исчерпывающей информации о похищенных японцах. Газета «Йомиури» писала, что «визит нельзя рассматривать как неудачу, но не стоит и оценивать его как успех... Для воссоединения семей, по существу, был выплачен выкуп»¹⁹. Та же газета подчеркивала: «Имея дело с КНДР, нельзя забывать, что это военно-диктаторское государство, которое совершало преступные акты похищения людей. Для улучшения отношений с КНДР наряду с диалогом необходимо прибегать и к давлению»²⁰.

Японская сторона продолжала добиваться от северокорейцев полной информации об исчезнувших японских гражданах. По настоянию Токио во время третьего раунда японо-северокорейских консультаций на рабочем уровне, проходивших в Пхеньяне 9–14 ноября 2004 г., состоялись встречи японских представителей с членами северокорейской «следственной комиссии», созданной по распоряжению Ким Чен Ира, и с 16 свидетелями. Они включали врачей и медсестер, осматривавших и лечивших похищенных японских граждан, их бывших инструкторов, работников «домов для гостей» и др.²¹ Северокорейская сторона передала представителям Токио «вещественные доказательства» смерти японцев. Это – останки М. Ёкота и К. Мацуки, история болезни М. Ёкота, копии уголовных дел сотрудников северокорейских спецслужб, осужденных в связи с похищениями японских граждан, копии протоколов автомобильных аварий, в которых якобы погибли японцы. Проверка останков с использованием анализа ДНК, проведенная в Японии в университете Тэйкё и в Национальном исследовательском институте полиции, показала, что предоставленные северокорейцами фрагменты костей не принадлежали М. Ёкота и К. Мацуки. «История болезни», якобы принадлежащая М. Ёкота, содержит записи о нескольких пациентах разного возраста. В копиях уголовных дел сотрудников спецслужб большие фрагменты текста зачернены, и документ не дает возможности установить, в какой мере осужденные были причастны к похищениям. Вымараны также части протоколов автомобильных аварий. В них не указаны фамилии погибших, поэтому эти документы нельзя рассматривать как свидетельства гибели Я. Тагути и К. Мацуки в дорожно-транспортном происшествии.

Представители Японии обнаружили много несуразностей и противоречий и в показаниях северокорейских свидетелей. Вот только некоторые из них. Так, по рассказам медиков, М. Ёкота, помещенная в профилактическую больницу № 49 Пхеньяна, покончила с собой, повесившись на дереве,

¹⁸ Йомиури симбун. 24.05.2004.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ http://www.go.jp/region/asia-paci/n_korea/abduction/invest0412.pdf.

когда наблюдавший за ней во время прогулки врач на короткий период оставил больную без внимания. Но могла ли женщина совершить самоубийство в условиях постоянного контроля над ней? И почему медики не обратили внимания на веревку, которую Ёкота якобы сама изготовила из обрывков одежды? Далее, северокарейцы утверждали, что Я. Тагути погибла 30 июля 1986 г., а японская сторона располагает информацией, что спустя несколько месяцев после этой даты женщину видели в одном из универсамов Пхеньяна.

Японская полиция в результате собственного расследования пришла к выводу, что Т. Исиока, К. Мацуки и К. Аримото были похищены и доставлены в КНДР из Западной Европы при участии преступников из левачьей группировки «Сэкигун», совершивших в 1970 г. захват пассажирского самолета «Ёдо-го» авиакомпании JAL и угнавших его в КНДР. Однако официальные северокарейские лица упорно отрицают это. Кроме того, японская сторона имеет доказательства участия в похищениях трех граждан КНДР и требует их выдачи, но Северная Корея отвечает отказом.

В целом, как отмечается в докладе японского правительства, опубликованном 24 декабря 2004 г., северокарейская сторона не смогла предъявить весомых подтверждений смерти восьми похищенных японских граждан и доказательств в отношении еще двух граждан – Ю. Кумэ и М. Сога, что они не были насильственно доставлены в КНДР. В докладе подчеркивается, что повторное расследование не вызывает достаточного доверия, и его нельзя считать «тщательным расследованием с чистого листа», как это обещал председатель Ким Чен Ир²².

Этот документ вызвал резкий протест Пхеньяна. 24 января 2005 г. правительство КНДР направило правительству Японии меморандум, в котором результаты проведенных японской стороной исследований объявляются «явной фальшивкой». Меморандум содержит требование северокарейской стороны к японскому правительству «возвратить останки в их первоначальном состоянии, провести тщательную проверку, установить истину о подделке результатов анализа и строго наказать виновных»²³. Используя наступление как лучший вид обороны, Пхеньян вновь избегает раскрытия правды об обстоятельствах похищений японских граждан и об их судьбе. Кроме того, во время третьего раунда японо-северокарейских консультаций в ноябре 2004 г. северокарейская сторона отказывала японцам во встречах с представителями разведорганов КНДР на том основании, что речь шла о действующих сотрудниках.

После ожесточенного спора по проблеме подлинности останков М. Ёкота, возникшего в ноябре 2004 г., в японо-северокарейских контактах наступил очередной длительный перерыв. Поводом для возобновления диалога

²² http://www.go.jp/region/asia-paci/n_korea/abduction/invest0412.pdf.

²³ http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/n_korea/abduction/comment0502.pdf.

Токио и Пхеньяна послужил четвертый раунд шестисторонних переговоров по урегулированию ядерной проблемы на Корейском полуострове. Он проходил в Пекине с 26 июля по 7 августа и с 13 сентября по 20 сентября 2005 г. Следует отметить, что с самого начала шестисторонних переговоров в августе 2003 г. Токио стремился использовать этот механизм для разрешения проблемы похищений. Однако если США не возражали против обсуждения этой проблемы в рамках шестисторонних переговоров, то КНР и Республика Корея считали, что вопрос похищений относится всецело к двусторонним отношениям между Японией и КНДР. Поэтому его включение в повестку дня переговоров могло бы вызвать резкое противодействие Пхеньяна, что затруднило бы продвижение к разрешению ядерной проблемы²⁴. Сходную позицию по этому вопросу занимала и российская сторона.

В июле-сентябре 2005 г. на проходивших параллельно с четвертым раундом шестисторонних переговорах в Пекине японо-северокорейских консультациях было решено возобновить диалог между двумя правительствами по проблемам похищений японских граждан. Эта договоренность была подтверждена на состоявшейся в Пекине 24–25 декабря 2005 г. встрече представителей правительств Японии и КНДР.

Японо-северокорейские переговоры по проблемам похищенных японских граждан, нормализации отношений между двумя государствами и по вопросам безопасности (вокруг ядерных и ракетной программ КНДР) состоялись в Пекине 4–8 февраля 2006 г. Усматривая в поведении Пхеньяна попытку уклониться от обсуждения проблемы похищений граждан и в то же время учитывая его заинтересованность в скорейшем восстановлении дипломатических отношений с Токио, прежде всего для получения экономической помощи с японской стороны, последняя настояла на обсуждении проблемы похищений в первую очередь.

5 февраля, на второй день переговоров, который был посвящен проблеме похищений, руководитель японской делегации, советник управления Азии и Океании МИДа Японии К. Умэда заявил, что без разрешения проблемы похищенных граждан нормализация японо-северокорейских отношений невозможна. Японская сторона выдвинула требования: а) незамедлительно возвратить в Японию всех оставшихся в живых похищенных японских граждан; б) тщательно расследовать обстоятельства похищений; в) передать японским властям непосредственных исполнителей преступлений Син Гвансу, Ким Сэхо и К. Уомото.

Однако разгоревшаяся дискуссия в очередной раз выявила непримиримые противоречия сторон. Представители КНДР отказались передать Японии трех подозреваемых в преступлениях, ссылаясь на то, что, например, Син Гвансу нельзя передать Японии в связи с его преклонным возрастом и проблемами со здоровьем, К. Уомото является политическим беженцем, а

²⁴ http://yomiuri.co.jp/features/eank/200507/ea20050712_01.htm.

что касается Ким Сэхо, то они вообще не располагают какой-либо информацией об этом человеке. Более того, делегация КНДР в свою очередь выступила с обвинениями, осудив деятельность японских неправительственных организаций, которые оказывали поддержку северокорейским беженцам, и заявив, что они «насиленно увозят и похищают граждан КНДР из регионов, расположенных рядом с границей с Китаем». Представители Пхеньяна потребовали передать властям Северной Кореи семерых японцев — руководителей и активистов этих неправительственных организаций как лиц, нарушивших уголовный кодекс КНДР²⁵.

Жесткая позиция северокорейской стороны в вопросе похищений отражена в комментарии «Нодон синмун» от 26 марта 2006 г. В нем говорится, что «КНДР не станет добиваться улучшения отношений с Японией, если последняя будет продолжать враждебную политику в отношении Пхеньяна». Автор комментария выражает резкое несогласие с высказываниями японской стороны о том, что до разрешения проблемы похищений не может быть нормализации двусторонних отношений: «Выдвижение Японией этого условия приведет к усилению конфронтации, обострению ситуации, ущербу имиджа КНДР на международной арене, а также к осложнению ряда исторических вопросов»²⁶.

Таким образом, северокорейская сторона подавала сигнал, что предел ее уступок в вопросе о похищениях уже достигнут и рассчитывать на какие-то новые подвиги Японии не стоит. Вероятно, начиная со второй декады февраля 2006 г. в развитии японо-северокорейских отношений наступила очередная пауза.

Из-за неуступчивости властей КНДР в Японии пользуется популярностью идея экономических санкций против Северной Кореи. В сентябре 2005 г., во время выборов в палату представителей, организации членов семей похищенных провели анкетирование кандидатов в депутаты парламента, чтобы выяснить их отношение к идее введения санкций против КНДР. 45% кандидатов в депутаты поддержали идею санкций. В то же время из 362 вновь избранных депутатов нижней палаты парламента санкции поддержали около 70%. Организаторы анкетирования оценивают такие результаты как доказательство поддержки избирателями жесткой линии поведения в отношении КНДР²⁷.

Однако руководство Японии, по-видимому, не считает экономические санкции только со стороны Токио эффективным средством воздействия на политику Северной Кореи. Так, видный деятель Либерально-демократической партии Японии С. Исиба, занимавший в 2002–2004 гг. пост начальника Управления национальной обороны, считает, что рецепта быстрого решения проблемы похищений не существует. По его мнению, необходимо ока-

²⁵ Йомиури симбун. 08.02.2006.

²⁶ <http://Russian.people.com/cn/31520/4238627.html>.

²⁷ <http://www.yomiuri.co.jp/features/ean/200509/ea20050914-02.htm>.

зывать на Пхеньян давление в международном масштабе и побуждать Северную Корею к проведению «ответственной политики». Экономические санкции могли бы быть эффективными, полагает Исиба, если бы их поддержало мировое сообщество, поэтому Япония должна добиваться международной поддержки своей позиции²⁸.

Руководство Японии, действительно, стремится придать проблеме похищения людей спецслужбами КНДР международное звучание. Эта проблема обсуждалась на саммите восьмерки в Си-Айленде (США) в июне 2004 г. В заключительном документе саммита не только была выражена поддержка шестисторонним переговорам по урегулированию ядерной проблемы на Корейском полуострове, усилиям по комплексному разрешению проблем ядерного оружия, обеспечения безопасности, но также было уделено внимание вопросу похищений граждан и другим проблемам гуманитарного характера²⁹. 27 октября 2005 г. тема похищений японских граждан северокорейскими спецслужбами обсуждалась в третьем комитете (по правам человека) Генеральной Ассамблеи ООН. 16 декабря 2005 г. ГА ООН большинством в 88 голосов приняла резолюцию, в которой похищения людей осуждались как «организованные нарушения прав человека»³⁰. Соединенные Штаты Америки солидаризируются с Японией в этом вопросе и наряду с другими обвинениями в адрес КНДР используют для оказания нажима на Пхеньян проблему похищений иностранных граждан. Так, Деторани, представитель США на шестисторонних переговорах по урегулированию ядерной проблемы на Корейском полуострове заявил, что условием для исключения КНДР из списка государств, поддерживающих терроризм, должно стать разрешение проблемы похищений северокорейскими спецслужбами иностранных граждан³¹.

«Интернационализации» данного вопроса служат и сообщения прессы о том, что пленниками северокорейских разведчиков становились не только японцы, но и люди других национальностей. Х. Сога, вернувшаяся в Японию после многолетнего пребывания в неволе в КНДР, рассказала журналистам, что встречалась в Пхеньяне с румынкой, которую обманным путем привезли из Италии, и с тайской женщиной, похищенной в Макао³². В октябре 2005 г. была опубликована информация министерства объединения Республики Корея о том, что спецслужбы КНДР похитили 55 граждан, из них 11 человек живы, 10 умерли, а судьба еще 34 человек не выяснена³³. Газета «Йомиури» в феврале 2006 г. поместила сообщение о намерении итальянских спецслужб направить в Японию своих сотрудников для полу-

²⁸ Исиба Сигэру. Кокубо (Национальная оборона). Токио, 2005, с. 132.

²⁹ Йомиури симбун. 11.06.2004.

³⁰ Санкэй симбун. 23.12.2005.

³¹ Йомиури симбун. 03.11.2005.

³² Йомиури симбун. 08.10.2005.

³³ <http://www.asahi.com/special/abductees/TKY200510250462.html>.

чения данных об итальянках, похищенных северокаорейскими разведчиками. «Иомиури симбун» приводит информацию «Коррера делла сера» о том, что выкраденная во второй половине 70-х годов северокаорейцами ливанская женщина встречала в КНДР нескольких насильно привезенных туда итальянок³⁴. Японские организации родственников похищенных граждан устанавливают связи с товарищами по несчастью из других стран для усиления международного давления на власти КНДР. В декабре 2005 г. в Токио состоялась встреча солидарности родственников похищенных людей из Японии, Южной Кореи, Ливана и Таиланда³⁵.

Руководство Японии, добиваясь нормализации отношений с КНДР, вместе с тем наряду с прочими вариантами обдумывает и сценарии действий на случай краха нынешней политической системы Северной Кореи. Часть японских экспертов связывает перспективы окончательного урегулирования проблемы похищения граждан спецслужбами КНДР с демократизацией, а по существу – со сменой политического режима Северной Кореи. Показательно в связи с этим мнение доктора философии, доцента Киотского университета М. Осава. Ученый считает, что подобно тому, как падение берлинской стены в 1989 г. было подготовлено массовой эмиграцией граждан ГДР через территорию Венгрии в ФРГ, толчком к процессу демократизации (т. е. к смене режима) в КНДР могла бы стать массовая эмиграция из Северной Кореи. По мнению Осава, Япония самостоятельно, в рамках своей мирной конституции могла бы стимулировать процесс демократизации северокаорейского режима. Для этого Токио следовало бы договориться с Китаем и Республикой Корея о смягчении контроля на границе с Северной Кореей (чтобы обеспечить «проходимость» границы), объявить о готовности принять на японской территории всех граждан КНДР, пожелавших эмигрировать, и действительно обустривать у себя беженцев, которые будут прибывать на Японские острова. Осава полагает, что в этом случае Республика Корея не осталась бы в стороне и незамедлительно начала бы принимать и обустривать у себя соотечественников с севера³⁶. Но такое подталкивание к хаосу в КНДР могло бы привести к эффекту, обратному демократизации, а именно запустить механизм массовых репрессий руками спецслужб, правоохранительных органов и армии Северной Кореи.

Понимая сложность проблем японо-северокаорейских отношений, авторитетные японские специалисты призывают в подходе к ним проявлять сдержанность и терпение. Бывший заместитель министра иностранных дел Японии Х. Танака участвовал в конфиденциальных переговорах с представителями Пхеньяна, подготовивших почву для действительно прорывного визита премьер-министра Японии Дз. Коидзуми в КНДР в сентябре 2002 г.

³⁴ Иомиури симбун. 22.02.2006.

³⁵ Иомиури симбун. 21.12.2005.

³⁶ Осава Масати. Гэндзицу но муко (По ту сторону реальности). Токио, 2005, с. 51–52.

В своей статье он отмечает: «После данного визита в Японии усилились антисеверокорейские настроения в связи с проблемой похищений японских граждан... Опасно то, что в японо-северокорейских отношениях имеет место противостояние эмоций. Сильные сомнения вызывает позиция средств массовой информации, которые рисуют события в черно-белом цвете, выступают с односторонними нападениями и возбуждают общественное мнение. Ощущение угрозы создает атмосфера, в которой трудно высказывать альтернативные мнения»³⁷.

Более того, в Японии звучит критика негибкой позиции руководства страны, которое жестко увязывает вопрос нормализации отношений с КНДР с решением болезненной проблемы похищений граждан. Некоторые специалисты усматривают в современной японской дипломатии и, в частности, в подходе Японии к Северной Корее, усиление националистической тенденции. Бывший дипломат М. Сато, в прошлом игравший заметную роль в развитии японо-российских отношений, пишет: «В настоящее время ксенофобский национализм накапливает потенциал для выхода на новую ступень. Если говорить о японо-северокорейских отношениях, то этот потенциал может проявиться в отказе Японии от нормализации отношений с КНДР и аннулирования Пхеньянской декларации от 17 сентября 2002 г.»³⁸

* * *

Проблема похищений японских граждан спецслужбами КНДР составляет наряду с ядерными и ракетной программами Северной Кореи одну из серьезнейших помех для нормализации отношений между Японией и КНДР. Ничто не может стать достаточной компенсацией за исковерканные судьбы пострадавших от похищений и утешением для их родственников. Похищение людей – один из наиболее жестких приемов спецслужб, но к нему прибегали не только в Северной Корее. За четыре года до похищения северокорейской разведкой японской девочки М. Ёкота южнокорейская спецслужба выкрала в Токио и тайно доставила в Южную Корею диссидента Ким Тэ Чжуна, впоследствии ставшего президентом Республики Корея. Проблема похищений досталась в наследство от «холодной войны», к тому же ее исторический фон осложнен и колониальным господством Японии в Корее в 1910–1945 гг., и войной в Корее в 1950–1953 гг., когда Япония играла роль тыловой базы для вооруженных сил США – противника Северной Кореи.

Руководство КНДР признало факты похищений, принесло извинения и заявило о решимости не допустить их повторения в будущем. И, безусловно, это – заметная подвижка в процессе налаживания отношений между двумя странами. Вместе с тем, несмотря на настойчивость японской сторо-

³⁷ *Танакэ Хитоси*. Табу о ябурадзуситэ нихон но мирай ва най (Без разрушения табу у Японии не будет будущего). – Рондза. 2005, ноябрь, с. 154.

³⁸ *Сато Масару*. Миндзоку но вана (Западня национализма). – Сэкай. 2005, декабрь, с. 97.

ны, Пхеньян лишь приоткрыл правду о похищениях, скрывая информацию о большинстве похищенных японских граждан. Японская сторона считает, что КНДР не представила убедительных доказательств их смерти и исходит из того, что они до сих пор насильно удерживаются северокорейской стороной.

Как представляется, проблема похищений могла бы быть окончательно разрешена в условиях демократических преобразований в КНДР. Однако, как показывает международный опыт, в том числе опыт Республики Корея, этот процесс может быть очень сложным и длительным. КНДР должна самостоятельно пройти тернистый путь к демократии, и внешнее вмешательство контрпродуктивно. Напротив, снятие экономических санкций, стимулирование международных контактов Пхеньяна создаст благоприятные предпосылки для развития естественного процесса демократизации Северной Кореи. И Япония могла бы сыграть в этом процессе важную роль.

«Ниссан» в условиях глобализации: от выживания к успеху

И. Л. Тимонина

Одним из наиболее заметных, знаковых событий в мире японского бизнеса в конце XX в. стало партнерство между одним из крупнейших японских автомобильных концернов «Ниссан» и французской автомобильной компанией «Рено».

«Ниссан» пережил весьма нелегкие времена в 90-е годы, когда в условиях глобализации японской экономики и международного автомобильного рынка ему пришлось «отвечать на новые вызовы». Он вступил в альянс с европейской компанией, изменил корпоративную стратегию, модернизировал систему управления, в определенной степени отойдя от «японских традиций» ведения бизнеса. Сразу же оговоримся, что путь «Ниссан» не единственно возможный в условиях глобализации. Например, лидер японского автомобилестроения компания «Тоёта Мотор» полностью сохранила свою независимость и корпоративные принципы. Она весьма успешно действует как на внутреннем, так и на зарубежных рынках. Поэтому нам представляется важным выяснить, что же происходило в «Ниссан» в последние годы (в первую очередь в связи с заключением альянсового соглашения) и каковы его перспективы на будущее. Опыт «Ниссан» может оказать существенное влияние на поведение других японских компаний (и не только автомобилестроительных), учитывая тенденцию к их более тесной кооперации с зарубежными партнерами.

История основания и развитие компании во второй половине 90-х годов

В 1933 г. в Иокогаме холдинговые компании *дзайбацу* «Ниссан» («Ниппон сангё») и «Тобата Имоно» основали компанию «Дзидося Сэйдзо Ко.», которая стала предшественницей «Ниссан», а в 1934 г. неподалеку от Токио было завершено строительство автозавода¹. В том же году первые 44

¹ Shimokawa K. The Japanese Automobile Industry. A Business History. – The Athlone Press, L., 1994, p.109.

автомобиля марки «Датсун» были экспортированы в Азию и Южную Америку, а сама компания получила свое нынешнее название «Ниссан Мотор Ко.».

В послевоенные годы «Ниссан» восстанавливает производство, приобретает доли в партнерских компаниях и в 1958 г. начинает экспортировать седаны «Датсун» и небольшие грузовики в США. В 1959 г. компания открывает первое сборочное предприятие за рубежом – на Тайване, впоследствии расширяя свою производственную базу и в Японии и в других странах.

В 1972 г. «Ниссан» только на территории Японии производит 10 млн. автомобилей различных типов. Компания становится одним из лидеров японского и мирового автомобилестроения, выпуская на рынок все новые модели. Своим беспрецедентно быстрым ростом в 70-е годы она во многом обязана успеху моделей Z².

В 1983 г. «Ниссан» открывает свой первый завод в США (г. Смирна, штат Теннесси), а в 1989 г. выпускается знаменитая «Инфинити», которая почти 10 лет успешно продавалась на американском рынке.

Однако на фоне роста продаж в США реализация автомобилей «Ниссан» в Японии начинает сокращаться, и уже к началу 90-х годов она сталкивается с серьезными проблемами. Хотя в 90-е годы «Ниссан» удерживала вторую позицию на японском рынке легковых автомобилей, показатели эффективности ее деятельности снижались³.

В рейтинг 50 японских компаний разных отраслей, составленный по размеру декларируемого дохода, «Ниссан» до 2003 г. не входила⁴. По другому важнейшему показателю позиций компании на рынке – совокупной рыночной стоимости (Aggregate Market Value – AMV) – «Ниссан» в отличие от своих ближайших конкурентов также не входила в число лидеров⁵, уступая компаниям, сопоставимым с ней по объему продаж.

² «Z 240» становится самым быстро продаваемым спортивным автомобилем в мире: менее чем за 10 лет почти 500 тыс. этих автомобилей нашли своих владельцев в разных странах мира. – Magee D. How Carlos Ghosn Rescued Nissan. – Harper Collins Publishers Inc., N.Y., 2003, p. 5.

³ Подробнее см.: Japan Almanac. The Asahi Shimbun 1993, p. 150; 1996, p. 150; 1998, p. 158; 1999, p. 158; 2000, p. 159; 2002, p. 159; 2004, p. 137; 2005, p. 135; Motor Vehicle Statistics – http://www.jama.org/statitics/motorvehicle/production/mv_prod_year.htm, http://www.jama.org/statistics/motorvehicle/production/mv_prod_makeYear.htm.

⁴ В 2003/04 фин. г после 21-летнего перерыва «Ниссан» заняла в этом списке девятое место («Тоёта» неоднократно лидировала в списке, а «Хонда» неизменно входила в десятку на протяжении 1990-х – начала 2000-х годов) – Japan Almanac. The Asahi Shimbun 1995, p. 88; 1996, p. 88; 1998, p. 96; 1999, p. 96; 2000, p. 96; 2002, p. 96; 2004, p. 74; 2005, p. 78; Nippon 2005. Business Facts and Figures, p. 61.

⁵ В тридцатку лидеров она попала лишь в 2000 г., а в 2003 г. переместилась на пятую позицию. – Japan Almanac. 2000, p. 97; 2002, p. 96; 2004, p. 74; 2005, p. 78.

Прибыли компании падали и даже «превращались» в убытки, росли издержки, накапливались долги, которые к моменту заключения соглашения о партнерстве с «Рено» достигли 22 млрд. долл.⁶ В 1999–2000 гг. дивиденды не выплачивались⁷.

Ситуация в «Ниссан» была обусловлена действием целого ряда факторов внешней и внутренней среды компании.

В ряду внешних факторов в первую очередь следует отметить кризисные явления в японской экономике в 90-е годы, приведшие к сокращению внутреннего спроса, а также азиатский кризис 1997–1998 гг., ухудшивший условия сбыта на азиатском рынке. Вместе с тем, очевидно, что в подобной ситуации оказались и другие японские автопроизводители.

Поэтому причины ухудшения финансово-экономического положения компании, очевидно, следует искать в определенном сочетании факторов ее внутреннего развития и, прежде всего, в стратегии и особенностях управления⁸.

Сама суть проблем «Ниссан» 90-х годов при всем многообразии их проявления, очевидно, состояла все же в снижении конкурентоспособности и прибыльности ее профилирующего автомобильного бизнеса. «Ниссан» и в то сложное для нее время, несомненно, обладала высоким потенциалом развития, обусловленным наличием ценных активов (передовая производственная система, торговые марки, технологические разработки, квалифицированный и высоко мотивированный персонал и др.). Однако сохранение традиционного стиля и методов управления на фоне происходящих изменений во внешней среде (рецессия в японской экономике, с одной стороны, и стремительная консолидация мирового автомобильного рынка – с другой) не позволяли использовать этот потенциал достаточно эффективно для поддержания международной конкурентоспособности.

Акира Сато, один из топ-менеджеров «Ниссан», «ветеран» компании с 25-летним стажем (в настоящее время занимает пост вице-президента по казначейству) в одном из интервью заметил, что «Ниссан» использовала организацию управления, которая работала, пока экономика была в хоро-

⁶ *Magee D. How Carlos Ghosn Rescued Nissan.* – Harper Collins Publishers Inc., N. Y., 2003, p. 7.

⁷ <http://www.nissan-global.com/EN/DOCUMENT/PDF/AR/>

⁸ О ситуации мы можем судить по большей части по косвенным свидетельствам – результатам анализа исследователей, экспертов, суждениям и оценкам руководства компании, и лишь частично – на основе личных впечатлений автора и бесед с менеджерами компании. – *Bargaining with Multinationals. The Investment of Siemens and Nissan in North-East England.* By H. B. Loewendahl. – Palgrave, 2001, ch. 7; *Magee D. How Carlos Ghosn Rescued Nissan.* – Harper Collins Publishers Inc., N. Y., 2003, Preface, ch.4; *Shift. Inside Nissan's Historic Revival.* By C. Ghosn and Ph. Ries. – Currency Doubleday, 2005, ch.11 –13; Carlos Ghosn: cost controller or keiretsu killer? By Risaburo Nezu. OECD Observer, 28.04.2000; President Yoshikazu Hanawa's Speech at the FCCJ (Foreign Correspondents' Club of Japan) Professional Luncheon. 19.04.1999. – www.nissan.co.jp/EN/Press Release.

шем состоянии. Однако после того, как «мыльный пузырь» лопнул, эта модель уже не работает⁹.

По мнению К. Гона, назначенного после заключения альянса с «Рено» генеральным директором (СЕО) «Ниссан»¹⁰, главная проблема компании, которая, как он выразился, является «одним из бриллиантов в короне японской автомобильной индустрии...», которая способна функционировать на самом высоком уровне...», состояла в «неопределенности имиджа» и «общем замешательстве», «разобщенности» и «размытости» компании, представлявшей ему объединением элементов, взятых от других и не соединенных общей сильной стратегией¹¹. Гон выделил пять основных групп факторов, приведших к ухудшению положения компании.

Во-первых, в стратегии «Ниссан» *отсутствовала четкая ориентация на получение прибыли*.

Данное суждение, конечно, не предполагает, что «Ниссан» не имела цели получения прибыли. Речь идет о системе приоритетов, где прибыль занимала не самую высокую позицию (японские компании традиционно ставили на первое место рост объема продаж, увеличение доли на рынке, долгосрочный рост). Показательно, что Гон употребил выражение, на наш взгляд, очень точное – «компания не была ориентирована *на погоню* за прибылью». При такой постановке вопроса линейные менеджеры, отслеживая основные показатели своей работы, не были нацелены на достижение конкретных количественных результатов по прибыли. В подтверждение своего вывода Гон приводит тот факт, что в 1999 г. из 43 единиц модельного ряда «Ниссан» лишь четыре модели приносили прибыль¹².

Непосредственной причиной снижения прибыльности и конкурентоспособности компании или оборотной стороной той же проблемы являлись высокие издержки компании, которые, в свою очередь, были обусловлены особенностями организации и управления разными сферами ее бизнеса.

Что же касается инженерно-технологической области и сферы разработки продуктового ряда, то в конце 90-х годов при сокращении объемов продаж «Ниссан» сохраняла обширный модельный ряд, опирающийся на диверсифицированный ряд платформ¹³, и это приводило к удорожанию производства.

Кроме того, имела место своего рода «инерция» в планировании продуктового ряда. Например, даже когда продажи популярной на американском рынке модели Z стали падать, менеджмент компании, отложив вне-

⁹ Magee D. How Carlos Ghosn Rescued Nissan, p. 47.

¹⁰ Впоследствии К. Гон стал и президентом «Ниссан», а в 2005 г. он совместил эти должности с такими же постами в «Рено».

¹¹ Shift. Inside Nissan's Historic Revival. By C. Ghosn and Ph. Ries., p. 80, 81, 97.

¹² Ibid., p. 98.

¹³ Более 50 моделей автомобилей, использующих 26 платформ. Это превышало аналогичный показатель всех европейских производителей вместе взятых.

дрение модели нового дизайна, продолжал вкладывать средства в поддержку популярной ранее модели. Примерно то же произошло и с моделью «Ниссан Микра» («March»), которая, хотя и признавалась в 1992 и 1993 гг. «автомобилем года» в Японии, в конце 90-х годов уже продавалась плохо, и, тем не менее, компания продолжала вкладывать в нее инвестиции¹⁴.

Другой причиной высоких издержек производства в автомобильном бизнесе «Ниссан» стало сохранение системы постоянных поставщиков, объединенных в вертикальные группы *кэйрэцу*. Наличие таких групп и их взаимодействие, как известно, является одним из традиционных элементов партнерских отношений между японскими компаниями. Подобная практика была экономически оправдана в условиях послевоенного восстановления японской экономики и высоких темпов роста, когда на первый план выходили интересы стабильности поставок и сглаживание колебаний рынка. Руководство головной компании «Ниссан» также традиционно закупало комплектующие у компаний – членов *кэйрэцу*, часто не считаясь с ценовой конкурентоспособностью изделий последних, что при повышении цен субподрядчиками часто сводило на нет все усилия «Ниссан» по снижению себестоимости и повышению конкурентоспособности конечной продукции. Так, по расчетам команды К. Гона, в конце 90-х годов «Ниссан» платила своим поставщикам на 15–20% больше компаний-конкурентов¹⁵. Кроме того, в «Ниссан» имела место «высокая степень фрагментированности» производственного процесса, предполагавшая использование огромного числа поставщиков¹⁶.

Ухудшение финансовой ситуации компании в целом (включая не только автомобильный бизнес, но и другие подразделения, не связанные с основным производственным профилем) во многом было связано и с сохранением системы перекрестного владения акциями, характерной для Японии. К концу 90-х годов компания (точнее, группа) «Ниссан» была «переинвестирована», перенасыщена непрофильными компаниями, имея доли в 1394 компаниях¹⁷. При этом надо отметить, что такая обширная сеть акционерного участия образовалась не только в результате того, что японский бизнес предпочитал действовать в рамках финансово-промышленных групп, но и в результате интенсивного приобретения активов в предшествующие десятилетия и, особенно, в 80-е годы, в период высокой конъюнктуры.

Кстати, в 60-х – начале 80-х годов приобретение самых различных по отраслевой принадлежности активов стало характерной чертой развития многих международных компаний. В результате они превращались в ди-

¹⁴ Magee D. How Carlos Ghosn Rescued Nissan, p. 47.

¹⁵ Ibid., p. 46.

¹⁶ Например, одно предприятие, производившее 200 тыс. автомобилей в год, пользовалось услугами шести поставщиков резины. – Shift. Inside Nissan's Historic Revival. By C. Ghosn and Ph. Ries., p. 94.

¹⁷ Magee D. How Carlos Ghosn Rescued Nissan, p. 48.

версифицированные конгломераты¹⁸. Однако уже в 80-е годы эти компании стали избавляться от непрофильных и часто убыточных или недостаточно прибыльных подразделений. На смену горизонтальной пришла вертикальная диверсификация, а стратегии расширения сменили стратегии «экономики», направленные, прежде всего, на повышение эффективности бизнеса, увеличение прибыли, снижение затрат. В целях же расширения присутствия на зарубежных рынках компании все более стали прибегать к диверсификации через партнерство.

Что же касается «Ниссан», то она и в конце 90-х годов продолжала функционировать в виде высокодиверсифицированной группы. При этом вложения во многие компании, которые входили в эту группу, впоследствии были отнесены к категории неработающих активов, а участие во многих из них было «необязательным» с точки зрения поддержания эффективности основного бизнеса.

Однако избавляться от акций партнеров было, как известно, не в традициях японского бизнеса, хотя, вероятно, многие в Японии, в том числе и в «Ниссан», осознавали необходимость перемен. Так, бывший председатель правления «Ниссан» Ё. Цудзи в интервью 1999 г. отметил, что японская практика перекрестного владения акциями была помехой для «Ниссан» и других японских компаний¹⁹.

Положение в «Ниссан» во второй половине 90-х годов усугубляла и ситуация в финансово-промышленной группе (*кигё сюдан*) «Фуё», которая объединялась вокруг банка «Фудзи» и к которой традиционно принадлежала и «Ниссан». Банкротство одной из четырех крупнейших фондовых компаний Японии – «Ямаити сёкэн» (также принадлежавшей к упомянутой выше группе), а также тяжелая ситуация в банковской системе Японии в целом (после краха экономики «мыльного пузыря») косвенно повлияли и на финансовое положение «Ниссан». Компания уже не могла рассчитывать на безусловную поддержку банка «Фудзи» и Японского промышленного банка (Industrial Bank of Japan), с которыми традиционно поддерживала тесные отношения²⁰.

Во-вторых, причиной затруднений в «Ниссан» К. Гон называет *недостаточную «сфокусированность» на потребителе при планировании и продвижении продукта*. В «Ниссан», по его мнению, не всегда четко представляли «целевую аудиторию» разрабатывавшихся моделей автомобилей и часто использовали практику повторения уже признанных моделей или моделей конкурентов. Подобный подход, конечно, имеет право на сущест-

¹⁸ Подробнее см.: Кузьмина Т. И. Международный менеджмент. – Управление в международных компаниях. М., 2004, с. 19–20.

¹⁹ Magee D. How Carlos Ghosn Rescued Nissan, p. 7.

²⁰ Промышленный банк в конце 1990-х годов оказался в сложном финансовом положении и был временно национализирован.

зование (к нему прибегают и другие крупные компании), однако в условиях ужесточения конкуренции на автомобильном рынке в 90-е годы он не давал необходимого конкурентного преимущества.

В-третьих, согласно выводам К. Гона, проблемой компании являлась *недостаточная настойчивость в достижении поставленных целей и некоторая медлительность*. Так, японские менеджеры, по его мнению, привыкли устанавливать чрезмерно длительные временные границы выполнения какого-либо дела.

От себя добавим, что позиция Гона по данному вопросу ярко отражает различия западной и японской национальной и корпоративной культуры, имея в виду, что одной из отличительных черт последней является циклическое восприятие времени²¹.

В-четвертых, фактором кризисной ситуации компании Гон называет *недостаточную эффективность внутрифирменных коммуникаций (прежде всего межфункциональных связей) и «разделенность» компании*, обусловленную чрезмерной иерархичностью управления. Каждое подразделение работало на «своей территории» и отвечало за свой участок работы, не всегда видя общую перспективу. В результате каждый был вполне удовлетворен своими результатами, а общие неутешительные итоги работы компании считал чьей-то ошибкой.

И, наконец, в-пятых, самым важным фактором неудач компании в 90-е годы Гон считает *отсутствие четкой стратегии, общего видения и общей цели компании*, на которую должны работать все.

Нельзя сказать, что выводы К. Гона – это абсолютное открытие и никто в «Ниссан» ранее не догадывался о назревших проблемах и не осознавал необходимость обновления.

Еще в начале 90-х годов в «Ниссан» была предпринята попытка пересмотреть международные стратегии под лозунгом «глобальной эволюции». Она была направлена на расширение и активизацию зарубежной деятельности и укрепление позиций на трех крупнейших региональных рынках – Северной Америки, Европы и Юго-Восточной Азии²². Тем не менее ситуация в компании продолжала ухудшаться. План глобальной реформы бизнеса, разработанный в 1998 г., практически не начал реализовываться.

В такой ситуации руководством «Ниссан» было принято непростое решение о необходимости партнерства с зарубежной компанией, которая бы обеспечила ей финансирование, помогла избавиться от долгового бремени и расширить деятельность до таких масштабов, которые бы позволили

²¹ Подробнее см.: *Тимонина И. Л.* Корпоративная культура Японии: общее и особенное. – Портрет современного японского общества. М., 2006, с. 111–128.

²² *Richter F.-J.* Strategic Networks. The Art of Japanese Interfirm Cooperation. IBP, 2000, p. 154–158.

«Ниссан» в полной мере реализовывать имеющийся технологический потенциал.

Стратегические цели альянса и организация управления

В марте 1999 г. стало известно, что концерн «Рено» приобрел 36,8% акций (общей стоимостью свыше 5 млрд. долл.) «Ниссан» и 22,5% акций компании «Ниссан Дизель», входящей в группу «Ниссан» и занимающейся производством грузовых автомобилей, при сохранении эквивалентной доли (22,5%) в капитале этой компании за «Ниссан». Кроме того, компании договорились о приобретении «Рено» всех финансовых филиалов «Ниссан» в Европе на сумму около 320 млн. долл. В свою очередь «Ниссан» получила возможность приобрести пакет акций «Рено». (К настоящему времени доля «Рено» в капитале «Ниссан» составляет 44,3%, а «Ниссан» в «Рено» – 15%.²³).

Приобретение концерном «Рено» столь крупного пакета акций «Ниссан» стало крупнейшим событием в бизнесе Японии в 1999 г. Пресса и аналитики по-разному квалифицировали это событие, используя термины «слияние», «поглощение», «стратегический альянс». По нашему мнению, в данном случае имеет место формирование международного стратегического альянса с участием в активах, а не слияние или поглощение в полном смысле этих слов²⁴. Именно так расценивают свое партнерство и обе компании²⁵.

Глобальная стратегия новой транснациональной организации определялась как «прибыльный рост на основе синэргетического эффекта, полученного от объединения усилий двух компаний при сохранении брендов каждой из них»²⁶. Синэргетический эффект, который, по оценкам, позволял достичь экономии в издержках около 3,3 млрд. долл. в 2000–2002 гг., должен был проявиться в первую очередь в таких областях, как продажи, продуктовая стратегия, исследования и разработки, а также географическая диверсификация («Ниссан» имела сильные позиции в АТР и Северной Америке, в то время как «Рено» – в Европе и Латинской Америке). В дол-

²³ Renault-Nissan Alliance, 2005, December, p. 4.

²⁴ Слияние и/или поглощение, как известно, предполагает сокращение числа юридических лиц и существование только одной организации. В случае же с «Рено» и «Ниссан» сохраняются два юридически самостоятельных участника, две компании, каждая из которых имеет свои цели, миссию, философию, сохраняет собственные торговые марки.

²⁵ Само альянсовое соглашение называется соглашением «о глобальном партнерстве», а в годовом отчете компании «Ниссан» в разделе «Основные партнерства с другими компаниями» данное партнерство квалифицируется как «альянс в сфере автомобильного бизнеса, включая участие в капитале». – http://www.nissan-global.com/GCC/Japan/NEWS/19990327_1.html, Annual Report 2005. – www.nissan.co.jp/En.

²⁶ Renault and Nissan join Forces to Achieve Profitable Growth for Both Companies. Press Release. 27.03.1999. Nissan Motor co., ltd., Renault. – http://www.nissan-global.com/GCC/Japan/NEWS/19990327_1.html.

госрочном плане это партнерство должно было обеспечить обеим компаниям экономию и на масштабе и за счет диверсификации.

Главными стратегическими целями альянса были провозглашены:

- достижение глобального позиционирования на рынке автомобилей в качестве четвертого мирового производителя (с объемом производства в 4,8 млн. автомобилей в год);
- присутствие на всех основных региональных автомобильных рынках;
- расширение производства и продаж;
- повышение конкурентоспособности на основе совершенствования качества и сокращения издержек.

В отличие от многих других международных партнерств, альянс «Рено» – «Ниссан» имеет собственную организационную структуру. Уже при подписании альянсового соглашения сторонами было предусмотрено создание органов стратегического оперативного управления альянсом и обмен менеджерами.

Следует отметить, что проблема кадрового укрепления касалась в основном японской компании, перед вступлением в альянс находившейся в тяжелом финансовом положении. В «Ниссан» была направлена сильная управленческая команда в составе 17 человек во главе с заместителем генерального директора «Рено» К. Гоном, который был назначен генеральным директором (COO) «Ниссан» и вошел в Административный совет японской компании²⁷.

Для выработки общей стратегии альянса и обеспечения синергии был создан комитет альянса (Global Alliance Committee), в который вошли высшие руководители двух компаний: председатель правления – генеральный директор «Рено» Л. Швейцер и президент-генеральный директор «Ниссан» Ё. Ханава, а также по пять топ-менеджеров от каждой компании.

Кроме комитета образовывались и другие рабочие органы – совместные рабочие группы (Cross Company Teams), которыми непосредственно руководит координационное бюро, и комитет по руководству (Steering Committee). Кроме того, в рамках альянса был создан Международный консультативный совет (International Advisory Board), в задачи которого входила разработка основных планов в рамках общей глобальной стратегии.

В дальнейшем в организационные структуры альянса вносились изменения, которые в целом отражали укрепление связей между партнерами.

В 2002 г. была создана управляющая компания (которая заменила комитет альянса) с двумя штаб-квартирами в Париже и Токио, в капитале которой в

²⁷ Тем не менее, принцип обмена топ-менеджерами был выдержан, и президент-генеральный директор «Ниссан» Ё. Ханава получил пост в Совете директоров «Рено». Ц. Савада (наблюдатель при председателе) и Ю. Судзуки (глава координационного бюро альянса), члены совета директоров «Ниссан» были назначены старшими вице-президентами в «Рено». – http://www.nissan-global.com/GCC/Japan/NEWS/19990625_0e.html; http://www.nissan-global.com/GCC/Japan/NEWS/19990609_0e.html.

равных долях участвуют оба партнера. Президентом этой компании стал К. Гон.

Для оптимизации бизнес-процессов партнеры создали две совместные компании: RNPO – для совместной закупочной деятельности; RNIS – для централизации и унификации информационного обслуживания.

Кроме того, в организационную структуру альянса вошел целый ряд функциональных подразделений, создававшихся постепенно, в процессе развития партнерства. В их числе координационное бюро, которое руководит работой комитетов по руководству (SC), межфирменных команд (CCT), функциональных команд (FTT) и рабочих групп (TT).

Таким образом, в рамках альянса была создана полноценная организационная структура, которая наряду с использованием практики обмена менеджерами явилась важным интегрирующим фактором партнерства двух компаний.

Три плана возрождения «Ниссан»

Через три месяца после того, как К. Гон встал во главе компании, был принят План возрождения «Ниссан», основная цель и идея которого состояла в восстановлении конкурентоспособности компании, «оздоровлении» ее балансовых счетов, сокращении издержек и увеличении доли на мировом рынке. Были провозглашены и конкретные цели плана:

- в течение года достичь финансовой стабильности;
- в течение трех лет сократить объем долгов на 50%;
- в течение трех лет повысить операционную прибыль до 4,5% (к объему продаж)²⁸.

К. Гон внес существенные коррективы и в стиль руководства компанией. Представление о стиле руководства К. Гона и системе ценностей в корпоративном менеджменте, которую он внедряет в «Ниссан», дает его интервью. По мнению К. Гона, руководство компанией – это не маркетинг, не особая структура компании, а ее собственная философия. Самое важное в руководстве компанией – это не процесс руководства, не командный дух и не дискуссии, а конечный результат. Разумеется, командный дух и плодотворные дискуссии необходимы в процессе получения результата. Но даже если все это имеет место, а результат при этом плохой – все бесполезно²⁹.

Для повышения эффективности внутрифирменных коммуникаций, которые Гон считал одним из слабых мест в корпоративном управлении «Ниссан», в оперативно-функциональную структуру компании были внесены изменения – созданы девять межфункциональных команд (cross-

²⁸ Обнародуя этот план, Гон пообещал, что в случае невыполнения названных задач он сам и члены его команд уйдут со своих постов. – Shift. Inside Nissan's Historic Revival. By C. Ghosn and Ph. Ries. – Currency Doubleday, 2005, p. XIX.

²⁹ Тэйкэцу сэйко но хикэцу ва дзюси (Залог успешного сотрудничества – придавать важное значение консенсусу). Интервью с К. Гоном. – Хитоцубаси Бизнес Ревю. 2001, № 49, вып. 3.

functional teams, далее CFT), подобные тем, которые ранее были образованы в «Рено», и тем, что составили организационную структуру альянса. Сферы деятельности команд были определены следующим образом.

1. Рост бизнеса – новые продукты, услуги и рынки.
2. Закупки (на эту команду приходилось около 60% расходов компании).
3. Производство и логистика.
4. Исследования и разработки.
5. Продажи и маркетинг.
6. Общие и административные дела.
7. Финансы.
8. «Выведение» продукта, части оборудования или услуг (phasing out).
9. Организация и добавленная стоимость.

В целях преодоления узкого видения проблемы в каждую команду назначалось два руководителя из числа членов правления (executive committee) «Ниссан» в ранге вице-президентов, курирующих в основной структуре руководства те сферы деятельности, которые связаны с функциями команды³⁰.

Кроме того, в каждой команде был ведущий менеджер («pilot»), который непосредственно отвечал за достижение целей, стоящих перед командой, организуя ее работу, определяя повестку совещаний, ведя дискуссии на встречах команды. «Пилотами» назначаются компетентные люди, пользующиеся доверием у подчиненных.

Руководители команды и «пилоты» вместе подбирают членов команды (всего в работу команд вовлечено около 500 человек) и выбирают одну или несколько целей, вокруг которых концентрируются усилия команды.

Численность команды в среднем составляет 10 человек, которые являются менеджерами среднего звена с прямой ответственностью. Такая относительно небольшая численность команд определяется требованием оперативности, однако очевидно, что 10 человек не могут вникнуть во все детали каждой проблемы. Поэтому вокруг команд формируются подкоманды, или ячейки, которые концентрируются на специфических вопросах.

Для оценки деятельности команд и отслеживания процесса продвижения к поставленным целям стали в большей мере, нежели раньше, использоваться количественные измерения. Например, в сфере закупок был проведен анализ стоимости частей и компонентов, которые «Ниссан» закупала в Японии и Европе. В результате выяснилось, что комплектующие обходятся ей в среднем на 20–25% дороже, чем «Рено» (для аналогичных автомобилей).

³⁰ Например, вице-президент, ответственный за закупки брал на себя ответственность и за исследования и развитие в тандеме с вице-президентом, отвечающим за «инджиниринг». Так, руководителями второй команды (закупки) были назначены исполнительный вице-президент, ответственный за исследования и разработки, и вице-президент, ответственный за закупки.

Следующим шагом стало выяснение причин такого положения, которые, как выяснилось, крылись в использовании «Ниссан» слишком большого числа поставщиков, каждый из которых получал слишком маленький объем заказов, чтобы экономить на масштабах. К тому же в «Ниссан» использовалась чрезвычайно широкая номенклатура комплектующих, что вело к удорожанию производства и не давало возможности реализовать преимуществами стандартизации³¹.

Поэтому в Плате возрождения «Ниссан» и было предусмотрено снижение стоимости закупок на 20% в течение трех лет и приведение ее в соответствие с аналогичными показателями «Рено». Решено было изменить инженерные спецификации, упростить производство, оставив 12 платформ вместо прежних 27, и сократить производственные мощности сборочных предприятий с тем, чтобы повысить загрузку оборудования с 50% хотя бы до 75%, закрыв пять предприятий в Японии. Предусматривалось также сокращение на 20% общих расходов (включая маркетинг и административные расходы) и на 10% – дилерской сети в Японии (эта цифра была определена после тестирования дилерской сети межфункциональной командой).

Безусловно, одним из самых тяжелых вопросов были увольнения работников. У «Ниссан» было занято по всему миру около 148 тыс. человек, предстояло сократить 21 тыс. рабочих мест, уволив 14% персонала, в том числе 4 тыс. человек из производственных подразделений, 6,5 тыс. – из отделений продаж, 6 тыс. – управленческого персонала. Увеличивались (на 500 человек) лишь подразделения, занятые исследованиями и разработками. Проводить сокращение предполагалось тремя способами – увольнение, перевод на частичную занятость и более ранний выход на пенсию³².

Путь реструктуризации компании, избранный новой международной командой, предполагал, как мы показали выше, сложные и неординарные решения. Однако больше всего, по мнению Гона, японское общество потрясло решение о том, что новое руководство решило посягнуть на систему *кэйрэцу*, предполагавшую сохранение постоянных поставщиков и перекрестное владение акциями партнерских компаний.

Во-первых, было решено сократить число поставщиков. Из 1145 поставщиков частей, компонентов и материалов и 6900 поставщиков оборудования и услуг решено было оставить к 2002 г. соответственно 600 и 3400.

Кроме того, решено было отказаться от практики локальных или региональных переговоров с поставщиками по ценам и перейти к «глобальному подходу». Смысл его заключается в сотрудничестве закупочного и инженерного департамента с поставщиками в области 1) систематического сокращения цен; 2) пересмотра спецификаций; 3) внедрения «лучшей практики» по всем поставщикам по всему миру.

³¹ Shift. Inside Nissan's Historic Revival, p. 106.

³² Shift. Inside Nissan's Historic Revival, p. 120.

Во-вторых, по мнению нового руководства, за исключением четырех-пяти случаев, участие «Ниссан» в капитале других компаний не было необходимым для ее будущего. Поэтому она начала распродажу непрофильных активов, в результате которой было выручено около 500 млрд. иен. Объясняя этот шаг, Гон прямо и недвусмысленно заявил: «Время исторических, сентиментальных и личных обязательств между “Ниссан” и партнерами прошло... Мы должны избавиться от части наших активов и наше решение будет базироваться исключительно на анализе затрат и прибыли... Нужно освободить капитальные вложения в нестратегические активы и использовать их в ключевом бизнесе...»³³

Однако следует отметить, что подход к решению «судьбы» поставщиков был индивидуальным. Например, Гон согласился увеличить участие «Ниссан» в капитале компании JATCO (производитель трансмиссий) при условии, что она вернется к прибыльному росту и сократит издержки, т. е. проведет реструктуризацию вместе с «Ниссан». В результате к 2001 г. JATCO вступила в партнерство с «Мицубиси Моторс» и стала одним из крупнейших поставщиков трансмиссий на мировом рынке. В числе ее клиентов, например, такие компании, как «Хюндай» и «Дэу» (Республика Корея), «Ягуар Карс ЛТД.» (Великобритания), американско-германский «Даймлер – Крайслер» и другие ведущие мировые производители³⁴.

Интересно отметить, что некоторые другие компании-поставщики «Ниссан», являвшиеся членами *кэйрэцу*, весьма успешно повторили ее опыт, найдя себе иностранного партнера (например, производитель комплекующих – «Тотиги Фудзи сангё»).

Таким образом, значительная часть мер по оздоровлению «Ниссан» с самого начала представляла собой отход от традиций японского бизнеса – системы пожизненного найма, модели отношений с партнерами – поставщиками и дистрибьюторами в рамках *кэйрэцу*³⁵. Многие компании – члены *кэйрэцу* – пострадали от распродажи активов «Ниссан», так как это снизило рыночную стоимость их акций. В японской прессе политику Гона часто называли радикализмом, подчеркивая при этом, что подобный путь – не единственный для реструктуризации компаний, ставших партнерами западных фирм³⁶.

Однако результаты деятельности новой управленческой команды были налицо. Основные задачи, определенные Планом возрождения, были выполнены к концу 2001/02 фин.г., и в 2002 г. был утвержден новый бизнес-

³³ Ibid., p. 118–120.

³⁴ http://www.jatco.co.jp/ENGLISH/LTD_INFO/history.html.

³⁵ Журнал «Business Week», назвавший К. Гона одним из 25 лучших менеджеров мира 2000 г., писал в статье о нем, что для японских «традиционалистов» он стал «врагом № 1» из-за своей радикальной политики. – http://www.businessweek.com/2001/01_02/b3714015.htm.

³⁶ Например, в «Мазда» (партнерство с «Фордом») был принят более мягкий вариант, который не предполагает столь решительного отхода от принципов японской деловой практики.

план – «Nissan 180», нацеленный уже не на восстановление, а на рост компании.

Название плана символизировало три основные цели «Ниссан» на плановый период: «1» – 1 млн. дополнительно проданных автомобилей по всему миру к концу 2004/05 фин. г.; «8» – достижение 8% операционной прибыли; «0» – сведение задолженности компании к нулю. Принятие данного плана означало, что «Ниссан» входила в новую фазу модернизации, и движение компании по пути к западным стандартам ведения бизнеса продолжалось. План был успешно выполнен, что, по словам президента компании К. Гона, означало и завершение этапа возрождения компании, и ее переход к устойчивому прибыльному росту.

В 2003/04 фин. г. «Ниссан» превратилась в самую прибыльную из крупных автомобильных компаний мира с операционной прибылью в 11,1%. После нескольких лет сокращения компания стала вновь нанимать персонал и наращивать инвестиции³⁷. Активизировалась и деятельность по разработке новых моделей: появился на свет потомок легендарного «Датсуна Z 240» модель Z 350.

С апреля 2005 г. в компании начал действовать новый амбициозный план «повышения стоимости» компании («Nissan Value-Up»), также рассчитанный на три года.

Согласно этому плану «Ниссан» должна была, во-первых, поддерживать самый высокий уровень операционной прибыли (нормы) среди ведущих глобальных автопроизводителей в каждый из трех плановых лет; во-вторых, довести объем продаж автомобилей по всему миру до 4,2 млн. единиц и завоевать 7%-ную долю мирового рынка; в-третьих, достичь 20%-ной нормы рентабельности (прибыль на капитал) без наличных выплат.

Кроме того, в соответствии с планом «Ниссан» к концу 2007/08 фин. г. должна расширить свое глобальное присутствие так, чтобы 28 новых моделей «Ниссан» и «Инфинити» были представлены на всех региональных рынках.

Таким образом, ситуация в «Ниссан» за время ее партнерства с «Рено» значительно улучшилась, и компания динамично продвигается вперед. Поэтому интересно выяснить, в чем же заключалась деятельность самого альянса, и какое влияние она оказывает на условия функционирования «Ниссан».

Деятельность альянса

Реальная деятельность альянса, который считается одним из наиболее успешных международных партнерств последнего десятилетия, осуществляется в виде совместных проектов в разных сферах бизнеса.

³⁷ Например, в США было инвестировано более 1 млн. долл. в строительство нового предприятия.

Совместное производство. Компании-партнеры используют производственные мощности друг друга, расположенные в различных частях света для выпуска продукции под собственными торговыми марками. Первым совместным производственным проектом стал выпуск «Renault Scenic» на предприятии «Ниссан Мексикана» в конце 2000 г. В 2001 г. компании начали совместный выпуск автомобилей в Европе (фургонов «Рено Траффи», «Ниссан Примастер», «Опель» и «Вокхол Виваро») на заводе «Ниссан» в Испании (г. Барселона).

Кроме того, производятся для последующей продажи под собственными марками адаптированные версии моделей друг друга. В Европе, например, реализуются три такие «продуктовые пары». А на мексиканский рынок выпущена модель «Ниссан Платина», представляющая собой адаптированный вариант «Рено Клио».

В рамках альянса также происходит постепенная стандартизация и унификация производства двух компаний. Например, вводятся единые стандарты организации всех звеньев разработки, производства и продвижения продукта на основе взаимообогащения и совершенствования производственных систем каждой из компаний – *Système de Production Renault* (SPR) и *Nissan Production Way* (NPW). Введены единые системы оценки качества продукции – *Alliance Vehicles Evaluation System* (AVES). Альянсом принята также «Хартия качества», которая предусматривает единые правила и инструменты контроля качества на всех стадиях: обследование качества путем опроса потребителей, определение задач по качеству для каждой компании, качество производства, качество у поставщиков, процедуры и порядок гарантирования качества для потребителей и т. д.

Начали также использоваться единые показатели затрат времени, например, на стадии дизайна (*Design Standard Time – DST* и *Design Standard Time Ratio – DSTR*) и издержек, например, на продвижение продукта (*Product Introduction Cost – PIC*)³⁸.

Совместное использование производственных мощностей и унифицированных систем позволяет обеим компаниям добиваться сокращения издержек на производство, транспортные расходы, а также лучше адаптировать продукцию к требованиям национальных и региональных рынков за счет ее выпуска именно в целевом регионе на производственных мощностях партнера.

Совместная разработка технологий и оборудования. В целях экономии и повышения конкурентоспособности компании проводят унификацию платформ. К моменту заключения альянсового соглашения у «Рено» их было восемь, а у «Ниссан» – 26. К 2010 г. компании планируют совместно использовать 10 платформ. Первыми моделями на основе общей платфор-

³⁸ Renault – Nissan Alliance. 2005, December, p. 18. – www.nissan.co.jp/EN.

мы стали «Ниссан Микра компакт» (в Японии – «Марч»)³⁹ и «Рено Клио», а также «Ниссан Алмера» и «Рено Меган».

Кроме платформ, предполагается совместное использование двигателей (в том числе дизельных и газопиновых), дифференциалов и трансмиссий (соответственно восемь и семь семейств к 2010 г.).

В 2004 г. компании совместно разработали и начали использовать в своих автомобилях общие навигационные и коммуникационные системы⁴⁰. Их общими элементами являются архитектура, контрольное оборудование, мультимедийная сеть, меню и функции навигации. Вместе с тем интерфейс используется разный с тем, чтобы сохранить идентификацию каждого бренда. Поставщики этих систем выбирались совместно – Компанией по закупкам альянса. Разработка новой системы была осуществлена совместно инженерами «Ниссан» и «Рено», которые были командированы в Японию в 2003 г. и работали вместе с японскими коллегами в Техническом центре «Ниссан» в Ацуги⁴¹.

Осуществляется целый ряд совместных проектов и в сфере *научных исследований и разработок*, в том числе по альтернативным источникам энергии.

Еще одной общей сферой деятельности являются *закупки сырья, материалов и оборудования*. Централизованные закупки с целью экономики осуществляются через совместную компанию – RNPO, которая работает с 17 товарными группами и обеспечивает до 70% всех закупок двух компаний (2004 г.). В перспективе сами автопроизводители будут закупать лишь уникальные комплектующие, а дальнейшее снижение затрат на закупки планируется осуществлять за счет привлечения поставщиков в так называемых «наиболее конкурентоспособных странах» (Leading Competitive Countries – LCC), под которыми подразумеваются страны с низкими издержками⁴².

³⁹ Речь идет об обновленной модели «Микра». «Ниссан» начала маркетинг «Микра» в Европе в январе 2003 г. (в Японии модель появилась в марте). Для ее сборки «Ниссан» переналадила линию на предприятии «Ниссан Мотор Мэнюфэкчуринг» в Сандерленде (Великобритания, предприятие действует с 1986 г.). «Рено» также обеспечит двигатели для версии с дизельным двигателем объемом 1500 cc. «Ниссан» начала маркетинг «Микра» в Европе в январе 2003 г. (в Японии модель появилась в марте этого года). С новой «Микра», а также другими моделями, включая «Х-У рэйл спорт» и легкий грузовик «Примастер», «Ниссан» рассчитывала увеличить объем продаж в Европе на 100 тыс. к марту 2005 г. Общий объем продаж составил 600 тыс. единиц, или 5% европейского рынка. По итогам 2004 г. «Ниссан» продала в Европе 544 тыс. автомобилей. – Nissan Business Report 2004, p. 7. – www.nissan.co.jp/EN.

⁴⁰ Например, на такие модели, как «Nissan Pathfinder» and «Renault Laguna» (с 2005 г.). При этом планируется использовать различные модификации этих систем (всего четыре базовых варианта) для «Рено» и «Ниссан» (отдельно для Японии, Северной Америки и Европы).

⁴¹ Renault and Nissan develop a new common navigation and communication system. – Nissan Press Release. 21.02.2005. – www.nissan.co.jp/EN.

⁴² Renault – Nissan Alliance. December 2005, p. 28. – www.nissan.co.jp/EN.

Объединяются и усилия в области маркетинга. В 2002 г. было начато формирование подразделения, которое займется разработкой совместной маркетинговой стратегии.

В условиях дальнейшей глобализации деятельности альянса большое внимание уделяется *сфере логистики*. Новым совместным проектом партнеров стало открытие нового европейского центра дистрибуции в венгерском г. Гёр (Győr) для обеспечения запчастями дилеров «Рено» и «Ниссан» в Центральной Европе (стоимость – 13 млн. евро). Для обслуживания потребителей компании-партнеры ввели общую информационную систему. Непосредственное управление этим логистическим центром осуществляет «Рено», так как она более заинтересована в рынке данного региона. Тем не менее, расположение центра (100 км от Вены и 60 км от Братиславы) удобно для обеих компаний, поскольку основными рынками в Центральной Европе для «Рено» являются Австрия, Венгрия, Чехия и Словакия, для «Ниссан» – Австрия, Венгрия, Словакия и Словения, а для марки «Дача» (марки румынского автопроизводителя, приобретенного «Рено») – Чехия, Венгрия и Словакия.

«Рено» и «Ниссан» совместно занимают 11,7% рынка стран Центральной Европы, и открытие нового логистического центра позволит улучшить качество обслуживания потребителей в этом регионе и одновременно сократить издержки.

Подобная общая инфраструктура уже хорошо зарекомендовала себя и в других странах и регионах. Логистические центры, управляемые «Ниссан», находятся в Японии, Австралии, Мексике и Южной Африке, управляемые «Рено», – в регионе Меркосур, Марокко и Румынии⁴³.

Создается также и *единая сеть финансового обеспечения* в каждом из регионов, в частности для кредитного обслуживания покупателей.

Большое значение придается также синергии в области *использования человеческих ресурсов*, которые каждая из компаний считает своим наиболее

ценным активом. В этой сфере практикуется два основных подхода – обмен персоналом и программа бизнес-карьеры в альянсе (Alliance Business Way Program).

В программу обмена персоналом с момента образования альянса было вовлечено 412 человек, включая работающих в общих подразделениях альянса, которые делятся на четыре категории.

1. Экспатрианты, которые наняты партнерской компанией (70 человек к 1 июня 2005 г.)⁴⁴.

⁴³ Nissan Press Release. 01.06. 2005 . – www.nissan.co.jp/EN.

⁴⁴ 36 служащих «Рено», которые работают в «Ниссан», по большей части в штаб-квартире в Токио и Техническом центре в Ацути, и 34 служащих «Ниссан», которые работают в «Рено» в штаб-квартире, или в Руэле и Бьянкуре.

2. 14 экспатриантов, работающих в совместных проектах альянса, например, разработке платформ, двигателей, трансмиссий.

3. Персонал, работающий в совместных компаниях (RNPO и RNIS) – 270 человек.

4. Персонал, командированный в подразделения компании-партнера в своем регионе⁴⁵.

Кроме того, несколько сотен людей, оставаясь служащими своей компании, работают в совместных организациях альянса – СТТ и ФТТ⁴⁶.

Для того чтобы улучшить командные и индивидуальные показатели, в интернациональных коллективах используются различные формы специального обучения персонала. Так, программа «Работа с партнером» нацелена на лучшее понимание персоналом культурных основ и стиля работы иностранного партнера (японского или французского) и включает три направления: коммуникации, проектный менеджмент и преодоление сопротивления и проблем, связанных с культурными различиями.

Семинары по командной работе проводятся для персонала совместных организаций альянса (ССТ и ФТТ) с тем, чтобы усилить личные связи, повысить степень доверия, достичь командной самоидентификации и научиться разделять общие цели⁴⁷.

Совместные проекты и объединение усилий компаний-партнеров в названных сферах обеспечивают продвижение стратегических целей альянса и каждой из компаний. Это – повышение конкурентоспособности и увеличение *присутствия на основных рынках*, где компании проводят политику скоординированного развития и поддержки торговой марки более слабого на данном рынке партнера.

Так, в Европе, чтобы усилить там позиции «Ниссан», было создано совместное предприятие для рынков семи стран с тем, чтобы использовать общую дистрибьюторскую сеть. «Рено» и «Ниссан» ставят задачу увеличить общую долю на западноевропейском рынке до 17%.

В свою очередь, «Ниссан», которая имеет производственные мощности и торговую сеть в Мексике, помогла «Рено» вернуться на рынок этой страны, предоставив мощности предприятия «Ниссан Мексикана» (дочернее предприятие «Ниссан», основанное в 1961 г.). «Ниссан» же увеличивает свое присутствие в странах – членах Меркосур благодаря производственной и коммерческой поддержке «Рено». Например, на заводе «Рено» в Бразилии (Куритиба) «Ниссан» производит пикапы. Заметим, что присутствие

⁴⁵ Например, 37 служащих «Рено» были посланы на работу в европейские подразделения «Ниссан», а 21 человек из «Ниссан» командирован в «Рено Самсунг Моторс» и филиалы «Рено» в Японии и странах АТР.

⁴⁶ Renault – Nissan Alliance Booklet. 2005, December, p. 38.

⁴⁷ Ibid.

«Ниссан» на североамериканском рынке и ранее было довольно значительным, а в будущем с помощью альянса оно должно еще увеличиться.

В странах АТР «Ниссан» поддерживает «Рено» при организации продаж в Японии, Австралии, Индонезии и на Тайване.

Ярким примером синергии альянса является укрепление позиций обеих компаний, в первую очередь «Рено», на корейском рынке. В 2000 г. «Рено» приобрела 70,1% акций корейского автопроизводителя «Самсунг моторс» – члена конгломерата «Самсунг» (19,9% остались в собственности материнской компании «Самсунг» и 10% принадлежат кредиторам «Самсунг моторс»). Компания получила название «Renault Samsung Motors» (RSM). Реализация подобной стратегии проникновения на относительно закрытый рынок Кореи стал возможен для «Рено» во многом благодаря тому, что и сама компания «Самсунг моторс» и ее основной производственный актив – завод в г. Пусан были созданы на основе соглашения о техническом содействии и технологическом сотрудничестве с «Ниссан» в 1995 г. «Самсунг моторс» была небольшой фирмой. В 90-е годы она производила примерно в год 48 тыс. автомобилей одной марки – SM 5, представлявшие собой модификацию «Ниссан максима»⁴⁸. Эти автомобили продавались на внутреннем рынке под корейской маркой. Однако сама «Ниссан», по-видимому, в то время была более заинтересована в производстве в Корее более дешевых и качественных частей и компонентов для своих автомобилей.

Однако при принятии решения о покупке «Рено» пакета акций «Самсунг моторс» альянс интересовали первоклассные производственные мощности в Пусане, технический центр компании и ее дилерская сеть. Кроме того, «Самсунг моторс» могла рассчитывать на использование активов финансово-промышленной группы (*чеболь*) «Самсунг» (например, «софтвэз», финансовые услуги). Эти активы в совокупности с активами альянса давали возможность укрепиться не только на корейском рынке, но и начать экспорт автомобилей в другие страны, что впоследствии и произошло. На предприятии была освоена новая модель – седан SM 3, снова на японской платформе («Nissan Almera», модель «Nissan Bluebird Sylphy»), что позволило более чем удвоить производство⁴⁹, а также две модели грузовиков («Nissan Atlas» и «Nissan Diesel»).

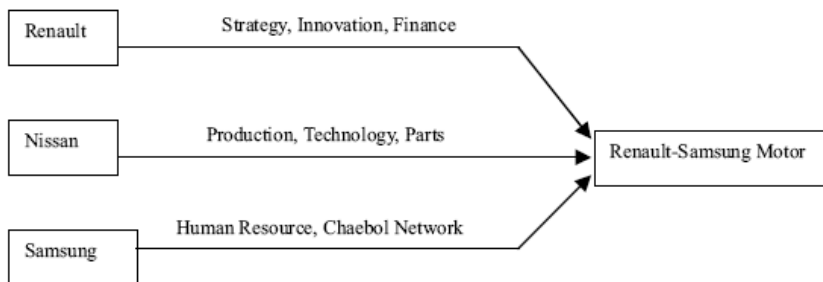
И, наконец, в 2005 г. было объявлено, что с 2006 г. седаны SM 3 будут экспортироваться в другие страны – Китай, Россию, Южную Америку, страны Ближнего Востока и АТР (*но в соответствии с договоренностью между «Рено» и «Ниссан» – не в Японию*) под маркой «Ниссан» (первоначально 30 тыс. в год). Комментируя предстоящее событие, К. Гон отметил

⁴⁸ <http://www.aaaah.org/wiki/en/re/Renault%20Samsung%20Motors.htm>.; CNN Money – www.money.cnn.com.

⁴⁹ В 2004 г. на корейском рынке было реализовано почти 85 тыс. этих автомобилей (9,3% рынка), а за 10 месяцев 2005 г. – уже 100 тыс. – www.greencarcongress.com.

его значение для альянса, сказав «Наша роль – раскрыть потенциал сотрудничества “Рено” и “Самсунг”, превратив его в реальные показатели»⁵⁰.

Таким образом, некоторые исследователи говорят уже о тройственном альянсе – «Рено», «Ниссан» и «Самсунг моторс», где схема межфирменной кооперации выглядит следующим образом⁵¹:

Если рассматривать приобретение «Самсунг моторс» как проект альянса, то с его помощью «Рено» смогла укрепиться на азиатском рынке, а «Ниссан» – более эффективно использовать свои предыдущие «вложения» в «Самсунг моторс». Синергия альянса проявилась здесь в достаточно явной форме, прежде всего, благодаря комплементарности активов, которая схематично представлена на предыдущем рисунке.

* * *

Итак, за семь лет, прошедших со времени заключения альянса с французской компанией «Рено», в «Ниссан» очень многое изменилось. В составе акционеров место членов *кэйрэцу* занял иностранный партнер, владеющий ныне 44,3% «Ниссан мотор», а головной банк ФПГ «Фуё» «Фудзи банк» вовсе исчез из списка основных акционеров. К руководству пришла интернациональная команда топ-менеджеров и «Ниссан» получила первого президента-иностранца. Это международное руководство «поступилось принципами», и в «Ниссан» решительно были изменены концепции и принципы менеджмента. В результате принятия и осуществления непростых решений компания не только сохранила свои позиции на мировом автомобильном рынке, но, самое главное, стала рентабельной, повысила капитализацию⁵². Как известно, основными целевыми установками японского

⁵⁰ Nissan to Sell Renault Samsung-Built Sedan Globally. – Nissan Press Release. 24.11.2005. – www.nissan.co.jp/EN; Associated Press. – www.goliath.ecnext.com.

⁵¹ *Hyunjoong Jun* (Dongseo Univ., Busan, Korea). Renault – Samsung's New Strategic Choices: from Scale to Scope, p. 4. – Tenth GEPRISA International Colloquium. Paris, 06–08. 06.2002. – <http://www.univ-evry.fr/PagesHtml/laboratoires/gerpisa/rencontre/10.rencontre/papers.pdf/Jun.pdf#search=Nissan%20%20Samsung>.

⁵² В мировом производстве автомобилей (включая коммерческие, грузовики и автобусы) «Ниссан» в 1998 – 2004 гг. занимала седьмую-восьмую позицию: 1998 г. – седьмое место, 1999 г. – восьмое, 2000 и 2001 гг. – восьмое (вместе с «Ниссан Дизель»), 2002 г. – восьмое, 2003 г. –

менеджмента традиционно считались расширение продаж и обеспечение базы будущего роста. И, как ни парадоксально, даже в самые сложные для компании времена – во второй половине 90-х годов – первая из задач решалась: компания сохраняла свою долю на мировом рынке. Однако достигалось это, судя по финансовым показателям, не самым эффективным способом,

в результате чего подрывалась база будущего роста. Синергия альянса позволила разрешить противоречие между стремлением компании к расширению (а это необходимо для поддержания статуса глобальных компаний, которые, вероятно, только и выживут на автомобильном рынке) и необходимостью к снижению издержек.

Является ли заключение международных альянсов универсальным рецептом для японских компаний, стремящихся повысить свою конкурентоспособность? Вероятно, нет. Во-первых, число неудачных альянсов в международном бизнесе значительно превышает число успешных, поэтому само партнерство не может рассматриваться как панацея от всех «болезней», вызываемых ужесточением конкуренции на мировом рынке. Во-вторых, японская система корпоративного управления и японская корпоративная культура все же очень специфичны, поэтому сложности «взаимоприспособления» японской компании и иностранного партнера очень велики.

В случае с партнерством «Ниссан» с «Рено», которое оказалось удачным для японской компании (как и для французской), сыграло свою роль определенное сочетание факторов. Несмотря на тяжелую финансовую ситуацию конца 90-х годов, «Ниссан», несомненно, обладала огромным потенциалом роста и психологически (если это слово применимо к компании) была готова к переменам⁵³. Необходимость приобщения к западным методам управления, диктуемая требованиями глобализации, осознавалась и правительством страны, которое, как известно, через министерство экономики, торговли и промышленности одобрило продажу беспрецедентно большого пакета акций одного из флагманов японской промышленности иностранному акционеру.

Думается, что успех альянса и положительный, в целом, опыт функционирования японской компании в формате международной группы имеют большой демонстрационный эффект не только для японских, но и для дру-

седьмое, 2004 г. – восьмое место. По данным: <http://www.oica.net/htdocs/Main.htm> (OICA – The International Organization of Motor Vehicle Manufacturers founded in Paris in 1919. Известна как «Organisation Internationale des Constructeurs d'Automobiles»). В 2003 г. «Ниссан» попадает в верхнюю часть (40 компаний) списка «Форчун» (крупнейшие по объему продаж компании мира), заняв 32-ю позицию, а в 2005 г. перемещается на 29-е место. – <http://money.cnn.com/magazines/fortune/global500>.

⁵³ Интересный исторический факт: еще в 1940 г. «Ниссан» хотела заключить партнерское соглашение с иностранной компанией – «Дженерал Моторс», но тогда правительство Японии не дало разрешения на эту сделку.

гих азиатских компаний. Так, международные альянсы заключили некоторые компании-поставщики «Ниссан», возник и трехсторонний альянс («Рено» – «Ниссан» – «Самсунг Моторс»). Напомним при этом, что корейские компании, как и японские, традиционно существовали в рамках устойчивых финансово-промышленных групп (*чеболей*), и для них партнерство с иностранной компаний также несет в себе много нового.

В Японии партнерств с иностранными компаниями (в виде альянсов, а также слияний и поглощений) постепенно становится больше: ДЖЭТРО даже опубликовала специальный обзор слияний и поглощений с участием японских компаний по отраслям⁵⁴. Фактически можно сказать, что наряду и в тесной взаимосвязи с процессом размывания традиционных объединений (*кигё сюдан* и *кэйрэцу*) в предпринимательскую структуру Японии вырастают международные группы разных отраслей. Конечно, процесс этот нельзя назвать ураганным, но, по японским меркам, он достаточно динамичен. В результате меняется не только философия, этика и практика межфирменных объединений, но и принципы управления самими компаниями: происходит конвергенция японских и западных методов управления. Конечно, для многих японских компаний – и мелких (которые «выпадают» из существовавшей десятилетиями системы субподрядов), и крупных – такие изменения сопряжены с непростым переходным периодом. Однако для большинства из них в условиях глобализации основных мировых рынков товаров и услуг другого пути, вероятно, нет. Сохранить приверженность традициям удастся, видимо, лишь единицам, гигантам из гигантов, таким, как «Тоёта». Но ведь «Тоёта» в Японии одна...

⁵⁴ ДЖЭТРО даже опубликовала специальный обзор слияний и поглощений с участием японских компаний по отраслям. M&A Case Studies for "Invest Japan"-Successful Alliances with Japanese Companies/ March 2004. – http://www.jetro.go.jp/en/stats/survey/invest/MA_EN.pdf

Стратегия японских производственных корпораций на российском рынке

Д. А. Щербаков

Сегодня, когда множество государств вовлечено в процесс глобализации и каждое из них стремится занять свое место на мировом рынке товаров и услуг, быстрые темпы роста конкуренции заставляют их деловые круги делать следующие выводы. Во-первых, невозможно дальше действовать в одиночку, во-вторых, необходимо постоянно совершенствовать предлагаемые товары и услуги, применять новые технологии, что требует увеличения затрат на их разработку, в-третьих, нужно искать новые способы сбыта продукции, соответствующие новым условиям.

«Конкурентные» методы стратегического менеджмента исходят из того, что для выживания компания должна обладать особыми, так называемыми «конкурентными» преимуществами, которые можно будет «удерживать» и «защищать» в долгосрочной перспективе. В теории эти преимущества разделяют на два типа:

- снижение издержек за счет значительного расширения производства;
- повышение компетентности компании и ее научно-технического потенциала, благодаря которому компания сможет поставить на рынок продукцию, отличающуюся от продукции других продавцов¹.

Отдельная компания может развиваться как транснациональная корпорация только в том случае, если задействует три вида «преимуществ»: внутренние, присущие производству данной компании; интернализации и локализации².

Понятие внутренних преимуществ соответствует понятию «конкурентных». Их компания получает, обладая эксклюзивными ресурсами (ноу-хау, опыт, торговая марка и т. п.). Опираясь на них, транснациональная корпорация занимает такую конкурентную позицию, которая выгодно отличается от позиции местных производителей. Последние, в свою очередь, могут успешно использовать совершенное знание экономического, политического и социального контекста данной страны³.

Преимуществами интернализации можно воспользоваться в том случае, если компания сама хотела бы применить заложенные в ней возможности и не собирается уступать какому-либо внешнему предприятию внутренние

¹ Гарретт Б., Дюссож П. Стратегические альянсы. М., 2002. с. 57.

² Гончаров В. В. В поисках совершенства управления. М., 2003. с. 88.

³ Там же, с. 89.

ресурсы, например, при продаже лицензии или при передаче в аренду каких-либо активов. Так, производственной стратегией транснациональной корпорации «Philip Morris» во многих развивающихся государствах (в том числе и в России) является не экспорт продукции, произведенной в других странах, не открытие собственных производств, а продажа лицензий местным производителям. При этом осуществляются лизинговые поставки оборудования для производства сигарет, качество которых, соответствует лицензии, проданной «Philip Morris».

После того, как компания задействовала и внутренние, и внешние преимущества, ей необходимо сделать выбор между экспортом продукции и размещением в выбранной стране своего производства (филиала). При выборе компанией второго варианта речь пойдет о преимуществах локализации.

Что касается японских компаний, которые выносят свое производство в Россию, мы выделим только те из них, которые успешно действуют на рынке РФ и постараемся понять и проанализировать причины их успеха. В то же время хотелось бы рассмотреть крупные потенциально-успешные инвестиционные проекты, а также осветить возможные примеры потенциального рынка для японских инвестиций. В настоящее время в России можно выделить, пожалуй, лишь несколько успешных японских производственных предприятий. Их можно структурировать следующим образом.

1. Добывающие и обрабатывающие предприятия нефтегазохимической промышленности. Это объясняется заинтересованностью Японии в диверсифицировании своих источников энергетических ресурсов в целях ликвидации чрезмерной зависимости страны от импорта энергоносителей (до 80%) из такого взрывоопасного региона, как Ближний и Средний Восток, а также решения проблемы энергетической безопасности в условиях роста мировых цен на энергоресурсы и нефтехимическую продукцию⁴.

2. Остальные отрасли промышленности с растущей емкостью внутреннего потребительского рынка в России.

В настоящее время отмечается высокий интерес японских предприятий к российскому рынку. Доля предприятий, считающих бизнес в России перспективным, достигает 70%. Как и в 2004 г., в производственной сфере многие предприятия по-прежнему считают перспективными направлениями разработку природных ресурсов (в 2004 г. – 19, в 2005 г. – 36). Однако в 2005 г. значительно возрос интерес к автомобилестроению и сектору запасных частей (в 2004 г. – девять компаний, в 2005 г. – 26), товарам народного потребления (соответственно четыре и 13 компаний), информатике и телекоммуникациям (пять и 11 компаний)⁵.

⁴ Нихон кэйдай симбун. 24–25.06.2005; 27.07.2005; 16.11.2005.

⁵ 21 октября 2005 г. были проведены исследования Японо-российского комитета по экономическому сотрудничеству. Объектами данного исследования являлись около 1700 компаний – членов Ниппон Кэйданрэн, японо-российского комитета по экономическому сотрудничеству и

Вынос в Россию японских производств, не связанных с разработкой природных ресурсов, обусловлен следующими причинами.

1. Емкий потребительский рынок в России, возможность сбыта продукции в стране ее производства. По словам заместителя директора департамента внешнеэкономических связей министерства экономики торговли и промышленности Японии Э. Хасэгава, «продукция тех компаний, которые сделали инвестиции, должна продаваться в этой стране. И для этого должен существовать рынок как реальный, так и потенциальный».

2. Ликвидация таможенных пошлин и ограничений на экспорт товаров, а также снижение издержек при обмене японской валюты, повышающих относительную стоимость единицы японской продукции за рубежом.

3. Относительно низкий уровень заработной платы, стоимости земли, электроэнергии и прочих составляющих себестоимости продукции. Все это повышает эффективность производства в России.

4. Возможность немедленного реагирования на изменение потребительского спроса в условиях его изучения и производства продукции в месте ее сбыта.

5. Проблема загрязнения окружающей среды в Японии.

Исходя из анализа этих причин, можно сделать вывод, что большинство японских компаний, которые вынесли свое производство в Россию, при принятии решения об инвестициях рассматривали, в основном, два вида конкурентных преимуществ – внутренние преимущества и преимущества локализации.

Наглядно это можно увидеть на примере успешного ведения бизнеса «Japan Tobacco Int.» (далее «ЈТІ»). Компания «ЈТІ» – третья по величине транснациональная табачная корпорация после компаний «Philip Morris» («РМ») и «British American Tobacco» («ВАТ»). Она контролирует более 70% японского табачного рынка, осуществляет продажи 90 различных марок сигарет, имеет отделения в 120 странах. Общее число работающих в компании – более 28 тыс. человек. В России «ЈТІ» действует с 1983 г. и входит в число ведущих иностранных инвесторов в российской табачной отрасли. Фабрика «Петро» в Санкт-Петербурге является одной из самых современных по уровню оснащенности в России и крупнейшей в системе компании «ЈТІ». На предприятиях и в подразделениях компании на территории России занято 3385 человек. Компания располагает сетью из 22 региональных офисов, в том числе в Москве. С 1992 г. вклад «ЈТІ» в экономику России составил 400 млн. долл. в виде инвестиций в строительство комплекса «Петро» и 597 млн. долл. в виде прямых инвестиций. Основные марки выпускаемых сигарет: «Camel», «Winston», «Salem», «Петр І», «Russian Style», «Mild Seven». Компания занимает второе место по объе-

японского бизнес-клуба в Москве. Ответы на анкетирование были получены от 181 японской компании (в 2004 г. – 127 компаний). Более половины из указанных компаний уже ведут бизнес с Россией.

мам продаж сигарет на российском рынке в денежном выражении (доля рынка 18,4%). По объему производства она занимает четвертое место, контролируя 16,2% российского рынка и уступая компаниям «РМ» (26,3%), «Gallaher» (17,1%) и «BAT» (16,7%)⁶.

По мнению аналитиков, «емкость рынка страны является одним из важнейших показателей табачного бизнеса»⁷. Поэтому рассмотрим, как развивался табачный рынок в России в 80–90-е годы, когда «ЛТИ» вышла на него и сделала свои основные инвестиции в фабрику «Петро» в Санкт-Петербурге. Объем продаж табачных изделий повысился с 208,0 млрд. шт. в 1970 г. до 245,8 млрд. шт. в 1990 г. Другими словами, емкость рынка уверенно росла с темпами от 0,9% до 1,5% в год⁸.

Емкость рынка в 90-е годы характеризуется следующими данными:

Таблица 1

Динамика изменения емкости российского рынка табачных изделий⁹

Год	Емкость рынка (млрд. шт.) при коэффициенте роста потребностей в табачных изделиях в 1,5%
1990	245,8
1991	249,5
1992	253,2
1993	257,0
1994	260,9
1995	264,8

⁶ Данные агентств «Бизнес аналитика» и «AC Nielsen».

⁷ Стефашиш В. В. Российский рынок сигарет, оценка состояния и прогноз развития. – Табачный бизнес в России. 2002, №4, с. 26.

⁸ Российский статистический ежегодник. 1975–1995 гг.

⁹ В 90-е годы потребности России в табачных изделиях определялись экспертами в диапазоне 150–400 млрд. шт. табачных изделий, а в 2002–2003 гг. – в пределах 250–700 млрд. шт. Метод расчета, приведенный в таблице базируется на использовании закономерностей изменения емкости рынка табачных изделий за период 1970–1990 гг. Одним из аргументов необходимости рассмотрения данной статистики является то, что это был последний период хорошей работы Госкомстата, располагавшего в то время достаточно достоверной информацией об отечественном табачном рынке. Кроме того, эти данные отличаются от данных ведущего маркетингового агентства «Бизнес-аналитика» (Российский табачный рынок: структура и основные тенденции. – www.businessanalitika.ru) в пределах стандартной статистической ошибки (допустимой нормы в 4%). По данным агентства «Бизнес аналитика», в 2003 г. россияне выкурили порядка 320–330 млрд. сигарет и папирос, что при темпах роста в 1,5% в 2003 г. составляет 298,3 млрд. сигарет и папирос, указанных в таблице, и разница соответствует размеру стандартной статистической ошибки.

1996	268,8
1997	272,8
1998	276,9
1999	281,0

Таким образом, можно сделать вывод, что емкость рынка табака в 90-е годы уверенно росла в среднем на 1,5% в год. В этот период в России активно и массированно стали внедряться все маркетинговые способы стимулирования сбыта табачной продукции и продвижения ее на региональные рынки. Крайне агрессивно-навязчивый характер приобрела табачная реклама¹⁰. Помимо этого, в период выхода «ЖТ» на российский рынок уже активно действовала табачная транснациональная корпорация «Philip Morris», которая подписала лицензированное соглашение с советской табачной промышленностью о локальном производстве ее основных торговых марок в 1977 г.¹¹ «БАТ» сделала основные инвестиции в производство примерно одновременно с «ЖТ». Компания вышла на российский рынок в 1991 г., выкупила контрольный пакет акций Саратовской табачной фабрики («БАТ–СТФ») и фабрики «Ява» («БАТ–Ява») в 1994 г., сделала основные инвестиции в развитие производства в 1995 г.¹²

Таким образом, российский потребитель уже был знаком с западными торговыми марками сигарет местного производства, а также их ценовым соотношением с отечественными торговыми марками. Кроме того, западные инвесторы «ЖТ», имели полное представление о ценовой структуре российских и западных торговых марок сигарет (по ценовому классу), объемах потребления каждой марки, и других данных о рынке, необходимых для принятия решения о создании производственных мощностей в России. Ведь международные агентства по аудиту розничной торговли, такие, как «АС Nielsen», появились в России задолго до того, как было принято решение о масштабных инвестициях¹³. Поэтому стратегическое решение компании «ЖТ» об инвестировании в Россию, используя конкурентное преимущество локализации, полностью себя оправдало.

Показательным примером потенциально-успешного инвестиционного проекта является создание сборочного предприятия компании «Тоёта» под Санкт-Петербургом. Компания основана в 1937 г. Объем продаж (по итогам 2004/05 фин. г.) составил примерно 163 млрд. долл.; чистая прибыль –

¹⁰ Стефашин В. В. Российский рынок сигарет, оценка состояния и прогноз развития» – Табачный бизнес в России. 2002, №4, с. 30.

¹¹ http://www.altria.com/about_altria/1_2_5_3_philipmorrisintstory.asp#1992.

¹² www.batrussia.ru.

¹³ Компания «АС Nielsen» основана в России в 1989 г. Она является мировым лидером в области маркетинговых исследований, информации и анализа в сфере розничной торговли, услуг и товаров народного потребления. Главное направление деятельности компании – аудит розничной торговли. – www.acnielsen.ru.

около 10,3 млрд. долл. Объем производства автомобилей в 2004/05 фин. г. составил 7,23 млн. шт. (вырос на 11% по сравнению с предшествующим периодом)¹⁴.

Создание сборочного предприятия в России входит в стратегические планы компании: выйти на первое место в мире по объемам производства автомобилей. Рекордных показателей «Тоёта» планирует достичь главным образом за счет развития своего зарубежного производства, которое впервые в 2006 г. превысит число автомобилей, изготовленных на внутренних заводах компании, и составит около 4 млн. шт. в год. В частности, в 2006 г. планируется открытие двух новых заводов корпорации в США (в штате Техас) и Китае (в провинции Гуанчжоу), а также наращивания объемов производства на предприятиях в Таиланде, ЮАР и Южной Америки.

Корпорация намерена и в будущем придерживаться стратегического курса на дальнейшее развитие зарубежного производства, ставя перед собой цель изготовить в 2007 г. 9800 тыс. автомобилей, а в 2008 г. выпустить свыше 10 млн. машин. Свой стратегический план «Тоёта» планирует реализовать путем строительства новых заводов в странах с развивающейся экономикой (в том числе в России в 2007 г.), а также модернизации производства и увеличения объемов выпуска на уже существующих предприятиях¹⁵.

Управляющий персонал компании «Тоёта» рассматривает российский рынок как абсолютно уникальный, динамично развивающийся и обладающий огромным потенциалом. Ситуация с продажами у компании складывается успешно: в 2002 г. на территории России через дилерскую сеть в розницу было официально продано 8630 новых автомобилей «Toyota» и «Lexus»; в 2003 г. – 26 472 автомобиля, в 2004 г. продажи составили 46 тыс. автомобилей, а по итогам трех кварталов 2005 г. «Тоёта» установила очередной рекорд, сумев реализовать на территории РФ 49 тыс. автомобилей, из которых 45,4 тыс. автомобилей марки «Toyota», а еще 3,7 тыс. – марки «Lexus». Таким образом, в 2005 г. «Тоёта» улучшила свои показатели по сравнению с аналогичным периодом 2004 г. на 49%. Причем, по оценкам специалистов, динамика роста продаж пока не имеет тенденции к снижению. К 2010 г. планируется увеличить продажи до 100 тыс. автомобилей. В настоящее время на российском рынке компания Тоёта следует стратегии продвижения шести основных моделей: трех марок легковых автомобилей «Camry», «Avenis» и «Corolla», и трех внедорожников «Land Cruiser 100», «Land Cruiser Prado» и «RAV4».

Важным фактором является то, что «Тоёта», формируя свою маркетинговую стратегию, придает важнейшее значение вопросам повсеместного создания и расширения инфраструктуры, обеспечивающей не только продажу,

¹⁴ www.toyota.ru.

¹⁵ Нихон кэйдзай симбун. 26.10.2005.

но и послепродажное обслуживание автомобилей. Созданная компанией «Тоёта» торгово-сбытовая инфраструктура по своим потенциальным возможностям значительно превосходит существующий объем ее продаж в России¹⁶.

Помимо этого, стратегией компании является разработка новой серии моделей IMV (Innovative International Multipurpose Vehicle), специально предназначенных для завоевания иностранных рынков¹⁷.

При создании производственных мощностей «Тоёта» предполагает создать в Российской Федерации акционерное общество, 80% акций которого будет принадлежать самой компании и 20% – Европейскому банку реконструкции и развития (ЕБРР).

Спонсором по данному проекту выступает «Toyota Motor Corporation» (Япония), которая выделяет в капитал компании 65 млн. долл. (80%).

Оставшаяся часть инвестиционной программы, объем которой на первоначальном этапе составляет 160 млн. долл., возможно будет профинансирована за счет кредитных средств (80 млн. долл.), предоставленных Японским банком международного сотрудничества при поддержке спонсора.

В целом, по проекту планируется осуществить общие инвестиции в объеме 750–950 млн. долл. и довести объем годового выпуска до 100 тыс. автомобилей.

Проектом предусматривается запуск сборки автомобилей в 2007 г. На предприятии предполагается производить сварку, окраску и сборку кузова. Годовой объем производства автомобилей в 2008 г. должен составить 20 тыс. машин модели «Camry». При этом уже в начале запуска сборки автомобилей не менее 27% комплектующих будут поставляться местными производителями (аккумуляторы, кресла, стекла и иные мелкие детали)¹⁸. В компании будет работать около 500 российских сотрудников, обученных корпоративной культуре «Тоёта». Так, летом 2005 г. «Тоёта» и Московский автомобильно-дорожный институт (Государственный технический университет) открыли совместный Центр подготовки технических специалистов по

программе Т-ТЕР (Toyota Technical Education Program). Программа Т-ТЕР направлена на поддержку технических учебных заведений по всему миру. Обучение по данной программе дает студентам возможность изучить новейшие технологии автомобилестроения и продукцию «Toyota Motor Corporation».

¹⁶ В Москве насчитывается пять центров техобслуживания «Тоёта». Центры техобслуживания имеются в Санкт-Петербурге, Владивостоке, Екатеринбурге, Иркутске, Калининграде, Кемерово, Киселевске, Красноярске, Находке, Новосибирске, Перми, Уфе, Хабаровске и Южно-Сахалинске.

¹⁷ Нихон кэйдзай симбун. 26.10.2005.

¹⁸ Например, в 1997 г. в Нижнем Новгороде введен в эксплуатацию завод по производству автомобильного стекла, построенный при участии японской компании «Асахи Глас». Его продукцией будут оснащаться автомобили, которые начнет выпускать компания «Тоёта».

Таким образом, компания «Тоёта» задействует два вида «конкурентных преимуществ» – внутренние, присущие производству данной компании, и локализации. Они позволяют компании «Тоёта» повысить конкурентоспособность своей продукции на российском рынке путем снижения цены за счет частичной ликвидации таможенных тарифов (см. постановление правительства РФ от 29 марта 2005 г. «О внесении изменений в таможенный тариф Российской Федерации в отношении автокомпонентов, ввозимых для промышленной сборки» № 166); а также за счет использования дешевого местного сырья, электроэнергии и рабочей силы. Так среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работника организаций промышленности составила в 2004 г. в России 8060,7 руб. (278,9 долл. по курсу 28,9 руб. за доллар). Среднемесячная заработная плата занятого в промышленности Японии составляет 363 935 иен (3308 долл. по курсу 110 иен за доллар). Если взять усредненную заработную плату японского рабочего за 100%, то в Германии при том же качестве работы ее уровень составляет 81%, в США – 78, в Италии – 60, в Южной Корее и Тайване – 33%. Среднемесячная заработная плата российского работника составляет 8,43% заработка японского рабочего¹⁹.

Еще одним фактором повышения конкурентоспособности продукции станет устранение потерь при обмене валют. В то же время следует отметить, что деятельность компании в России включает в себя работу с российскими поставщиками, которые расположены поблизости от производства автомобилей, что также позволяет обеспечить снижение издержек и повышает конкурентоспособность продукции. В связи с этим компания рассчитывает расширить свое присутствие на российском рынке путем размещения производств поставщиков комплектующих на территории Российской Федерации.

Еще одним примером успешного производственно-инвестиционного сотрудничества является проект создания компании «НЭК Нева. Коммуникационные системы»²⁰. ЗАО «НЭК Нева. Коммуникационные системы» создано в мае 1997 г. Акционерами являются японские компании «NEC Corp.» (45% акций), финансовая группа «Sumitomo» (10% акций) и торговая корпорация «Mitsui & Co. Ltd» (10% акций), а также холдинг «Телекоминвест» (35%). При этом последний передал 10% своих акций «НЭК Нева» в доверительное управление московскому АО «Телеком» – правопреемнику министерства промышленности средств связи СССР. Начальные инвестиции японской стороны составили 3,5 млн. долл. Уставный капитал «НЭК Нева» – 6,1 млн. долл. Сфера деятельности компании «НЭК Нева. Коммуникационные системы» – производство, продажа, установка и обслуживание

¹⁹ По данным Росстата и сайта <http://www.japantoday.ru/arch/jurnal/0307/05.shtml>.

²⁰ www.nec-neva.spb.ru.

цифровых телефонных станций «NEC» для телекоммуникационных сетей общего пользования. Создание этой компании происходило в несколько этапов.

На начальном этапе предприятие занималось сборочными и тестовыми операциями, выполняемыми на заключительной стадии производства продукции. В течение полутора лет со дня основания завода (1997 г.) происходили процессы передачи технологий и постепенной локализации производства. Изначально компания «NEC Нева» была ориентирована на производство и обслуживание цифровых систем коммутации NEAX61. Сертификат на нее получен в июле 1998 г. Производственная и технологическая база полностью основана на ноу-хау корпорации «NEC». Разрабатывались и согласовывались производственные процессы, проектировались и вводились в эксплуатацию новые производственные участки, устанавливалось современное высокотехнологичное оборудование фирм производителей «NEC», «Yamaha», «Hewlett-Packard», «Sayaka», «Atsugi». Через полтора года на предприятии был развернут полноценный технологический процесс производства цифровых АТС NEAX61, что позволило начать замену российских аналоговых АТС на цифровые. В конце 2005 г. цифровые системы коммутации производства «NEC Нева» были установлены на телекоммуникационных сетях Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Кирова, Саратова, Ставрополя, Твери, Орла, а также городов Московской, Ростовской, Астраханской, Самарской, Свердловской областей и Краснодарского края. Производственные мощности завода, размещенные на общей площади 3300 кв. м, составляют 300 тыс. портов в год в одну смену. Завод осуществляет порядка 60% технологических операций.

Важным фактором локализации как конкурентного преимущества являются масштабы и динамика емкости рынка. Значительно увеличилось число японских компаний, считающих европейскую часть России с центрами в Москве и Санкт-Петербурге перспективным районом (если в 2004 г. их было три, то в 2005 г. – уже 42)²¹. Это обусловлено не только решением компании «Тоёта» строить завод под Санкт-Петербургом, но и масштабами, а также растущей емкостью потребительского рынка в этом регионе.

Объективным показателем динамики емкости и масштабов потребительского рынка региона является динамика товарооборота розничной торговли с поправкой на среднестатистический годовой показатель инфляции, а также доля товарооборота региона в общем товарообороте страны. Как

²¹ 21 ноября 2005 г. были проведены исследования Японо-российского комитета по экономическому сотрудничеству. Объектами исследования являлись около 1700 компаний – членов Ниппон Кэйданрэн, Японо-российского комитета по экономическому сотрудничеству и японского бизнес-клуба в Москве. Ответы на анкетирование были получены от 181 японской компании (в 2004 г. – 127 компаний). Более половины из них уже ведут бизнес в России.

видно из диаграммы 1 общая доля Центрального федерального округа и Северо-Западного федерального округа (европейская часть России) составила в 2004 г. 48% общего товарооборота РФ²².

При этом из диаграммы 2 видно, что темпы роста оборота розничной торговли в 2004 г. в Европейской части России опережают общероссийские темпы оборота розничной торговли²³.

Приведенные диаграммы показывают масштабы и рост емкости рынка в европейской части России.

По оценкам японских компаний, большой инвестиционный интерес, как и в 2004 г., вызывает Дальневосточный регион, что объясняется заинтересованностью деловых кругов в богатых запасах углеводородного сырья, а также запасами биоресурсов и относительной географической близостью данного региона²⁴.

Анализ успешной деятельности ряда японских компаний в России дает возможность сделать предположение о благоприятных условиях для инвестиций в другие отрасли промышленности, а именно в производство пива, косметики и парфюмерии.

Весьма заметно на рынке товаров народного потребления укрепление позиций европейских и американских производителей потребительских товаров, которые для снижения издержек переходят от простых продаж к строительству в России предприятий по производству отдельных видов продукции. В частности, особо заметно их присутствие на рынке продовольственных товаров. Так, в России построены заводы по производству напитков «Кока-кола» и «Пепси-кола». С использованием российского сырья функционируют предприятия компаний «Данон» и «Эрманн» по производству молочных продуктов. Корпорация «Нестле» имеет заводы по производству кондитерской продукции, мороженого, минеральной воды, растворимого кофе и даже по производству кормов для домашних животных, а зерновая компания «Каргилл» развернула свое мукомольное производство. Создание подобных производств не требует огромных инвестиций, является быстрокупаемым, а риски – незначительными²⁵.

Аналитические данные компании «AC Nielsen» показывают, что емкость рынка пива выросла в 2003 г. на 20,7%, а в 2004 г. на 32,5%.

Заметно увеличивается сегмент рынка пива, сваренного по лицензии, т. е. россияне постепенно переходят на потребление пива, произведенного

²² Диаграмма подготовлена на основе базы данных «Прогноз» министерства экономического развития и торговли РФ (оборот розничной торговли в млн. рублей)

²³ Диаграмма подготовлена на основе базы данных «Прогноз» министерства экономического развития и торговли РФ (оборот розничной торговли в % к предыдущему году).

²⁴ По проведенным и опубликованным 21 ноября 2005 г. исследованиям Японо-российского комитета по экономическому сотрудничеству.

²⁵ См. аннотацию статьи главы московского представительства Японской ассоциации по торговле с Россией и Восточной Европой («РОТОБО») М. Икэда. – Спецприложение к журналу «Нихон бэки хокэн» (08.11.2005).

западными компаниями в России по лицензии. Тем самым уменьшается потребление местного премиального пива и пива из среднеценового сегмента. В России пиво не считается алкогольным напитком и, следовательно, разрешена его частичная реклама в радио- и телепрограммах, а также других СМИ. Кроме того, основные производители пива, такие, как «SunInterbrew», «Heineken», «Carlsberg-Tuborg», «Efes», уже занимают свою долю на рынке, что говорит о доверии западных производителей к данному рынку, а также о растущих предпочтениях российских потребителей к западным сортам пива. Таким образом, вполне возможно, что через некоторое время российские потребители смогут обнаружить на прилавках магазинов японское пиво, сваренное по лицензии в России.

Из всего сказанного, можно сделать вывод, что инвестиционный климат в России улучшается. В частности, кредитный рейтинг России поднят до инвестиционного уровня всеми тремя рейтинговыми агентствами. В соответствии с оценкой консалтингового агентства А. Т. Kearney Россия в 2004 г. заняла 11-е место по привлекательности вложений прямых иностранных инвестиций. По оценкам компании «Эрнст энд Янг», среди стран Восточной Европы Россия по привлекательности уступает только Польше, а по мнению британского издания «Independent», «для инвесторов российский рынок намного привлекательнее китайского». Как считает г-н Икэда, «привлекательность современной России для иностранного капитала заключается не только в ее ресурсном потенциале, но и в том, что она представляет собой динамично растущий новый потребительский рынок с населением около 150 млн. человек. После финансового кризиса 1998 г. емкость этого рынка заметно сократилась, но уже в 2002 г. были восстановлены его объемы и с 2003 г. продолжается его расширение»²⁶.

Однако остаются некоторые нерешенные проблемы, которые, по мнению деловых японских кругов, мешают полномасштабному инвестированию в российское производство.

1. Отсутствие во многих отраслях промышленности «реального и потенциального рынка» для сбыта товаров, произведенных в России с участием японских инвесторов. Главной причиной проблем инвестиционного сотрудничества является то, что России пока не удалось заинтересовать японских инвесторов производить товары с высокой долей добавленной стоимости. Во многом это обусловлено отсталым экономическим развитием регионов и низкой покупательной способностью потребителей в большинстве из них.

2. Преобладающая роль государства по сравнению с частным сектором в инвестиционных отношениях России и Японии. До тех пор пока во главу угла будут ставиться формулируемые правительствами внешнеполитиче-

²⁶ См. там же.

ские интересы, а не диктуемые частной инициативой мотивы взаимной выгоды, вряд ли можно ожидать полноценного развития экономического сотрудничества между Россией и Японией.

3. Несовершенство законодательной базы и налоговой системы. Отсутствие унификации толкования законов, прозрачности в их применении, а также отсутствие четкого определения сроков давности для проведения налоговых проверок, сложность в процедуре возврата НДС и др. Показательным в этом смысле является пример с компанией «JTI». В июле 2004 г. в результате проведенных плановых проверок ЗАО «Джей-Ти-Ай по маркетингу и продажам» (г. Елец) было привлечено к налоговой ответственности за нарушение порядка исчисления и уплаты налога на добавленную стоимость в 2000 г. Компании было предложено доплатить с учетом пеней и штрафов около 2,4 млрд. рублей (79,4 млн. долл. США). ЗАО «Джей-Ти-Ай по маркетингу и продажам», будучи не согласно с предъявленными ей претензиями, обратилась в Московский арбитражный суд. В процессе рассмотрения жалобы указанная сумма была сокращена примерно до 70 млн. долл. Однако в целом правомерность требований налоговых органов была подтверждена решениями арбитражных судов различных инстанций. Последнее судебное решение по данному вопросу было принято 16 сентября 2005 г. федеральным арбитражным судом Московского округа, который оставил в силе решения предыдущих судебных инстанций о списании с ЗАО «Джей-Ти-Ай по маркетингу и продажам» около 70 млн. долл. США. В настоящее время японская сторона намерена обратиться с соответствующим иском в высший арбитражный суд Российской Федерации. В феврале 2005 г. другой дочерней компании «Джей-Ти-Ай» – ОАО «Джей-Ти-Ай Петро» – Управлением ФНС по Санкт-Петербургу также было предъявлено обвинение в неправильной уплате налога на прибыль и выставлено требование доплатить около 419 млн. рублей (15 млн. долл. США). Однако 21 сентября 2005 г. арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области признал налоговые претензии незаконными.

С японской стороны было высказано предположение о том, что при исчислении налогооблагаемой базы налоговыми органами были ошибочно приняты во внимание суммы, фигурировавшие на счете 62, который используется в бухучете в чисто технических целях для фиксации баланса текущих финансовых обязательств компании на тот или иной момент времени и не имеет прямого отношения к учету объема реализованной продукции.

Признав, что дело ЗАО «Джей-Ти-Ай по маркетингу и продажам» в судебной практике России имеет беспрецедентный характер, российскими представителями в качестве одного из вариантов возможного развития событий было указано на то, что высший арбитражный суд РФ может своим решением вернуть дело в суд первой инстанции для повторного рассмотрения по вновь открывшимся обстоятельствам. Там японская сторона вновь

получит возможность представить документы, характеризующие реальные формы совершавшихся сделок, и в случае вынесения судебным органом соответствующего решения налоговые органы могут, признав ошибку, отозвать свои претензии. Однако в нынешней ситуации налоговые органы обязаны выполнять решение суда, каким бы оно ни было.

4. Сложность и низкая эффективность различных административных процедур (визы, выдача разрешений, таможенные процедуры)²⁷. Отсутствие прозрачности и согласованности всех административных функций, включая выдачу разрешений.

5. Низкий уровень транспортной, телекоммуникационной и прочей инфраструктуры²⁸.

6. Низкий уровень предоставляемой информации об экономической и финансовой политике государства.

Однако, по мнению г-на Икэда, «несмотря на наличие массы проблем, развитие делового сотрудничества с Россией – это игра, которая стоит свеч...

Те, кто хочет развивать бизнес с Россией, должны всегда держать в уме два ключевых слова: “природные ресурсы” и “потребительский рынок”. Действовать шаг за шагом, от совместной разработки природных ресурсов к созданию перерабатывающих мощностей и завоеванию огромного потребительского рынка. Это не такая простая задача, но необходимо двигаться вперед, преодолевая трудности, приспосабливаясь к изменению ситуации и накапливать совместный опыт работы с российским бизнесом. Россия стоит того, чтобы приложить все эти усилия»²⁹.

Таким образом, несмотря на существующие проблемы, японские корпорации, используя конкурентные преимущества локализации и внутренние преимущества, усилили тенденции к организации производства в России.

²⁷ В частности, речь идет о введении упрощенной процедуры получения разрешений на работу в России для представителей руководящего состава АНО Японский центр и его филиалов. Высказано пожелание об упрощении действующего в Российской Федерации порядка оформления приглашений для иностранных граждан, приглашаемых Японским центром для чтения лекций и проведения семинаров в рамках программы содействия подготовке кадров. Поставлены также вопросы, касающиеся случаев необоснованного взимания налогов (в частности, НДС и налога на аренду помещения в филиале Японского центра в Нижнем Новгороде), а также предоставления льгот в области налогообложения в целом.

²⁸ Сильное негативное впечатление произвел на деловые японские круги энергокризис в Москве летом 2005 г.

²⁹ Аннотация статьи главы московского представительства Японской ассоциации по торговле с Россией и Восточной Европой («РОТОБО») М.Икэда; Спецприложение к журналу «Нихон бозки хокэн», 08.11.2005

Триада: пустота – промежуток – тень в современной архитектуре Японии

Н. А. Коновалова

Создание любого архитектурного сооружения предполагает определенную организацию пространства, которая лежит в основе проекта. В Японии творческая деятельность архитектора подчиняется строгим закономерностям пространствопонимания, сложившимся еще в древности и остающимися актуальными до сих пор. Следование сформировавшимся принципам построения пространства, опирающимся на основополагающие мировоззренческие категории, может быть как осознанным, так и бессознательным, ведь они уходят корнями далеко вглубь культуры, тесно переплетаясь с религией, философией, образом жизни и эстетическими представлениями. В качестве центральных категорий, составляющих основу пространственного восприятия архитектуры в Японии, предлагается выделить триаду: «пустота» – «промежуток» – «тень». Эти категории можно считать инвариантами культуры страны Восходящего Солнца, так как устойчивость их применения прослеживается не только в средние века, но и в Новейшее время. С их помощью в культуре сформировался и сохраняется по сей день принцип гармонии как ее важнейшее условие существования и функционирования.

Важно иметь в виду, что они полноценно существуют в тесной взаимосвязи и обретают силу воздействия только при взаимодополнении. Именно в единстве они образуют то смысловое и художественное поле, которое по силе своей образности и наполнению кодовыми знаками максимально отражает преемственность традиций и уважение к ним японцев. Наличие такой энергетически мощной составляющей в архитектурном произведении способно передать всю силу понимания пространства в Японии и привести к восприятию современного произведения архитектуры как необходимого и органичного звена в логической цепи развития архитектурного формообразования. Другими словами, смысловая триада основных пространственных категорий способна стать тем скрепляющим стержнем, который выполняет функции центральной колонны в пагоде (*симбасира*) – контролирует равновесие всего целого и не дает распасться частям.

Это подтверждает и новейшая архитектура, которая демонстрирует свою связь с традицией не только и не столько формальными методами, сколько на более глубоком уровне основных схем восприятия художественного произведения, его смысловых и эстетических составляющих. Крупнейшие современные архитекторы, создавая свои произведения, стремятся сохранять ощущение пространства, исторически воспитанное культурой Японии. Предлагаемая смысловая триада является одним из ведущих принципов, составляющих сущность японской культуры.

Рассмотрев творчество ведущих современных японских архитекторов (К. Тангэ, К. Курокава, Т. Андо, К. Кикутакэ), можно найти яркие примеры реализации ими преемственности традиций своей культуры именно с помощью смысловых качеств «Триады». Архитекторы встраивают свои произведения в культурный контекст, в полной мере используя художественные возможности, предоставляемые комбинацией таких категорий как «пустота», «промежуток» и «тень» для организации архитектурного пространства. Однако каждый мастер демонстрирует свое осмысление традиционно-знаковых пространственных категорий и показывает свою грань их понимания, что и становится отличительной особенностью его творческого пути.

Для максимального раскрытия смысла категорий «Триады» необходимо обратиться к истории и проследить их появление, содержание и художественное значение в средневековой Японии и то, в каком «виде» они дошли до нас.

У каждого архитектора складывается свое понимание пространства, которое можно проследить, посетив его сооружения. Пространственные характеристики архитектуры Японии производят впечатление на зрителей богатством создаваемых образов и естественной простотой их воплощения. Оглушительный успех японского зодчества, возможно, объясняется еще и тем, что архитекторы не только сохраняют верность основополагающим пространственным категориям своей культуры, но ведут свое пространственное мышление от концепции традиционного жилого дома. Результатом стало философское осмысление пространства, а также его содержательные характеристики, учитывающие, кроме гармонии с природой, также и гармоничное существование в этом пространстве человека.

Роль боевых искусств в формировании имиджа Японии в России

А. Е. Куланов

Один русский каратист с поистине самурайской прямоотой сказал мне как-то: «За то, как мы пропагандируем в России боевые японские искусства, японцы должны навсегда забыть про “северные территории”». Безусловно, это высказывание – преувеличение на грани гротеска, но определенная доля истины в нем есть. В формировании позитивного образа этой страны в России роль боевых искусств заметна и уже привычна. Так кажется нам сегодня, но насколько это ощущение верно? Чтобы ответить на этот вопрос, стоит ненадолго вернуться в прошлое наших стран и проследить, как влияла популярность боевых искусств – Будо и Будзюцу – на трансформацию общего образа Японии в России и влияла ли вообще. Попробуем разобраться также в том, какую роль в этой трансформации играла духовная составляющая Будо и, прежде всего, синто. Тем более что один из создателей положительного образа японских единоборств американский исследователь Бусидо Уильям Гриффис говорил: «Каждый, кто хочет понять Японию XX в., должен понять ее корни, уходящие в почву прошлого»¹. Думается, за сто лет, прошедшие со времен этого высказывания, его суть не изменилась.

Как известно, общее направление формирования имиджа Японии в России осуществлялось под воздействием как внешних, так и внутренних сил по двум основным сценариям: «живописная Япония» и «желтая опасность». Фундаментальное исследование на эту тему провел историк В. Э. Молодяков².

Образ «живописной Японии» был смоделирован несколько раньше, чем начал формироваться образ «желтой опасности», – в 60–70-х годах XIX в. Первой крупной операцией японского имиджмейкинга за пределами Японского архипелага можно считать Лондонскую художественную выставку 1862 г., после которой «живописная Япония» навсегда поселилась в умах и фантазиях лучших европейских писателей и художников того времени, таких, как, Оскар Уайльд, Клод Моне, Винсент Ван-Гог, а вслед за ними покорила и большинство столиц Старого Света.

В Россию калька с европейской «живописной Японии» поначалу была перенесена вполне успешно (К. Бальмонт, М. Добужинский, В. Брюсов, Н. Гумилев), но непосредственная близость к дальневосточному соседу и последо-

¹ Нитобэ И. Бусидо. Дух Японии. София, 1997, с.13.

² Молодяков В. Э. Образ Японии в Европе и России второй половины XIX – начала XX века. М., 1996.

вавшая вскоре необходимость делить с ним «корейский огород» не позволила этой модели царствовать безраздельно.

Творческое изучение внешней политики мэйдзийской Японии очень быстро привело некоторых известных художественных аналитиков конца XIX – начала XX в., прежде всего В. Соловьева, В. Брюсова и А. Белого, к осознанию того, что существует не пропагандируемая, но оттого не менее реальная – милитаризирующаяся Япония. Это, в свою очередь, привело к рождению совсем другого имиджа Японии: для Запада – карикатурного и умозрительного, а для России, – хотя нередко тоже лубочного, но вполне осязаемого образа «желтой опасности»³.

Полностью этот образ набрал силу и зажил своей особой жизнью во время и после русско-японской войны 1904–1905 гг. Однако первые труды отечественных ученых, посвященные феномену боевого японского духа Бусидо, естественным образом ставшего тогда частью «желтой опасности», появились еще до русско-японской войны. Тогда этот образ начал формироваться одновременно с обретением Японией военной мощи и проявлением империалистических амбиций. Русские японоведы так же, как и их наиболее прогрессивные европейские коллеги, рассматривали, казалось бы, внезапно возникший имидж Японии как великого восточного агрессора, как воплощение идеи панмонголизма в тесной связи с традиционными японскими культами и духовными началами, прежде всего, с синто, дзэн-буддизмом и неоконфуцианством.

Особое внимание было привлечено к деятельности англоязычных так называемых «буферов-пропагандистов»⁴, разъяснявших суть происходящих в Японии перемен иностранцам. Нет ничего удивительного в том, что одним из первых таких имиджмейкеров Бусидо стал талантливый эссеист и почитатель японского духа Лафкадио Херн, навсегда оставшийся жить в Японии. Вместе со знаменитым пропагандистом японцем И. Нитобэ, с которым у них даже книги имели схожие названия (самое известное произведение Л. Херна – «Душа Японии», а культовый труд Нитобэ – «Бусидо. Дух Японии»), он рассказывал своим прежним соотечественникам о взглядах японцев на мир и разные проявления японского духа, непонятные для ев-

³ В современной российской литературе причудливое хитросплетение «живописной Японии» с «желтой опасностью», помноженное на шпионские мифы про «штабс-капитана Рыбникова» тех лет и на современные книжки про ниндзя, слились в насыщенном тонкой пародией на «жапонизм» в романе Бориса Акунина «Алмазная колесница», где беллетристический образ автора не может скрыть японистическую сущность его alter ego – Г. Ш. Чхартшвили. Судя по популярности «Алмазной колесницы», становится понятно, насколько близки нам оба эти образа («живописной Японии» и «желтой опасности») сегодня.

⁴ Это емкое определение принадлежит известному голландскому японоведу К. Волферену, который таким образом обозначил специалистов-пиарщиков, как японского, так и неазиатского происхождения, усилиями которых в значительной степени формируется имидж Японии в мире, главным образом положительный.

ропейцев, на примере джиу-джицу. Практически одновременно с началом японо-китайской войны, в 1894 г. Херн обнародовал свой «Взгляд на Восток со стороны», в котором рассказывал о японской борьбе дзю-дзюцу (джиу-джицу), называя ее, правда, «юютсу» (yoyuoutsu). «Борьба Японии с Китаем... была таким же “юютсу”, в увеличенном только масштабе. В свою дипломатию и политику, в свое войско и флот японцы с успехом перенесли все приемы юютсу... Они нашли и тщательно отметили все слабые места Китайской империи»⁵. Японцы, проведя ряд сильных ударов «по этому огромному рыхлому телу ..., одолели противника» Более того, сила художественного воздействия «спортивной темы» на романтического англо-грека оказалась столь велика, что он, предвидя и великое экономическое будущее Японии, сравнивал путь к нему все с тем же образом: «Наверняка, промышленное джиу-джитсу выявит самые неожиданные результаты»⁶.

Почитатель Л.Херна и друг И. Нитобэ, уже упоминавшийся выше американец У. Гриффис написал предисловие к книге последнего «Бусидо», в которой прямо указывалось: «Всем, что представляла собой Япония, она обязана самураям». В этом предисловии Гриффис признавался, повторяя и углубляя мысль Херна: «Я осознал, что Бусидо с его тя-но ю (чайной церемонией. – А. К.) и дзю-дзюцу... сформировало все убеждения и обычаи городского и провинциального дворянства»⁷. Здесь речь идет о тех самых самураях.

Так впервые был сформирован действенный алгоритм: лучшими своими достижениями Япония обязана самураям, самурайскому духу – Бусидо. Важнейшей составляющей Бусидо являются Будо – боевые искусства и небоевые медитативные практики: тяноу, икэбана, игра го, искусство каллиграфии сёдо и т. д. Для лучшего понимания точности расчета и представления о целевой аудитории «Бусидо» стоит напомнить, что свое классическое произведение Нитобэ написал сначала на английском языке, и лишь затем книга была переведена на японский. Геополитическую направленность автора можно представить, зная, что он был проректором университета Такусёку в Токио, готовившего кадры для управления колонизируемыми территориями материковой Азии, и некоторое время жил в США.

Вдохновленный, возможно, все теми же Херном и Нитобэ, автор книги «Япония и японцы» Эрнст фон Гессе-Вартег, рассматривая особенности японского духа, тоже считал необходимым посвятить целую главу джиу-джицу, называя его «ключом к уразумению характера японского народа в его отношении к чужим странам»⁸. Он окончательно и точно определил важное и, безусловно, позитивное место боевых искусств – Будо и их ду-

⁵ Цит. по: Лукашев М. Н. На заре российских систем рукопашного боя. М., 2003.

⁶ Там же.

⁷ Нитобэ И. Бусидо. Дух Японии. София, 1997, с. 12.

⁸ Цит по: Лукашев М.Н. На заре российских систем рукопашного боя.

ховной основы – Бусидо и в наборе представлений, составляющих образ Японии.

Однако даже такая мощная пиаровская подготовка мало бы чего стоила, если бы не сопровождалась практическими действиями. В 1899 г., когда Япония действительно нуждалась, если не в оправдании своих действий в Китае, то хотя бы в создании более или менее позитивного имиджа, Лондон, как и 30 лет назад, во времена первых художественных выставок, послужил трамплином для очередной японской PR-кампании, на этот раз спортивной. В английскую столицу прибыли два первых сэнсэя. Братья Тани начали преподавать в Главной военно-гимнастической школе и в училище Королевского военно-морского флота дзю-дзюцу (джиу-джицу) и положили тем самым начало активной деятельности японских наставников в мире.

Информация об этом, как и книги «буферов», доходила и до России. В некоторой степени наши японоведы вместе с японскими и европейскими исследователями-пропагандистами одухотворили «желтую опасность» и, хотя поначалу они остались незамеченными, их идеи и созданные ими образы заработали несколько лет спустя. Так, ученые из Восточного института во Владивостоке – Л. Богословский, Е. Г. Спальвин, а несколько позже и Н. П. Мацокин⁹, – практически одновременно с выходом в свет «Бусидо» опубликовали целую серию статей о некоторых особенностях японского менталитета, рассматривая их в спектре «желтой опасности» и увязывая с морально-этическим кодексом самураев – Бусидо.

Исследования этих ученых в основе своей и сегодня чрезвычайно современны, так как затрагивают неподвластные действию времени глубинные основы морали, этики, религиозности в боевых искусствах. Так, например, Л. Богословский пояснял смысл знаменитого Бусидо, практически вторя И. Нитобэ: «Нравственные требования японского рыцарства, его идеалы и стремления, *сделавшиеся критерием всего хорошего* (курс. наш. – А. К.), обозначались словом “Бусидо”... Это слово включает в себе французское “noblesse oblige”, русское “честь” и английское “gentlemen”». Далее Л. Богословский конкретно и четко приводит «три источника, три составные части» Бусидо: «В Японии имелись иные (по отношению к европейским. – А. К.) источники, творчески повлиявшие на создание духовного образа самурая. Прежде всего – буддизм. Спокойная вера в судьбу, стойкость к опасностям и бедствиям, ясное сознание неизбежности, стоическое спокойствие, которое помогало пренебрегать жизнью в известных случаях, – вот что взяло японское рыцарство из буддизма... Чего не доставало самураю из буддизма, то давал ему в изобилии синтоизм. Лояльность, т. е. верность

⁹ Богословский Л., Харакири; Месть Кадзумы; К вопросу о характеристике японцев; Бусидо. История 47 верных вассалов. Владивосток, 1902, т. 3; Спальвин Е. Г. Конфуцианские идеи в этическом учении японского народа. Владивосток, 1909, т. 31.

государю, благоговейное почитание предков, словом, то, чему сравнительно мало учат другие религии, самурай почерпнул из синтоизма, и эти черты смягчали надменность и высокомерие самурая... Поклонение японцев природе, по смыслу учения синтоизма, заставило любить страну до глубины души, между тем, как почитание предков, передаваясь из рода в род, делало императора главой нации...Синтоизм, таким образом, выработал два главных начала, проходящих красной нитью в жизни японца, – патриотизм и верность государю...

Что касается чисто нравственного учения, то должно заметить, что и в этом отношении многое взято для Бусидо из учения Конфуция».

Однако тогда, в конце 1890-х – начале 1900-х годов, об этих событиях, об изысканиях российских и европейских ученых, о предвидениях поэтов и мыслителей мало кто знал, кроме специалистов, и во многом именно поэтому итоги и сам дух русско-японской войны оказались столь неожиданными для России, да и для всего мира. Лишь после первых тяжелых поражений на Дальнем Востоке русское общество обратилось к поиску внутреннего источника мужества японских солдат, а западные авторы, включая Джека Лондона и Артура Конан-Дойля¹⁰, хором принялись аллегорически сравнивать победу маленькой Японии над большой Россией с «неотразимой» техникой джиу-джицу, позволяющей слабому побеждать сильного, стараясь при этом не углубляться в причины срочного заключения мира между Россией и Японией.

Одновременно на страницах массовой печати всплыло загадочное слово «Бусидо», а из Германии и Франции хлынул к нам поток учителей и учебной литературы, в том числе переводов японских трудов по джиу-джицу и дзюдо (Х. Кацукума, Ю. Тани, К. Асикага, А. Сумитомо), наставляющих всякого желающего в «благородном искусстве джиу-джицу». Интересно отметить, что по причинам конъюнктурного и коммерческого характера подобная литература, за малым исключением, все меньше содержала сведений о морально-нравственных или философских основах Будо, но зато акцентировала внимание читателя на понятных всем бытовых нюансах, подчеркивающих эффективность японского подхода. Конечно, речь идет, прежде всего, о вежливости. Классический пример такого «учебного пособия» – книга Ашикага «Жиу-житсу» с культовой фразой «жиу-житсу – искусство благородное»¹¹. Это и подобные ему, весьма похожие друг на друга издания, произвели неизгладимое впечатление на российского читателя. Они переиздавались и, что немаловажно, переиздаются по сей день.

¹⁰ Мастер борьбы «боритсу», сыщик Шерлок Холмс, должен был бы учиться у некоего Э. Бартона-Райта, легионера-путейца, проработавшего несколько лет в Японии и организовавшего школу «бартитсу», названную по имени «отца-основателя». Сам Бартон, судя по всему, не был сильным борцом, но в школе у него преподавали опытные японцы, в том числе один из упоминавшихся братьев Тани – Юкио.

¹¹ Проф. Ашикага Кара. Жиу-Житсу, М, 1909, с. 6.

Не только «раскрутка» джиу-джицу в качестве непревзойденной боевой системы, но и усилия модераторов имиджа, в том числе И. Нитобэ, Л. Хер-на и автора книги «Путь чая» К. Окакура, подвигли первых русских энтузиастов «джиуджитсеров» к изучению Будо. Описанные А. Белым помешательство на Японии, мода на «жапонизм» способствовали и проникновению Будо в Россию. «На фотографиях и гравюрах тех лет запечатлены румяные, усатые здоровяки в батистовых халатиках, подвязанных пышным бантом, – первые энтузиасты джиу-джитсу. Стараясь приспособить диковинные приемы к знакомой классической борьбе, они не слишком церемонились с ритуалом и, видимо, совершенно не беспокоились о своей душевной гармонии»¹², – так много лет спустя охарактеризовал ту эпоху японовед А. А. Долин.

В числе таких «усатых энтузиастов» был и штабс-капитан русской армии В. А. Спиридонов – будущий соавтор самбо и сотрудник НКВД. На протяжении многих лет он учился и преподавал джиу-джицу по книгам, подобным романтическому наставлению Кара Ашикага¹³. Пока нет доказательств, но есть интересные версии о том, что дзю-дзюцу и даже сумо занимались в Японии русские пленные, в том числе матросы Василий Бабушкин и Василий Мазенков¹⁴.

Судьба другого выдающегося соавтора самбо, япониста и разведчика, выпускника академии дзюдо (Кодокан) В. С. Ощепкова ярко характеризует следующий этап в развитии японских единоборств в Советском Союзе. Попавший в Японию в результате русско-японской войны, окончивший Академию дзюдо, 20 лет занимавшийся популяризацией этого боевого искусства, написавший ряд статей о происхождении различных японских систем рукопашного боя, Ощепков не мог, а возможно, и не собирался, в советских условиях поднимать тему внутренних источников Будо. К тому времени (к 30-м годам XX в.) в СССР произошла очередная метаморфоза, и «самурайский дух» снова, как и в начале века, стал неотъемлемой частью «гнилой самурайской морали японского милитаризма»¹⁵. В. С. Ощепков был репрессирован в конце 1937 г. по ложному обвинению в шпионаже в пользу Японии вместе с целым рядом отечественных японоведов, в том числе с упоминавшимся Н. П. Мацокиным, профессорами Д. М. Позднеевым, Н. А. Невским и др. 1937 год стал началом официального забвения японских Будо, продолжавшегося почти 30 лет. В публикации тех лет «Что такое дзю-до» (так писали это слово у нас до войны. – *А. К.*) указывалось предельно ясно: «Родина воинствующего фашизма, страна реакции, террора и интервенции, Япония имеет систему физического воспитания, предна-

¹² Долин А. А. Дальневосточные боевые искусства: миф и реальность. – Вопросы научного атеизма. М., 1989, вып. 38.

¹³ Куланов А. Е. Дело загадочного гренадера. – Додзё. 2005, №5.

¹⁴ Гузанов В. Г. Русский след в сумо. – Додзё, 2005, №5.

¹⁵ Лукашев М. Н. Сотворение самбо: родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской, М., 2003.

значенную исполнять классовые заказы японских милитаристов. Эта система носит название дзюу-до»¹⁶. Круг замкнулся: новая политическая обстановка потребовала «принять на вооружение» имидж «желтой опасности», и стало окончательно ясно, что боевые искусства с гибкостью, достойной техники дзю-дзюцу, снова стали частью этого имиджа.

Период 1937–1962 гг. можно считать временем полного забвения Будо в СССР. Естественно, что в странах, бывших тайными и явными военными противниками, не могла выжить склонность к изучению, а тем более, к восхищению, как это было всего несколько десятилетий назад, морально-этическими качествами боевого духа друг друга. Смоделированный на государственном уровне имидж соседа не мог быть подвергнут пересмотру снизу, и если какие-то позитивные изменения и вносились в образ врага, то привлекательнее этот образ не становился.

Советским спортсменам было предложено, ориентируясь на многонациональный характер самбо, воспитывать в себе идеалы преданности интернационализму и советскому патриотизму. Таким образом замещались конфуцианские доктрины в отношениях «учитель-ученик», синтоистские идеалы преданности верховной власти и любви к родине, а также буддистское отсутствие страха смерти и желание успешной реинкарнации (в советском варианте – в виде названия именами героев улиц и пароходов). Как не вспомнить тут того же И. Нитобэ, писавшего в «Бусидо»: «Принципы синтоизма охватывают две господствующие характеристики эмоциональной жизни нашего (японского. – А. К.) народа – Патриотизм и Преданность»!

Эта относительно успешная схема действовала довольно долго и в атавистическом виде действует и сейчас. Первый сбой в ее работе произошел, как и во многих других областях советской жизни, во времена хрущевской «оттепели».

В начале 60-х годов Советский Союз, осознанно позиционировавший себя на мировой арене как сверхдержава, не мог остаться вне участия на этой арене в соревнованиях общепризнанных спортивных течений – это противоречило бы имиджу «просвещенного советского абсолютизма», присущего всему правлению Н. С. Хрущева. Проведя несколько международных матчей по дзюдо, в которых боролись «спортивные внуки» Ощепкова и Спиридонова – самбисты, а затем приняв успешное участие в Токийской олимпиаде 1964 г., СССР с удовлетворением признал право на существование в стране дзюдо – самого официального и «оспортивленного» боевого японского искусства. Однако развитие дзюдо в нашей стране не было естественным и ожидаемым: основным его спортивным конкурентом оставалось самбо, окончательно выбившее из дзюдо ореол экзотической романтики и направлявшее его по исключительно спортивному пути. Более того, успех самбистов на дзюдоистском татами надолго предопределил их благо-

¹⁶ Цит. по: Лукашев М. Н., Сотворение самбо..., с.70.

склонно-покровительственное отношение к дзюдо, подкреплявшееся идеологической базой превосходства социализма над капитализмом.

Крайне важно, что у нас в стране практически не было и «легионеров» – солдат, участвовавших в азиатских войнах 50–60-х годах, которые, как Чак Норрис в Америке или Йон Блюминг в Европе, принесли бы на родину каратэ, дзюдо, таэквондо или хапкидо. Экзотический духовный ореол, который неизменно сопровождал эти единоборства, был благосклонно принят жаждавшим перемен и зачастую ориенталистски настроенным западным обществом времен хиппи, битников и рок-н-ролла. «Король» последнего Элвис Пресли был ярким популяризатором каратэ.

В СССР, за «железным занавесом», люди могли видеть только те картинки, которые им показывали, зато уж если что-то показывали, то реакция зрителей часто была совершенно непредсказуемой. Так произошло с фильмом общепризнанного классика мирового кинематографа Куросава Акира «Гений дзюдо». Картина, снятая по мотивам романа сына одного из первых японских дзюдоистов, была очевидной пропагандой официального дзюдо, в которой авторитет его основателя Кано Дзигоро не подвергался сомнению, а морально-этические нормы, характерные для Кодокан дзюдо, объяснялись открыто, популярно и практически без обращения к вожделенным, но труднопонижаемым на Западе традиционным ценностям. Противовесом «хорошим» дзюдоистам в фильме выступали «плохие» каратисты и бойцы клановых школ дзю-дзюцу. Но именно они и стали кумирами советской молодежи на долгие времена.

Феномен этот довольно прост, если внимательно отнестись к его разбору. С дзюдо мы оказались уже знакомы, и его олимпийский, т. е. глобалистский в спортивном понимании этого слова, характер был понятен, предсказан самбо, а потому малоинтересен. Дзюдо получило практическую окраску – стало дисциплиной, с помощью которой нужно и можно было завоевывать медали, наравне, скажем, с баскетболом. Наоборот, загадочные каратэ, дзю-дзюцу, добавившееся к ним позже нин-дзюцу, хранили, по мнению наших людей, столько загадок и столько абсолютно необходимых советскому человеку экзотических и эзотерических тайн, что необходимость овладения ими, фактически, возможность ухода во внутреннюю эмиграцию казалась совершенно очевидной. А.Б. Штурмин, речь о котором пойдет ниже, вспоминал: «В “Тении дзюдо” технику каратэ показали слабую, но успех был ошеломляющий, потому как было непонятно, что это».

Нельзя забывать и о том, что начало 60-х годов – это период подъема популярности Японии в Советском Союзе в эпоху «холодной войны». Это был прорыв образа новой, хотя и вражеской, но уже побежденной, послевоенной Японии в сознание советского народа, ждавшего такого прорыва после откровений «оттепели». Я вспоминаю фильм знаменитого режиссера Марлена Хуциева «Июльский дождь», снятый как раз в те времена. В одном из его эпизодов молодые советские физики-лирики обсуждают досто-

инства блюд из рыбы фугу, сидя в коммунальной квартире, стены которой украшены свитками какэмоно. В такой обстановке проникновение в СССР абсолютно естественных, неотъемлемых духовных ценностей японской культуры, среди которых боевые искусства оказались далеко не на последнем месте, было не только возможно, но и желаемо, тем более что локомотивом такого проникновения служил экономический прорыв Японии, то самое «промышленное джиу-джицу», предсказанное когда-то Л. Херном.

Токийская олимпиада, на которой Япония продемонстрировала всему миру вновь отстроенный город со скоростными магистралями и «поездами-пулями» – «город будущего» Андрея Тарковского, стала важным этапом в моделировании существующего и по сей день позитивного имиджа Японии. Промышленный подъем, охвативший в то время эту страну, первые упоминания о «Тойоте» и «Панасонике» как символах капиталистического качества и уровня жизни необходимо было уравновесить набором общечеловеческих ценностей, не позволявших сделать из образа японца робота. Во Франции, да и во многих других европейских странах, а также в США, Японии так и не удалось этого добиться: широко известно высказывание одного из французских премьеров, назвавшего японцев «экономическими животными», а вот в СССР ситуация была на удивление иная.

Желаемого равновесия достичь удалось, и сделано это было далеко не в последнюю очередь с помощью Будо, которые с самого начала позиционировались в нашей стране как часть самобытной японской культуры. Страна с чрезвычайно высоким уровнем развития экономики в стесненных стартовых условиях и обладающая иррациональными ценностями загадочных боевых искусств с их потрясающей боевой эффективностью (вспомним заповедь каратэ «одним ударом наповал – иккэн хиссацу»), в основе которых лежат столь милые русскому сердцу восточные тайные учения, просто не могла не быть популярной в Советском Союзе, в России.

Безусловно, сыграла роль эффективная подпитка с родины Будо. С укреплением экономической базы государства, Страна корня солнца стала больше внимания уделять формированию «образа примерного гражданина». Несмотря на колебания то влево, то вправо, такой образ в целом стал прочно увязываться с сохранением традиционных культурных ценностей, в числе которых значились и продолжают значиться традиционные единоборства. Началась вторая в XX в. волна рекламно-пропагандистских туров японских мастеров единоборств по Америке и Европе, появилась самая неравнодушная к рекламе школа каратэ Кёкусинкай, началось массовое продвижение Будо, прежде всего каратэ, в массы.

Инициированный сверху приватный уровень моделирования позитивного имиджа Японии вскоре был поддержан государственными усилиями: в 1972 г. по инициативе правительства и с использованием структуры и ресурсов министерства иностранных дел Японии был создан Японский фонд – крупнейшая в этой стране организация, основной целью которой объяв-

лена деятельность по развитию международного культурного обмена, в том числе в представлении культуры за рубежом для создания положительного имиджа Японии. Японский фонд получил возможность осуществлять специальные программы в области пропаганды национальных видов спорта, в первую очередь, сумо, дзюдо и кэндо¹⁷, что, естественно, привело к желаемым результатам и в России, где это направление деятельности Японского фонда также присутствует.

Рано или поздно, но под воздействием этих двух факторов – внутренней тяги советских людей к «идеальной» восточной культуре и модераторскими усилиями японских «буферов-пропагандистов» и имиджмейкеров, «железный занавес» в области единоборств должен был пасть. По сути, это произошло еще во время Токийской олимпиады, в 1964 г., когда в СССР появилась первая группа людей, занимающаяся каратэ, а в 1972–1973 гг. незаметно трансформировавшаяся в авторитетную, популярную и мощную Центральную школу каратэ, во главе которой встал молодой научный сотрудник одного из московских институтов, кандидат технических наук, заслуженный изобретатель СССР, прославившийся, однако, не шестью десятками своих изобретений в научно-технической области, а созданием первой школы отечественного каратэ, – А. Б. Штурмин.

Никогда не позиционировавшая себя как истинно японское направление, как школа Будо или будзюцу, ЦШК стала настоящей кузницей кадров советских, а во втором-третьем поколениях, и российских спортсменов. Помимо всего прочего, это произошло еще и потому, что ее руководители отчасти интуитивно, отчасти на основе ограниченных контактов с японскими наставниками, многие из которых в то время сами еще не имели права у себя на родине именоваться «сэнсэями», верно определили нравственно-этическую базу для занимающихся. При детальном ее изучении окажется, что это все те же «три источника, три составные части» Будо – синто, буддизм и конфуцианство. По иронии судьбы ни одно из этих слов не могло прозвучать из уст тогдашних советских каратистов, но интерес к постижению загадочным в те времена духовным основам боевых искусств Японии уже был немалым.

Позже Штурмин, анализируя отношение в ЦШК к стране Будо, отметил, что какого-то особого, ярко выраженного интереса к Японии у первых советских каратистов не было, а вернее, он был сфокусирован лишь на аспектах, связанных с каратэ: «Наш с японцами интерес друг другу в те годы был сугубо утилитарным, а когда вышел на экраны “Гений дзюдо”, мы уже занимались каратэ. Больше того, к 1969 г. мода на каратэ стала настолько заметна, что мы сами снялись в фильме “Вид на жительство”, где изображали иностранных каратистов – уже было известно, что это искусство популярно на Западе».

¹⁷ Железняк О. Н. Вхождение во внешний мир. – Япония, 1999–2000. Ежегодник М., 2000, с. 180–185.

Даже такой сдержанно позитивной оценки каратэ было достаточно, чтобы А. Штурмину, который во время запрета на каратэ был арестован по сфабрикованным уголовным обвинениям, вменили в вину и «преклонение перед самураями» и «отрыв молодежи от работы в комсомоле и строительства коммунизма». Так имидж «желтой опасности» снова был применен в качестве ударного инструмента, сравниться с которым в советском государстве не могло никакое каратэ. Впрочем, Алексею Борисовичу повезло: родился он на полвека раньше, он, вне всякого сомнения, повторил бы трагическую судьбу Ощепкова, однако на этот раз основатель отечественной школы Будо «отделался» восемью годами заключения.

В отличие от «технаря» Штурмина его ученик Александр Рукавишников был явным «гуманитарием». Сын известного скульптора, получивший в ЦШК за феноменальную скорость и силу удара кличку «Летающий слон», он с детства интересовался мировой культурой. Сегодня А. И. Рукавишников – скульптор с мировым именем, академик, профессор, Народный художник России вспоминает: «Безусловно, под влиянием каратэ мое отношение к Японии и японцам стало еще лучше. Появилось даже некоторое обожание, когда, например, некоторую неряшливость в одежде японцев мы воспринимали чуть ли не как признак святости. Мне кажется, повальное увлечение боевыми искусствами у нас пошло на пользу имиджу Японии, хотя он и без этого становился все лучше и лучше».

Долетавшие с Запада обрывки моды на восточные мистические учения, на культ предков, дзэн-буддизм, йогу, медитацию все больше способствовали созреванию интереса к Японии в нашей стране, что усиливалось перманентной тягой России к Востоку и, прежде всего, к попыткам осознания его мистической роли в существовании русского государства и пассионарного евразийства. Неуклонный рост популярности боевых искусств, на первый взгляд, незаметно, но неизбежно при внимательном изучении, продолжал влиять на улучшение образа самой Японии в нашей стране, и к началу 80-х годов в умах многих людей, особенно молодого поколения, произошла смычка нескольких понятий: Тойота + Панасоник + икэбана + каратэ = Япония. В дальнейшем, как мы знаем, к этому набору составляющих добавились еще суси и Харуки Мураками, но в целом образ Японии с тех времен у нас мало изменился, и Будо не только являются его неотъемлемой частью, но и укрепляют сегодня свои позиции.

Изучение духовных основ восточных единоборств не прекращалось ни на минуту и в годы их запрета, как не прекращалось их преподавание в КГБ, милиции, армии и подвалах под маской самбо и рукопашного боя. Более того, тщательно вуалируя подлинные цели исследований нуждами марксистско-ленинской философии, целый ряд отечественных специалистов-востоковедов продолжали изучать то, что уже неудержимо, навсегда влекло их. Речь идет, прежде всего, о многочисленных статьях в научно-популярных журналах ряда сотрудников Института востоковедения АН

СССР и других научных центров тех времен: А. А. Долина, Н. В. Абаева, Г. Н. Музрукова и др. В специализированной литературе продолжали публиковаться их исследования, хотя и не лишённые неточностей и огрехов, но выполненные на достаточно высоком для своего времени уровне и посвященные главным образом именно духовной и оздоровительной составляющим Будо и ушу, и эти статьи находили своего читателя.

Еще в условиях запрета, в 1988 г., под эгидой Философского общества СССР прошел всесоюзный симпозиум, посвященный «феномену каратэ». К 1990 г. А. А. Долин в соавторстве с Г. В. Поповым готовил к публикации свою знаменитую книгу «Кэмпо. Традиции воинских искусств», которая до сих пор не издана на русском языке в полном виде, и основной частью которой были исследования на тему духовной составляющей Будо в тесной привязке к их национальному происхождению. Ряд отечественных специалистов по восточным единоборствам добивались их «открытия» лично от тогдашнего генсека М. С. Горбачева. Г. Н. Музруков, бывший в те годы научным сотрудником Института Дальнего Востока, написал письмо Горбачеву с просьбой разрешить преподавание ушу, упирая именно на необходимость изучения этого вида единоборств как части китайской культуры, которое позволило бы достичь большего взаимопонимания с этой страной¹⁸.

Сегодня хочется верить, что искренность и желание правильно понимать изучаемые единоборства, комплексный подход к их освоению медленно, но неуклонно набирает силу в России. Не обходится, конечно, без казусов, и мы то и дело можем видеть, как неумное желание множества энтузиастов полного погружения в Бусидо заводит их слишком далеко, но это можно объяснить болезнью роста. Высокий рейтинг имиджа Японии непрерывно подпитывается за счет большого (по разным оценкам от 3 млн. до 5 млн. человек¹⁹) числа занимающихся восточными единоборствами в России. Для большинства из этих нескольких миллионов человек Япония – не просто родина их любимого боевого искусства, которое они, благодаря предварительной пиар-подготовке, воспринимают как нечто большее, чем просто спорт. Для них Япония – культовая страна, которая не может быть плохой. Едва ли не на каждом сайте различных федераций боевых искусств есть раздел, посвященный Японии.

Тем более сложно переоценить важность того фактора, что многие из вчерашних «подвальных» каратистов и айкидзинов сегодня оказались на вершинах властной вертикали. Министры, федеральные инспекторы, губернаторы, другие крупные чиновники и даже журналисты «почетно» возглавляют различные федерации единоборств или хотя бы формально, сочли необходимым подвязаться «почетными черными поясами». Среди об-

¹⁸ Музруков Глеб. Следует определить понятия! – Будокан. 2005, № 8.

¹⁹ Работа по контракту. Кто выжил на рынке боевых искусств? – Коммерсант-Деньги. 2001, №37.

ладателей «сертификатов на даны», становящихся обязательным атрибутом властных кабинетов, сегодня фигурируют министр по чрезвычайным ситуациям С. Шойгу (каратэ), президент Чувашии Н. Федоров (каратэ), заместитель председателя комитета Государственной думы РФ по обороне А. Коржаков (кобудо), председатель Счетной палаты С. Степашин (каратэ), губернатор Санкт-Петербурга В. Матвиенко (каратэ), председатель Московской городской думы В. Платонов (дзюдо), министр сельского хозяйства С. Гордеев (дзюдо), известные тележурналисты В. Соловьев и Н. Свиридзе (каратэ), спикер Государственной думы РФ Б. Грызлов (каратэ), мэр Москвы Ю. Лужков (каратэ), губернатор Ивановской области М. Мень (каратэ) и др.

Популярность Японии в нашей стране на рубеже веков стала так высока, что сама начала поддерживать высокое реноме всяческих «самурайских штучек», доводя их порой до абсурда. Чуткие к общественному мнению и спросу рекламщики и пиарщики немедленно уловили это, и сегодня мы имеем такие «замечательные» продукты этого имиджа, как мороженное «Айскидо», строительную компанию «Сатори», питомник китайских хохлатых собак «Русский самурай» и многое другое. Все это – эксплуатация не просто популярного самурайского имиджа, но не в последнюю очередь его духовной составляющей. Это отчетливо видно на примере аннотации к водке «Семь самураев», выпускаемой одной российской компанией, в которой говорится: «Самураи посвящали себя гражданскому служению родине, являя собой пример ответственности на любом месте, где бы они не находились. Нет необходимости родиться в Японии, для того чтобы следовать пути самурая. Нужно лишь желание понять, принять и следовать их кодексу. Название водки “Семь самураев” глубоко символично. Семь великих воинов стали символом чести, верности своему народу и Отечеству. Семерым достойнейшим гражданам России, полномочным представителям президента РФ в округах, оказано высокое доверие и дано великое право отвечать за судьбу своей Родины»²⁰.

Интересно, что японская сторона, поддерживая в целом стремление россиян к познанию своей культуры, боевым искусствам внимания уделяет сравнительно немного, имея в виду сиюминутные цели и совершенно конкретный политический расчет. Так, в бытность влиятельного депутата парламента Судзуки Мунэо японские власти активно поддерживали развитие сумо в России – Судзуки слыл большим его любителем. Как только премьер-министром стал маститый фехтовальщик Хасимото Рютаро, началась поддержка кэндо в России. Министерством иностранных дел Японии с помощью созданного при активном участии М. Судзуки Фонда японо-российских молодежных обменов (Фонда Обути) были организованы туры

²⁰ www.japon.ru/Конкурс2/Водка 7 самураев.

в Японию российских кэндоистов, а в Москве до сих пор проводится ежегодный турнир «Кубок Хасимото».

Наоборот, когда председателем правительства РФ стал айкидока С. В. Кириенко, была дана отмашка на моральную и информационную поддержку айкидо. Случай с дзюдо, по понятным всем причинам, в комментариях вообще не нуждается. Надежда на дзюдоистскую любовь президента России к Японии имела четкий политический расчет, но не оправдалась, хотя традиционную духовную составляющую Будо, впрочем, без четкой терминологической и национальной привязки, В.В. Путин поддержал: «Боевые искусства, популярность которых в России растет год от года, – это не только хорошая школа спортивного мастерства, но и особая философия физического и духовного воспитания гармоничной личности, неотъемлемой части общей человеческой культуры»²¹. По поводу дзюдо президент был еще более конкретен: «Дзюдо – замечательный вклад японского народа в мировую копилку культуры... Это, безусловно, такой вид единоборства, который отражает дух японского народа»²².

В результате, мы и сегодня можем встретить официальных японских представителей на мероприятиях названных четырех федераций и вряд ли обнаружим их на соревнованиях по каратэ, которое в японском МИДе до сих пор имеет репутацию бандитского вида спорта, который пока может пользоваться только частной поддержкой японских наставников²³. Они рассматривают свою миссионерскую деятельность в России как часть весьма выгодного бизнеса: каждый их семинар в России может приносить им десятки тысяч долларов, а есть сэнсэи, которые за десять лет провели несколько сотен таких семинаров. Именно поэтому многие наши каратисты, знающие, сколько стоит «передача опыта» их японскими учителями, скептически относятся к каким бы то ни было требованиям японцев, включая пресловутую «проблему северных территорий».

По-прежнему сохраняется «третий путь» моделирования имиджа Японии в России – через Америку и Западную Европу. Безусловно, самая яркая иллюстрация этого влияния – появление многочисленных «суши-баров» в нашей стране с их неизменными «роллами по-калифорнийски с огурцами» в меню. Трудно переоценить роль этого западного пути в поддержании высокого уровня популярности боевых искусств в СССР, особенно в период их запрета. На протяжении примерно 30 лет любители единоборств вынуждены были опираться на информацию, полученную, прежде всего, с Запада. Сначала перефотографированные, а затем ксерокопированные книги Р.

²¹ Из приветствия В. В. Путина Первому российскому форуму боевых искусств.

²² Будокан. 2005, №5.

²³ Тем не менее, надо признать, что со стороны это заметить трудно. В библиотеке информационного отдела посольства Японии в Москве по состоянию на 1 декабря 2005 г. числились 53 книги по боевым искусствам, в том числе 7 – по кэндо, 12 – по дзюдо, 9 – по айкидо, 4 – по сумо, 16 – по каратэ и 5 книг по Бусидо на разных языках.

Хаберзетцера, М. Накаяма, М. Ояма, Д. Дрэгера и других авторов, изданные на европейских языках, десятилетиями служили единственным источником знаний для нас наряду с видеокассетами с фильмами Брюса Ли, Чака Норриса, Джеки Чана, Дона Вилсона, Стивена Сигала и иных кинематографических мастеров Будо.

Интересно отметить, что эксплуатация позитивного имиджа Японии вообще и боевых японских искусств и их духовных начал, например сложного философского понятия «До» – «Пути», в частности через западные источники продолжается. Просто, в связи с требованиями времени, сменилась целевая аудитория и спектр приложения. Зайдя в книжный магазин, я встретил на прилавке свежий номер журнала о рекламном бизнесе, на обложке которого обозначена тема номера «Восточные единоборства. Кому испортят жизнь японцы?»²⁴. Вокруг лежало множество книг, как западных, так и японских авторов (переводы с английского), названия которых явно рассчитаны на менеджеров с романтическим опытом занятий Будо: «Путь торговли», «Дао снижения затрат», «Дзэн продаж».

* * *

Что же мы получаем в итоге? Пройдя долгий и чрезвычайно сложный путь развития, боевые дальневосточные искусства в нашей стране доказали свою жизнеспособность и в процессе эволюции нашли верную дорогу. Миллионы людей, занимающиеся боевыми искусствами, в каждом, сменяющем друг друга поколении, постепенно начинают осознавать эти единоборства как неотъемлемую часть древней и самобытной японской культуры. Однако этот процесс имел и имеет тесную связь с причудливой трансформацией имиджа Японии в России. Начавшись как ответная реакция на образ «желтой опасности», он довольно быстро способствовал перерастанию его в образ «живописной Японии» и стал его частью. Затем, в результате политических коллизий, боевые искусства Будо на несколько десятилетий частично были оторваны от общего имиджа Японии, но не умерли окончательно, а продолжали существовать, подстраиваясь под условия социалистической действительности. На последнем этапе существования советского государства боевые искусства уже готовы были осознаваться как часть японской культуры и в своем секторе общественного мнения готовили положительное восприятие нового имиджа Японии, полностью раскрывшегося усилиями его модераторов после 1991 г. Активный всплеск интереса к Японии, последовавший после распада СССР и продолжающийся до сих пор, сопровождался не менее активным интересом к единоборствам, которые на частном уровне поддерживали позитивный имидж Японии в нашей стране, хотя японской стороной к этому и не прикладывались адекватно значимые усилия.

²⁴ Индустрия рекламы. 2005, №15.

Наконец, на последнем этапе, свидетелями которого являемся мы с вами, с одной стороны, продолжается осознание Будо как части японской культуры и растет интерес к их духовной составляющей, с другой – по мере роста уровня жизни и общего укрепления позиций России на мировой арене, а также в связи с благоприятной внешнеэкономической обстановкой, крепнет осознание возможности относительно самостоятельного развития боевых искусств в нашей стране (по модели европейских стран и США). Созданный в июне 2005 г. по инициативе президента Путина Российский союз боевых искусств (РСБИ), возглавляемый обладателем второго дана айкидо экс-премьером и главой Росатома С. В. Кириенко и обладателем пятого дана каратэ министром природных ресурсов Ю. П. Трутневым, трактует боевые искусства как часть мировой культуры и источник приобщения к вечным ценностям человечества. Как и прежде, японских терминов в официальных документах встречается мало. Имидж боевых искусств продолжает гибко колебаться вместе с имиджевой политикой России, подерживая ее и подтверждая изречение из апокрифического Евангелия: «Истина не пришла в мир обнаженной, но она пришла в символах и образах». Перефразируя Евангелие каноническое, в приложении к данной ситуации мы можем сказать: «И образ следовал за ним».

О формировании в Японии национальной композиторской школы (конец XIX – первая половина XX в.)

М. Ю. Дубровская

Овладение системой композиторского творчества европейской модели и формирование молодых национальных композиторских школ в музыкальных культурах Востока на рубеже XIX–XX вв. способствовали их динамичной интеграции в мировое музыкальное пространство. Актуальная проблема изучения процессов становления академического музыкального профессионализма в странах Евразии, в частности в Японии, вызвала появление ряда современных исследовательских направлений российского и международного, в том числе японского, музыкознания. Отечественная музыкальная японистика¹ приступила к разработке данной проблематики сравнительно недавно², так как назрела необходимость исследовать обстоятельства исторического развития самобытной японской композиторской школы, внушительность вклада которой в мировое музыкальное наследие бесспорна.

Широкое международное признание и авторитет национальная композиторская школа Японии получила после второй мировой войны. Далеко за пределами страны приобрели известность сочинения крупнейших композиторов Ямада Косаку, Мяги Митио, Такэмицу Тору, Дан Икума, Маюдзуми Тосиро, Миёси Акира, Морои Макото, Накада Ёсинао, Мацудайра Ёрицунэ, Акутагава Ясуси, Такахаси Юдзи и многих других. При этом доволь-

¹ Начало российским исследованиям в области японской музыки было положено, как известно, только в середине 70-х годов XX в. В этот период в СССР динамично развивалось музыкальное востоковедение. За прошедшее время в его активе накопилось немало ценных и продуктивных разработок в исследовании японской музыки, в первую очередь, традиционной. Они нашли отражение в кандидатских диссертациях *В. И. Сисаури* (1975, Ленинград), *С. Б. Лупиноса* (1984, Москва), *М. Ю. Дубровской* (1985, Москва), *М. В. Есиповой* (1988, Ташкент), *Е. В. Южаковой* (2002, Новосибирск), *Н. И. Чабовской* (2003, Новосибирск). Отечественное этномузыкознание, таким образом, внесло определенный вклад в обширный фонд фундаментальных исследований и публикаций в сфере традиционной японской музыки ученых Западной Европы, США и самой Японии, имеющий более чем столетнюю историю.

² Настоящая статья содержит некоторые результаты исследований автора последних лет, выполненных на кафедре этномузыкознания Новосибирской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки (см.: *Дубровская М. Ю.* Формирование японской композиторской школы и творческая деятельность Ямады Косаку. – Автореф. дисс. докт. иск. – Новосибирск, 2005). Проблематика японского композиторского творчества на современном этапе нашла продолжение в работе аспирантки М. Ю. Дубровской – О. В. Жуковой (см.: *Жукова О. В.* Камерно-вокальное творчество Дан Икума (в контексте проблемы «композитор-фольклор»). – Автореф. дисс. канд. иск. – Новосибирск. 2005).

но многочисленные опубликованные работы японских, западноевропейских и американских музыковедов, посвященные академической композиторской музыке Японии, охватывают почти исключительно явления последнего полувекowego периода. Напротив, насыщенная яркими событиями история зарождения и становления японской композиторской школы – конец XIX – первые десятилетия XX в. – долгое время пребывала в глубокой периферии научных исследований. Немаловажно, что именно этот период формирования национального композиторского творчества стал основополагающим для дальнейшей культурной стратегии Японии, в том числе для развития всего комплекса музыкальной культуры нового типа, включая сочинение музыки, ее интерпретацию, функционирование, систему музыкального образования и воспитания, мысль о музыке. В 10–30-е годы первыми японскими композиторами – Таки Рэнтаро, Ямада Косаку, Нобутоки Киёси, Хирота Рютаро, Накаяма Симпэй и другими – создавались сочинения, часто исполняемые и в наши дни. Характерные тенденции, откристиализовавшиеся тогда в творчестве крупнейших японских композиторов первых поколений, послужили в ряде жанров определенным стилевым ориентиром на дальнейших этапах развития национального композиторского творчества.

Историко-культурный опыт рассматриваемого периода в деле музыкального строительства и творчества, несомненно, заслуживал всестороннего комплексного исследования³, что и было впервые осуществлено автором статьи (результаты опубликованы в монографии, изданной при содействии Японского фонда⁴). Стало возможным определить ведущие тенденции развития музыкальной культуры Японии исследуемого исторического периода, установить истинное место в этих процессах конкретных композиторских фигур и сочинений⁵. С аналогичной целью был проанализирован и интерпретирован значительный объем научных и музыкально-публицистических трудов. Все они изданы в Японии и отсутствуют в рос-

³ Источниковедческая работа, проведенная автором в течение 1998–2001 гг. (в том числе по гранту Японского фонда) в крупнейших научных библиотеках, музеях и архивах Японии (Токио, Нара, Киото, Йокогама, Саппоро) позволила выявить, осмыслить и систематизировать внушительный пласт музыкальных текстов, трудов японских ученых, архивных материалов, документов и фактических данных, не вводимых до этого времени в обиход российской науки.

⁴ *Дубровская М. Ю.* Ямада Косаку и формирование японской композиторской школы (последняя четверть XIX в. – первая половина XX в.). Новосибирская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки, Новосибирск, 2004.

⁵ Этому весьма способствовало изучение автором бытующих творческих традиций создания, преподавания, исполнения и популяризации в Японии национальной композиторской музыки первой половины XX в., сохраняемых выдающимися современными музыкантами – профессорами Дан Икума (1924–2001), Миямото Ёсики, Гото Нобуко, Тойода Томоко (Токио), Акита Мэгуми (Киото), Фудзита Митико, Такагаки Юкико, Мибэ Акико, Амагай Хисако (Саппоро).

сийских библиотеках⁶, в том числе и те, которые принадлежат перу «японского Глинки» – Ямада Косаку (1886–1965)⁷.

Изучение японских публикаций, трактующих отдельные вопросы национального композиторского творчества, показало, что музыковедение Японии только на рубеже XX–XXI вв. приступило к основательной разработке этой фундаментальной проблематики современной национальной музыкальной культуры⁸. Недооценка в самой Японии и за ее пределами результатов деятельности пионеров японского композиторского профессионализма привела к явной диспропорции между реальными творческими достижениями японских композиторов первых поколений и теоретическим уровнем осмысления сделанного ими. Сложившаяся в международной музыковедческой японистике ситуация требовала пересмотра, реинтерпретации многих стереотипов, отстоявшихся не только в японском, но и в российском музыковедении⁹. В первую очередь это касается суждений о вне-национальном характере композиторского творчества Японии в противовес традиционному музыкальному наследию, оцениваемому в качестве истинно-национальной японской музыки¹⁰. Сохраняет актуальность для японского музыковедения и проблема классификации типологических отличий двух систем музыкальной культуры и мышления (канонического и динамического типа) и связанные с этим вопросы интерпретации терминологии традиционного и нетрадиционного (композиторского) музыкального искусства¹¹.

⁶ Во время ознакомления с данными материалами выявились факторы слабой изученности в Японии не только процессов формирования японской композиторской школы, но и творческой деятельности, наследия крупнейших представителей начальных этапов ее становления. Большинство существующих трудов (не переведенных на русский и европейские языки) носят обзорный музыкально-исторический характер, содержание аккумулируется преимущественно в области архивно-изыскательской, а не аналитической. Следствием этого стало недостаточное осознание в Японии вплоть до конца XX в. реалий институирования в эпоху Мэйдзи новой системы музыкальной культуры европейского типа. Ситуация усугублялась методологической спорностью бытующих представлений, размытостью оценочных критериев.

⁷ Ямада Косаку. Косаку гаккува (Рассказы Косаку). Токио, 1935; Ямада Косаку. Косаку дзуйхицусю (Эссе Косаку). Токио, 1936; Ямада Косаку тэсаку дзэнсю (Полное собрание литературных сочинений Ямада Косаку). Токио, 2001.

⁸ См. об этом: Дан Икума. Ватасино нихон онгакуси: ибунка тоно дзэн (Моя история японской музыки: встреча с другими культурами). Токио, 1999.

⁹ Показательно для дискуссионных позиций японского музыковедения, например, мнение о японской композиторской продукции рассматриваемого периода как о «ранних, несколько искусственных и эклектичных сочинениях». См.: Есипова М. В. К проблеме: японцы и русская музыкальная культура. – Сто лет русской культуры в Японии. М., 1989, с. 268.

¹⁰ Характерно, что подобного рода концепции встречаются вплоть до современного периода по всему географическому полю распространения молодых национальных композиторских школ, что обуславливает общеметодологическое значение этого вопроса.

¹¹ Отметим, что и в российском этномузыковедении – при всей общеизвестности принципиальных отличий двух названных систем – классификация их признаков остается предметом научных дискуссий, в частности, проблема осмысления системных отличий «авторства традиционного типа» от профессионального авторства композиторского типа.

Объем настоящей статьи заставляет автора ограничиться характеристикой лишь некоторых важных признаков процесса формирования и становления японской композиторской школы, которые персонифицированы в творческой (сочинительской, публицистической) деятельности виднейших ее представителей периода конца XIX – первой половины XX вв. Программные позиции и творческие результаты основоположника японской композиторской школы – К. Ямада, его сподвижников – первых композиторов Японии, а также ряда теоретиков национального композиторского творчества рассматриваются автором в контексте главных тенденций социокультурного развития японского общества, отраженных в ведущих философско-мировоззренческих концепциях того времени.

Картина динамичных преобразований японской музыки, соотнесенная с имеющейся информацией о процессах ускоренной модернизации, происходившей на рубеже XIX–XX вв. в других национальных музыкальных культурах Европы и Азии, позволяет существенно расширить и углубить базу данных современного музыкознания. Осознание с позиций историзма типологической универсальности ситуации в музыкальной культуре эпохи Мэйдзи, в условиях которой зародилась японская композиторская школа, следует коррелировать с пониманием того, что «японский путь» развития в сфере музыкальной культуры представляет собой во многом самобытное явление¹². Естественно, что на фоне осуществления Японией индустриального и постиндустриального развития без подрыва основ традиционной культуры японский пример такой «культурной модернизации» имеет огромное значение¹³.

В ходе выявления и описания внутренней логики становления национальной композиторской школы Японии автор настоящей статьи столкнулся с необходимостью разработки собственной концепции периодизации

¹² Описание параметров становления японской композиторской школы в амбивалентном единстве специфически-японского и типически-всеобщего, отличающем всю японскую культуру рассматриваемого периода, производится в опоре на идеи Т. П. Григорьевой, Л. Д. Гришелевой, Е. Л. Катасоновой, Е. А. Лисицыной, А. Н. Мещерякова, Н. И. Чегодарь, А. А. Долина, а также А. Е. Глускиной, Л. М. Ермаковой, И. П. Кожевниковой, Э. Б. Саблиной, А. Р. Садоковой, Е. Л. Скворцовой, и др. Для классификации ведущих явлений музыкально-исторического процесса Японии методологически важными были разработки отечественных японоведов Э. В. и В. Э. Молодяковых в сфере исторической науки и политологии, в частности, определенная Э. В. Молодяковой «мэйдзийская модель развития» Японии (см.: *Молодякова Э. В.* Мэйдзийская модель развития. – Размышления о японской истории. М., 1996), а также анализ Г. Е. Комаровским «государственного синто» в связи с общественно-политическими доктринами эпохи (см.: *Комаровский Г. Е.* Государственный синто. – Синто – путь японских богов, СПб., т. 1. 2002, с. 261–311). В рассмотрении официозных теорий «нихондзинрон», «нихон бунка рон» и «нихон онгаку рон», насаждавшихся в среде художественной интеллигенции в предвоенной Японии, полезными стали разработки М. Н. Корнилова. См.: *Корнилов М. Н.* О типологии японской культуры (японская культура в теориях «Нихондзин рон» и «Нихон бунка рон»). – Япония: культура и общество в эпоху научно-технической революции. М., 1985, с. 36–58.

¹³ *Катасонова Е. Л.* Японская культура: вековые традиции в контексте динамичной современности. – Япония 2000: консерватизм и традиционализм. М., 2000, с. 227.

этих процессов, что было стимулировано отсутствием в литературе научно достоверных ее вариантов¹⁴. Избрание в качестве теоретического базиса названной концепции наиболее универсальной российской классификации этапов становления молодых национальных композиторских школ (МНКШ) Востока¹⁵ было обусловлено формированием японской композиторской школы в контексте преимущественно монодийной традиционной культуры. В соответствии с предлагаемой концепцией периодизации *первый период* становления японской МНКШ ограничивается временем с конца 70-х годов XIX в. до конца 30-х годов XX в. и подразделяется на три этапа.

Типологически с *начальным этапом* условно соотносится время 70 – 80-х годов XIX в., т. е. старт преобразований эпохи Мэйдзи, когда композиторской деятельностью здесь занимались преимущественно иностранные музыканты (европейские и американские), что вполне соответствует общей типологии процесса развития МНКШ. Специфика японского пути, на наш взгляд, заключается в том, что зарубежные музыканты, проживавшие и работавшие в Японии в последнюю четверть XIX в.¹⁶, ограничивались сочинением военной, придворной (государственный гимн, марши), популярной и детской (школьной) музыки, а также обработками для фортепиано песенного фольклора. Они не пытались осваивать жанры крупной формы, характерные для аналогичного этапа в истории других молодых композиторских школ (например, Центральной Азии), – музыкальную драму и комедию, оперу, симфоническую поэму и сюиту. Эти жанровые сферы в Японии появились только в первые десятилетия XX века в творчестве молодых национальных композиторов. Вместе с тем формирующееся на базе музыкального образования западного образца, освоенного к этому времени в Японии, новое музыкальное мышление стимулировало возникновение национальной творческой потенции композиторского типа.

Второй этап рассматриваемого периода формирования японской композиторской школы связан в первую очередь с деятельностью на рубеже XIX–XX вв. Таки Рэнтаро (1879–1903), одаренного выпускника «Токио онгаку гакко» – единственного в те годы специального музыкального учебно-

¹⁴ Даже наиболее обоснованная среди разработок классификации «истории современной японской музыки» версия Кодзима Томико [см.: *Кодзима Томико*. Нихон какёку-но нагарэ (О течениях в японской вокальной музыке). – Онгаку. 1976, № 5, с. 61] не охватывала всего круга тенденций и авторских имен, с которыми неразрывно связано формирование японской композиторской школы (в особенности это касается начальных его этапов).

¹⁵ Разработана в начале 90-х годов М. Н. Дрожжиной на основе данных анализа возникновения национального композиторского творчества на базе монодийных культур независимых ныне государств Центральной Азии – в Казахстане, Узбекистане, Таджикистане, Кыргызстане, Туркменистане. См.: *Дрожжина М.* Молодые композиторские школы и проблема периферии в культуре. – Периферия в культуре. Материалы международной конференции (апрель 1993). Новосибирск, 1994, с. 38–44.

¹⁶ Дж. У. Фентон, Ф. Эккерт, Г. Хейдрих, Р. фон Кебер, А. Юнкер, Р. Диттрих, Н. Пери и др.

го заведения западного типа – а также немногочисленных современных ему авторов: Кода Нобу, Адзума Кумэ, Ёсиса Оку, Кояма Сакуносукэ, Окано Тэити, и др. Безусловно, высокое значение их творческой деятельности, в частности двух последних – композиторов-мелодистов¹⁷, черпающих выразительные средства из пестрого музыкального словаря эпохи Мэйдзи, чьи сочинения можно назвать «интонационным барометром времени».

Итак, в конце XIX – начале XX в. композиторы-японцы приступают к продуктивному творчеству. К творческим достижениям второго этапа формирования японской композиторской школы следует отнести: достаточно уверенное овладение Р. Таки основной палитрой выразительных средств мажорно-минорной системы, использование им лексики классического и романтического стилей европейской музыки; продолжение и художественное развитие полученного в наследство от прежнего этапа жанра школьной песни – *сёка* (прежде всего, Р. Таки, а также Т. Окано, С. Кояма); практическое освоение новых жанров и форм европейского композиторского творчества: романса, песни (патриотической), вокального ансамбля а *capella*, фортепианной миниатюры – в наследии Р. Таки, сонаты – в творчестве

Н. Кода. Р. Таки отработал подходы к преломлению в тематике вокальных сочинений ряда самобытных музыкально-языковых средств для достижения национальной характерности музыки; ввел в вербальную текстовую основу песен и романсов современную первоклассную поэзию (Дои Бансуй, Ёсано Акико и др.).

Все это означает, что система композиторского творчества, первоначально генерированная в Японии преподавательским трудом и концертными выступлениями многочисленных иностранных музыкантов, постепенно «вросла» в местную среду. К концу XIX в. в музыкальной культуре страны появилась абсолютно новая для традиционной художественной ментальности творческая фигура композитора, который по своему предназначению являлся сторонником иного музыкального мышления. Р. Таки стал первым наиболее крупным художником именно нетрадиционной сферы музыкальной культуры Мэйдзи, в чем заключается судьбоносная функция этого композитора в истории музыкальной культуры.

Опыт, накопленный в сфере сочинительской деятельности в эпоху Мэйдзи, явился базисом для дальнейшего пути развития композиторской школы. *Третий этап* начального периода ее становления, условно продол-

¹⁷ Профессиональный профиль (тип авторства) ряда творцов этого поколения (С. Кояма, Т. Окано) требует отдельного рассмотрения, так как большинство их сочинений, представляющих собой школьные песни, были написаны только в виде мелодий к поэтическим текстам; познания этих авторов были ограничены, они не владели средствами гармонического письма. В настоящей статье эти авторы – до специального рассмотрения данного явления – именуются принятым в отечественном (советском) музыкознании понятием «композитор-мелодист», при всей условности и схематичности последнего.

жавшийся с конца 10-х до 30-х годов, ознаменован активной творческой работой плеяды национальных композиторов приблизительно одного поколения из числа выпускников «Токио онгаку гакко»: К. Ямада, Комацу Косукэ (1884–1966), Мотоори Нагаё (1886–1945), Ямада Тэй (1886–1959), Нобутоки Киёси (1887–1965), Накаяма Симпэй (1887–1952), Фудзии Киёми (1889–1944), Нарита Тамэдзо (1893–1945), Хирота Рютаро (1895–1952), Хасимото Кунихико (1904–1949).

В творческой манере каждого из них чувствуется определенная степень своеобразия, сочинения большинства композиторов свидетельствуют о достойной профессиональной оснащённости. Вместе с тем для этого этапа характерно определенное нивелирование индивидуальности композиторских стилей, что вообще типично для начальных этапов становления МНКШ. Знаком новой эпохи воспринимаются явные черты индивидуального стиля, которыми, как показали результаты исследований автора, отличалось творчество общепризнанного лидера этого поколения – Ямада Косаку.

В этом плане принципиально важно осознать весомость его творческих достижений, особенно выдающийся уровень работы К. Ямада в жанрах музыки со словом (романс, опера), что связано не только с редкой его одаренностью и высоким профессионализмом, но и вокальной природой таланта японского мастера. Так, в излюбленных им жанрах вокальной музыки (чрезвычайно популярной в Японии и в наши дни) Ямада ассимилировал большинство жанровых типов романса, существовавших к его времени в мировом (в том числе, российском) композиторском наследии. Его *стилевой плюрализм* – наличие в произведениях признаков различных музыкальных стилей и творческих направлений почти трехвекового периода развития

европейской музыкальной культуры – сочетался с преломлением национальных музыкальных традиций. Убедительным было воплощение композитором в вокальной миниатюре элементов образного содержания и эмоциональной атмосферы, типичных для художественной японской традиции. Перспективны и во многом уникальны разработки композитора в сфере претворения в вокальном мелосе интонационности японской поэтической и современной разговорной речи.

В творческой лаборатории Ямада происходила адаптация японской ладоинтонационности в мелосе, в первую очередь вокальном, и в целом, в структуре музыкальной вертикали (метод интеграции). Здесь постигались ранее неведомые композиторскому творчеству закономерности традиционного музыкального мышления: ладовые, ритмо-синтаксические, фактурные, формообразующие. Как основа национально-характерного в наследии Ямада Косаку стилеобразующие факторы этого рода относятся к числу выдающихся достижений его творческого почерка, внесших значительный вклад в строительство национально-самобытного стиля композиторской

школы. Показательно при этом, что самым важным для композитора, как можно судить на основании анализа композиторского и музыкально-критического наследия Ямада Косаку, было претворение черт национального мировосприятия, характера, того несказанного, что определяется понятием «мудо».

Наследие композиторов «ямадовского круга»¹⁸ демонстрирует ряд общих тенденций: сходство мировоззренческих и творческих установок в представлениях о направленности развития национального композиторского творчества; осознанное стремление к отражению и преломлению в мелосе и гармонической фактуре элементов ладовой, интонационно-ритмической и фактурной характерности японского музыкального фольклора; определенное подобие в использовании ими средств музыкальной выразительности и стилистики.

К самобытным тенденциям развития национальной композиторской школы в Японии следует отнести приоритет в творчестве композиторов «ямадовского круга» жанров романса и песни (*сокёку минъё*), в первую очередь детской, школьной (*доё*), что явилось в определенном смысле «мостиком» между старым и новым типами творчества, а также психологизированной вокальной миниатюры (*какёку*). В качестве второго, не менее важного фактора жанровой самобытности выступает интенсивное развитие сферы фортепианной музыки. Это, как и третий фактор, – активная разработка жанра симфонической поэмы, подчеркнем, вне сопряжения с жанровым симфонизмом, следует считать личным вкладом Ямада Косаку в национальную музыкальную классику и результатом воздействия наследия А. Н. Скрябина¹⁹.

Обобщая многообразные подходы в сфере интерпретации национально-самобытного в музыкальном языке сочинений К. Ямада, Р. Таки и девяти композиторов «ямадовского круга», удалось условно выделить внушительный ряд более или менее общих принципов²⁰. Сама множественность этих приемов доказывает безусловное наличие широкого спектра подходов в претворении национально-самобытного в японском композиторском творчестве уже в первый период его развития. Значителен творческий вклад «ямадовского круга» в формирование национального композиторского стиля. Бесспорна здесь лидирующая функция К. Ямада, использовавшего аб-

¹⁸ Композиторов поколения Ямада Косаку – К. Комацу, Т. Янада, К. Фудзии, Н. Мотоори, Р. Хирота, Н. Тамэдзо, К. Нобутоки, С. Накаяма, К. Хасимото – автор условно объединяет понятием «ямадовский круг», что обусловлено не только единым местом получения ими музыкального образования, но, что важно, сходными целями, задачами, тематикой, жанрово-стилистическими и музыкально-языковыми чертами их творчества.

¹⁹ О воздействии на творчество первых японских композиторов русской композиторской школы см.: *Дубровская М. Ю.* Ямада Косаку и формирование японской композиторской школы (последняя четверть XIX в. – первая половина XX в.).

²⁰ См. об этом: *Дубровская М. Ю.* Формирование японской композиторской школы и творческая деятельность Ямада Косаку, с. 51–53.

солютное большинство доступных первым японским композиторам средств воплощения национального японского колорита. Более того, насколько можно судить, К. Ямада в свое время оказался единственным японским композитором, который разработал некоторые уникальные в свое время и перспективные в будущем композиторском творчестве подходы.

Подчеркнем, что выявленные нами характеристики национально-самобытного опровергают точку зрения о «западности», ненациональности музыки первых японских композиторов, а наличие в творчестве выдающихся их представителей – К. Ямада, К. Фудзии, К. Нобутоки – признаков индивидуального авторского стиля дает основание критически отнестись к мнению об эклектичности этих сочинений.

К 40-м годам в музыкальной культуре Японии завершился первый крупный период процесса формирования национальной композиторской школы. Начинается *второй крупный период* развития композиторской школы Японии. В это время наряду с ранее названными авторами работают молодые композиторы Киёсэ Ясудзи, Мацудайра Ёрицунэ, Морои Сабуро, Огура Ро, Томодзиро Икэноути и многие другие.

К наиболее важным тенденциям нового периода следует отнести поляризацию идейно-творческих убеждений деятелей музыкального искусства в связи с общественно-политической обстановкой военной и послевоенной Японии; обновление тематики и образности композиторского творчества в связи с изменившейся художественной ситуацией и общим усилением патриотических настроений в стране; создание многочисленных группировок новых композиторских сил по принципу идейной и творческой общности, а также дружеских связей. Элементы традиций национальных композиторских школ Европы нашли претворение в творчестве многих молодых японских композиторов, обучавшихся за границей; значительно увеличилась амплитуда интерпретируемых ими музыкальных стилей, новейших техник композиторского письма. Происходило жанровое обогащение творчества, в основном, в пользу инструментализма (симфонизма) и оперы; углублялась работа молодых композиторов с фольклорным наследием Японии.

Обратим внимание на отдельную, не разработанную японским музыковедением теоретическую проблему – влияние на формирование национального композиторского творчества песенной культуры японского города эпохи Мэйдзи. Последняя в силу ряда особенных черт своей структуры явилась благоприятным фоном для внедрения в ее контекст собственно европейских форм и моделей музыкальной культуры: основ музыкального образования – общего и специального, концертного и бытового музицирования, музыкально-театральных акций, нотоиздательской деятельности и т. д. Функционирование данных институтов имело большое историческое значение для зарождения и дальнейшего развития в стране системы композиторского творчества.

Традиционная музыкальная культура эпохи Мэйдзи представляла собой явление переходного времени, отражая всю сложность, пестроту и многоплановость своего времени. Здесь наряду с функционировавшими древними фольклорными и профессиональными средневековыми традициями появились новые жанры, формы и музыкально-языковые средства как следствие влияния евро-американской музыкальной культуры, проникавшей в страну. Они составили специфический слой произведений, внесших в японскую музыкальную жизнь дыхание новых тем, образов и звучаний. Историческая функция этого явления – внедрение в обиход музыкального творчества и исполнительства японцев нового музыкального мышления. Не осталась без изменения и наиболее консервативная часть музыкальной культуры – профессиональная традиционная музыка, где зародились новые для нее тенденции концертизации и модернизации (примером служит развитие к концу Мэйдзи вокально-инструментального жанра *нагаута*).

Отдельный теоретический вопрос представляет взаимодействие в период Мэйдзи двух типов музыкальной культуры – канонической и динамической. В соответствии с официальным курсом правительства Японии традиционная культура страны выполнила в тот период функцию экспериментальной среды для отработки путей взаимодействия с культурой нетрадиционной – заимствованной. Подобная ситуация в полной мере характеризует и музыкальную культуру страны, сказавшись, в частности, на формировании и становлении национальной композиторской школы.

Анализ суждений японских ученых, касающийся этой фундаментальной проблематики музыкальной культуры эпохи Мэйдзи, доказывает появление в последние годы попыток классификаций, в некоторых положениях сходных с российской систематикой явлений распространения музыкальной культуры европейского типа. В их ряду выделяется концепция Цукихара Асуко²¹, достаточно адекватная мэйдзийской музыкально-культурной ситуации, в частности обоснование ученым двух исторически сложившихся типов освоения японцами новой музыкальной деятельности. Исследователь считает «укрепление западноевропейской музыки в современную эпоху одной из новых формирующихся форм музыкальной деятельности типа *гайрайонгаку дзюёкэй*»²². Показательны и другие определения, выработанные японскими музыковедами в результате научных дискуссий по вопросу со-

²¹ Ее ядро – обобщающее понятие *онгаку кацудо* (корреспондирующее с разработанной в русле российской науки о музыке триадой «творчество – исполнение – восприятие»), которое представляется японским исследователем в виде «звеньев цепи: творчество – исполнение – наслаждение». См.: Цукихара Асуко. Дзюкисэки но нихон ни окурэ сзё онгаку-но дзюё (Восприятие европейской музыки в XIX в. в Японии). Токио, 1993, с. 3–11.

²² Согласно Цукихара Асуко *гайрайонгаку дзюёкэй* («тип восприятия иностранной музыки») проявляется в ситуации адаптации на почве национальной культуры музыкального пласта иностранного происхождения (например, музыки *гагаку*) в отличие от *наидзай гэйдзюцука гата* («тип формирования искусства внутри уже существующего»), который имеет место в случае формирования нового искусства на отечественной почве (*ногаку*). См.: там же, с. 8.

отношения традиционной японской и «заимствованной» музыки, который является принципиальным для уяснения характера национального музыкального искусства эпохи Мэйдзи: Ёсикава Хидэфуми – «*нихон онгаку-но хэйрэйцүтэи хаттэн*» («параллельное развитие в японской музыке»), Ёкомити Марио – «*хэйдзонсэй*» («совместное существование»), Кодзима Томико – «*дзюсосэйхэйдзонсэй*» («сосуществование развития и накопления»). Доводы Куросава Такато²³ говорят в пользу того, что «эпоха перемен» в музыкальной культуре Японии затронула и систему традиционного искусства, стимулировав в ней возникновение соответствующих новых тенденций как на уровне собственно творчества, так и исполнительства.

Вместе с тем здесь проявились различия методологических подходов российского и японского музыковедения к классификации явлений традиционного и нетрадиционного типа культур. Так, в рассуждениях японских ученых неправомерно опускается принадлежность заимствованной в конце XIX в. музыкальной системы композиторского творчества европейского генезиса к кардинально иному типу музыкального мышления – нетрадиционному. Выпадает из зоны внимания японских исследователей также фактор стадийного различия сравниваемых явлений, который и объясняет наличие совершенно новой ситуации в рассматриваемый период. Поскольку в эпоху Мэйдзи национальной культуре пришлось усваивать и адаптировать не другую этнокультуру традиционного типа (как это происходило в истории страны в прежние времена), а принципиально иную культурную модель нетрадиционного образца, чему исторических прецедентов не имелось, закономерен вывод, что столь фундаментального потрясения национальной художественной традиции, как в исследуемый период, японской культуре, в частности, музыкальной, не приходилось испытывать за всю историю ее существования.

Широко бытует в среде современных японских музыковедов и находит воплощение в концепции учебных курсов истории отечественной музыки следующая специфическая классификация явлений заимствования «западной музыки» в культуре эпохи Мэйдзи²⁴. Согласно ей европейская музыка в этот период осваивалась в стране посредством деятельности религиозных миссионеров-музыкантов; труда иностранных преподавателей музыки; реформы образования, в первую очередь, школьного²⁵; творчества первых

²³ См.: Куросава Такато. Нихон-но ёгаку-но ёакэ (Рассвет европейской музыки в Японии). – Киккан хогаку. 1975, № 4, 56–59.

²⁴ См. об этом, например: Кинэя Масакуни. Мэйдзи Тайсё хогаку саккёку кацудо (Деятельность японских композиторов в периоды Мэйдзи и Тайсё). – Киккан хогаку. 1975, № 4, с. 33.

²⁵ Принимая во внимание содержащиеся в отечественной литературе многочисленные неточности относительно существа и значимости модернизации системы музыкального образования в общеобразовательных школах Японии, особенно в аспекте деятельности выдающегося просветителя Идзава Сюдзи (1851–1917), автор в монографии уделяет этому вопросу отдельное

национальных композиторов. Однако сведение всего многообразия методов институализации новой системы музыкальной культуры к обозначенным «четырем способам» при чрезмерной упрощенности и схематизации страдает также неверной расстановкой исторических факторов по принципу их значимости. Данный подход не отражает руководящей роли государственной политики Мэйдзи в сфере искусства, а также черт традиционного японского менталитета, обеспечивших успешность проведенных сверху реформ. Кроме того, три первых «способа» по отношению к четвертому, знаменующему событие столь заметного исторического значения как акт формирования и становления национальной композиторской школы, выступают в качестве лишь некоторых его непосредственных предпосылок.

Подчеркнем, что жанр мэйдзийской школьной/детской песни *сёка*, в недрах которого практически произошло вызревание новой системы японского композиторского творчества, имел принципиальное значение в этом процессе. *Сёка* может считаться первым в истории японской музыки жанром композиторской песни. Факт зарождения композиторского творчества на базе жанра детской песни был обусловлен наибольшей актуальностью и востребованностью именно данного жанрового объекта, детерминированного социокультурными факторами того времени.

Результаты анализа творчества в жанре *сёка*, в частности Т. Окано и Р. Таки опровергают бытующую в литературе позицию об отсутствии развития в сфере *сёка*. Напротив, выявляется довольно интенсивная эволюция жанра, в котором уже в эпоху Мэйдзи создавались сочинения авторов нового типа – композиторов-мелодистов С. Кояма, Т. Окано и др., и, наконец, знаменитые песни Р. Таки. Это опровергает суждение У. Мольма, что «такая школьная подготовка не дала никаких творческих плодов в музыке периода Мэйдзи»²⁶.

Культурно-исторические и мировоззренческие предпосылки к формированию японской композиторской школы в эпоху Мэйдзи еще не нашли должной оценки со стороны международного музыкознания. Среди них следует подчеркнуть следующие факторы, известные российскому японоведению: имманентная приверженность японцев к эволюционному, а не революционному типу развития, в рамках которого был выработан высокий уровень адаптации и выживаемости традиционного; консолидация усилий всей нации по овладению суммой западных знаний и технологий, в частности, в сфере художественной культуры; своевременно реализованные методы национальной политики, направленные на восстановление самооценки деятелей национальной культуры; знаменитый прагматизм японцев,

внимание. См.: Дубровская М. Ю. Ямада Косаку и формирование японской композиторской школы (последняя четверть XIX в. – первая половина XX в.), с. 53–59.

²⁶ Malm W. P. Modern Music in Mewji Japan. – Tradition and Modernisation in Japanese Culture. Princeton, 1976, p. 275–276.

позволивший этому народу воспринимать все «нововведения, которые они считали нужными, не поступаясь традиционными ценностями»²⁷; органически присущее национальному характеру японцев чувство воодушевленного патриотизма.

Биографии композиторов Н. Кода, Р. Таки, К. Ямада, К. Нобутоки, Т. Нарита, Р. Хирота и другие убедительно иллюстрируют ментальные причины успешности модернизации в сфере музыкальной культуры Японии. Так, в детские годы на художественное становление К. Ямада и К. Нобутоки оказали воздействие родственники – христианские миссионеры. Факты юности Н. Кода, Р. Таки, К. Ямада и других отражают массовое стремление молодежи к обучению в школах иностранных языков и энтузиазм, с которым молодая Япония поддерживала практику ежегодной отправки сотен студентов (и в их числе музыкантов) для получения образования за рубежом, а по возвращении стремилась применить полученные знания на практике и т. д.

Итак, в культуре эпохи Мэйдзи на фоне традиционного музыкального искусства, обладавшего собственными механизмами коммуникации (система *измото сэйдо*), произрастали слагаемые заимствуемой системы композиторского творчества европейской ориентации с соответствующими институтами, формами создания и бытования музыки. В то же время внедрение интернациональной модели музыкальной культуры в японскую осложнялось естественной в такой ситуации охранительной тенденцией, обостренной «островным менталитетом» японцев, а также известной инерционностью и склонностью к стереотипам мышления. Закомплексованность в результате потрясения мощным великолепием мирового музыкального наследия сочеталась с усмелением присущего японцам патриотизма²⁸.

Современники неоднозначно оценивали происходивший в эпоху Мэйдзи перелом в национальном музыкальном сознании, когда имело место активное размежевание традиционного и нетрадиционного в художественной культуре (оппозиции *гэйдо* – *гэйдзюцу* в искусстве, *хогаку* – *онгаку* в музыке). Успешное проведение модернизации японской музыкальной культуры не исключало «перекосов», во многом типологически обусловленных. Весомым подтверждением этого тезиса является факт «тотальной монополизации» европейскими институтами форм и методов официального музыкального образования в стране, явление, которое как данность констатируют в наше время японские музыковеды, вполне обоснованно датируя его начало мэйдзийской эпохой²⁹.

Постепенно процесс преобразований в культуре Мэйдзи привел к смене мировоззренческих установок по отношению к новациям в сфере музыки.

²⁷ История Японии: 1868–1998, М., т. 2, 1999, с. 83.

²⁸ См. об этом, например: *Кинэя Масакуни*. Мэйдзи Тайсё хогаку саккёку кацудо, с. 33.

²⁹ *Гиндзи Яманэ*. От сямисэна до додекафонии. – Советская культура. 09.11.1962; *Цукихара Асуко*. Дзюкисэки-но нихон ни окэру сё онгаку-но дзюэ, с. 3.

Отражением этого стало понятие *саккёку* (композитор), фактически воплощающее новый характер музыкального творчества, которое появилось в японском языке в эпоху Мэйдзи и бытует до настоящего времени.

Выделим ряд главенствующих мировоззренческих тенденций, зародившихся в эпоху Мэйдзи, которые, на наш взгляд, способствовали успеху дальнейших государственных преобразований в сфере музыкальной культуры³⁰. Это, в частности, теория «*Нихон бунка рон*» («теория японской культуры») и формула *вакон-ёсай* («японский дух – европейская наука»). При рассмотрении данных доктрин мэйдзийской общественной мысли в ракурсе первого из «двух уровней интереса – культурного и идеологического»³¹ выступает концентрация в них массивных призывов к сохранению в новых исторических условиях национального своеобразия культуры. Это, по сути, корреспондирует с магистральной целью формирующейся молодой композиторской школы, которая (как вытекает из теоретических разработок российских музыковедов) заключается в достижении национального своеобразия творчества.

Идеологической основой «*Нихон бунка рон*», ветвью которой стала программа важная для музыкального творчества теория «*Нихон онгаку рон*» (букв. теория о японской музыке), был пафос культурной исключительности Японии, явившийся следствием релятивистского подхода творцов этих теорий к пониманию культуры. Процесс вызревания в японском музыкознании концепции «*Нихон онгаку рон*» сопровождался интенсивными полемически заостренными дискуссиями по актуальной проблеме «японское – западное», проецируемой на национальное композиторское творчество. Этот ракурс следует считать собственно японской интерпретацией глобальной проблемы «национальное-универсальное», питающей современные музыковедческие исследования, проводящиеся, в частности, на постсоветском пространстве.

Музыковедческие труды Ямада Косаку, публиковавшиеся в издательствах начиная с 20-х по 50-е годы, положили начало теоретическому осмыслению в этой стране европейской музыки. Именно ему – основоположнику композиторской школы – выпала историческая миссия привлечь внимание музыкальной общественности к насущным проблемам национальной музыкальной культуры, заняться разработкой теоретических проблем композиции в 20-х – начале 30-х годов, когда в Японии еще не существовало научной музыкальной критики и публицистики. Статьи К. Ямада положили начало профессиональному обсуждению уже в начале 20-х годов ряда теоретических проблем, связанных с творчеством первых композиторов Японии

³⁰ Подробнее об этом см.: Дубровская М. Ю. Ямада Косаку и формирование японской композиторской школы (последняя четверть XIX в. – первая половина XX в.), с. 63–70.

³¹ Корнилов М. Н. О типологии японской культуры (японская культура в теориях «Нихондзин рон» и «Нихон бунка рон») – Япония: культура и общество в эпоху научно-технической революции. М., 1985, с. 37.

(лишь часть их была в центре публичных дискуссий, происходивших в музыкальной прессе полтора десятилетия спустя). Самым положительным образом следует оценить практическую направленность основной массы музыкально-критических публикаций К. Ямада, стимулируемую соображениями общественной пользы.

Ямада-критик верно обосновывает объективные трудности современного ему отечественного композиторского творчества. Он поднимает чрезвычайно важный вопрос о профессиональной состоятельности большинства современных композиторов и исполнителей; определяет направления, пути, конкретные методы творческого развития национальной композиторской молодежи. Ямада привлекает внимание широкой общественности к бедственному положению институтов новой музыкальной системы в национальной культуре страны тех лет в целях изыскания реальной помощи от влиятельных лиц и кругов. Композитор пропагандирует среди широких масс любителей музыки эстетические и звуковые критерии новой музыкальной реальности – композиторского творчества европейской модели. Он пытается теоретически осмыслить традиционное музыкальное наследие японцев в контексте «европейской музыки»; утверждает приоритетность в современном композиторском творчестве жанров камерной вокальной миниатюры (*какёку*, *доё*) и др. Неравнодушный, но при этом объективный анализ современной ситуации в отечественном музыкальном искусстве помогал художнику-гражданину вскрывать истинные причины негативных черт этого процесса и приводил его к значимым для музыкальной общественности выводам.

В статьях К. Ямада много высказываний, касающихся русской музыки и советской музыкальной действительности, в частности о пользе распространения опыта работы российских композиторов с текстом и фольклором. Неоднократно встречаются апологетические суждения в адрес великих русских композиторов (например, Александра Скрябина) и исполнителей (Анны Павловой и многих других). Среди достижений российской композиторской культуры Ямада наиболее высоко оценивал национальную самобытность творчества. Как свидетельствует материал статей композитора 20-х – начала 30-х годов, под непосредственным воздействием советской музыкальной действительности у К. Ямада существенно углубились и расширились взгляды на направленность творческих исканий как собственных, так и соотечественников – коллег по композиторскому цеху.

Уже в начале 30-х годов К. Ямада смог осмыслить и обосновать необходимость обращения не только к фольклору, но и к жанрам традиционной профессиональной музыки, что свидетельствует о зрелости и методологической верности его мышления как композитора и музыковеда. Не менее продуктивными для композиторов, по нашему мнению, являются выводы К. Ямада по поводу большей близости полифонических, нежели гармонических средств композиторской работы к музыкальной организации жанров традиционного профессионального наследия Японии («музыки сямисэ-

на» – *нагаута* и др.). В этом видится одно из подлинных его открытий, имеющее огромное значение в дальнейшем развитии сочинения музыки в Японии.

Итак, К. Ямада целенаправленно стремился к теоретическому анализу отечественного музыкального наследия – как композиторского, так и традиционного, т. е. выступал в качестве профессионального музыковеда. В результате работы, сделанной в этой сфере он, по-видимому, сам того не подозревая, пришел к умозаключениям, намного опередившим его время и предвосхитившим позднейшие научные открытия музыковедения. Среди наиболее перспективных идей К. Ямада – интерес к проблеме освоения композиторами многоголосия, как известно, типологически присущей молодым национальным композиторским школам на первом этапе развития. Особое значение К. Ямада придавал работе над созданием как национально-почвенной мелодики, так и соответствующих принципов ее развития. И в данном случае он опередил свое время, предсказав многие позднейшие искания японских композиторов послевоенных поколений.

Рассмотрение программно важных публицистических и музыковедческих выступлений К. Ямада позволяет констатировать особую значимость их исторической роли в контексте становления японского музыковедения и музыкальной критики XX в., а также приоритет автора в постановке актуальных проблем современной ему национальной музыкальной культуры. Описанная сфера многогранной деятельности К. Ямада имела выдающееся значение для осознания музыкантами Японии оптимальных путей становления национальной композиторской школы.

Обсуждение музыкальной общественностью Японии этих фундаментальных проблем типологически закономерно произошло в период, когда проблематика дальнейшего развития национальной композиторской школы приобрела наибольшую актуальность – в конце 30-х годов. Поскольку тогда в Японии отсутствовали специальные музыковедческие труды, посвященные проблемам современной национальной музыкальной культуры, первичное теоретическое осмысление проблем творчества композиторов происходило в текущей музыкальной периодике. Примером служат публикации в 1936–1937 гг. в журнале «Онгаку хёрон», принадлежащие перу Фукаи Сиро, Хара Таро, Цудзии Соити, Ёритоё Иноуэ и Сабуро Сонобэ, в которых развернулась первая острая дискуссия по вопросам музыкального творчества современности, ознаменовавшая возникновение в стране профессиональной музыкальной критики.

В процессе этой дискуссии обсуждалось множество актуальных вопросов. Например, воспроизведение композиторами в своем творчестве элементов традиционной музыки и способы освоения ими европейской музыки, музыкальные стили и отображение современной реальности в сочинениях композиторов. Поднимались проблемы слушательского восприятия, взаимодействия традиций и современности и др. Это свидетельствует о том, что в 30-е годы музыкальная общественность переживала активный

процесс осознания существа национальной музыкальной традиции в ее композиторской интерпретации.

В качестве особо полемичной и специфической дискутировалась проблема национальной музыки, персонифицированная как «музыка японского национализма» (*нихон кокуминсюги-но онгаку*) или «теория японизма в музыке» (*нихонсюгитэки онгакурон*). При всей недостаточности ее разработки в Японии в тот период, на что указывали участники дискуссии, сама постановка данной проблематики служит аргументацией наличия собственно идеологического подхода к освоению инокультурной модели в музыкальном развитии страны. Подобное заострение проблемы самобытности и национальной самостоятельности в искусстве, по-видимому, является результатом господства в общественной мысли предвоенной Японии крайне правой политической идеологии. Дискуссия свидетельствует о том, что уже в среде первых музыкальных критиков утверждалась идея о необходимости наставлять композиторов и читательскую аудиторию в духе патриотизма посредством культивирования тезиса о необходимости национально-самобытного творчества. Как и в других регионах Азии – в период становления национальных композиторских школ – в японской публицистике мулсируется проблема «за и против наследия» в контексте попытки осознания национального и универсального; ставится проблема синтеза западных (европейских) и восточных (японских) элементов в произведениях национальных композиторов.

Итак, в музыкальной публицистике довоенной Японии содержится серьезное теоретическое рассмотрение насущных вопросов современной музыкальной жизни страны; произведен анализ духовного климата эпохи в контексте принципиально важных аспектов развития национального композиторского творчества. Результатом явилось общественное обсуждение ряда поистине животрепещущих проблем японской музыкальной культуры. Показательна зрелость многих программных рекомендаций, выработанных критиками в процессе этой продуктивной дискуссии, и адресованных современным композиторам. Эти рекомендации могли в определенной степени способствовать поискам оптимальных путей и методов сочинительской деятельности представителями национальной композиторской школы.

Проанализированные материалы подтверждают осознание первыми японскими композиторами остроты творческих проблем, в частности, связанных со спорностью оценки того, что считать авторским и как относиться к вопросу стилевых интерпретаций творческих манер зарубежных композиторов. Вместе с тем они же знаменуют наличие в публицистике того времени эмпирических попыток найти аналогии в зарубежном композиторском опыте, апеллируя к истории русской музыки.

Исследования автора подтверждают: развитие процесса письма в период становления композиторского творчества – приведшее к началу формирования его национального стиля – происходило в контексте широких ин-

тертекстуальных взаимодействий, и это было необходимым условием существования японской национальной композиторской школы.

Мистическая метафизиолингвистика Ямагути Сидо (1765–1842): опыт интерпретационного прочтения

А. А. Накорчевский

Немногочисленные упоминания о Ямагути Сидо (1765–1842), встречающиеся в японской литературе в основном справочного, нежели исследовательского плана, однозначно характеризуют его как одного из ученых-нативистов¹ сторонников школы «национальной науки». Основной задачей этой школы были преимущественное изучение японской классики и поиск в ней самобытных черт и, главное, ценностей идейного и эстетического плана, которые бы могли на равных конкурировать с достижениями, прежде всего, «китайской», и отчасти «голландской» науки, доминировавшей в интеллектуальном мире Японии в течение многих столетий. Нативизм возник как своего рода ответ «большой традиции» (по Редфорду) на постепенное формирование массового национального самосознания японцев после объединения страны под властью Токугава. В целом он был направлен на утверждение самобытности и самостоятельности японской культуры и выделение того, что представлялось сугубо японским, в сложившемся к тому времени культурно-идейном конгломерате через изучение сохранившихся письменных памятников, а позже и через этнографические штудии, порою дополняемые мистическими откровениями. При этом представления о вечных ценностях, якобы исконно присущих гипотетическому вневременному «духу Ямато», весьма разнились, впрочем, как и методы, полагавшиеся легитимными для его обнаружения в накопившихся идейных и культурных «завалах». В целом в среде нативистов можно выделить две большие группы или, точнее, крыла, связь между которыми, несмотря на определенную критичность по отношению друг к другу, оставалась весьма тесной, а границы размытыми.

Разделение на два крыла – больше аналитическое, чем фактическое, позволяющее выявить основные идейные тенденции, нежели четкие организационные размежевания. Одно из этих крыльев можно условно назвать «позитивистским» по духу, которое опирается в своих исследованиях, прежде всего, на «науку о свидетельствах и фактах» (考証学) и отдает предпочте-

¹ Нативизм – термин, употребляемый в культурной антропологии и социологии религии для обозначения аборигенных движений. Ядро нативизма – вера в возрождение собственной культуры и в победу исконных верований над привнесенными верованиями и социальными институтами.

ние филологическому анализу древних японских письменных памятников по достаточно строгой методике. Результаты этого анализа и поныне признаются

имеющими научную ценность. Это «филологическое» крыло, особенности которого наиболее ярко воплотились в такой фигуре, как Мотоори Норинага (1730–1801), критиковало «китайщину», под которой в те времена понималась, прежде всего, имевшая широкое хождение неоконфуцианская ученость, за квазирационалистическое «лжемудрие» и попытки свести многообразие мира к единому безликому «принципу». В противовес этому «позитивисты» считали наивысшими ценностями японского духа непосредственность и эмоциональность, воплощенные в таких ценностях, как *магокоро* (пряמודушие) и *моно-но аварэ* (непосредственное эмоциональное переживание вещей, людей и событий). Второе крыло, сформировавшееся несколько позднее первого вокруг Хирата Ацутанэ (1776–1843), полагало, что методы и достижения «китайской» и даже «голландской» науки вполне применимы в исследовании японской классики. Они позволяют открыть и, главное,

рационально (или, если угодно, квазирационально) обосновать ценности японского духа, истинный смысл и значение которых оказалось сокрытым под пылью веков. Более того, как настаивали многие представители этого крыла, многое, если не все, из того, что считалось чужеземным, оказывалось на поверку в истоках своих японским, а потому весьма ценным и пригодным для познания полузабытого «духа Ямато» и, в частности, многих понятий, чей исконный смысл был искажен или утрачен. Хотя филологические методы этому крылу были не чужды, и общая методологическая направленность была в целом единой – от древних слов 古語 к древним смыслам 古義, а потом к древнему (=истинному, сугубо японскому) пути 古道, древние смыслы и путь открывались для этого крыла и в мистических опытах, и в сохранившихся обрядах сельской глубинки, и в рассказах очевидцев сверхъестественных событий, и, конечно, в собственных прозрениях тайных, скрытых значений, невидимых под покровом внешней канвы повествования. Например, если Мотоори Норинага полагал, что мифологические сюжеты, дошедшие до нас в первом свитке древнейшей японской хроники «Кодзики» («Записи о делах древности») должны восприниматься при всей их кажущейся неправдоподобности как реальные факты, имевшие место быть во *время оно*, и не требующие никаких пояснений и интерпретаций за исключением сугубо филологических разъяснений, то вторая группа, к которой относился и Ямагути Сидо, пыталась увидеть в этих мифологических сюжетах некое символическое повествование, истинный смысл которого был утрачен и ныне подлежит восстановлению. Древние на поверку оказывались мудрее и глубже, чем это представлялось при исключительно внешнем, поверхностном прочтении. Открытиям этих глубин натуристы и посвящали свои исследования.

Это второе крыло можно условно назвать «мистическим», ибо для них мир сакрального, духовного, таинственного, «сокрытый мир» (*какурэё*) был не только столь же, если не более реален и актуален, чем «мир явный» (*йусиё*), а информация, почерпнутая из него, представлялась столь же, если не более, достоверной, нежели получаемая в результате филологических штудий. При этом эти мистические опыты были вовсе не чужды и представителям «филологов», тому же Мотоори Норинага, поэтому речь не идет о каком-либо противопоставлении или, тем более, противостоянии двух крыльев-лагерей, а скорее о различии в акцентах.

При этом, однако, следует отметить, что в силу ряда причин, прежде всего политико-идеологического характера, это второе, «мистическое», крыло было, начиная с эпохи Мэйдзи, оттеснено на обочину общественной мысли, утратило во многом статус признанной исследовательской парадигмы и потому оказалось как бы в тени «филологического» крыла, чем и объясняется тот факт, что его история остается и поныне практически неисследованной не только в западной, но и в японской науке. Эта тема сама по себе заслуживает серьезного и детального изучения, поэтому здесь позволим себе ограничиться сказанным выше.

Неисследованность этого направления в нативистском движении также не позволяет нам в данной статье делать какие-либо однозначные заключения относительно уникальности или, наоборот, тривиальности тех или иных идей Ямагути Сидо, что, понятно, требует хорошего знания всего круга мыслителей той поры, которым мы, увы, пока не обладаем. Поэтому эта статья имеет скорее описательный, нежели аналитический характер, и рассматривается автором не более чем первый шаг к пониманию этого направления нативизма в целом.

Творческое наследие Ямагути Сидо до недавнего времени не переиздавалось со времени первого выхода в свет его трудов, что делало его практически недоступным для широкого круга исследователей. Лишь в 1997 г. были изданы его основные труды в издательстве «Хатиман сётэн»², специализирующемся на выпуске «альтернативной» литературы, обычно классифицируемой по разряду эзотерики, а потому, как правило, игнорируемые академическим сообществом. О том, чего стоит такое игнорирование в отношении Ямагути Сидо, судить далее самим читателям. Именно этим желанием дать по возможности наиболее полное и непредвзятое представление об этом мыслителе обуславливается частое и пространное цитирование в данной статье текстов самого Ямагути Сидо.

Биография Ямагути Сидо

О жизни Ямагути Сидо известно мало, и главным источником сведений о нем являются его дневники и путевые записи, чьи оригиналы для нас по-

² Кототодама хисё. Ямагути Сидо рэйгаку дзэнсю (Тайные тексты о котодама. Полное собрание сочинений Ямагути Сидо, посвященных «науке о духовном» 言霊秘書 山口志道 霊学 全集). Токио, 1997. Цитирование дается по этому изданию, и страницы указываются в тексте.

ка недоступны. Поэтому следующее ниже изложение является не более чем пересказом его биографии, помещенной в уже упомянутом издании его сочинений, и нуждается во многих уточнениях и проверках, особенно относительно того круга нативистов, с которым контактировал Ямагути Сидо, находясь в Эдо и Киото.

Первая неясность касается уже самой даты рождения Ямагути Сидо, которая атрибутируется на основании его собственноручных записей с указанием возраста и даты написания того или иного сочинения, и которые несколько разнятся между собой. Не утомляя читателя изложением всех версий и нюансов, укажем, что наиболее правдоподобной датой считается 1765 год, когда в деревне Тэракадо, уезда Нагаса, провинции Аванокунни (нынешний район Тэракадо г. Камагава, преф. Тиба) в крестьянской семье родился наследник, с детства отличавшийся редким пристрастием к учебе. Первоначально он осваивал «китайскую науку» под руководством настоятеля местного храма Анкокудзи, а в возрасте 25–26 лет отправился в тогдашнюю фактическую столицу Эдо, где собирался и цвет учености. Он остановился у своего дяди, проживавшего в районе Нихонбаси, знаменитого «Японского моста», откуда начиналась прославленная в гравюрах Хиросигэ главная дорога страны – Токайдо. Юноша посещал различных наставников, пока не остановился у Када 荷田 (Хакура羽倉) Нориюки則之 (? – 1823). Ямагути Сидо продолжал свое обучение у этого последователя знаменитого Када-но Адзумамаро (1669–1736) до тех пор, пока не вынужден был прервать его из-за обрушившихся на семью несчастий: в 1795 г. умирает его отец, которому исполнилось только 53 года, в 1797 г. – жена, а три года спустя – мать. Вскоре Сидо женится вторично, в 1800 г. у него рождается дочь, однако он, движимый неизвестными мотивами, тут же отправляется в дальнее паломничество в святилище Исэ и далее по 33 храмам Кантон западных провинций.

В 1813 г. умирает его вторая жена и на руках 48-летнего Сидо остается 13-летняя дочь. Однако это не останавливает его, и он находит возможность возобновить обучение у Када Нориюки. Его упорство было вознаграждено – в 1815 г. учитель посвящает его в «тайное предание», передававшееся в роду Када и называвшееся «Древним преданием Инари» (稲荷古伝), издавна хранившимся в святилище Инари тайся пров. Ямасиро. Считается, что это предание было передано изначально Када-но Адзумамаро, затем от него перешло его дочери, известной поэтессе Када-но Тамико蒼生子(?–1786), и от нее уже к Нориюки. Как пишет сам Ямагути Сидо, эта традиция была ему передана в 1815 г., «однако в этом предании много было сокращений, и я трудился дни и ночи, пытаюсь возместить недостающее, пока не прозрел суть его священных знаков-тама» (с. 7–8). В этом ему также помогло, как указывает сам Сидо, «издавна передававшееся в нашей семье предание, именовавшееся “Священным духом (знаками) фуро-

мани³» (Футомани-но митама 布斗麻邇御灵), которое почиталась в маленьком святилище при доме». Смысл этого предания он пытался постичь более тридцати лет (с. 7). Эти два тайных предания оказались взаимодополняющими. Описанию открывшегося ему сокровенного смысла посвящен *opus magnum* Ямагути Сидо «Предание налитых соком побегов⁴» (Мидзухо-но цутаэ 水穂伝).

Выдав свою дочь замуж и оставив хозяйство на зятя, в 1818 г. Ямагути Сидо перебирается уже надолго в Эдо, где на протяжении пяти лет совершенствуется в «науке об эре богов», т. е. в истолковании первого свитка хроники «Кодзики». В 1823 г. он ненадолго возвращается на родину, чтобы через несколько дней вернуться в Эдо и продолжать учение под руководством Нориюки, который, однако, вскоре умирает. С 1823 по 1829 г. Сидо живет в Эдо, где продолжает свои занятия.

Переломным для него оказался 1830 год, когда он повстречался в Эдо с Фукуи Сигэцугу, который был женат на его сестре. Свойак предлагает отправиться вместе с ним в Киото, и Сидо соглашается. Так, в 65 лет для него открывается новая страница жизни. Одной из причин согласия Ямагути Сидо было то, что его «наука эры богов» нашла своих почитателей в среде киотоской аристократии. А в то время для ученого, не сумевшего обзавестись высоким покровительством или поступить на службу, ученики и почитатели были единственным источником дохода. В августе 1830 г. Сидо в очередной раз покидает родину с тем, чтобы больше сюда уже никогда не вернуться.

В Киото он поселяется сначала у Фукуи и приступает к написанию уже упоминавшегося своего главного сочинения – «Предание налитых соком побегов». В 1834 г. он съезжает от Фукуи и поселяется отдельно. Сидо часто приглашают для толкования его учения и литераторы, и императорский двор.

В 1835 г. во время посещения святилища Фусими Инари он в качестве дара подносит исполненное им изображение священной горы Фудзи, силуэт

которой составляли сто знаменитых хайку, написанных мельчайшим шрифтом. Это произведение демонстрируют императору, который приходит в восхищение и посылает Ямагути Сидо в знак признания собственноручно отломанную ветвь цветущей сливы.

В том же 1835 г. Ямагути Сидо завершает написание своего главного труда, и его печатают в конце ноября того же года. Это, наверное, был лучший год в его жизни. Судя по всему, и в финансовой сфере Ямагути

³ Футомани 布斗麻邇 или 太占 – гадательная практика преимущественно по трещинам, появляющимся на нагреваемой лопатке оленя или черепахи. Таблица, приведенная Ямагути Сидо, очевидно служила для интерпретации этих трещин по их направленности.

⁴ «Страна налитых соком побегов» – устоявшееся поэтическое название Японии.

Сидо обретает стабильность. В 1836 г. только среди высшей придворной аристократии-кудэ он имеет более 20 учеников.

В 1839 г., в возрасте 74 лет он публикует комментарий на знаменитый сборник лучших ста пятистиший-вака «Правильное толкование ста стихов» (百首正解), который приносит ему еще больше славы. Особо был отмечен его комментарий на одно из знаменитых пятистиший, в котором ему удается точно определить географическое расположение воспетого в нем места.

В 1841 г. он получает священнический сан и право носить соответствующую одежду от одного из наиболее авторитетных родов синтоистских служителей – Сиракава, которым он тоже преподавал свою «науку эры богов».

Ямагути Сидо из-за многочисленных дел и поклонников никак не удавалось хотя бы на недолгое время вернуться на родину. В 1842 г., очевидно по его собственной просьбе, в Киото приезжает его зять и привозит сына – внука Ямагути Сидо, которому к тому времени исполнилось уже 16 лет, и он, как и сам Сидо в молодости, отличался ясным умом и прилежанием в науках. Сидо явно видит в нем своего преемника, всячески опекает его и обучает всему, что знает сам, однако неожиданно в следующем 1843 г. внук умирает, а за ним вслед уходит из жизни и сам Ямагути Сидо, причем обстоятельства его смерти и похорон остаются неизвестными. Ямагути Сидо отличался крепким здоровьем и поговаривали, что это было убийство по приказу кого-то из сильных мира сего, которым он чем-то не угодил, однако ничего толком известно не было. Сохранилась могила Ямагути Сидо в его родной деревне, ставшей уже частью города, однако род прервался и ныне в Тэракадо никто по фамилии Ямагути не живет.

Космология и метафизика

Учение Ямагути Сидо представляет собой интегрированную и внутренне непротиворечивую холистическую (целостную) систему. Она обладает (при условии принятия ее базовых постулатов) почти универсальной объяснительной способностью в самых различных аспектах и планах бытия, начиная от метафизического и космогонического и заканчивая лингвистическим и физиологическим, – все это автор стремится продемонстрировать при каждом удобном случае. Подобная универсальность, основанная на принципе изоморфности различных планов бытия, восходит типологически к популярной в то время в Японии «всеохватной» (по выражению Фен Ю-ланя⁵) неоконфуцианской системе Чжу Си, а в широком смысле – и к общим особенностям китайской философской мысли, в которой метафизика проливает свет на суть моральных принципов, а эстетические категории одновременно оказываются и основополагающими принципами государственного управления. И хотя, как отмечалось выше, в целом японский нативизм как течение выступал в качестве альтернативы «китайской учености»,

⁵ *Fung Yu-lan. A History of Chinese Philosophy. Princeton. Vol. II. 1983 (1973), c. 533.*

во многих случаях он использовал те же самые подходы и методы, применяя их к японскому материалу.

Ямагути Сидо был убежден, что все таинства и секреты мироздания были переданы древними в первом свитке хроники «Кодзики», в котором на поверхности лежал рассказ о деяниях богов, но в глубине, при надлежном прочтении, открывались универсальные принципы мироздания, действующие на всех его уровнях и потому одинаково применимые ко всем аспектам бытия, начиная с космогонии и кончая физиологией человека. Для этого требовалось

уразуметь истинный смысл древних слов через понимание их живой суги-котама. Ямагути Сидо полагал, что каждый из 50-ти слогов, легших в основу сложившейся еще в эпоху Хэйан фонетической таблицы и, одновременно, слоговых азбук японского языка (*годзюон* 五十音), скрывает в себе определенные базовые, «сакральные» значения, комбинация которых в слове и открывает его истинный смысл, сокрытый под внешним, «профанным» смыслом. Эти сокровенные смыслы Ямагути Сидо и называет *котама*. К подробному рассмотрению этой темы мы еще вернемся.

Рис. 1
«Священный дух (зна-
ки) великого прорица-
ния-футомани»

Ключом, открывшим ему путь к пониманию и древних тайн космологии, и истинного значения древних слов, оказались как раз два вышеупомяну-
тых «предания»-*цутаэ* – «Священный дух (знаки) великого прорицания-*футомани*» (布斗麻邇御灵⁶) и «Древнее предание Инари» (稻荷古伝), представ-
лявшие собой ряд знаков-символов, над разгадкой
которых он и трудился, по собственному призна-
нию, больше 30 лет. Именно с воспроизведения
этих двух таблиц он и начинает свой главный труд,
который называет, стремясь, очевидно, подчеркнуть
его укорененность в древности, «преданием». Это –
уже известное нам «Предание налитых соком побе-
гов».

В результате изучения и сопоставления этих
двух наборов знаков Ямагути Сидо открывается,
что последовательность знаков предания *футомани*
представляет собой не что иное, как воспроизведе-
ние в символической форме космогонического про-
цесса, описанного в первом свитке «Кодзики».

Опираясь на указания «Древнего предания Ина-
ри», Ямагути Сидо идентифицирует две главные
формы \ и О, используемые в знаках *футомани*, с
первоэлементами – огнем и водой. Если у «круга»
О только одно значение – вода, то «точка» \ обо-
значает и огонь, и пневму (жизненную энергию)-*ки*,
и знак-*сируси*, и дыхание (живое)-*ики*, и точку (кап-
лю)-*хоти* и сгусток-*кори* (см. рис. 2).

Первый из знаков *футомани*, в котором присут-
ствуют эти обе формы, Ямагути Сидо называет
«Зна-

ком отцовской капли (семени)» или «Знаком божества
Амэ-но минака нуси-но ками». Этот знак, по его
мнению, репрезентирует самое начало космогони-
ческого процесса, описанного в «Кодзики»:

⁶ Важно отметить, что для записи одного из ключевых понятий в его системе – *тама* 霊 – Ямагути Сидо использует сокращенный вариант иероглифа 靈 (靈) со значениями – душа, жизненная субстанция, духовная сущность. Именно последний вариант используется нами ча-
ще всего, хотя в некоторых контекстах мы переводим его просто: «знак», который как мы уви-
дим дальше, отождествляется Ямагути Сидо с его референтом. Использование именно сокра-
щенного варианта можно объяснить присутствием в нем элемента «огонь» внизу и знака 二,
явно отождествляемого им с «водой».

(布斗麻邇御灵)

«В Кодзики говорится: “Когда начались Небо и Земля, на Равнине Высокого Неба явились *ками*. Божествен-

Рис. 2
«Древнее предание Инари»
(稻荷古伝)

ные имена их Амэ-но минака нуси-но ками...” и т. д.

Толкую это так. Знак \ в самом центре [знака] духа ками (御灵) – это энергия-ки \ еще не родившихся неба и земли. “А” в “амэ” его божественного имени обозначает духовную сущность (灵) воды в пространстве (空水) и есть общим названием дыхания (ики 水火 воды и огня)⁷ последовательности в 50 звуков (五十連⁸). “Мэ” же означает циркулировать. Циркуляция дыхания (ики 水火 воды и огня) последовательности из 50 звуков называется “небом” (амэ 天). Форма этого вращения и обозначается как раз знаком О. “Ми” из “минака” означает “середина”, т. е. “минака” это слово, в котором середина накладывается на середину и означает “самый центр”. “Ну” из “нуси” есть озвончение (нигори) звука “но”, а “си” – это сокращение от “сируси”-знака. То есть божественное имя означает “знак \ дыхания в самом центре пространства”. То есть в самом центре неба-амэ О содержится знак-сируси \, что и составляет вместе ☉. То есть – это духовная сущность – знак (御灵) Амэ-но минака нуси» (с. 13).

Огонь и вода – это не просто мертвая инертная субстанция. Их движение суть дыхание Вселенной, животворящая сила, которую древние именовали божеством-ками: «Меж небом и землей есть невидимое глазами сокровенное (химичу 水火 огонь и вода). Это называют божеством (ками 水火 огонь и вода), а также дыханием (ики 水火 вода и огонь). Когда называют

божеством (*ками* 神), то имеют ввиду сущность (体), а когда дыханием⁹ (*ики* 水火 вода и огонь) – то действием (用) [этой сущности]. Посему дыхание (*ики* 陰陽 инь-ян), соединяясь с дыханием (*ики* 陰陽 инь-ян), рождает тьму вещей» (с. 8).

Ямагути Сидо напрямую отождествляет главных божеств-прародителей всего сущего Идзанаги и Идзанами с этими абстрактными первоэлементами, утверждая, что огонь есть Идзанаги, а вода – его супруга Идзанами, и что в свою очередь они есть воплощением *ян* и *инь* соответственно (с. 16)

Все происходящие в мире видится Ямагути Сидо как скрытое от глаза, но, тем не менее, постоянное и взаимопроникающее воздействие этих двух первоэлементов: «Истинный огонь внешнего облика не имеет. Такова сущность огня. Когда видим внешний облик, то это [благодаря] воде в огне. Посему горит. Это есть действие огня (*хатаракки* 活用). Истинная вода внешнего облика не имеет. Это называем сущностью воды. Когда видим внешний облик, то это [благодаря] огню в воде. Поэтому течет. Это есть действие воды (*хатаракки* 活用). Огонь как сущность двигает воду. Вода как акциденция (用)¹⁰ движима огнем. Огонь движет, но звуков не издает, а вода движется и производит звуки. В целом, если движущее – это огонь, то движущееся – это вода» (с. 9).

Существование Вселенной циклично, все в ней рождается, и все ждет неминуемый конец, который обязательно ведет к новому рождению: «Дыхание (*ики* 水火 вода и огонь) Неба и Земли продолжается в Солнце и Луне, дыхание человека (*ики* 水火 вода и огонь) продолжается в потомках. Беспредельное соединение дыхания (*ики* 日月 Солнце и Луна) Неба и Земли с дыханием (*ики* 水火 вода и огонь) человека вечно и неисчерпаемо. Начало и конец Неба и Земли заключены в рассвете и закате: с давних дней эры богов и до сегодняшнего дня [все] начинается с рассветом и заканчивается с закатом. Отныне и вовек будет так. Хотя и говорят, что все имеет начало и не бывает такого, чтобы не было конца, но это касается только конкретной вещи. Небо и Землю с тьмой вещей не сравнить. Небо и Земля [состоят]

⁷ Ямагути Сидо часто пользуется распространенным в кругу подобных ему толкователей приемом, когда вместо общепринятого подразумеваемого чтения иероглифов *фуриганой* дописывается другое чтение, зачастую имеющее и иное значение, что позволяет якобы проникать в глубинную, истинную суть слов. На этой игре смыслов базируются многие положения и рассуждения «тайных традиций», столь популярные в те времена. Поэтому при переводе мы сначала будем давать перевод «подписанных» чтений, а потом в скобках приводить общепринятое значение используемых иероглифов. Например в данном случае Ямагути Сидо использует распространенное чтение иероглифа «огонь»-*хи* и не озвонченное чтение иероглифа «вода»-*мицу* (принято *мидзу*) , что в сочетании дают слово *химичу*-тайна, переведенное в данном контексте как прилагательное «сокровенное».

⁸ Соответствует современному *годзюон* (五十音) – таблице последовательности звуков и знаков японской азбуки *кана*.

⁹ Мы переводим *ики* как дыхание, но, несомненно, это слово ассоциируется и с другим близким значением *ики* – живое.

¹⁰ Случайное, преходящее состояние.

исключительно из изначальной жизненной энергии-ки (*мотоки* 本気). Тьма вещей рождается из этой энергии-ки (ゝ), и в этой энергии-ки (ゝ) находит конец. Закончившись, опять начинается, и образует вечный цикл (始終), который неисчерпаем. У тьмы вещей есть конец, но не имеет конца космическое дыхание. Моя жизнь – это начало моего Космоса (天地), а смерть – это конец моего Космоса (天地)... Хотя в *Кодзики* и говорится про начало Неба и Земли, но это лишь повествуется о начале тьмы вещей, а по правде Небо и Земля не имеют начала, а есть лишь [вечный] Небесный Путь (天道)» (с. 120).

Человек как микрокосм

Переходя далее с космогонического на физиологический уровень, Ямагути Сидо демонстрирует не только единство базовых принципов для всех уровней мироздания, но и непосредственную вовлеченность божественных сил в процесс зачатия и появления на свет человека: «Знак круга *О* есть материнская вода, а точка-*хоси* 丶 – отцовская капля, а также семя трав и деревьев. Духовная сущность-*тама* 丶 Минака нуси при совокуплении мужчины и женщины входит в них вместе с вдохом и располагается внутри капли-семени (一滴). Посему тело получаем от отца и матери, а духовную сущность (御灵) – от неба. Мы сами как есть – суть слияние космоса (天地) и отца с матерью. Посему точка 丶 каждого сердца уже есть обитель Амэ-но минака нуси-но ками. Посему, когда сердце двигается, то оно образует форму огня — или воды ¹¹. То, что приводит в движение, – это эго (吾), а то что движется – это точка 丶. Различие добра и зла, искаженного и правильного исходит из этой точки сердца. Это так называемая энергия-ки единой основы (*итигэн-но ки* 一元のゝ). Форма этой духовной сущности есть не что иное, как солнце, луна и звезды. Вся тьма вещей появляется из этой духовной сущности (митама 御 丶)» (с. 13–14).

Поэтому человек подобен Вселенной, он есть микрокосм, в котором действуют те же силы и принципы, что и во внешнем мире. Животворящая сила, которую Ямагути Сидо называет дыханием, едина для всего и вся: «Небо и Земля суть сгусток дыхания (*ики* 水火 воды и огня). Посему движение Солнца и Луны есть дыхание неба, а приливы и отливы суть дыхание Земли. Человек тоже есть сгусток дыхания (*ики* 水火 воды и огня). Посему дыхание человека как ряды волн: волны тоже, когда набегают, издают звук, а когда отступают, то беззвучны. Выдох человека тоже рождает звук, а вдох беззвучен. Человек есть не что иное, как микрокосм (小天地 малое Небо и Земля)» (с. 8–9)¹².

¹¹ В таблице «Древнее предание Инари» горизонтальная черта трактуется как знак «движения огня», а вертикальная – как знак «движения воды».

¹² Утверждение о том, что человек во всем подобен Космосу вплоть до того, что у него есть свои внутренние солнце, луна и звезды, является одной из ключевых концепций теории Ямагути Сидо, с импликациями (проявлениями) которой мы еще не раз будем сталкиваться.

Как мы видим, все во Вселенной оказывается единосущным, и эта единосущность служит Ямагути Сидо поводом для эпистемологического¹³ оптимизма: все в этом мире доступно человеческому познанию, ибо человек подобен Вселенной: «Наука страны богов учит, что меж небом и землей нет ни единой сокрытой вещи. Уже при рождении человек, чья духовная сущность божественна (神霊), наделен парой глаз, чтобы видеть внешние формы, наделен ушами, чтобы слышать звуки, наделен носом, чтобы обонять ароматы, и наделен ртом, чтобы говорить... [Человек] единосущен с божествами (神明同体) и в том, что он видит, и в том, что он слышит, нет того, чтобы было ему недоступно – таков смысл этого... Мы люди, и мы микрокосмы, и все только зависит от того, отшлифованы или нет [наши чувства]. Когда я ясно понимаю про дыхание (*ики* 水火 воду и огонь), то сияю как божественное зеркало...» (с. 59).

Поскольку макро- и микрокосм тождественны, то нет необходимости искать знания где-то далеко. Суть эпистемологической стратегии Ямагути Сидо можно свести к знаменитой заповеди дельфийского оракула – «познай самого себя»: «Если хочешь познать суть неба и земли, то она заключена в познании себя. Посему за наукой далеко ходить не надо. Для начала надо знать, что сначала мы выходим из утробы матери, выйдя, начинаем дышать, познав дыхание (*ики* 水火 воду и огонь), познаем речь, познав речь, узнаем, как слова складываются в письма. Познав, что в этих письменах заключено учение, узнаем, что в нашей утробе есть божественный дух. Затем, познав, как овладевать телом, завершаем науку. Познание заключено в нас, а не где-то в другом месте. Познав себя, уясняем космос. Познавая космос, познаем человека» (с. 129–130).

Поскольку дыхание человека есть дыхание Космоса, а дыхание Космоса, его духовная суть и жизненная сила, как мы помним, и есть божествами, то отсюда напрашивается очевидный вывод, который и делает Ямагути Сидо: «Человек уже является Вселенной, человек уже является *ками*. Выражение ”страна богов“ означает именно это» (с. 118).

Это единство с *ками* объяснялось Ямагути Сидо, как мы помним, и на физиологическом уровне. В другом своем сочинении, посвященном практическим аспектам оздоровления, под названием «Книга о дыхании божественного ветра» (神風伯本書) он толкует это положение в больших подробностях: «Капля \ в самой сердцевине знака-*тама* ☉ есть небесная сердцевина бесконечного. Это – небесный родитель. Капля этого небесного родителя во время соития женщины и мужчины входит вместе со вздохом в семя мужчины, а затем становится душой (魂), делая женщину беременной. Кости и плоть получаем от матери и отца, а душу от Неба. По прошествии десяти месяцев, когда сформируются пять главных частей тела, ды-

¹³ Эпистемология – (от греч. epistēmê – знание) часть гносеологии, которая изучает происхождение и развитие научного знания.

хание наполняет плаценту, и этим дыханием разрывается плацента и [ребенок] рождается на свет. При этом опять капля \ небесного родителя являет себя в материнском молоке и вскармливает ребенка, а когда тот вырастет, опять являет себя в пяти злаках и кормит его. Пять злаков – это молоко небесного родителя... Жизнь человеческая неразрывна с молоком небесного родителя, и, восприняв дыхание нестарения и продления жизни, можно сберечь свою жизнь до столетнего возраста» (с. 555–556).

Для достижения этой цели Ямагути Сидо предлагает разработанную им систему оздоровления, основанную на этом «дыхании нестарения и продления жизни». Он полагает, что секрет долголетия отнюдь не в лекарствах и прочих снадобьях: «Я полагаю, что называемое снадобьем нестарения и бессмертия острова Хорай¹⁴ заключено в этом вдыхании и выдыхании божественного ветра, а не в корнях трав, или коре деревьев» (с. 561).

Причину всех болезней Ямагути Сидо видит в «загрязнении дыхания»: «Энергия-пневма-ки Космоса и человека днем очищается и светла, а ночью загрязняется и темнеет. Дыхание уходит в глубину, и мы засыпаем. Болезнь приходит из загрязнения дыхания во время сна. То, что называют жидкостью во рту после просыпания, и есть это загрязненное дыхание. Надо сразу утром, обратившись к востоку, смотреть с почтением на солнечный диск и славить Амаэрасу Омиками, покаяться в пяти нарушениях, произвести на выдохе дыхание божественного ветра, извергнуть из нутра загрязненность от дыхания [ночного], и пить энергию-ки неисчислимого долголетия Небесного родителя. Когда делаем так, то ежедневно обновляем энергию-ки пяти главных частей тела. Называемое нарушением-цуми снимается и наступает здравие без напастей. Сами собой уходят болезни, и удерживается отведенный Небом срок жизни» (с. 558). Ямагути Сидо утверждает, что древним государям был известен этот метод, именно потому они отличались завидным долголетием. Опробовав на себе этот способ, Ямагути Сидо заявляет с заметным удовлетворением: «С тех пор, как я получил священное предание, на протяжении почти 48 лет, я не болел ни разу. И ныне, когда мне 75, я в здравии, напасти меня миновали. Глаза мои ясны и мне все еще не нужны очки и слышу хорошо, как человек в расцвете лет. Мне легко пройти за день десять *ри*¹⁵, а в холод мне не нужен обогрев» (с. 562).

Человек, однако, не занимает в мироздании какого-то привилегированного или особого положения, полагает Ямагути Сидо. Поскольку все во Вселенной в живой сути своей, которую Ямагути Сидо называет в зависимости от аспекта рассмотрения то первоэлементами – водой и огнем, то дыханием, то ян и инь, то божествами, едино, то человек в своей духовной сути-тама един не только с божествами, но и с животными: «Человек и птицы-звери единосущны (*икко* 一己). Поэтому и у птиц и зверей есть «я».

¹⁴ Легендарный остров, где согласно китайским поверьям обитают бессмертные.

¹⁵ Мера длины, равная 3, 92 км.

По своей воле бегают, по своей воле ввысь взлетают. Человек говорит на выдохе, поэтому его можно понять. Птицы и звери издадут звуки на вдохе и на выдохе, поэтому их голоса разобрать трудно» (с. 121). Единственное отличие между человеком и животными, как мы видим, — это способность к членораздельной речи, но при этом животные в некоторых вещах оказываются умнее человека — например, могут предвидеть свою смерть и потому «прячут трун» (с. 121).

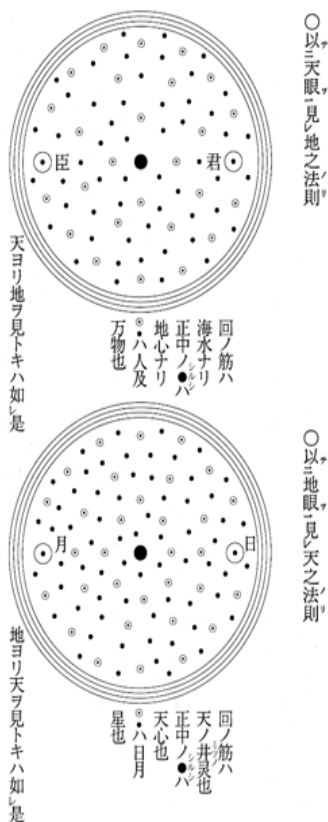

Рис. 3.
Небо глазами земли и
земля глазами неба

Ямагути Сидо стремится показать, что единство человека с Вселенной может быть продемонстрировано и на символическом уровне: «У неба есть глаза, и у земли есть глаза. Когда Земля и Небо смотрят друг на друга, то становятся едиными. Взгляд неба на все сущее и взгляд человека на все сущее разнятся. Человек находится внутри на уровне вещей и потому на них глядит сбоку. Небо находится сверху, и смотрит на сущее сверху. Посему, когда человек глядит на человека, то видит его силуэт как 人, и когда смотрит на травы и деревья то видит их силуэт как 草. Когда небо смотрит на землю, то видит ее как 地, а когда глядит на человека, то видит его как 人. Ибо смотрит на макушку головы. Когда небо смотрит на травы и деревья, то видит их как 草, ибо видит сердцевину ствола» (с. 123–124). Таким образом, основные символы *футомани* оказываются еще и проекциями вещей сверху и снизу, что Ямагути Сидо наглядно демонстрирует, рисуя два соответствующих изображения.

Создается впечатление, что Ямагути Сидо настолько сам увлечен все объясняющей силой своей теории, что находит ей множество самых неожиданных применений, которые он демонстрирует при всяком удобном случае. Приведенные

ниже проекции он дополняет еще и метафизиологической схемой человеческого тела, на которой ключевые, по его мнению, точки, к которым он относит все

отверстия, конечности и суставы, обозначаемые уже знакомыми нам знаками *футомани*, оказываются еще и репрезентантами определенных божеств.

Основы этой метафизиотеологии излагаются им следующим образом: «Божества (ками 火水 огонь и вода), двигаясь и вращаясь, дыхание (ики 水火 вода и огонь), соединяясь и раскрываясь, обволакивая друг друга, в конце концов, подобно куриному яйцу застывают и образуют основу пяти главных частей тела» (с. 15). Эта наглядная теантропичность является одной из особенностей учения Ямагути Сидо, снискавшей ему славу и известность при жизни.

○以三天眼二見人之法則

高御產巢日神、神產巢日神、兩神合體ノ胞衣也。

故ニ、伊邪那岐、伊邪那美ノ二柱呼吸ヨリ現出也。
亦、口ハ大海也。唾ハ汐水也。

星也。

日月也。天眼也。

高御產巢日神靈。

天之御中主神在ノ宮。

神產巢日神靈。

指ノ頭ニ、○如レ是卷

タル筋ハ、胎内ノ水ノ

渦卷タルニシテ、

神產巢日神ノ靈也。

神產巢日神靈。

高御產巢日神靈。

左

右

左
高御產巢日神。

右
神產巢日神。

指ノ筋々ニ、○如レ是卷タル筋ハ、
胎内ノ水ノ攪タルニテ、左ハ
高御產巢日神ノ靈、右ハ
神產巢日神ノ靈也。

指ノ筋々ニ卷タル筋ハ、
水ノカラミタルナリ。

左足ハ高御產巢日神、
右ハ神產巢日神ノ靈也。

指ノ頭ヲ卷タル筋ハ、同水
ナリ。左ハ高御產巢日神、
右ハ神產巢日神ノ靈也。

神產巢日神靈。

天之御中主神靈。男根ノ頭ノ形也。

天之御中主神靈。

Рис. 4. Схема строения человеческого тела

Учение о котодама

Однако наибольшей популярностью среди современников и позднейших нативистов-мистиков пользовалось учение Ямагути Сидо о *котодама* – «живой сути слова». Понятие *котодама* достаточно часто встречается в древних японских памятниках и используется для обозначения той силы, которую имеют слова и их определенные комбинации, позволяющие воздействовать на те или иные явления, события, вещи, а также людей и богов на основании представлений о том, что между самим словом, и тем, что оно обозначает, существует прямая и непосредственная связь. Это – универсальный принцип, повсеместно распространенный и лежащий в основе многих разновидностей словесной магии. Заслуга Ямагути Сидо полагалась в том, что ему точно удалось установить истинное «тайное» значение слогов-фонем и на этом основании выявить истинный смысл древних текстов.

В основе представлений, утверждающих прямую и непосредственную динамическую связь между словом и вещью/явлением (знаком и его референтом) и составляющих универсальный принцип словесной магии, лежит убеждение прямо противоположное одному из ключевых принципов структурной лингвистики Ф. де Соссюра. Он утверждает произвольность связи (отсутствие мотивированности) между означающим и означаемым в знаке. По Соссюру, звуковой образ есть лишь комбинация ограниченного числа фонем, присущих данному языку, и чья функциональность определяется лишь их различением носителями данного языка, причем фонемы сами по себе сущностно бессмысленны. Таким образом, слово, эта минимальная смысловая единица языка (отличаемого Соссюром от речи), как знак есть исходно произвольное единство означающего (звукового образа) и означаемого (понятия). Это единство знака ничем сущностным образом не оправдывается, не говоря уже о референте этого знака – конкретных явлениях и вещах, на которые он указывает.

Представление Ямагути Сидо о *котодама* как «духовной (живой) сущности слова», тождественной «духовной сущности» обозначаемых им вещей, исходит из прямо противоположных оснований, а именно утверждения прямой и необходимой (единственно возможной) связи не только между означающим и означаемым внутри знака-слова, но и между знаком-словом и референтом – конкретной вещью или явлением, – для указания на который этот знак-слово используется. Другими словами, связь между означающим и означаемым (формой и содержанием), а также между знаком и его референтом, оказывается необходимым образом обусловленной и мотивированной, причем на самом глубоком онтологическом уровне, структура которого заложена космологическими процессами.

Для Ямагути Сидо не только звуковой, но и письменный образ, причем не только слова, но и каждой фонемы (слога) является онтологически мотивированным и потому единственно возможным. При этом письменный

образ в виде знаков японской азбуки *катакана* первичен по отношению к звуковому образу.

Знаки этой азбуки Ямагути Сидо не считает письменными знаками в привычном смысле этого слова. Для него это непосредственное и наглядное воплощение, прежде всего, определенных космогонических процессов, которые одновременно разворачиваются как в реальной физической (возникновение неба и земли из хаоса и т. д.), так и в символической форме – в виде знаков азбуки *катакана*, которые возникают в определенной последовательности параллельно со становлением Космоса. Как утверждает Ямагути Сидо, «*катакана* – это форма дыхания неба и земли, а не создание человека» (с. 333)

В знаках *катакана* фиксируются различные этапы космогонического процесса – параллельно с процессом «начала Неба и Земли» шел процесс образования письменных знаков и звуков: «В начале Неба и Земли, когда два божества – Идзанаги и Идзанами – соединились, появились знаки ㇰ и ㇱ. Их знак ㇰ, где ㇰ – это огонь мужского божества, а ㇱ – вода женского божества. Проявлением этого знака есть остров Авадзи-но хо-но савакэ. Этот знак-*тама* ㇱ, от которого отделилась правая часть, образует знак-*тама* начала дыхания ㇲ, от которого отделение правой части образует знак окончания ㇳ. Затем возникает знак-*тама* надувания дыхания ㇴ ...» и т. д. (с. 24). Описав таким образом появление всех знаков-*тама катаканы*, Ямагути завершает этот экскурс таким заключением: «Круг ㇰ есть матка всего сущего, а точка ㇰ семя всего сущего» (с. 16). Таким образом, ключевые элементы письменных знаков оказываются и непосредственным отображением главных космических сил, тождественных и действенных на всех уровнях и аспектах бытия: «Уподобление форме обволакивания и вращения этого огня и воды и называется *катаканой*» (с. 15). Именно форма знаков азбуки *катакана* определяет смысл каждой отдельной фонемы-слога.

Поначалу при чтении главного произведения Ямагути Сидо создается впечатление, что он следует достаточно распространенному среди нативистов, в особенности первой, «филологической» группы, убеждению в том, что собственной письменности в Японии не существовало. Один из основоположников нативизма Камо-но Мабути в предисловии к трактату «Рассуждение о смысле слов» писал: «В этой стране, где восходит солнце [т. е. Японии. – А. Н.], слова (*кото* 言) составляются из последовательности в пятьдесят звуков (*коэ* 音). Это – страна, в которой обо всех вещах (こと) на свете передавалось устно. В той же стране, в которой солнце клонится к закату [т. е. Китай. – А. Н.], все разнообразие вещей записывается картинками-иероглифами (*ката* 絵), используемыми как знаки (сируси). А тамошняя страна, где солнце заходит [т. е. Индия. – А. Н.], является страной, в которой записывают письменами только пятьдесят звуков, и их используют применительно для всего разнообразия вещей. И разве есть еще люди, сомневающиеся, что только в нашей стране не пользовались письменами!»

Идея Камо-но Мабути состояла в том, что в древности в Японии существовало полное соответствие между количеством слов и количеством вещей, что японцы были просты и бесхитростны в отличие от китайцев – любителей хитромудрости (巧みな事を好む) и обобщений, у которых один звук обозначал множество смыслов (*котовари* 理). Отличались они и от индийцев, любивших все разделять на множество идей (こまやかなる思いかねを好む), и у которых было только пятьдесят знаков для обозначения всего множества вещей. Япония отлична от них: «В этой же стране, где восходит солнце, поскольку сердце людей было бесхитростным, вещей было мало и, следовательно, слов мало. Если и вещей, и слов мало, то не сомневаются ни в чем, и никогда не забывают. Посему достаточно естественных пятьдесят звуков Неба и Земли. Зачем же творить абстрактное нечто (もの) с помощью созданных людьми письмен?!». Эти звуки, заключает Камо-но Мабути, не претерпели никаких изменений со времен эры богов: «Посему издревле эта страна славится как одаренная живой сутью слов (*котодама*)»¹⁶.

Как видно из приведенной цитаты, главной идеей Камо-но Мабути было утверждение прямого соответствия (как количественного, так и сущностного) между словами и вещами, что и обуславливало эффективность влияния слов на внешний мир. Поэтому древняя японская речь – это «прямое» говорение, которое по природе своей (единству знака и референта) приводит в движение вещи. Грамматическое спряжение и склонение (活用) одновременно является «спряжением и склонением» вещей. Именно поэтому обращение со словом должно быть столь осторожным, о чем неоднократно предостерегали древние. Слово-звук, утверждает Камо-но Мабути, не есть человеческое творение, поэтому оно не конвенционально¹⁷, а «естественно». Естественность утрачивается только при записи слов письменными знаками, и в этом Камо-но Мабути видит главную проблему. Он утверждает, что конвенциональны слова только в записанной форме, ибо только тогда они становятся знаками-*сируси*, тогда как в устной форме слова – это натуральные звуки, и потому знаками не являются.

Для Ямагути Сидо тоже нет сомнений в том, что человеческий язык, его звуки суть природны и неконвенциональны. Его трактат начинается с предисловия, написанного, что примечательно, по-китайски: «В целом, среди тьмы сущего (万物) на небе и земле нет ничего, чтоб не имело свой голос и звук. Посему все сущее обязательно издает звуки... Поразительность их не объять, применение (用) их неисчерпаемо. Они исходят, но формы не имеют, они двигаются, но образа у них нет. Посему они заимствуют форму и

¹⁶ Синто тайкэй. Ронсэцу хэн. Т. 24. Фуко синто. Ч. 2. Камо-но Мабути (Большая серия синто. Статьи. Т. 24. Возрождение синто. Ч. 2. Камо-но Мабути). (神道大系 論説編二十四 復古神道 (二) 賀茂真淵) Токио, 1988, с.38–40.

¹⁷ Конвенциональный – условный, принятый, соответствующий установившимся традициям.

образ у вещей и... это есть не что иное, как письмена (字), число их 50» (с. 3). Другими словами, в отличие от Камо-но Мабути, Ямагути Сидо не видит проблем в самом существовании письменности.

Проблема существует лишь с китайской формой записи японских слов – с иероглифами, которые в отличие от фонетической азбуки являются не естественными, а конвенциональными знаками: «В нашей стране изначально не было именуемого иероглифами (文字), это была страна, спасаемая живой сутью слов (*кототама*言霊), а азбука *катакана* (形仮名) есть письмена (御書) эры богов. Благодаря этим письменам мы познаем возникновение космоса

и многообразие вещей, и нет в них чего-либо, чего бы не доставало. Однако в шестнадцатом поколении государей-людей в августейшие пределы государя Одзина прибыл из Кудара некий Вани и преподнес множество сочинений. И с тех пор из поколения в поколение стали заниматься китайскими науками. Во времена сорокового поколения государей-людей в правлении небесного государя Тэнно уже глубоко скорбели об упадке старых слов эры богов (神代の旧辞), и было указание Хизэ-но Арэ (ему было 28 лет)... из уст государя сохранить на будущее священное учение. Когда дошло до правления небесного государя Гэнмэй в сорок третьем поколении государей-людей, в четвертый год Вада было повеление министру великой династии Ясумаро записать письменными знаками предание эры богов, что запомнил Арэ (ему было 66 лет), назвать это “Записями о делах древности” и оставить для будущего Великий путь (*мити*) Августейшей Страны» (с. 6). Однако упадок продолжался, и постепенно люди утрачивали знание об исконной смысловой и сущностной сути слов: «С древности до наших времен сохранилось только название *котодама*, а знающих ее законы (法則) нет. Есть пять или шесть человек, наследовавшие Кэйтю из Нанивадзу, зовущиеся учеными-нативистами (国学者), однако они занимаются лишь профанной наукой (俗学), изучают всевозможные писания, занимая свой разум забавами, но по-прежнему, как и раньше, не ведают законов *котодама*» (с. 373–374).

Одновременно люди стали ошибочно полагать, что знаки азбуки *катакана* вторичны и являются сокращенной формой заимствованных из Китая иероглифов, тогда как они «не заимствованы и не сотворены», и являются такой же естественной «видимой формой слов» (形仮名), как и звуки: «Основу знания о нашей стране государей составляет то, что тьма вещей восходит

к единому. Посему, когда впервые начались земля и небо, они составляли один сгусток (*кори*凝). Из этого сгустка выделилилась сокровенная (*химицу*火水 огонь и вода) двоица. Огонь зовем отцом, а воду – матерью. Живая суть отцовского огня, сочетаясь с живой сутью материнской воды, образуют еще один сгусток. Тяжелое и загрязненное этого сгустка стало формой (形), а легкое и чистое стало дыханием (息). Это дыхание, изойдя из лона

“хо”¹⁸ (материнского лона 母胎), явилось высоко и именуется голосом-звуком (коэ 音). Последовательность в пятьдесят (ицура 五十連) этих звуков зовется живой сутью слогов (言灵). В последовательности из пятидесяти звуков есть живая суть (灵), и называют ее [в этом аспекте] их задействованием (кацуё 活用). В этих звуках заключена благодать, заключено спасение и тайна (химицу 火水 огонь и вода), в сочетании они образуют слова. Однако если слова только произносить, то их не увидеть глазами; то, что делает их видимыми глазом, называют *катаканой* (形仮名). Этой *катаканой* обозначают десять столбцов пятидесятиричной последовательности. Эти сокровенные (химицу 火水огненные и водные) слова-слоги (кото 言), сочетаясь и разворачиваясь по правилам сущности и ее задействия (験用), легкого и тяжелого, чистого и загрязненного и т. п., открывают нам истоки слов (詞の本))» (с. 8).

Поскольку дыхание Вселенной и дыхание человека единосущны по природе, то произносимые на выдохе звуки позволяют человеку воздействовать непосредственно на дыхание Неба и Земли, которое он отождествляет, как мы помним, с *ками*: «Дыхание – это дух *ками*. Речь – это наш [дух]. Посему ведаем, что наши слова восходят к духу небес, и в словах заключено знание» (с. 131).

Исходя из тех же принципов, оказывается возможным дать объяснение действенности молитв, обращенных к богам: «Эти десять столбцов последовательности из пятидесяти звуков являются звуками космоса. Человек, приводя в движение их души, говорит. Дыхание (*ики* 水火 вода и огонь) пребывает в космосе, голос – в человеке. Посему, даже если мы говорим тихо себе под нос, просьба доходит до богов неба и земли» (с. 29).

Открытие истинного значения слов происходит при истолковании входящих в их состав отдельных слогов-звуков, чье исходное значение, как мы помним, в свою очередь определяется движением первоэлементов огня и воды на том этапе космологического процесса, на котором и возник соответствующий этому слогу-звуку знак азбуки *катакана*: «Это правило отдельных слогов есть природное дыхание неба и земли. Возводя слова людские к этим слогам, познаем суть речи» (с. 31).

Примером такого открытия «истоков слов» и демонстрации его многозначности может служить толкование Ямагути Сидо самого названия хроники «Кодзики»: «В названии этого священного писания... заключены три смысла: “Записывание древних дел” (“*Фуру кото-во сирусу*”), “Затверде-

¹⁸ По иероглифам значение этого бинама – «материнское лоно», обычно читаемое «ботай». Но Ямагути Сидо снимает озвончение, и тогда открываются возможности для различных толкований, ведь «хо» является одним из возможных чтений иероглифа огонь. Одновременно знак 保 является, по общепринятой трактовке, сокращением от иероглифа 保, имеющего значение «сохранять, успокаивать», как бы подчеркивающий значение «лоно». При этом именно знак *катаканы* «хо» 保 формируется, как мы увидим дальше первым, и соответствует первой фазе космогонического процесса.

ние дыхания” (“*Кору ики*”) и “Записи древних слов” (“*Фуру котоба сирусу*”). Выходит, что для познания древних дел прошедших эпох надо знать древние слова, для познания древних слов надо познать затвердевшее дыхание – таков смысл этого. Когда мы читаем название “Кодзики” как “Писание о древних делах” (“*Фуру кото фуми*” 古事記), то мы имеем дело с акциденцией (用), это прочтение на уровне человека (人間の訓かた). А когда мы видим

и читаем это как “Затверждение воды и огня” (“Кодзики” 凝水火), то это субстанция, и это чтение на уровне *ками* (神の訓かた)» (с. 334–335).

Справедливость такого истолкования обосновывается им следующим образом: «Я толкую так: *ко* – это сгусток (*кори* 凝), *си* – это вода, а обозначив огонь как *ки*, мы в результате получаем косики (凝水火), т. е. “*кору ики*” –

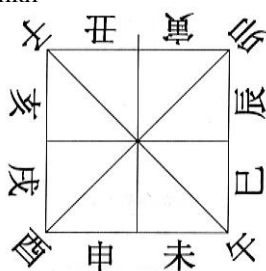

Рис. 5. Универсальная восьмичленная матрица

“затвердевшее дыхание”, тогда как в “*камиё*” [эра богов, название первого свитка “Кодзики”. – *А. Н.*] *ка* – это огонь, *ми* – это вода, и трактуя ё как “сочетаться” получаем «*камиё*» (火水與), т. е. «соединение дыхания» (*ики-о* куму), что все вместе значит “соединение затвердевшего дыхания (*ики* 水火 воды и огня)”. Поэтому в этом священном писании говорится о том, что, когда небо и земля не были еще разделены, они составляли один сгусток, из этого сгустка выделились вода и огонь, эти дыхания (*ики* 水火 вода и огонь), соединившись, образовали небо и землю, эти божества (*ками* 水火

вода и огонь), сочетавшись, породили тьму вещей, эти дыхания (*ики* 水火 вода и огонь), соединившись, образовали звуки (音). У *ками* (水火) нет внешнего облика, у воды и огня нет внешнего облика. То, что делает видимым облик этой воды и огня, зовется *катаканой*. *Катакана* – это форма дыхания неба и земли, а не творение человека» (с. 333).

Универсальной же матрицей творения Неба и Земли, а также начертания всех знаков *катаканы* оказывается последний из знаков *футомани*, кото-
рый

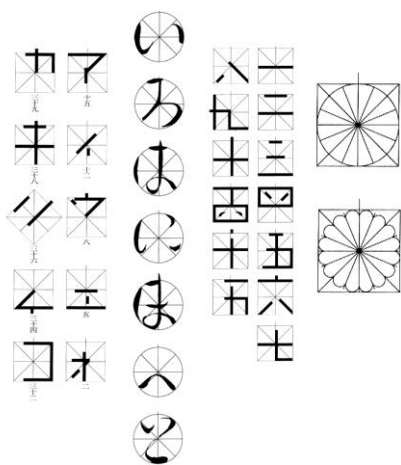

Рис. 6.
Примеры использования
восьмичленной матрицы

Ямагути Сидо называет «Знак того, что дыхание образует форму неба, земли и людей». Именно он оказывается ключом к познанию сути мироздания и истинного смысла знаков *катакана*: «Этот знак, образовавшийся в результате соединения знака вдоха и знака выдоха, обозначает дыхание. Наложённая друг на друга их форма и образует , т. е. восемь больших островов. Исходящий из духа *футомани*, он являет дыхание (ики 日月 солнце и луну) Неба и Земли, а также дыхание человека. Посему этот знак и есть Небо и Земля, он и есть человек. Он образует форму всего в этом мире, и нет ничего, чего бы в ней не содержалось» (с. 21).

С помощью этой универсальной матрицы Ямагути Сидо объясняет и смысл знаков *хирагана*, китайских иероглифов, в том числе обозначающих числа, происхождение императорского герба и т. п.

* * *

Как уже было сказано в предисловии, данная статья не более чем первый шаг на пути к пониманию «мистического» крыла нативистского движения в целом и учения Ямагути Сидо в частности. Она не претендует ни на полноту охвата, ни на завершенность анализа, являясь, по сути, лишь введением в данную проблематику. Впереди непечатый край работы и знакомства с учением таких важных для этого направления мыслителей, как Хонда Тикаацу (1822–1889), Накамура Кодо (даты жизни неизвестны), Оо-исигори Масуми (1832–1911), Такэути Киёмаро (1875–1965), Окамото Тэнмэй (1897–1963), Томокиё Ёсисанэ (1888–1952) и многих других полузабытых и совершенно забытых фигур, открыть которые, возможно, еще только предстоит. То, что выдвигавшиеся ими идеи кажутся порою весьма экзотичными, отнюдь не означает, что их следует игнорировать при изучении интеллектуальной истории Японии. Возможно, на них еще не успела появиться благородная патина времени, иногда превращающая даже заурядную вещь былых эпох в музейный экспонат, но это должно рассматриваться исследователями, скорее, как преимущество, ибо облегчает и доступ к материалам для исследования, и понимание склада ума людей той эпохи. Любой феномен в истории духа достоин изучения, тем более такой значительный, как мистическое направление японского нативизма. Без исследо-

ваний в этой области наши представления о прошлом Японии оказываются не только неполными, но и искаженными.

Каким бы интенсивным ни был процесс взаимодействия и взаимовлияния культур в настоящее время, в культуре каждого народа есть нечто, что определяет его самобытность, для понимания которой необходим ключ – язык, на котором говорят о сокровенном. К японцам и к созданной ими культуре, пожалуй, это относится в наивысшей степени, и ключом к пониманию их образа жизни, искусства, культуры является понятие «*митатэ*».

Точного слова для передачи понятия «*митатэ*» в русском языке нет, поэтому оно может употребляться наравне со словами «*икэбана*, *каратэ*, *танка* и *хайку*» как термин, обозначающий специфически японское понятие. В одних случаях «*митатэ*» может означать прием как попытку представить, продемонстрировать то, что не присутствует в данном конкретном случае, будь то произведение искусства, какая-либо композиция, или случай из реальной жизни. В других случаях, «*митатэ*» может означать предмет, слово, объект, и пр., при помощи которых этот прием реализуется. Кроме того слово «*митатэ*» употребляется в случае, когда выступает как существительное от глагола «*митатэру*», и тогда оно означает «представить», «продemonстрировать», но таким образом, чтобы представляемое приобретало особый смысл и акцент.

Слово «*митатэ*» состоит из двух иероглифов – «смотреть», (или «видеть») и «стоять». По смыслу оно близко к понятию «аллегория на основе зрительной ассоциации образов», «метафорическое иносказание». Кроме того, «*митатэ*» означает выставить на обозрение, продемонстрировать, представить что-либо таким образом, чтобы вызвать в воображении, в памяти или сознании созерцающего (или читающего) другой объект или идею.

Иными словами, прием *митатэ* применяется для того, чтобы конкретный объект смог вызвать в воображении смотрящего (читающего) ассоциативное представление о другом объекте, благодаря чему углубляется смысл увиденного, услышанного или прочитанного. Можно даже сказать, что главное значение приобретает именно воображаемое, а увиденное является лишь намеком, отправной точкой для работы воображения. При этом *митатэ* не является ни символом, ни метафорой – это своеобразный способ выражения, самостоятельное средство художественной выразительности.

Митатэ предполагает обыгрывание черт, характеризующих одновременно предметы или явления из обыденной жизни и предметы и явления, известные из религиозных преданий, классической литературы или философии, благодаря чему в сознании и воображении преодолеваются временные и пространственные ограничения.

Не будет преувеличением сказать, что *митатэ* пронизывает жизнь японца, постоянно внося в нее элемент творчества. Традиционная японская еда, сервированная в соответствии со временем года, бумага, в которую заворачивают подарки, подбирая их строго по случаю, оформление рекламных щитов и вывесок и многое другое, не говоря уже об атрибутах традиционных искусств и садово-парковом искусстве, является не только элементом дизайна, но и несет на себе определенную смысловую нагрузку. Иными словами, все это – *митатэ*.

Одним из самых распространенных примеров *митатэ* является обычная для японского дома ниша *токонома*, в которой висит живописный или каллиграфический свиток и стоят цветы в вазе.

Ниши *токонома* есть не только в домах японского типа, но и в большинстве квартир в многоэтажных домах европейского типа. Ниши *токонома* можно увидеть и в комнатах, которые предназначены для отдыха или для проведения чайных церемоний, и в помещениях фирм, занятых в самых различных отраслях современного бизнеса.

В полупустом, по традиции, японском доме *токонома* являлась единственным украшением его интерьера (что служит еще одним из примеров того, как органично вписывают японцы искусство в свой быт¹).

Однако функция *токонома* не только эстетическая. Она имеет хорошо понятный японцам, независимо от уровня образованности, философский смысл, вытекающий из их традиционного мировоззрения. Наличие в японском доме ниши *токонома* выводит его обитателей в другое измерение, где главным является ощущение Вечности, бесконечного круговорота в Природе.

Это достигается за счет того, что цветы и живописный свиток в *токонома* заменяются время от времени и всегда указывают на время года.

Обычай выставлять предметы, соответствующие сезону, соблюдался настолько неукоснительно, что его нарушение свидетельствовало о чрезвычайных обстоятельствах. Приведем для иллюстрации трехстишие *хайку*, малый жанр японской поэзии, который может вместить в себя целую повесть. В *хайку* Масаока Сики выражены чувства грусти и тревоги, которые совершенно очевидны японскому читателю:

Юки-но э-о	Пришла весна,
Хару мо какэтэру.	А снежный пейзаж все висит,
Хокори канна	Пылью покрыт.

Пейзаж, не соответствующий сезону, является намеком на то, что в доме, возможно, произошли какие-то события и о нем забыли, либо давно

¹ Искусство в Японии с древних времен играло особую роль и было атрибутом повседневной жизни: стихи были средством общения, изделия ремесел по изысканности не уступали произведениям искусства, *токонома* с каллиграфическим свитком и вазой с цветами представляют собой один из образцов искусства экспозиции. Вопрос о роли искусства в повседневной жизни японцев чрезвычайно сложен и интересен, но выходит за рамки данной статьи.

никто сюда не заглядывал. Намек будит воображение читателя и стимулирует его эмоциональную активность, что и является целью поэзии.

Меня экспозицию в *токонома*, человек, как бы подчеркивал свою вовлеченность в этот бесконечный круговорот и выражал почтительное отношение к Природе, в ритме и по законам которой стремился жить. Ощущение себя неотъемлемой частью единого мира Природы, Универсума для японцев настолько важно и необходимо, что в прежние времена в работах о Японии страноведческого характера *токонома* даже называли домашним алтарем.

Токонома свидетельствует не только о потребности человека ощущать себя сопричастным бесконечному круговороту в Природе, но и о необходимости продемонстрировать это.

Ответ на закономерно возникающий вопрос, для кого предназначена эта демонстрация, может быть лишь один – для богов².

Продемонстрировать богам почтение и благодарность было сильнейшей внутренней потребностью, в результате которой появились те или иные виды искусства или характерные особенности некоторых жанров. Одним из таких видов искусства стало составление букетов – икебана: люди не видели смысла в том, чтобы просто преподносить богам красивые цветы, которые ими и сотворены. Необходимо было внести «свою творческую лепту», но так, чтобы показать, что замысел богов понят и принят с благодарностью. На первых порах букеты устанавливали в храмах. Следующим шагом стала *токонома*, сооружаемая в собственном жилище, что явилось новым свидетельством ежеминутного выражения почтения и благодарности богам и демонстрацией понимания их замысла.

Прием *митатэ* «работает» не только зрительно, но и умозрительно. Согласно словарям японского языка «*митатэ*» следует понимать как «увидеть предмет не таким, каков он есть, воспринимать его не тем, что он из себя представляет, а видеть в нем образ другого». Понятие «*митатэ*» как поэтический прием (метафорическое иносказание, например, образ кулика в *танка* – выражение одиночества) существовало уже во времена «Манъё-сю». Благодаря использованию *митатэ*, предмет, о котором говорилось в стихотворении, вызывал ассоциацию с другим предметом, Позднее, поэты *хайку*, используя этот же поэтический прием, стремились вызвать ассоциацию не только с предметом, но и с явлением или идеей.

Так, в приведенном выше *хайку* пейзаж, не соответствующий сезону, служит *митатэ* каких-то событий, происходящих с обитателями дома.

В качестве *митатэ* конкретной идеи можно привести *хайку* того же Масаока Сики:

Сусухаки-но

Чистят копать в доме,

² В Японии в равной степени поклоняются и синтоистским божествами ками и буддам и буддхистам.

Хокори сидзумару Пыль стоит столбом
Харан канна И оседает на цветах.

Это довольно типичное стихотворение, в котором есть все необходимые для *хайку* компоненты: и сезонное слово (в тексте говорится о цветах – аспидистры из семейства лилейных – их цветение указывает на время года); и необходимые планы: космический, соотносимый с Вечностью (сезонное слово является намеком на бесконечность круговорота в Природе и смену поры цветения и увядания); и повседневный, мирской, соотносимый с феноменальным миром предметов, явлений, человеческих чувств и поступков (действительно, уборка в доме, о которой говорится в стихотворении, весьма обычное явление повседневной жизни). Цветы же, на которые оседает пыль, являются *митатэ*, поскольку служат выражению идеи о том, что любое действие встречает противодействие, а любое явление, дойдя до высшей точки своего развития, переходит в свою противоположность и, таким образом, чистить одно, значит, загрязнять другое.

Для иллюстрации того, как *митатэ* «работает» в *хайку*, стихи Масаока Сики выбраны неслучайно. Масаока Сики (1867–1902) считается реформатором традиционных жанров японской поэзии, вдохнувшим в них новую современную жизнь. Тем не менее, потребность выразить чувства и передать информацию посредством *митатэ* настолько органична для японской ментальности, что неподвластна времени и реформам.

Много примеров *митатэ* можно привести и из живописи, в особенности в жанре *укиё*. Наиболее выразительным является гравюра Харунобу Судзуки (1725–1770), которая так и называется «*Митатэ* Дайкокутэн». Дайкокутэн – один из семи богов счастья, приносящий удачу и благополучие³. Однако на картине изображена женщина. Судя по всему, куртизанка. Эта гравюра считается одним из наилучших образцов *митатэ*, поскольку Харунобу очень изящно и неожиданно сочетает здесь мирское с божественным, низкое с высоким. Он достигает этого, вкладывая в руки куртизанки маленький молоточек, который считается атрибутом Дайкокутэн.

В работе, посвященной *митатэ* в жанре *укиё*, «Размышления о *митатэ*»⁴ японский искусствовед Хаттори Юкио пишет о гравюре «*Митатэ* Дайкокутэн»: «Где-то в глубине облика женщины, словно ее второе отражение, видится *митатэ*, задуманное художником (в данном случае приносящий удачу и благополучие один из семи богов счастья. – М. Г.). Однако нельзя сказать, что оно явственно проступает и производит особое впечатление». Иными словами, деталь, задуманная художником как *митатэ*, не

³ В японской мифологии Дайкокутэн, Хотэй, Бисямон, Эбису, Дзюродзтн, Фукурокудзю и Бэнсайтэн являются семью богами счастья (ситифукудзин), которые помогают людям обрести долголетие и благополучие в земной жизни.

⁴ Хаттори Юкио. Размышления о митатэ. Токио, 1975, с. 180.

бросается в глаза, а идея, вкладываемая в изображение, угадывается не сразу, в чем и заключается прелесть картины Харунобу.

Мастерство художника заключается в том, чтобы соблюсти идейный и композиционный баланс между главным образом произведения и тем, который, как бы проступает сквозь него. Этот проступающий образ не должен быть изображен как неосязаемое привидение. Иначе говоря, он не должен присутствовать в картине. Он должен возникать мысленно и его следует воспринимать как идею. При этом можно сказать, что *митатэ* состоялось, если в восприятии человека, смотрящего на картину, образ зримый и образ мыслимый сливаются воедино. Здесь не может быть каких-либо законов или рекомендаций. В том, как достичь этого, проявляются талант

и мастерство художника. Важно, чтобы это было сделано оригинально. Подобно тому, как в канонизированных трех- и пятистиших индивидуальность поэта проявляется благодаря неожиданной яркости образа, самобытность художника *укиё* проявляется в том, как и насколько оригинально (*кибацу*) удастся ему «намекнуть» на присутствие в картине того, что не изображено. Неожиданность, кажущаяся несовместимость изображенного образа и *митатэ*, их парадоксальность создают особенно сильный эффект, порождая в восприятии смотрящего на картину «новое творение» создавшего ее художника.

Обобщая изложенное выше, следует подчеркнуть, что при восприятии картины, равно как и любого произведения искусства, воображение воспринимающего, которое в данном случае направлено на то, чтобы уловив замысел художника, дополнить его собственными ассоциациями, имеет особо важное значение. *Митатэ-э* – это картина, содержанием которой является то, что на самом деле на ней не изображено. Воображение смотрящего работает в плане домысла, и именно это доставляет ему наибольшее удовольствие и вызывает чувство удовлетворения. Стимулировать работу воображения и эмоциональную активность, того кто «вступает в контакт» с произведением искусства, издавна считалось в Японии главной задачей последнего.

Для наглядности можно привести еще один пример *митатэ-э* в жанре *укиё*. Это – гравюра Утагава Сюэй «Митатэ Фугэн». На ней изображена куртизанка, сидящая на белом слоне. Белый слон – образ из буддистской мифологии, а Фугэн – бодхисатва, олицетворяющий милосердие и дарующий долголетие. Японский исследователь *укиё* Мориока считает, что образ белого слона является «мостиком» для возникновения идеи о Дзёдо – Чистой земле, т. е. рая Будды Амида, в который попадет всякий, как бы грешен он ни был, если будет веровать всей душой и твердить имя Будды.

Выбор элементов из всего многообразия предметов, образов и их символов, сочетание их особым образом и порождает *митатэ*.

Как и многое в Японии, родившееся на основе мировоззренческих принципов, несет в себе черты, сформированные под влиянием традиционных синтоистских верований, которые впоследствии были переосмыслены в контексте буддистских идей, *митатэ* приобрело особое значение в эпоху Муромати. В наибольшей степени это относится к искусству и, в особенности, к традиционным жанрам, о которых можно сказать, что они всегда одухотворены религиозно-философским мировоззрением.

В эпоху их зарождения и расцвета *митатэ* стало одним из основных приемов, применяемых и во время чайных церемоний.

Становление классической формы чайной церемонии, которую связывают с именем знаменитого мастера Сэн-но Рикю (1521–1591), во многом обусловлено широким использованием им *митатэ* во всех смыслах этого слова.

Сэн-но Рикю первым стал использовать во время чайного действа предметы, которые совсем не были предназначены для этого и вообще не являлись не то чтобы чайной, но вообще какой-либо утварью, например вместо сосуда для воды он использовал тыкву-горлянку, которая считается символом долголетия. Внеся разнообразие в «ассортимент» предметов, используемых во время чайного действа, он расширил ее смысл и углубил значение. Интересно отметить, что если бы японец произнес предыдущее предложение, то он вместо глагола «использовать», скорее всего, употребил бы глагол *митатэру*, который в данном случае означал бы ввести в действие, представить, продемонстрировать предмет таким образом, чтобы пробудить в присутствующих какую-либо мысль, или вызвать в их воображении какой-либо образ.

Используя во время чайного действа предметы повседневного обихода, Рикю выражал один из главных постулатов учения дзэн: видеть в малом великое, важное в незначительном. Частое использование Рикю вместо роскошной китайской простой, повседневной корейской посуды для создания духа *ваби*⁵ также можно считать одним из проявлений *митатэ*. Использование же посуды, привозимой торговцами из других стран, было поистине «новым словом».

Подобно тому, как свежесть образа говорит об индивидуальности поэта, а деталь, используемая художником в качестве намека, об оригинальности его замысла, в строго канонизированном чайном действе индивидуальность мастера, совершающего его, проявляется благодаря тому, как он пользуется *митатэ*. Свобода творческого подхода и явилась причиной того, что со временем во время чайного действа стали пользоваться буддист-

⁵ *Ваби*, и *саби* – основополагающие понятия в эстетике чайного действа. *Саби* означает заброшенность, одиночество, *ваби* – унылость, однообразие. Оттого и совершается чайное действо в почти пустой, простой и непритязательной на вид, а иногда даже обветшалой комнате.

ской атрибутикой, золотыми предметами, а также предметами, привозимыми со всего света⁶.

Примером того, как работают фантазия и вкус устроителей чайных церемоний, с одной стороны, и воображение и восприимчивость присутствующих – с другой, может служить одна из чайных церемоний, устроенная в канун праздника Влюбленных звезд Танабата – 7-го июля, или, как говорят в Японии, седьмого числа седьмого месяца в г. Уцуномия.

В *токонома* в комнате, где проходило чайное действо в канун праздника Влюбленных звезд, стояла маленькая коробочка для благовоний из черного лака с мелкими серебристыми блестками, что должно было ассоциироваться со звездным небом. Коробочка стояла на стопке из семи салфеток, уложенных таким образом, что край одной слегка выступал из-под другой, напоминая распахнутое крыло или хвост птицы, что должно было вызвать ассоциацию с сороками, которые помогли встретиться влюбленным.

Таким образом, совершенно очевидно, что ограничений в выборе элементов для создания *митатэ* нет. Более того, садово-парковое искусство и архитектура Японии показывают, что для *митатэ* нет и каких-либо временных или пространственных ограничений. Элементы, благодаря которым происходит переосмысление конкретных объектов, могут быть удалены, как в пространстве, так и во времени. Лучше всего проиллюстрировать это на известных примерах. Одним из них является знаменитый Сад камней монастыря Покоящегося дракона (Рёандзи), который сам по себе также является *митатэ* дзэн-буддистских идей.

В этом саду на мелкой гальке серого цвета группами уложены 15 бурых камней, один из которых всегда остается невидимым, символизируя непознаваемость Истины.

Однако Сад камней, вид на который открывается с веранды одного из монастырских сооружений, – это только часть монастырского сада. Другая часть сада расположена с противоположной стороны Рёандзи. Здесь с веранды можно любоваться буйной, напоенной влагой растительностью. Оба эти сада [– суть один] и символизируют дзэнское мировосприятие, согласно которому видимые противоположности – суть одно, ибо не существуют друг без друга, иными словами, – инь и ян.

Примером *митатэ*, воплощающем идеи инь-ян являются знаменитые Золотой и Серебряные павильоны в Киото⁷, расположенные в разных его концах и сооруженные в разное время.

⁶ Например, во время чайного действа в школе Омотэсэнкэ, совершаемой перед отправлением в путешествие, используются изделия традиционных ремесел из тех мест, куда направляются мастер или кто-либо из участников чайной церемонии.

⁷ Трудно сказать, почему за Золотым павильоном – Кинкаку-дзи, так же как за Серебряным – Гинкаку-дзи в русском и других европейских языках сохранилось это название. Слово «павильон» передает только легкость и изящество, присущие этим сооружениям, ни одно из которых не является павильоном в полном смысле этого слова.

Золотой павильон⁸ – это трехъярусное сооружение, второй и третий ярусы которого покрыты позолотой, нанесенной на лак. Крышу верхнего яруса венчает позолоченное изображение феникса. Серебряный павильон⁹ – двухъярусное сооружение под изогнутой четырехскатной крышей. Верхний ярус снаружи покрыт темным лаком.

Каково было намерение создателей этого столь изысканного в своей простоте сооружения, сегодня никто не решается сказать. Собирались ли посеребрить его, но из-за нехватки средств не смогли осуществить задуманное, или же так он и был задуман.

Возможно, идея оставить сооружение не посеребренным, возникла позднее, и смысл ее заключался в том, чтобы противопоставить его Золотому павильону, как противопоставляются два организующих начала во Вселенной – инь и ян. Ведь золото символизирует светлое начало – ян, а серебро – темное начало – инь. Таким образом, внешний «темный» вид храма и, казалось бы, несоответствующее ему название «серебряный» выражают одну и ту же стихию. Поэтому отказаться от первоначального плана, если, предположить, что причина, действительно, заключалась в нехватке денег, было не так трудно.

Множество деталей в оформлении и названиях дают основание полагать именно так. Например, название площадки из серебристо-серого песка, раскинувшейся перед Серебряным павильоном – Море серебряного песка (Гинсядан). Площадка напоминает по форме прославленное красотой озеро Си Ху в Китае. Песчаная поверхность рассечена бороздками, символизирующими волны на воде. Название довольно большого усеченного конуса, сооруженного также из серебристо-серого песка возле площадки, также символизирует стихию инь и буквально означает «Помост для встречи луны» (Когэцудай). А ведь и луна, и вода относятся к стихии инь.

Подобных примеров, когда конкретный объект, выступающий как *митатэ*, вызывает в воображении смотрящего (читающего, слушающего) ассоциативное представление о другом объекте, благодаря чему углубляется смысл увиденного, услышанного или прочитанного, можно привести великое множество. При этом, как уже говорилось, главное значение приобретает именно воображаемое, а увиденное является лишь намеком, отправной точкой для работы воображения, преодолевающего временные и пространственные ограничения.

Можно привести великое множество примеров *митатэ* и в быту. В этом случае также обыгрываются предметы или явления из обыденной

⁸ Первоначально это был загородный дворец, который построил третий сёгун из дома Асикага – Ёсимицу (1358–1408) после отречения от власти в 1394 г. После смерти Ёсимицу, согласно его завещанию, дворец превратили в буддистскую обитель.

⁹ Такая же судьба постигла и Серебряный павильон. Спустя почти сто лет, в 1482 г., восьмой сёгун из того же дома Асикага Ёсимаса (1438–1490), уйдя от политических и военных дел, построил как загородный дворец, а после смерти завещал превратить весь дворцовый ансамбль в буддистскую обитель.

жизни и предметы и явления, известные из религиозных преданий, классической литературы или философии.

В качестве одного из наиболее распространенных примеров *митатэ* можно привести японские сладости – *вагаси*, которые вполне можно отнести к произведениям искусства. Их форма и цвет (вкус далеко не так разнообразен, как внешний вид), приуроченные ко времени года или случаю также, как *икебана* и *токонома*, должны напоминать об Истинном и Вечном. Среди сладостей *вагаси* можно встретить «Солнце в соснах» (*вагаси* зеленая крошка с красной горошиной к Новому году), «Фудзи в тумане» – белый конус из рисовой муки, сквозь стенки которого просвечивает начинка из бобовой пасты, в сезон дождей и т. п. К *митатэ* можно отнести и обычай летом подавать тертую редьку, выкладывая ее высокой узкой горкой, а зимой – в широкой, плоской посуде. Здесь работает зрительно-чувственная ассоциация: высокое и заостренное ассоциируется с горой, в горах укрываются от летнего зноя, широкое и плоское – с печкой *хибати*, покрытой одеялом, что должно вызывать ощущение тепла. Другим примером может служить распространенный в летнюю пору обычай, когда в воду в вазе из прозрачного стекла с цветами кладут мелкие камешки, а в прозрачное желе, подаваемое на десерт, – бобы или горошины, создавая иллюзию камешков в воде. Ассоциация с прозрачной водой должна вызвать ощущение прохлады, столь желанной жарким японским летом, подчеркнув тем самым, какое время годы стоит на дворе. Существуют специальные ателье, где можно заказать *митатэ*, которое будет служить дополнением к традиционному туалету, являясь не только его украшением, но и носителем идеи, которую решил выразить, заказчик.

Обобщая, можно сказать, что *митатэ* можно встретить на всех уровнях: выше приводились примеры использования в поэзии, живописи, в быту. Точно также приемы *митатэ* «работают» в театре, живописи, садово-парковом искусстве, архитектуре. Однако, если в быту, в театре, в литературе *митатэ* используется как для выражения и демонстрации идеи Вечности и бесконечного круговорота времен года и вовлеченности в него человека, так и просто для создания «дополнительного» образа (например, приведенное выше *хайку* о картине с изображением зимнего пейзажа наводит на мысль о заброшенности и вызывает чувство грусти и сочувствия к хозяину дома), садово-парковое искусство и архитектура всегда служат выражению дзэн-буддистской идеи о единстве противоположностей.

Возвращаясь же к истокам, т. е. к тому времени, когда люди, выражая уважение богам, преподносили им букеты цветов, стараясь удивить их и продемонстрировать, что замысел их понят, следует отметить и подчеркнуть следующее. В ту пору считалось, как уже говорилось, что боги не любят, когда им представляют точное подобие чего-либо, поскольку повторить сотворенное ими невозможно. Поэтому людям следовало проявить выдумку и изобретательность (*сюко*) для того, чтобы продемонстрировать

богам понимание и почтительность. Иначе говоря, то, что должно было быть продемонстрировано, выставлено или представлено на обозрение, должно было свидетельствовать о том, что взявший на себя труд и смелость изготовить, смастерить, соорудить, изобразить, выразить и т. п., понимает, что есть видимость и истинность. Так появились букеты, цель которых на первых порах заключалась в том, чтобы выразить гармонию Неба, Человека и Земли, и приемы *митатэ*. Как видим, – это существенно отличается от привычного для представителя западной цивилизации понимания искусства как подражания (мимезис) на основе Аристотелевской теории.

Однако, если с искусством *икебана*, *токонома*, *хайку* и сладостями, все более или менее понятно, то во многих других случаях распознать *митатэ* не просто.

Непосвященному наблюдателю праздничных процессий и шествия колесниц, равно как и зрителю в театре Кабуки, или посетителю японского сада, любующегося небольшим холмиком, вряд ли придет в голову мысль о том, что все это – *митатэ*, в котором главное вызвать в сознании наблюдающего идею горы. К слову сказать, *митатэ* горы – одно из наиболее часто встречающихся, поскольку японцы считают, что в горах обитают самые могущественные боги. Поэтому изображение горы или намек на нее также считаются священными. Небольшой холмик в японских садах – это выражение благоговения перед красотой гор и заключенной в них мощи. Этот же намек содержится и в праздничных колесницах, о чем свидетельствует уже само их название *яма* – гора. Обычная картина религиозного японского праздника – движущиеся по улицам японских городов празднично украшенные цветами и шелками процессии из колесниц *яма*.

Идея горы также может быть воплощена в предметах, которые устанавливаются на крышах традиционных домов, или в других, считающихся сакральными, местах. Многие исследователи японской культуры считают, что конусообразная форма самурайских шлемов не что иное, как стилизованное изображение горы.

Более того, тяжелые одежды актеров кабуки также являются *митатэ*, благодаря которому в сознании посвященного зрителя возникает та же идея горы. Именно идея, а не образ.

Многие исследователи считают, что в Японии цель театрального действия, как и праздничной церемонии, которая в свою очередь есть не что иное, как своеобразная театральная постановка, состояла в том, чтобы дать почувствовать присутствие божества. (К слову сказать, в древней Греции театральные действия посвящались богам. Спектакли игрались для того, чтобы развлечь и позабавить богов.) В частности, исследователь традицион-

ной японской культуры Масао Ямагути¹⁰ утверждает, что изначально зрелищная сторона в японском театре реализовалась именно за счет пышных и тяжелых одежд, в которых выступали актеры. Одежды служили намеком на гору, и актеры, таким образом, во всей красе и величии демонстрировали присутствие божества. Целью театрального действия, таким образом, был своеобразный показ – *митатэ*, и одежды играли первостепенную роль. Действительно, если представить себе танцы и движения актеров в традиционных театрах без соответствующих костюмов, исчезнет ощущение грозного величия, и концепция Ямагути Масао покажется не такой уж неправдоподобной.

Выше уже говорилось, о том что, представление богам требовало принесения «выдумки» – *сюко*. Логично было бы предположить, что своеобразная, далекая от реалистической, манера игры актеров в традиционном японском театре, стилизованность японской живописи также объясняются тем, что боги не любят точного подобия своих творений. Однако боги любят, когда им демонстрируют, что замысел их понят, и ждут этого от людей, как выражения уважения и благодарности с их стороны¹¹. Возможно, это является причиной того, что в Японии подтекст зачастую значит больше, чем то, что выражено, а *митатэ* стало душой не только японского искусства, но оно пронизывает быт японцев, который с точки зрения европейцев эстетизирован в высшей степени. Сами же японцы, оформляя *токонома*, сервируя стол с традиционной едой, выбирая аксессуары для традиционного наряда¹², укладывая подарки в футляры соответствующей формы, заботились не о красоте, а о *митатэ*, т. е. о том, чтобы, создав образ, выразить идею. Ведь, как известно, именно воспроизведение в образах, и есть искусство.

Это и явилось причиной того, что в некоторых случаях, японцы создавали произведения искусства, вовсе не помышляя об этом. Например, до последнего времени они вряд ли задумывались над тем, что *токонома* – это образец искусства экспозиции. Фигурки нэцкэ, вызвавшие восторг европейцев, не имели в Японии никакой ценности, а в японские гравюры в прежние времена заворачивали вазы, вывозимые в Европу.

Подводя итог определению *митатэ* как приема, характерного для японского искусства, можно сказать, что цель его – преобразование зримых фактов, явлений, предметов и пр., которые составляют содержание (на-

¹⁰ Masao Yamaguchi. The Poetics of Exhibition in Japanese Culture. Exhibiting Cultures. Smithsonian Institution Press. Washington and London, 1996.

¹¹ Есть множество свидетельств того, что сам акт показа, демонстрации, так сказать «выставления напоказ» имеет в Японии сакральное значение, однако данный вопрос выходит за рамки рассматриваемой темы.

¹² Необходимо подчеркнуть, что *митатэ* следует отличать от *кадзари* – украсить. В отличие от *кадзари* цель *митатэ* не столько эстетическая, сколько идейная. О *кадзари* подробнее см.: Бишарова С. Г. Формирование эстетики *кадзари*. – Япония 2004–2005. Ежегодник, М., 2005, с. 216–225.

пример, стиха, картины, чайного действа, сада), в образы, в результате чего рождается новый воображаемый образ или начинает работать идея.

Интересно отметить, что Сергей Эйзенштейн, утверждавший, что главным признаком произведения искусства является целевое единство, заметил эту особенность японской изобразительной культуры выражать идею посредством сочетания различных элементов, назвал ее «принципом монтажа» и счел в высшей степени «кинематографичной». Об этом написал в статье под названием «За кадром»¹³, посвященной, как он сам говорил, «кинематографическим чертам японской культуры, лежащим вне японского кино».

Не удаляясь от темы *митатэ*, представляется небезынтересным привести рассуждения прославленного кинорежиссера, который со своей кинематографической точки зрения проанализировал японское искусство и сделал довольно любопытный вывод о том, что в нем и, в частности, в японской поэзии «простое сопоставление двух-трех деталей материального ряда дает совершенно законченное представление другого порядка – психологического»¹⁴. Более того, полагал Сергей Эйзенштейн, в конечном итоге это представление «расцветает в своей эмоциональности». Он подчеркивал, что японские поэты умеют добиться «лаконики заостренной образности», и «пышного образного эффекта». А что же это, как не *митатэ*?!

О существовании понятия «*митатэ*» Эйзенштейн не знал (в противном случае написал бы об этом), но сумел разглядеть эти приемы. С позиций искусства, которое он представляет, кинорежиссер назвал их «приемами монтажа», который, по его мнению, характеризует «конфликт двух рядом стоящих кусков. Столкновение. Точка, где от столкновения двух данностей возникает мысль». Иными словами, мысль, которая должна быть выражена, возникает в результате сопоставления, «столкновения» элементов, не имеющих прямого к ней отношения.

В этом же ряду рассуждений С. Эйзенштейна находится и гравюра *уки-ё*, мастера которой, нарушая нормы пропорций (что тоже может быть отнесено к монтажу), выражают «квинтэссенцию психологической выразительности».

Истоки же «приемов монтажа» Эйзенштейн обнаруживает в иероглифической письменности, называя их методом иероглифа на том основании, что сочетание, иными словами монтаж, различных элементов иероглифа, имеющих самостоятельное значение, дает новый иероглиф с новым значением (к примеру, иероглиф «слушать» – ухо, нарисованное между ворот). При этом «если каждый в отдельности соответствует предмету, факту, то сопоставление их оказывается соответствующим им понятию».

¹³ Эйзенштейн С. За кадром. – Избранные произведения. М., т. 1–6, 1964, т. 2, с. 283.

¹⁴ Там же, с. 286.

Иными словами, начертание графически неизобразимого достигается начертанием графически «изобразимых»¹⁵ и сочетание двух элементов следует рассматривать не как их сумму, а как произведение.

В продолжение рассуждений Эйзенштейна и в качестве иллюстрации того, как сами японцы «обыгрывают» то, что Эйзенштейн называет «приемом монтажа» или «методом иероглифа», можно привести знаменитый *цукубай* – каменный сосуд с водой для омовения рук, установленный в «зеленом» саду Монастыря покоящегося дракона, который является продолжением сада камней.

Это – сосуд цилиндрической формы. С торца он напоминает по форме японскую монету с квадратным отверстием в центре (через это отверстие и черпают воду деревянными ковшиками с длинной тонкой ручкой). Вокруг квадратного отверстия (сверху, справа, снизу и слева) высечены знаки, которые могут входить в различные иероглифы в качестве составных элементов. Если квадратное отверстие представить в качестве элемента, присоединяемого к этим знакам соответственно снизу, слева, сверху и справа, то каждый «дополняется» до целого иероглифа. Будучи прочитаны в определенном порядке, иероглифы складываются во фразу *варэ тада тару-о сиру*, означающую

«у меня столько знаний, сколько мне необходимо» (Имеется ввиду дзэнское понимание должного и необходимого, как само собой происходящего в нужный момент.)

Действительно, вполне правомерно назвать один из приемов, лежащих в основе японской культуры «принципом монтажа» или «методом иероглифа». Однако это не означает, что особенности японской культуры и искусства порождены только иероглифической письменностью. (С. Эйзенштейн этого и не утверждает.) В этом случае не было бы различия между культурами народов, также пользующихся иероглифами¹⁶. Сложное пере-

¹⁵ Эйзенштейн утверждает, что этот «метод иероглифа» «в конденсированном и очищенном виде – отправная точка для интеллектуального кино. Кино, ищущего наибольшей лаконики зрительного изложения отвлеченных понятий». Этот же метод, считает С. Эйзенштейн, работает не только в литературе, но и в других наиболее совершенных образцах японского изобразительного искусства – театре, графике.

¹⁶ Рассуждая о «принципе монтажа», как об основном в японском искусстве, С. Эйзенштейн ссылается на японские трех- и пятистишия, которые называет «готовыми монтажными листами». Эти традиционные, специфически японские жанры могут служить подтверждением того, что определяющим фактором в формировании особенностей японского искусства было не иероглифическое письмо.

Действительно, можно брать наугад из стихотворных сборников японские пяти- и трехстишия, чтобы убедиться в справедливости выводов Эйзенштейна.

Вот к примеру:

Лист летит на лист,
Все осыпались, и дождь
Хлещет по дождю.

Като Гёдай (пер. В. Марковой)

плетение синтоистских верований с буддистским учением породили взгляд на мир и место человека в нем, на основе которого и сформировались специфические особенности японской культуры, одна из которых, перефразируя С. Эйзенштейна, заключается в умении выразить неизобразимое посредством конкретных предметов, будь то букет цветов, молоточек в руках куртизанки, сад или храм.

или

Я встретил гонца на пути.
Весенний ветер играя,
Раскрытым письмом шелестит
Такаи Кито (пер. В. Марковой)

или

Тебя проводил.
И вот ты уходишь все дальше.
Окутана пылью
В глубине городского квартала
Твоя маленькая фигурка
Маэда Югурэ (пер. А. Долина)

Все три стихотворения вполне кинематографичны. В них названы предметы, действующие лица, обозначена динамика, а в целом получается холодная поздняя осень, человек, читающий очень уж долгожданное письмо, и другой, испытывающий грусть при расставании.

Е. В. Южакова

Естественный колорит природной среды всегда оказывает большое влияние на складывающиеся в культуре традиции восприятия и передачи цвета. В русском языке слово «цвет» напрямую восходит к понятию «цветок» (вспомним хотя бы выражение «яблоневый цвет», означающее цветение яблоневых деревьев). И хотя в Японии слово «*иро*», имеющее аналогичный смысл, обладает иной этимологией, тем не менее, цветы как одна из колористических доминант мира природы отмечены в японской традиции, пожалуй, даже отчетливее, нежели в какой-либо другой культуре. В эстетической триаде «*сэццугэка*» объединены три вещи, достойные любования: снег, Луна и цветы. Отличительной чертой каждого сезона является определенный преобладающий тон, создаваемый массовым цветением растений. В течение года приходит время наслаждаться цветением сливы (*умэ*), персика (*момо*), сакуры, пионов (*ботан*), азалий (*цуцудзи*), ирисов (*сёбу*), гортензий (*адзисаи*), глициний (*фудзи*), а завершается годовой цикл цветения пышным осенним парадом хризантем (*кику*).

Мое пребывание в Японии совпало с порой расцвета местных гортензий. Латинское название этих растений весьма красноречиво – «*Hydrangea macrophylla*», или «гортензия влаголюбивая». Она распространена на Хонсю и довольно часто встречается в парках, на улицах и возле домов. Невозможно остаться равнодушным при виде высоких, почти в человеческий рост, раскидистых кустов, буквально усыпанных крупными шарами-соцветиями светло-голубого оттенка. Сочетание зеленого и голубого почти в равных долях само по себе зрелище необыкновенное, а воплощенное в столь роскошные формы, да еще под густой тенью высоких деревьев, – почти нереальное.

Как ни странно, именно *адзисаи* послужили поводом для размышлений о цвете в контексте данной культуры. Дело в том, что, несмотря на очевидную прелесть, эти растения всегда занимали довольно скромное место в ряду других, издавна почитавшихся предметов бычая *о-ханами* – «любования цветами». Традиция любования цветением *адзисаи* намного моложе, чем, скажем, той же сакурой. Этот цветок не заслужил к себе внимания, подобного тому, какое издавна уделялось в Японии другим его собратьям. В традиционном искусстве Японии образ гортензии встречается довольно

редко. Упоминания о цветке содержатся в поэзии эпохи Нара (710–794), и, пожалуй, на этом заканчивается время *адзисаи* в японской литературе.

После прихода к власти военного сословия и утверждения сёгуната гортензии попали в опалу, так сказать, по идеологическому принципу: их способность менять окраску претила блюстителям самурайского кодекса, провозглашавшего безграничную преданность сюзерену главной добродетелью. В результате гортензии в эпоху Токугава (1600–1867) не пользовались успехом у элиты.

Поэтому в XX в. японцы были весьма удивлены великолепными гибридными формами гортензий европейской селекции. Предварительно вывезенные из Японии в XVIII в. гортензии через Китай попали в Европу, а спустя два столетия «Золушка» вернулась на родину, преобразившись в прекрасную принцессу. Теперь *адзисаи* начинают привлекать к себе все новых почитателей. В настоящее время самая богатая коллекция гортензий на японских островах находится в г. Симода (преф. Сидзуока). Здесь, в парке Сирояма даже проводится *адзисаи-мацури* – праздник, посвященный гортензии¹. Также широко известен сад буддистского храма Мимуродо в Киото, где среди десятка тысяч цветов тридцати разновидностей есть и роскошные гортензии². Однако по популярности эти места не сравнимы со знаменитыми ирисовыми садами Японии. Возможно, одной из причин такого отношения к гортензии является «обыденность» этого цветка? Действительно, *адзисаи* нельзя назвать диковинкой, ведь ее можно увидеть повсюду. Есть свидетельства того, что синие гортензии вместе с белыми лилиями в изобилии росли возле крестьянских домов, и потому *адзисаи* считалась цветком простолюдинов³. Период цветения гортензии – примерно два месяца – вполне достаточный для того, чтобы привыкнуть даже к самому чудесному зрелищу. К тому же это растение ассоциируется в сознании японцев с не самым приятным временем года – *байю*, или сезоном дождей, когда в воздухе постоянно висит теплая изморось, небо затянуто тучами, и некуда деться от всепроникающей сырости. Однако цветущие в это же время ирисы, тем не менее, повсеместно любимы. Тому есть несколько объяснений, которые могут увести далеко от интересующей нас темы. Вы скажу свое предположение.

Соцветия гортензии могут быть разнообразной окраски, включающей широкую гамму оттенков. Но самыми типичными в Японии являются все-таки голубые *адзисаи*. Собственно говоря, это современный вариант произнесения древнего «*адзу са аи*», что можно перевести как «собрание синих красок». Такой цвет всегда очень ценился в Европе. Спасителя часто

¹ Молодякова Э. В., Маркарян С. Б. Мацури. Традиционные праздники Японии. М., 2004, с. 109.

² Япония сегодня. 2004, № 7, с. 3.

³ Бубнова В. О японском искусстве. – Знакомьтесь – Япония. 1997, №16, с. 28.

изображали в сверкающем синем одеянии. Всем нам хорошо известны и выражение «голубая мечта», как что-то самое заветное и дорогое, и вздохи поэтов-романтиков по поводу небесных глаз юных дев, и трогательные незабудки, тихо лепечущие: «помни меня». В традиции Дальнего Востока голубой цвет лишен подобного романтического флера. С точки зрения древних и средневековых китайцев – это наименее привлекательный цвет. Голубые глаза, цветы, полосы и ленты считались просто отвратительными. Поскольку многое в культуре Японии имеет отчетливо выраженные китайские корни, возможно, негативное отношение к голубому цвету возникло

у японцев не без влияния китайцев. В традиционной японской драме синий цвет часто является атрибутом отрицательных персонажей, присутствуя в костюме или гриме. Этот цвет характерен для изображений призраков в японской графике, так как *аои*, кроме прочего, означает мертвенную бледность. Ярким примером может служить серия гравюр «Жизнеописания преданных и верных вассалов» («Сэйтю гисидэн») известного японского мастера Куниёси Итиюсай, созданная в 40-х годах XIX в. Она является иллюстрированной версией истории о сорока семи вассалах, отомстивших за смерть своего господина. На листе, посвященном Цунэё Хаяно, изображение фактически монохромно – черно-белый рисунок дополнен лишь синим тоном, которым «тронуто» и лицо, и руки героя. Дело в том, что до описываемых событий Цунэё не дожил, а в акции возмездия участвовал его мстительный призрак. Мистический, потусторонний характер этого цвета до сих пор дает о себе знать, скажем, в японской литературе. Так, сборник рассказов о чудесах и привидениях, недавно вышедший на русском языке, носит название «Аокумо», т. е. «Голубой паук».

Но не все так однозначно, например, в «Кодзики» («Записи о деяниях древности»), в эпизоде, повествующем о сокрытии богини *Аматэрасу* в Небесном гроте, упомянуты лоскуты белой и голубой ткани, которыми украсили нижние ветви священных деревьев с горы Кагуяма. Отсюда следует, что голубой цвет наряду с белым ценился настолько высоко, что считался достойным внимания самого высокого божества. Ярочно-синий цвет фигурирует и в легенде о принцессе Садзарэиси, удостоившейся за свое благочестие великой милости – быть перенесенной еще при жизни в край Чистой, лазоревой земли Будды Якуси.

Невольно возникает вопрос: может ли во всех приведенных случаях идти речь об одном и том же цвете? И вопрос этот не покажется незначительным, если принять во внимание известное нам теперь расхождение европейского и японского взглядов на небесную лазурь. Внести ясность могло бы обращение к первоисточникам, но это не всегда возможно. Поэтому приходится доверяться переводчикам, а хорошо было бы все же проверить!

Вообще, трактовка Дальневосточными культурами зелено-голубой части светового спектра весьма отлична от европейской. Это отличие отмечается всеми исследователями, соприкасающимися с данной темой, во-

вторых, и вызывает даже некоторый соблазн сделать далеко идущие выводы о разнице в зрительном восприятии цвета.

Общезвестно, что для обозначения как синего, так и зеленого цвета в китайском языке, а затем и в японском, применяется одно и то же слово, как будто переход от одного оттенка к другому не различим для глаз. Тем более трудно представить себе подобную нерасчлененность в восприятии двух самостоятельных цветов, бывших в течение долгого времени знаками двух конфессий, так как синий цвет олицетворял христианство, а зеленый – ислам, в пору их наиболее острого исторического конфликта.

В японском языке прилагательное *аои* может определять и голубизну неба, и зелень лесов (например, название префектуры *Аомори* переводится как «Зеленый лес», но довольно точно передает и общий местный колорит, складывающийся из синевы озер и морских вод, а также зеленого ковра обильной растительности, покрывающего холмистый рельеф).

Для того чтобы понять подобный, недифференцированный подход к обозначению явно различных оттенков цвета, необходимо учитывать тот факт, что в человеческом сознании цвет так же, как и звук, представляет собой не природную данность, а продукт культурного развития. В частности, цвет становится компонентом теоретико-философской метафористики, символизируя одно из первоначал мироздания, его базовых элементов. В древнекитайской космологии таких элементов пять: земля (ей соответствуют желтый цвет и Центр), дерево (зеленый или синий – Восток), огонь (красный – Юг), металл (белый – Запад), вода (черный – Север). Все указанные цвета можно считать основными для данной культуры. Для них существуют самостоятельные определения, или не связанные напрямую с объектами внешнего мира, или успевшие утратить эту связь за давностью времени (так, никто уже и не вспоминает, что слово «синий» происходит от древнеславянского «синь», что значит «сияющий», «блистающий»). В японских названиях пяти цветов-символов также нет явных аналогий с природными феноменами: *сирой*, *куррой*, *аой*, *акай*, *кирой* – белый, черный, синий, красный, желтый.

В японской культуре указанные пять основных цветов обогатились, так сказать, локальными колористическими и смысловыми нюансами, но не потеряли и своего знакового значения, поэтому времена года «окрашиваются» не в соответствии со зрительной ассоциацией (осень – по цвету увядающей листвы; зима – по цвету снежного покрова), а согласно представлениям о направлении, с которого приходит тот или иной сезон (осень с Запада, поэтому ее представляет белый цвет, а зима с Севера, поэтому обозначается черным цветом).

Очевидно сходная ситуация наблюдается и в случае с сине-зеленым симбиозом. Первоначально в китайском языке не было специального термина для обозначения собственно синего цвета. Существовавшее слово «*чинь*» применялось в случаях, когда было необходимо указать на целую

гамму оттенков, начиная с серого, через синий и далее к зеленому, Этот набор колористических нюансов уподобляли пути ученого, который прилежно изучает манускрипты и днем, и при свете лампы⁴.

Повсеместно любимый в странах Юго-Восточной Азии камень нефрит, вероятно, можно считать одним из самых ярких проявлений чрезвычайно трудно поддающихся словесному описанию переходов серого в зелень с просинью цвета. Помню, когда я увидела Дайбуцу (самую большую в Японии бронзовую статую сидящего Будды высотой 21,5 м), мне показалось, что эта гигантская скульптура вырезана из цельной нефритовой глыбы. Такой эффект производил цвет состарившейся бронзы, смягченный белым маревом знойного воздуха, поднимающегося от площадки у основания статуи, устланной мелкой светлой галькой. Кстати, японское название бронзы – *сэйдо*, что значит «зеленая медь», а может быть, и синяя, ведь первый иероглиф в этом слове как раз и есть тот самый загадочный *аои*, только в сочетаниях он читается как *сэй*. Храм, на территории которого находится Сёва Дайбуцу носит название «Сэйрюдзи» – «Храм зелёного (синего?) дракона».

Возвращаясь к проблеме голубого цвета в контексте японской культуры, хочется остановиться еще на одном моменте. Похоже, что созерцание чистого купола небес японцам совсем не свойственно. Однажды, заметив мой восхищенный взгляд, устремленный ввысь, мои знакомые поинтересовались: «Что Вы там видите? Там же ничего нет» Так уж сложилось, что сияние небесной лазури является для нас воплощением духовности. Для японцев небо представляет интерес не само по себе, а в качестве места действия какого-либо захватывающего представления. Таковым может быть величественное шествие по своему пути ночного светила (это зрелище имеет богатые традиции и собственное наименование «*о-цукими*») или появление облаков, форма и вид которых многое означали для древних японцев. Не ограничивая себя наблюдением за объектами исключительно природного происхождения, жители Японского архипелага привнесли в список «высоких» действий феерии *ханаби* – шедевры пиротехнического искусства и красочные кавалькады воздушных змеев, а то и их баталии. Таким образом, небо в Японии – лишь сценическая площадка, но ни в коей мере не персонаж вечной мистерии. Не лишним будет заметить в этой связи, что в Древнем Китае, в отличие от Античной Греции, воздушная стихия вообще не фигурирует в построении вещного и духовного мира. А ведь именно воздух по традиции соотносится со светло-голубым цветом.

Любопытно, что до поездки в Японию я долгое время всерьез полагала, что небо в этой стране должно быть окрашено иначе, чем у нас. Такое мнение возникло у меня под впечатлением от японской пейзажной гравюры, а также от просмотра некоторых фильмов о Японии. Трудно сказать, насколько нелюбовь к голубому цвету повлияла на колористические решения японс-

⁴ Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М., 1996, с.243.

ких художников, но небо в их произведениях варьирует от бирюзового до серо-зеленого тона. В традиционной японской палитре имеется цвет, который так и называется «небесный», или, по-японски *sora-iro*. Но дело в том, что с точки зрения его цифрового кода (т. е. процентного соотношения составляющих его основных тонов: красного, зеленого и синего) он явно не соответствует представлению европейца о голубом цвете. В соответствии с японским промышленным стандартом цифровая модель, составленная в указанной последовательности основных тонов, выглядит следующим образом: 153–255–242. Не нужно быть специалистом, чтобы убедиться в преобладании зеленого тона. Разумеется, синий цвет без примесей в изображении горных высей используется тоже, но, как правило, в темном и густом индиго.

Вопрос о цветовых предпочтениях очень интересен. Даже в рамках одной культуры они могут изменяться и отражать особенности исторических эпох, начиная от природных ресурсов и технологий, которые применялись для производства красителей и окрашивания ими различных материалов, включая тему культурного обмена и заканчивая мировоззренческими константами, под знаком которых проходило развитие той или иной эпохи. Освещение каждого из этих аспектов потребует написания самостоятельного исследования. Но в рамках данной статьи мы ограничимся лишь некоторыми общими моментами.

Из наследия классической японской литературы можно вынести представление о степени распространенности конкретного цвета в одежде представителей различных слоев общества. Уже в «Кодзики», в эпизоде расставания бога Оо-кунинуси с его возлюбленной читаем:

«И вот, взявшись рукой за седло своего коня, ногу занеся в стремя, песню такую сложил:

Облачен я весь
В одежды черного цвета,
Черные, что ягоды тута.
Словно морская птица,
Глядя себе на грудь,
Ими, как крыльями, хлопаю –
Не годны они»⁵.

Так, видимо, желая отсрочить разлуку, были признаны «не годными» для путешествия и одежды «синие, что зимородок». Только на третий раз в одеждах «цвета марены, что на горах взросла» (т. е. в красных с фиолетовым оттенком) готов он был проститься с любимой. Этот выбор весьма показателен, так как демонстрирует устойчивую тенденцию, раскрывшуюся в полной мере в эпоху Хэйан (794–1185).

В творчестве знаменитых писательниц того времени Сэй Сёнагон и Мурасаки Сикибу, которые служили при императорском дворе можно найти

⁵ Кодзики. Золотая книга мифов, легенд и сказок Японии, М., 1996, с. 22.

многочисленные детальные описания придворных одеяний. Тогда цвету одежды придавалось очень большое значение, ведь по нему легко можно было узнать какую должность занимает носящий их человек, а следовательно, каково его положение в обществе. Знать об этом было просто необходимо, учитывая заимствованные из Китая четкую систему рангов и требовавшую неукоснительного соблюдения соответствующую куртуазную церемонность поведения.

Сэй Сёнагон в своих «Записках у изголовья», которые представляют собой собрание заметок и наблюдений из жизни двора, пишет в параграфе озаглавленном «О том, что великолепно»:

«*Куродо* шестого ранга.

Несмотря на свой невысокий чин, он великолепен! Подумать только, *куродо* вправе носить светло-зеленую парчу, затканную узорами, что не допускается даже отпрыскам самых знатных семей!»⁶

По мнению писательницы, также великолепно «светло-пурпурные ткани цвета виноградной грозди». «Все пурпурное великолепно, будь то цветы, нити шелка или бумага»⁷. Среди японских аристократов того времени оттенки лилового и пурпурного цветов были в особом почете. Это было связано с тем, что пурпур всегда являлся знаком роскоши и богатства. Но японцам во все времена была присуща тонкая наблюдательность, внимательное отношение к миру окружающих вещей. Поэтому в записках говорится еще и о том, что «блестящий глянец темно-пурпурных шелков» ночью кажется прекраснее, чем днем, что *куродо* шестого ранга «потому так великолепно выглядят во время ночного дежурства во дворце, что на них пурпурные шаровары». Действительно, в темное время суток или в сумерках все оттенки, включающие в себя часть синего спектра, становятся заметно ярче остальных. Как видим, пурпур не просто демонстрировали с целью шегольства, в него любовно всматривались, изучали его «характер» (по крайней мере, некоторые представители элиты с особо развитым эстетическим чувством).

В церемонии обмена письмами также существовали определенные правила, связанные с цветовым и, как бы мы сейчас выразились, флористическим оформлением послания. Письма было принято писать на бумаге, оттенок и фактура которого приличествовали случаю. Их обычно скатывали в трубку и привязывали к ветке цветущего дерева или стеблю цветка и в таком виде отправляли адресату с посыльным. В параграфе, озаглавленном «То, что пленяет утонченной прелестью», есть следующие пункты: «...Письмо на тонкой-тонкой бумаге зеленого цвета, привязанное к ветке

⁶ Сэй Сёнагон. Записки у изголовья. – Японские дзуйхицу, СПб, 1998, с. 139.

⁷ Там же, с. 141.

весенней ивы. <...> Письмо, завернутое в лиловую бумагу, привязано к ветке глицинии, с которой свисают длинные гроздья цветов»⁸.

Примечательно, что названные цвета не относятся к основным: пурпурный получается из соединения синего и красного; светло-зеленый – из синего и желтого в различных пропорциях. Очевидно, что основные цвета в силу их глубокой символической наполненности казались не слишком уместными в одежде или быту. В начале эпохи Хэйан существовал специальный свод правил известный как кодекс *Ифукурё*, в соответствии с которым одевались герои Гэндзи моногатари Мурасаки Сикибу. Среди многообразия цветковых сочетаний в нарядах придворных дам, голубой цвет в них не присутствует. Что же касается мужского костюма, то окрашивание повседневной одежды сановников высшего ранга *носи* проходило в два этапа: сначала ткань красили в синий цвет, а затем по синему – в красный. «Чем старше становился человек и чем более высокое положение он занимал, тем меньше для его одевания использовалось красной краски, и платье приобретало сначала синий, потом все более бледный оттенок, а к старости превращалось в белое»⁹. Синие и голубые тона свидетельствовали как о почете, так и о преклонных годах, поэтому они менее всего подходили молодым красавицам. В их нарядах, уподоблявшихся цветам, был только один цвет, называемый «молодые побеги» (*моэги-сасанэ*), – светло-зеленый на синей подкладке. Впрочем, подкладка в этом случае могла быть и темно-зеленой.

В данном случае очевидна многозначность цвета *аои*, так как в японском языке иероглифический знак его обозначающий встречается в слове *сэйсюн* («юность»). Это слово одновременно является и образным сравнением, поскольку на письме обозначается двумя иероглифами: *сэй* = *аои* и *сюн* = *хару* («весна»). Таким образом, смысл данного выражения можно сформулировать вполне понятной для нас формулой: «молодо– зелено». В Японии иероглиф, обозначающий *аои*, пишется также тогда, когда речь идет о зеленых плодах, еще не достигших зрелости.

По-видимому, именно этому обстоятельству обязан своей исключительной популярностью среди гейш, проживавших в столичном квартале Симбаси, цвет *симбаси-уро* – нежно-зеленый с голубым оттенком, от которого так и веет свежестью и очарованием молодости. Заметим, что из всех традиционных японских цветов, более или менее приближенных к голубому, этот цвет наиболее близок зеленому.

Следующим за ним по направлению к синему участку спектра идет уже знакомый нам цвет японского неба – *сора-уро*. О нем довольно часто упоминается в произведениях японской литературы. В «Повести о Гэндзи»

⁸ Там же, с. 141–142.

⁹ Молодякова Э. В., Маркарян С. Б. Мацури. Традиционные праздники Японии. М., 2004, с. 106.

Мурасаки Сикибу пишет о женщине взмахнувшей «рукавом небесно-голубого цвета», а знаменитый писатель начала XX в. – Танидзаки Дзюньитиро в своем романе «Тайна» укутывает героиню в небесно-голубое манто.

Наверно, самым близким к традиционно голубому цвету у японцев является цвет, название которого необычно – *цуюгуса-иро* (росная трава). Это не красивая метафора, а название растения, из которого добывали естественный краситель, отличавшийся яркостью и живостью цвета. Однако был и неприятный момент – окрашенная красителем одежда очень быстро выцветала. В старину это растение называлось по-другому – «лунная трава». Сэй Сёнагон в «Записках у изголовья» замечает: «Лунная трава легко блекнет, это досадно»¹⁰.

Но гораздо раньше, еще в VIII веке, в поэтической антологии «Манъё-сю» («Собрание myriad листьев») встречается такое стихотворение:

«Лунною травой цукигуса
Это платье крашу нынче я
И мечтаю для тебя, любимый мой,
Я окрасить платье в яркие цвета» (дан 1255)

Этот замечательный оттенок вписан теперь и в достижения генной инженерии. Недавно в прессе появилось сообщение о том, что специалистам компании «Сантори», крупнейшего японского производителя спиртных напитков, удалось после 15 лет кропотливого труда создать сорт роз голубого цвета (в то время как в природе подобной окраски у этих растений быть не может из-за отсутствия необходимого пигмента). Ключевой ген был «позаимствован» у петунии. Лепестки розы нового сорта уподобляют лунному свету¹¹.

Отголоски средневековой символики цвета до сих пор сохранились в художественной системе традиционной японской драмы. В театре Ноо цвет костюма выполняет репрезентирующую роль: он представляет характер персонажа, его социальный статус и драматургическую функцию в спектакле. Двойственное отношение к светло-голубому цвету проявляется и здесь. Он может указывать как на высокое положение в обществе, так и на подчиненную, вспомогательную роль персонажа. В иерархии цветов светло-голубой уступает по благородству лишь белому, если в него окрашена такая неперемнная часть костюма, как V-образный воротничок *эри*. Этот знак отличает аристократов. Вместе с тем, светло-голубое нижнее кимоно носят во время представления актеры, исполняющие роль *ваки* – второго по значению сценического амплуа. Само название *ваки* переводится как «боковой» «не главный». Светло-голубой цвет символизирует спокойный,

¹⁰ Отоги-дзоси. – Волшебная Япония. СПб, 2001, с.109.

¹¹ Япония сегодня. 2004, № 7, с.3.

уравновешенный характер, и это понятно, ведь в большинстве случаев персонаж *ваки* – странствующий монах. Духи воинов, гневных богов и демонов часто отмечены присутствием в их одежде синего цвета¹².

Показателем культурных традиций осознания и использования того или иного цвета, по нашему мнению, можно считать наличие развитой шкалы его оттенков и иноязычных заимствований для обозначения. Так, например, в японском языке есть целый ряд цветов, которые предпочитают называть словами, пришедшими из английского. К ним относятся: оранжевый, розовый (такой, каким обычно красят детские игрушки), и, конечно же, голубой. Его именуют *брюу*, произносимое на японский лад английское *blue*. Таким образом, избегается употребление слова *аои*, с его многозначностью и, напротив, подчеркивается совершенно определенный светящийся светло-голубой цвет, как в популярной в 60-х годах прошлого века эстрадной песне, где поется о голубых огнях города Иокогама. В тексте есть такие слова: «*брюу райто Ёкохама*» («голубые огни Иокогама»). В данном случае заимствованный характер цвета передается через атрибутируемый им продукт западной цивилизации – ночную иллюминацию большого города.

Подобным же образом трактуется голубой цвет и в романе «Портрет женщины с жемчугами» Кикиути Кан (1881–1948). В описании интерьера подчеркивается европейский стиль убранства комнаты и непривычное чувство человека, выросшего в обстановке традиционного японского дома и случайно оказавшегося здесь: «Гостиная, очень просторная, выходила окнами в сад и была залита солнцем. На полу ковер с вытканными по зеленому полю цветами, стол красного дерева, диван и несколько кресел, обитых голубой тканью. Шторы тоже голубые. В сочетании с ослепительно-белыми стенами это производило впечатление приятной свежести»¹³.

Если говорить о градации нюансов в границах одного цвета, то в японской культуре наиболее замечательны в этом плане красный и фиолетовый. Причиной тому – сама природа японских островов, щедро расточающая по весне алый цвет сливовых деревьев, затем укутывающая ветви персика нежными цветами теплого розового оттенка. Вслед за тем расцветает сакура, утопая в облаках необыкновенно свежих и утонченных по колориту цветов. Все оттенки красного с переходом в пурпур являет роскошная азалия. Позже взор купается в обильном разливе фиолетового: от сиреневого до темно-лилового. Голубой цвет на таком фоне явно проигрывает: он не переливается множеством оттенков как фиолетовый, не блещет священной чистотой как белый, не волнует воспоминанием о бурном весеннем цветении природы и человеческих чувств. От названий японских растений происходят названия многих цветов, совпадающих с окраской их лепестков:

¹² Анарина Н. Г. Японский театр Ноо. М., 1984, с. 120–121.

¹³ Кикиути Кан. Портрет дамы с жемчугами. – Японский психологический роман. СПб., 2003, с. 402.

кобай-иро (цвет лепестков сливового дерева), *момо-иро*, *сакура-иро*, *фудзи-иро*. «Цвет гортензии», или *адзисай-иро*, также встречается, но обозначает он «цвет-призрак», который не имеет четких характеристик, т. е. так же, как загадочный *аои*. Памятуя об особенностях развития соцветий гортензий легко убедиться в том, что ни одно другое растение не соответствует такому определению в большей степени. Едва распустившиеся гортензии сначала светло-зеленого цвета, затем они постепенно и неуловимо приобретают голубой, или светло-синий цвет. Сталкиваясь с подобными феноменами, приходится только удивляться стойкости представлений, формировавшихся веками, если не тысячелетиями, способности культуры сохранять свой «генетический код» и продолжать развиваться в соответствии с ним, несмотря на, казалось бы, необратимый процесс модернизации и глобальную интеграцию культур.

В феврале 2005 г. в университете Васэда на заседании научного общества «Деятельность русских в Японии», занимающегося изучением восточной ветви русского зарубежья, прозвучали пять японских пятистиший, переложенных на музыку Ипполитова-Иванова. Под аккомпанемент фортепиано их исполнила на русском языке очаровательная Сато Сидзуэ, которая была секретарем и помощницей выдающегося японского композитора-классика Дан Икума (1924–2001) в последние годы его жизни. Это было первое в Японии исполнение всех пяти вокальных произведений русского композитора.

А предыстория этого события такова. Сато-сан брала уроки пения у давнего друга Дан-сэнсэя профессора Исикума Тэруаки в музыкально-драматической академии Тохо, давшей миру знаменитого дирижера Одзава Сэйдзи. Однажды, готовя репертуар вокального камерного концерта, профессор и его ученица решили включить в него и несколько русских произведений в память так и оставшегося неосуществленным желанием маэстро Дан Икума познакомить японскую публику с малоизвестной или никогда не исполнявшейся в Японии музыкой русских композиторов. В библиотеке академии среди русских произведений они обнаружили ноты до того им совершенно незнакомого (профессор Исикума Тэруаки – специалист по австро-немецкой музыкальной культуре) Ипполитова-Иванова. С помощью коллег, владеющих русским языком, они узнали из заголовка на титульном листе, что это «Пять японских стихотворений», а также им удалось прочитать текст под нотами, в котором повторялись слова «бухта Акаси». Сато-сан, обратившись к японской музыкальной энциклопедии, смогла уточнить, что у Ипполитова-Иванова, действительно, есть пять вокальных произведений, написанных на слова песен из «Кокинсю», переведенных А. Глускиной¹. После поисков в Интернете Сато-сан стало ясно, что у нее в руках оказались ноты только одной песни, и к тому же единственной в Японии. Мне удалось найти для госпожи Сато Сидзуэ, с которой меня связывала многолетняя дружба, остальные четыре песни в Москве, в библиотеке Союза композиторов.

Позволю себе небольшое отступление, чтобы напомнить уважаемым читателям о Михаиле Михайловиче Ипполитове-Иванове, русском компози-

¹ См.: Японская литература в образцах и очерках. Ленинград, 1927.

торе, дирижере, педагоге и музыковед, друге Римского-Корсакова, Чайковского, Рахманинова – композиторов, которые высоко ценили его творчество. (Сохранилась переписка с ними и другими музыкантами, насчитывающая около 200 писем.) Он родился 7 ноября 1859 г. в Гатчине, небольшом городке вблизи Петербурга (скончался в Москве зимой 1935 г. и похоронен на Новодевичьем кладбище). Его систематические занятия музыкой начались в музыкальных классах при капелле Исаакиевского собора. Высшее музыкальное образование Ипполитов-Иванов завершил в Петербургской консерватории в 1882 г. по классу теории композиции Н. А. Римского-Корсакова. От своего великого учителя он унаследовал ясность, определенность музыкального мышления, склонность к опере и оркестровой музыке, интерес к народному творчеству. Сразу после окончания Петербургской консерватории, Ипполитов-Иванов возглавил музыкальное училище в Тифлисе и увлеченно работал в области музыкального просвещения Грузии. В 1893 г. Михаил Михайлович переезжает в Москву и становится профессором Московской консерватории. Там же начинает свою педагогическую деятельность и его жена, Варвара Зарудная, которую П. И. Чайковский высоко ценил как оперную певицу. В 1905 г. Ипполитов-Иванов был избран директором Московской консерватории и возглавлял ее в течение почти 20 лет, до 1922 г. Окончив ректорство в Московской консерватории, Михаил Михайлович уехал в Тбилиси. За годы, проведенные там, он сочинил «Японские стихотворения», «Кавказские эскизы», «Четыре романса» на слова Владимира Соловьева и Тургенева. Из Грузии композитор вернулся в Москву в 1925 г.

В своей книге «50 лет русской музыки в моих воспоминаниях», вышедшей в Москве в 1934 г., Ипполитов-Иванов пишет: «За это время я успел написать серию романсов на слова старинных поэтов в переводе Глускиной, посвященных талантливой артистке Елене Васильевне Баронкиной, и четыре романса на стихотворения В. С. Соловьева, сохранившиеся у меня еще от времени пребывания у Толстых (имеется в виду поэт Алексей Константинович Толстой, в имении которого часто гостил композитор в летнее время в 70-х годах XIX в. – Э. С.) в Красном Роге Черниговской губернии и дорогих мне по воспоминаниям. Романсы эти написаны для голоса в сопровождении фортепиано, скрипки и виолончели, как опыт вокально-инструментального ансамбля, и могут пополнить до некоторой степени бедный в этой области репертуар камерных концертов» (с.151). Пять японских стихотворений для голоса с фортепиано на тексты японских поэтов в переводе А. Глускиной были изданы в 1923 г. в Москве в издательстве «Музсектор»: «Аллеи все осыпаны листвою»; «Ах, в этом мире страдать я устал»; «О, запах померанцев»; «В тумане утреннем»; «Все склоны там, у горочки» (Автограф в Государственной публичной библиотеке Санкт-Петербурга, ф. 320, № 280). Повторные издания вышли в Москве в 1934 и

1936 гг. в том же издательстве. В 1935 г. это же издательство выпустило «Четыре романса» для голоса, скрипки и виолончели, на слова В. Соловьева и И. Тургенева: «Мне не забыть твоей улыбки»; «Бретонская колыбельная песня»; «Как ночь тиха»; «В алом блеске зари» (Автограф в Государственной публичной библиотеке Санкт-Петербурга, ф. 320, № 296).

Стоит упомянуть и о Красном Роге, имении Толстых, находившемся в центре Брянских лесов, между Брянском и Почепом. В той же книге Ипполитов-Иванов писал: «Окрестности Красного Рога очаровательны. Вековой лес, чудная река Рог и разнообразная холмистая местность представляли большой соблазн для прогулок. Главным организатором таковых был А. А. Фет; в особенности он любил прогулки на лодке, в которой набиралось народу невероятное количество, и А. А. с комической серьезностью просил В. С. Соловьева не кашлять и в особенности не чихать, что он делал особенно громко, и тем самым не потопить всех. От этих замечаний В. Соловьев начинал так хохотать, что лодка, довольно ветхая, действительно, грозила погрузиться на дно. Вообще, В. Соловьев, несмотря на свой мрачный вид, был неудержимым весельчаком и часто говорил, что он будет или монахом, или гусаром, так как среднего уравновешенного человека он не признает. Его настроение менялось ежеминутно: то он мрачен, как туча, по случаю мигрени у С. П. Хитрово, в которую в то лето был влюблен, то танцевал какой-нибудь совершенно дикий танец по случаю ее выздоровления. У меня сохранилось несколько его стихотворений того времени, посвященных С. П. Хитрово. Детям С. П. Хитрово я давал уроки музыки» (с.24).

Софья Петровна Хитрово, племянница Софьи Андреевны Толстой, жены поэта, была замужем за Михаилом Александровичем Хитрово, дипломатом и поэтом, служившим посланником в Японии в 1894–1896 гг.

Владимир Соловьев, действительно, одно время серьезно задумывался стать монахом, подтверждение чему находим в дневнике (запись 3 апреля 1880 г.) основателя Японской православной церкви Архиепископа Николая (Касаткина). Приехавший в Москву собирать пожертвования на строительство Воскресенского собора в Токио, он писал о своем знакомстве с ним: «Вернувшись, застал у Преосвященного Алексея (епископа Можайского. – Э. С.) философа Владимира Сергеевича Соловьева и профессора Павлова. Первый спустился со мною ко мне, чтобы интимно поговорить, и удивил меня, сказав, что хочет постричься в монахи, и на первые годы просится пожить в Миссии – будет полезен в это время преподаванием в Семинарии. Я прямо стал отсоветывать ему монашество – на том основании, что и для Церкви полезней, если он, стоя вне духовенства, будет писать в пользу Церкви. Побуждением к монашеству он выставляет “слабость характера своего” – тем более ему нельзя быть монахом. Вообще, эта личность – весьма

яркая и поражающая; смотрит истинным философом, довольно мрачным; ему всего двадцать семь лет»².

Япония, семейство Хитрово – посланника в Японии; Владимир Соловьев, желавший преподавать в Японии, А. Е. Глускина, в 1928 г. стажировавшаяся в Японии, – люди, так или иначе соприкасавшиеся с Ипполитовым-Ивановым. Не случайно ли все это привело к тому, что композитор выбрал японские стихотворения для своей музыки?

Привлекшие внимание композитора японские стихотворения в переводе Глускиной нуждались в некоторой переработке, чтобы их можно было переложить на музыку. Ниже, слева приводятся слова романсов, а справа – тексты перевода. Как видно, они несколько отличаются: чтобы слова стихотворений соответствовали музыке, надо было без ущерба для их смысла строки сделать длиннее, изменить их ритм и место ударных слогов, т. е. отразить слово в звуке. Это согласуется с традициями работы с поэтическими текстами, заложенными великими русскими композиторами-реалистами XIX в. – А. С. Даргомыжским и М. П. Мусоргским.

Слова романса

1. Аллеи все осыпаны листвою,
И в алый цвет окрашен листьев ряд...
То осень к нам стучится...
То осень к нам пришла,
Своею непогодой разгонит всех друзей,
На светлый огонек никто к нам не придет,
Кто дорог нам и мил.

Переводы А. Е. Глускиной из «Кокинсю»

Аллеи все усыпаны листвою,
Окрашенною в ярко-алый цвет:
То осень...
Не сомнут опавшую листву –
Никто теперь не навещает сад!

2. Ах, в этом мире страдать я устал,
Ах, в этом мире печали и слёз...
Я уйду в глубину дальних гор.
Пусть жизнь моя там исчезнет, как сон,
Как тает белый снег в солнца лучах,
На вершинах гор,
На листьях горного клена

² Праведное житие и апостольские труды Святителя Николая, архиепископа Японского, по его своеручным записям. Санкт-Петербург, ч. 1–2. 1996, с. 244.

В неверном мире я страдать устал.
В непрочном мире лишь печаль да стоны.
Уйду в теснины гор...
Пусть жизнь растает там,
Как тает снег на листьях горных кленов.

3. О, запах померанцев, так ждущих жадно мая,
Опять вдыхаю я всю прелесть их цветов...
И вот любовь мелькнула предо мной бывая,
И вновь явился ты в мечтах весны желанной,
Но ты не тот теперь, не тот, чем был когда-то...
Тебя не узнаю – ведь сердца твоего
Никто не знает, и не поймут его...
Но почему цветы по-прежнему благоухают,
И так они тебя всегда, всегда напоминают!
По-прежнему тебя напоминают!
- О, запах померанцев, ждущих мая!
Опять вдыхал я свежесть их цветов...
И вот,
Любовь мелькнула предо мной бывая,
И вновь почудился мне запах рукавов!
Ты стал другим, иль все такой же ты?
Ах, сердца твоего никто не знает!
Прошло немало дней,
Но вот зато цветы...
Совсем по-прежнему они благоухают
4. В тумане утреннем вся бухта Акаси,
Которой свет зари едва коснулся,
Не видно островов вдали...
И думы все мои,
И думы все мои о корабле,
О корабле, который счастье все унес,
Разбил мне сердце и не вернулся, не вернулся.
- В тумане утреннем вся бухта Акаси,
Которой свет зари едва-едва коснулся.
Не видно островов...
И думы все мои
О корабле, что не вернулся.
5. Все склоны там, у горочки, покрыты цветом вишни,
Блестят, горят на солнышке, как мотылёчка крылья,
Как мотылечка крылья...
И вот мне кажется, что белые цветы – не вишни лепестки,
А просто снег! Да, снег...
Да просто снег...
Да просто снег...
Да просто снег!
Все склоны дальней Ёсино-горы
Сверкают белизной раскрывшихся цветов.
И вот мне кажется,
Что белые цветы
Не вишни лепестки, а просто снег...

Как бы в продолжение диалога японской и русской культур можно вспомнить, что у Ипполитова-Иванова в 1931 г. произошла встреча с основоположником японской композиторской школы Ямада Косаку, приехавшим в СССР с концертами. В одном из интервью Ямада Косаку (или, как его прозвали журналисты, японский Глинка) признался, что для него было счастьем познакомиться с «дедушкой» – Ипполитовым-Ивановым, причем слово «дедушка» японский композитор произнес по-русски³.

Незабвенный Нодзаки Ёсио – знаменитый русист и знаток русского искусства, профессор университета Васэда, незадолго до своей кончины рассказывал мне о выступлениях известного японского композитора и дирижера, отметив, что они стали событием в советской культурной жизни летом 1931 г. Напомню, что Нодзаки-сэнсэй (1906–1995) в мае 1928 г. впервые приехал в Россию и прожил четыре с половиной года, до ноября 1932 г., в Москве и Ленинграде, изучая русский язык и сценическое искусство. Его жизнь сама по себе достойна пера настоящего писателя, и если бы написать книгу о нем и проиллюстрировать ее, то рядом с ним мы бы увидели А. Ваганову, Г. Уланову, В. Мейерхольда, Н. Конрада, А. Глускину, Д. Шостаковича и много других известных деятелей культуры. Нодзаки Ёсио во время выступлений Ямада Косаку в СССР был его переводчиком и менеджером по рекомендации певца Маки Хадзимэ, с которым он подружился еще во время своих занятий русским языком в Харбине. Маки тогда брал уроки вокала по совету своего японского преподавателя, считавшего, что в России хорошо ставят низкие голоса. Из Харбина молодой певец переехал в Париж и там тоже занимался с русским преподавателем. Маэстро Ямада, который приехал в СССР из Парижа, сама судьба послала знающего русский язык обладателя красивого баритона Маки Хадзимэ. Дело в том, что композитор привез в Ленинград специально написанный им вокальный цикл – «Песни русских кукол» – на слова своего творческого друга и ровесника, одного из крупнейших японских поэтов первых десятилетий XX в. Китахара Хакую (1885–1942).

Любопытна история создания этого вокального цикла. У Китахара Хакую был приятель, чей родственник, художник, еще до революции поехал в Россию изучать искусство русских крестьян. Среди подарков, привезенных им из России в Японию, было много красочных кукол. Он рассказывал их истории, смешивая японские и русские слова. Это так понравилось поэту, что он тут же написал стихи, вставив в них услышанные им русские слова, а позже Ямада Косаку переложил их на музыку. Маки Хадзимэ стал первым исполнителем этих вокальных произведений.

Представляют интерес воспоминания самого Ямада Косаку о встречах в Ленинграде с замечательными музыкантами. Он даже нарисовал план раз-

³ Без И. Ниппонский Глинка: в гостях у композитора Ямада Косаку. – Русское слово. Токио, 23.06.1939. – Архив Института Ямада Косаку.

мещения участников одного из ужинов. Среди них – молодой, но уже ставший известным Д. Шостакович, А. Гаук – дирижер Ленинградской филармонии, И. Соллертинский – музыковед, театровед, лингвист, близкий друг Нодзаки Ёсио, о котором сэнсэй со светлой завистью говорил, что он был настоящий гений, так как знал двадцать языков. Ямада Косаку вспоминал: «В течение моего десятидневного пребывания в Ленинграде, каждый день, меня повсюду сопровождал Гаук, в то время главный дирижер Ленинградской филармонии. Прекрасный вид широко несущей свои воды Невы; глубоко тронувший мое сердце закат солнца, последними своими лучами осветившего Петропавловскую крепость, где, говорят, томилось много политических заключенных, – ничто так не было приятным мне, как установившиеся узы тесной дружбы с первоклассными ленинградскими музыкантами и, в первую очередь, с Шостаковичем и Гауком. В моих ушах все еще звучит необыкновенное красноречие сыпавшего слова, словно из скорострельной пушки, молодого музыкального критика Соллертинского, без усталости расхваливавшего Шостаковича, которому тогда исполнилось только 25 лет»⁴. О своих музыкальных впечатлениях в России японский композитор писал: «Прошло пятнадцать лет после революции, жизнь кардинально изменилась, требуются новые формы в искусстве. В консерваториях, которые я посещал в разных городах, созданы рабфаки, где учатся музыкально одаренные рабочие. Но, исходя из опыта двух поездок в СССР, можно без колебаний сказать, что столь желаемая пролетариатом пролетарская музыка пока искусством не стала. Однако у композитора Шостаковича, которому в этом году исполняется 25 лет и которого в нынешнем СССР считают гением, черты такой пролетарской музыки проявляются в балете «Болт» и в других его произведениях. В них ощущаются новые тенденции, которые можно рассматривать как проявление оптимистической души, ярко утверждающей жизнь, в отличие от пессимизма, отрицающего современный мир, что было свойственно искусству прошлого»⁵. «Сейчас в России самый большой композитор, стоящий на первом месте, – это, конечно, Глазунов. Из молодых сильных композиторов все назовут имя Стравинского, следом идет Прокофьев, но обоих нет в стране, поэтому о них нельзя сказать, что это люди, действительно, создающие пролетарскую музыку. Третьим, на кого все указывают пальцем, идет молодой композитор, 24-летний Шостакович. На вид он 17–18-тилетний красивый юноша, действительно, красивый симпатичный мальчик. Настоящий ребенок, о котором думаешь, как такой малец пишет такое. ... Он вначале занимался на фортепиано, но уже в 14 лет, сочинив музыку, поразил окружающих. Я привез с собой Первую симфонию этого человека и надеюсь исполнить ее когда-

⁴ Ямада Косаку тэсаку дзэнсю (Полное собрание литературных сочинений Ямада Косаку). Токио, т. 1–3, 2001, т. 2, с. 633.

⁵ Там же, т. 3, с. 414.

нибудь при удобном случае. Это чисто классическое по форме, совершенно не касающееся новых веяний, произведение»⁶.

Напомним, что ко времени знакомства с японскими музыкантами Д. Шостакович в 1925 г. окончил Ленинградскую консерваторию и в том же году написал свою Первую симфонию, в 1927 г. получил почетный Диплом исполнителя на Первом международном конкурсе пианистов имени Фредерика Шопена в Варшаве, в 1928 г. сочинил оперу «Нос», а в 1930 г. – балет «Золотой век».

Нам особенно дороги эти, хотя и немногочисленные, впечатления Ямада Косаку, как дань памяти о Дмитрие Дмитриевиче Шостаковиче, 100-летие которого отмечается в этом году.

Как рассказывал подружившийся с Шостаковичем Нодзакі Ёсиро, под влиянием встреч с японцами композитор написал шесть романсов на слова японских поэтов и посвятил их своей молодой жене Нине Васильевне Варзар.

Этот вокальный цикл (соч. 21) для тенора с оркестром прозвучал в 1932 г., и, кажется, это было чуть ли не единственное его исполнение. Ноты, ставшие уже редкостью, хранятся в личном архиве Д. Д. Шостаковича. Однако М. А. Якубов, известный российский музыковед, председатель правления Общества Дмитрия Шостаковича, любезно предоставил госпоже Сато Сидзуэ их копию. Ниже приведены романсы по текстам в нотах.

1. **Любовь**

Дай только солнцу за гору зайти, к тебе я скоро выйду!
Темной ночью ты подойдешь ко мне, подобна утренней заре,
Красива, как цветок, едва расцветший,
И руку нежную, горячую от страсти и любви к тебе,
Я руку положу на грудь твою.
Друг к другу мы прижмемся;
Лежа целоваться будем,
Руки подложив под головы взамен подушек;
Бедра сблизим.
О, как люблю я,
Как люблю тебя я страстно, нежно, моя радость.
Как только солнце за гору зайдет, к тебе я выйду.
(Неизвестный автор. Перевод А. Брандта)

2. **Перед самоубийством**

Уныло сыплются листья. Густой туман пруд застилает.
Гуси дикие кричат испуганно на озере святом Иварэ.

⁶ Там же, т. 2, с. 522–524.

Сны мрачные витают над моей главой, на сердце тяжесть.
Через год, когда раздастся снова крик гусей, я не услышу их.
(*Оцуно Одзи ,VII в. Перевод А. Брандта*)

3. **Нескромный взгляд**

У ивы зеленой и тонкой обнажился колеблемый ствол,
Когда веющий ветер в сторону ветви отвел.
А сегодня, о радость моя, я ноги твои увидал,
Когда твоим кимоно веющий ветер играл.
(*Слова неизвестного автора, XVIII в. Перевод А. Брандта*)

4. **В первый и в последний раз**

Я сорвал твой цветок, ты моя.
Я прижал тебя к сердцу, к сердцу и слился с тобой.
Когда ночь отлетела, я увидел, что тебя со мной больше нет.
Осталась лишь боль, лишь боль.
Много еще будет у тебя цветов, благоуханных и дивных,
Но мое время рвать цветы прошло,
И в темной ночи нет у меня милой.
Осталась лишь боль, лишь боль...

5. **Безнадежная любовь**

Зачем я люблю тебя,
Ведь никогда, никогда ты не будешь моей?
Не я буду ласкать тебя,
Не я, истомленный твоими ласками,
Усну рядом с тобой.
Зачем же я люблю тебя?

6. **Смерть**

Я умираю...
Я умираю, не зная любви.
Меня она не любила,
Она не ждала меня с нетерпением,
Когда я уходил.
Я умираю, потому что нельзя жить без любви.
Я умираю...

Как удалось выяснить, переводы А. Брандта взяты из его сборника «Японская лирика», изданного в Петербурге в 1912 г. Переводчик предварил его эпиграфом из Мотоори Норинага: «Ни с чем, ни лучше, ни верней я не сравню души Японии моей, как с нежным запахом вишневого цветка при первом поцелуе утренних лучей». А. Брандт написал, что стихотворе-

ния, «помещенные в настоящей книжке, переведены с немецкого и французского языков и взяты преимущественно из сборника Бетге⁷ и из истории японской литературы Флоренца»⁸ и что он не стремился сохранить форму стихотворений, а старался сохранить их дух. Брандт переводит ритмической прозой, и некоторые из его переводов, как считает известный японовед профессор Л. Ермакова, достаточно легко атрибутировать. Например, стихотворение «неизвестного автора древняго времени» (так у Брандта), на слова которого был написан романс «Любовь», явно представляет собой песню, которую богиня Сусэри-бимэ-но микото в летописи «Записи старых деяний» («Кодзики»), поет божеству Ятихоко-но ками. Перевод Брандта гласит: «Дай только солнцу за гору зайти! К тебе я выйду скоро! Темной ночью ты подойдешь ко мне, подобный утренней заре, с улыбкой на сияющем лице, и руки белые, как белые канаты из коры Таку, положишь ты на грудь мою. Не говори мне о тоске любовной, бог великий восьми тысяч копий! Как только солнце за гору зайдёт, к тебе я выйду!» (с.11) Как видно из оригинала, это песня женщины, но несколько измененный перевод для романа был переделан в песню от имени мужчины. Слова для романа «Перед самоубийством» взяты без изменений из сборника (с.18). Под стихотворением комментарий Брандта: «Охотсуно Оци (663–687). Был претендентом на престол, взят в плен и казнен 24-х лет от роду. Перед казнью написал это стихотворение». Благодаря любезной помощи профессора Л. Ермаковой, подлинник удалось найти в «Манъёсю» в переводе А. Е. Глускиной (из первого тома ее трехтомного труда):

«Песня принца Оцу, которую он сложил, проливая слезы на насыпи у пруда Иварэ, когда он был приговорен к смерти»

Обвиты лианами каменные скалы...
В Иварэ, в пруду,
Ужель в последний раз
Я сегодня утку плачущую вижу
И навек исчезну в облаках?

В романсе «Нескромный взгляд» строка «А сегодня, о радость моя, я ноги твои увидал, когда твоим кимоно веющий ветер играл» немного изменена Брандтом: «А сегодня, *о ива моя*, я ноги твои увидал, когда твоим кимоно веющий ветер играл» (с. 94).

Обращает на себя внимание то, что в романах под номерами 4, 5, 6 ничего не сказано об авторах и не указано имя переводчика. Предпринятые многочисленные попытки атрибутировать их не увенчались успехом, так как стихотворные переложения сделаны не прямо с подлинника, а прошли через несколько переводов с европейских языков. Но, на наш взгляд, это

⁷ Bethge. Japanischer Frühling. Leipzig, 1911.

⁸ Florenz K. Geschichte der japanischen Literatur. 2-te Ausgabe, Leipzig, 1909.

вовсе не умаляет особой прелести романсов, некоторая необычность которых позволяет представить настроение молодого Шостаковича.

Что же касается музыкального диалога России и Японии, имеющего долгую и добрую историю, то он успешно развивается, и хочется надеяться, что со временем станет еще более плодотворным.

Гото Симпэй и колониальная политика Японии. Часть вторая. Южно-Маньчжурская железная дорога и русско-японские отношения, 1906–1908 гг.

В. Э. Молодяков

В предыдущей статье мы рассмотрели деятельность Гото Симпэй¹ в качестве гражданского губернатора первой японской колонии на территории Тайваня в 1898–1906 гг. Именно тогда он приобрел известность в правящих кругах Японии как эффективный колониальный администратор, умело использующий новейшие достижения в данной области. Кроме того, Гото позаботился о необходимой пропаганде успехов, достигнутых под его руководством². В совокупности все это стояло за его следующим назначением.

По условиям Портсмутского мира с Россией, заключенного 5 сентября 1905 г., Япония получила от нее все права аренды на территорию Ляодунского полуострова с Порт-Артуром и Дальним, а также южную ветку Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) длиной 941 км от Чаньчуня до Порт-Артура. Дальнейшая экспансия России в Маньчжурии была остановлена, японская же только начиналась.

Экономическое проникновение держав в Китай в XX в. шло, прежде всего, через получение концессий на строительство железных дорог, за которыми следовали прочие «особые права» и «специальные интересы». Япония не собиралась ограничиваться той неполной тысячей километров полотна, которая перешла к ней и теперь называлась Южно-Маньчжурской железной дорогой (ЮМЖД, или по-японски сокращенно Мантэцу). Правящие круги Токио видели в этом плацдарм для расширения военного и экономического присутствия на континенте, а потому стремились создать для нее максимально благоприятные условия. Так, секретный протокол к Пекинскому договору 22 декабря 1905 г., закрепившему переход к Японии

¹ Важнейшим источником любого исследования о Гото остается его официальная биография: *Цуруми Юсукэ*. Гото Симпэй. Токио, т. 1–4, 1937–1938 (по нашей теме т. 2); репринт: т. 1–8. Токио, 2004–2006.

² Показательный пример: *Yosaburo Takekoshi*. Japanese Rule in Formosa. L., 1907; репринт: Taipei, 1994.

всех бывших прав и владений России в Южной Маньчжурии, содержал обязательство Китая не строить железных дорог параллельно ЮМЖД или боковых линий, которые могли бы нанести ей ущерб.

В Токио сразу же выявились разногласия по вопросу о том, что делать на континенте. Премьер-министр Кацура Таро, министр иностранных дел Комура Дзютаро и начальник штаба Маньчжурской армии Кодама Гэнтаро (он же генерал-губернатор Тайваня) высказались в пользу интенсивной колонизации, опирающейся на полученные от России арендные права и железнодорожные линии. Сайондзи Киммоти и Като Такааки, преемники соответственно Кацура и Комура после смены кабинета в январе 1906 г., занимали более умеренную позицию так же, как и военный министр Тэраути Масатакэ. «Государственный старейшина» (*гэнро*) Ито Хиробуми был решительно против активной политики в Маньчжурии, напомнив, что это китайская, а не японская территория. На одном из совещаний он сделал публичное замечание Кодама, рассуждавшему об «управлении Маньчжурией» со ссылкой на то, что Японии якобы перешли права суверенитета над ней. Премьер Сайондзи попытался примирить их, но поставил во главе специальной группы по маньчжурским проблемам именно Кодама. Группа получила название «Комиссия по управлению Маньчжурией», однако русский перевод использованного в нем слова *кэйэй* как «управление» не учитывает нюансов оригинала: на английский язык *кэйэй* переводится как «management», а не как «governing», что более точно характеризует содержание этого термина.

1 августа 1906 г. был опубликован императорский указ о создании Квантунского генерал-губернаторства, включавшего арендованную территорию на Ляодунском полуострове и полосу отчуждения ЮМЖД. Губернатор – генерал на действительной службе – получал обширные полномочия: командование расположенными там воинскими частями, полицейскую власть, руководство гражданской администрацией и контроль над деятельностью компании ЮМЖД, созданной императорским указом 7 июня того же года. Он назначался монархом по представлению кабинета, подчинялся премьер-министру в политических вопросах и министру иностранных дел в дипломатических.

Сорокадевятiletний Гото стал первым президентом компании. Сначала он отказался от предложенного поста, настаивая на такой же свободе действий, какой пользовался на Тайване, и предложил поставить во главе всего предприятия какого-нибудь генерала во избежание возможных трений с армией и генерал-губернатором. Решительный разговор произошел 22 июля. В ту же ночь Кодама скорострительно скончался. Испытывая пиетет к покойному не только как к начальнику, но как к другу и покровителю, Гото принял назначение. Однако в результате длительных переговоров с премьером, членами кабинета и представителями военных кругов он добился от квантунского генерал-губернатора Осима Ёсимаса четкой гарантии не

вмешиваться в управление дорогой, кроме военного времени, и получил право голоса в вопросах, связанных с управлением арендованной территорией.

Осима и Гото также попытались взять под контроль японских консулов в Маньчжурии, но натолкнулись на сопротивление министра иностранных дел Хаяси Тадасу, к тому времени сменившего Като. В качестве компромисса консулам было предписано информировать о своих действиях не только МИД, но и управление генерал-губернатора, где был создан отдел внешних сношений. Его первым начальником стал молодой дипломат Мацуока Ёсукэ, впоследствии вице-президент и президент Мантэцу, а на пике карьеры – министр иностранных дел, подписавший 14 апреля 1941 г. советско-японский Пакт о нейтралитете.

13 ноября 1906 г. Гото официально вступил в должность президента ЮМЖД³, одновременно с назначением получив титул барона. Новую должность он воспринял как руководство не столько самой дорогой, сколько будущим освоением прилегающей территории. Сторонник единоначалия, Гото добился для себя больших полномочий: он предпочитал иметь над собой как можно меньше начальства, и видел в персонале не просто наемных работников, но членов единой семьи. Об этом он постоянно говорил подчиненным, заботясь об их слаженной работе, не подавлял инициативу, но крепко держал бразды правления в руках, подбирая способных и в то же время исполнительных помощников, тем более что хозяйство ему досталось внушительное⁴.

26 ноября в Токио под председательством Гото прошло первое собрание акционеров Мантэцу. В начале декабря завершилась процедура регистрации компании. 1 апреля 1907 г., с началом нового финансового года, Железнодорожный департамент военного министерства окончательно передал дорогу новым хозяевам. На момент основания акционерный капитал ЮМЖД составлял 200 млн. иен (1 млн. акций с номинальной стоимостью 200 иен). На половину акций сразу подписалось государство, «оплатив» их имуществом, полученным по Портсмутскому и Пекинскому договорам и теперь переданным компании: железные дороги (70,2 млн. иен), шахты (10,5 млн. иен), пристани (8,6 млн. иен), фабрики (5,9 млн. иен), земельные

³ О деятельности Гото как президента ЮМЖД см.: *Кобаяси Митихиро*. Нихон-но тайрику сэйсаку, 1895–1914: Кацура Таро то Гото Симпэй (Континентальная политика Японии, 1895–1914: Кацура Таро и Гото Симпэй). Токио, 1996; *Yoshihisa Tak Matsusaka*. The Making of Japanese Manchuria, 1904–1932. Cambridge (Mass.), 2001. Ch. 2–3; *Молодяков В. Э.* Россия и Япония: рельсы гудят. Железнодорожный узел российско-японских отношений. М., 2006, гл. 11. Представляет интерес полуофициальная история ЮМЖД: *Yosuke Matsuoka*. Building Up Manchuria. Tokyo, 1937.

⁴ Статистические данные по ЮМЖД приводятся по: Минами мансю тэцудо кабусикигайся дайсандзидзюнэн си (История акционерной компании ЮМЖД за 30 лет). Харбин, 1938; *South Manchuria Railway Company*. Sixth Report on Progress in Manchuria to 1939. Dairen, 1939.

участки (8,4 млн. иен), гостиницы (1,3 млн. иен) и т. д. 10 сентября 1906 г. компания объявила публичную подписку, выделив для этого 99 тыс. акций (еще 1 тыс. приобрело министерство двора, что обеспечивало государству автоматическое большинство) стоимостью 20 млн. иен – 10% уставного капитала.

Когда 5 октября подписка была закрыта, выяснилось, что 10 467 человек подали заявки на 106 643 318 акций, т. е. в 1066 раз больше (!), чем было выставлено. Приобретать акции могли только граждане Японии и Китая. Китайское правительство принципиально отказалось участвовать в деятельности компании, и лишь незначительное количество акций было приобретено частными лицами.

В отличие от КВЖД Мантэцу с самого начала была рентабельной и давала стабильный доход, хотя многие поначалу сомневались в ее коммерческой состоятельности. Доходность ЮМЖД объяснялась относительно высоким промышленным развитием Южной Маньчжурии и наличием на линии значительного числа крупных городов. Прибыль компании возросла с 3,6 млн. иен в 1907 г. до 14,3 млн. иен в 1913 г., причем в отличие от метрополии грузовые перевозки давали здесь больший доход, чем пассажирские. Успеху компании содействовали и японские банки, развернувшие активную деятельность не только на арендованной территории, но и в Шанхае и в долине Янцзы. В итоге инвестиции Японии в Китае, составлявшие в 1902 г. всего

1 млн. долл., достигли в 1914 г. 219,6 млн. долл. Из этой суммы прямые инвестиции составляли 192,5 млн. долл., почти 70% которых приходилось на Маньчжурию, а там больше половины было вложено в Мантэцу. В 1909 г. компания уже чувствовала себя настолько уверенно, что отказалась от государственных гарантий дивидендов по акциям (6% годовых), которые были предусмотрены на 15 лет.

Японцы гордились Мантэцу и не упускали случая сравнить свои показатели с теми, которые были у их русских предшественников до войны. Напоминая о прибылях, они называли ее «более коммерческим» предприятием, чем КВЖД, в которой видели исключительно орудие военно-политической экспансии. Однако подлинные цели обеих магистралей были схожими, а степень контроля государства над Мантэцу не только не меньше, но порой намного больше, выходя за рамки российско-китайских контрактов 1896 и 1897 гг. о КВЖД, которыми надлежало руководствоваться при распоряжении этим «наследством».

Следует признать, что японцы сознательно преуменьшали роль КВЖД в освоении Маньчжурии, хотя именно Россия вложила силы и средства на начальном, наиболее трудном и неприбыльном этапе строительства дороги. «Русские принесли в Маньчжурию деньги, японцы привели сюда бизнес», – такова была расхожая оценка современников, хотя живший в 20–30-е го-

ды прошлого столетия в Харбине писатель и публицист Вс. Н. Иванов со знанием дела утверждал: «На маньчжурскую землю за счет русского золота пришла КВЖД и принесла жизнь, работу и рост населения»⁵. Дайрен и Порт-Артур еще не один год внешне оставались русскими городами, выгодно

отличаясь от китайских. Японцы реконструировали и модернизировали их, но «нулевой цикл», на котором возводилось последующее великолепие, достался им в готовом виде.

Проезжавший по Маньчжурии в 1911 г. дипломат Д. И. Абрикосов вспоминал: «Первое знакомство с Китайской Восточной железной дорогой наполнило меня большой гордостью. Прийти в дикую, полную бандитов страну и за такое короткое время создать там грандиозное предприятие, давшее жизнь столь обширному краю, — это служило доказательством русского гения». Правда, у японцев на ЮМЖД комфорт был выше: «Большой и тяжелый русский экспресс приблизился к станции (Куаньченцзы. — В. М.), с одной стороны; с другой — ждал небольшой легкий японский экспресс с элегантными пультмановскими вагонами. Было уже темно. Русский поезд был кое-как освещен свечами, японский ослепительно горел электричеством. В вагоне-ресторане на столиках стояли цветы, и многочисленные официанты в белых фраках ждали, когда можно подавать ужин. Весь этот поезд посреди Маньчжурии смотрелся как нечто сказочное. Японцы явно хотели произвести впечатление на путешественников и показать им, что здесь они видят более высокоразвитую цивилизацию. Первое впечатление было таково: японцы стоят выше если не в отношении цивилизации, то в умении производить впечатление на иностранцев». Картину завершает описание китайских линий: «Здесь никто не стремился произвести впечатление высоким уровнем цивилизации. Поезд был грязен, и толпы китайцев забили все углы. Хотя дорога находилась под управлением англичан, порядки были мало»⁶.

В новой должности Гото пришлось сразу же начать контакты с Россией. В северном соседе он видел не столько вечного врага и конкурента, сколько потенциального партнера в экономическом освоении Дальнего Востока и Маньчжурии и союзника в противостоянии экспансии других держав. Будучи прагматиком, он пришел к совершенно определенному выводу, что для обеспечения политической, экономической и военной безопасности Японии необходимо сочетать укрепление позиций на материке (прежде всего экономических, в силу ее зависимости от природных ресурсов Китая и Кореи) и сотрудничество с Россией на основе принципа раздела сфер

⁵ Иванов Вс. Н. Харбин. 20-е годы — Русский Харбин. М., 1998, с. 13.

⁶ Revelations of a Russian Diplomat. The Memoirs of Dmitrii I. Abrikosov. Ed. George A. Lensen. Seattle, 1964, p. 147–148.

влияния, чтобы предотвратить возможные конфликты в будущем. Еще во время Портсмутской мирной конференции он призывал правительство и общественность: «Мы должны настаивать на максимальных размерах контрибуции и территориальных уступок, но мы не должны поддаваться вульгарному мнению толпы: успех или поражение этих требований не должен тревожить нас... Если они будут удовлетворены, и мы получим просимое, очень хорошо. Не получим – тоже хорошо... Нам следует пропустить это без особого внимания, если нам удастся разрешить более широкие проблемы, ценность которых в десятки и сотни раз более велика»⁷. К «широким проблемам», бесспорно, относилась возможность успешно противостоять не только европейской, но и американской экспансии в Китае, которую давали политическая стабильность в регионе и одно из ее главных условий – согласие и партнерство с Россией.

Учитывая алармистские и реваншистские настроения в обеих странах – правда, больше на уровне общественного мнения, нежели реального принятия решений – Гото не исключал возможности новой русско-японской войны в Маньчжурии и из-за Маньчжурии, хотя не считал ее неизбежной. Залог будущей победы он видел в успешной колонизации, залог успешной колонизации – в эффективном функционировании железных дорог. Для этого он полагал необходимым: 1) правильное управление дорогами; 2) развитие добычи угля; 3) увеличение поголовья скота; 4) иммиграцию. Гото емко называл это «военными приготовлениями в штатском обличье» (*бунсотэки буби*).

13 июня (31 мая) 1907 г. были заключены временная конвенция о соединении русских и японских железных дорог в Маньчжурии и протокол, по которому станция Куаньченцзы отходила к России. Такой вариант в 1905 г. предлагал С. Ю. Витте. Россия выплачивала Японии 560 тыс. руб. компенсации, поскольку права сторон в отношении станции были признаны равными, зато ей не пришлось сооружать новый терминал со всеми необходимыми службами. Однако по общеполитической конвенции, подписанной в Петербурге министром иностранных дел А. П. Извольским и послом И. Мотоно 30 (17) июля 1907 г., разграничение сфер влияния сторон в Маньчжурии проходило по р. Сунгари, поэтому ветка Харбин-Куаньченцзы оказалась на «японской» территории. Министр финансов В. Н. Коковцов и военный министр генерал А. Ф. Редигер признали линию по Сунгари невыгодной для России, но решительно склонились в пользу соглашения. «За отсутствием такового, – считал Редигер, – Япония, пользуясь свободой действий, может предпринять, например, в области железнодорожного строительства ряд мер, направленных прямо против безопасности и прочности нашего положения на Дальнем Востоке... Если путем отказа от некоторых своих прав на протяжении 130 верст пути мы застрахуем

⁷ Цит. по: Кутаков Л.Н. Портсмутский мирный договор, 1905–1945 гг. М., 1961, с. 77.

себя от подобной опасности, то жертву эту следует признать совсем небольшой»⁸. События скорого будущего показали, что военный министр был прав, хотя некоторые отечественные авторы склонны осуждать российское правительство за «слабость» и «уступки» в этом и других частных вопросах, не учитывая общего положительного воздействия достигнутых договоренностей как на двусторонние отношения, так и на положение в регионе в целом.

Гото приветствовал нормализацию отношений с Россией и решение наиболее насущных вопросов, но, предпочитая мыслить стратегически, начал агитировать за полномасштабное партнерство. Память о войне была еще свежа, поэтому в правящих кругах Японии, особенно в правительстве, которое возглавлял атлантист Сайондзи, идея сотрудничества с Россией популярностью не пользовалась. Гото попытался привлечь на свою сторону Ито Хиробуми – наиболее прорусски настроенного *гэнро*, покровительством которого пользовался и дорожил. Первой идеей президента Мантэцу было организовать встречу *гэнро* с Коковцовым, чтобы напрямую обсудить проблемы двусторонних экономических и торговых отношений. Однако совсем обойтись без дипломатов было нельзя, и он обратился к русскому посланнику в Токио Ю. П. Бахметеву, который 15 (2) ноября 1907 г. писал своему начальнику Извольскому:

«Энергичный и влиятельный управляющий Маньчжурской железной дорогой с самого начала нашего знакомства неоднократно говорил мне о своем стремлении развить сношения между Россией и Японией на той почве, которая, по его мнению, представляет наибольшие залогов успеха, – на чисто практических основах обмена товаров и создания обоюдного торгового доверия. Недавно состоявшееся соглашение (торговый договор 28 (15) июля 1907 г. – В. М.) облегчает ему этот нелегкий и до сих пор мало торный путь, и он убежден, что это соглашение может быть разработано именно на том деле, которым он руководит; вследствие этого он желал бы без потери времени доказать, что наше сближение, так радостно принятое в Японии, есть не только чисто политический уговор, но может послужить основой для установления более практических, специальных связей, обоюдных интересов»⁹.

В качестве первого шага Гото предложил разместить в России заказы на изготовление рельсов – сначала для ЮМЖД (которую решили перешить с широкой русской колеи на более узкую, японскую), потом, если дело пойдет на лад, для всех казенных железных дорог страны¹⁰. Производство

⁸ Цит. по: Кутаков Л.Н. Портсмутский мирный договор, с. 104–105.

⁹ Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия. – Сборник документов, 1907–1929. Публикация В. Э. Молодякова. М., 2005. Док. 2.

¹⁰ Железные дороги в японских колониях и на арендованных территориях не подчинялись министерству путей сообщения.

рельсов в Японии началось только в 1901 г. и в то время покрывало меньше половины потребностей страны. Глава Мантэцу сообщил, что сначала намерен послать в Россию своих людей для сбора информации, а в феврале будущего года поедет туда сам и «предполагает пробыть недели две в Москве и месяца два-три в Санкт-Петербурге». При этом Гото особо просил посланника держать их разговор в строжайшей тайне даже от... собственной канцелярии (Бахметев просьбу исполнил и послал министру личное письмо, написанное от руки), чтобы об этом раньше времени не узнали ни русские заводчики, которые могут взвинтить цены, ни тем более конкуренты-иностранцы – в Лондоне, Берлине и Вашингтоне.

Документы показывают, что Гото обратился с этим предложением к Бахметеву не по своей инициативе, а с подачи агента российского министерства финансов в Токио Г. А. Виленкина, зятя влиятельного американского банкира Зелигмана и доверенного лица Витте. 15 (2) октября, за месяц до письма Бахметева, он подробно докладывал Коковцову: «Находя, что теперь представляется наиболее удобный момент для поощрения нашего вывоза в Японию, я полагал, что было бы полезно обратить на этот факт внимание японских государственных людей, имеющих известное соприкосновение с Россией, и мой выбор остановился на бароне Гото... С момента назначения на пост президента Южно-Маньчжурской дороги он всячески старается выказать свое к нам расположение. В частном разговоре с бароном Гото я, отдавая должное заключенным договорам, между прочим заметил, что истинное значение их оба государства сумеют оценить лишь тогда, когда они будут проведены в практическую жизнь и когда оба государства убедятся в выгодности оных для обеих сторон...

Если же торговые сношения ограничатся одним лишь ввозом японских товаров в Россию, то трудно ожидать, чтобы они имели широкую будущность; необходимо позаботиться и о ввозе русских товаров в Японию, и в этом отношении он в качестве президента Южно-Маньчжурской дороги мог бы много содействовать ввозу из России в Японию; в настоящее время Южно-Маньчжурская дорога прокладывает второй путь по главной линии и в ближайшем будущем начнет постройку Мукден-Аньдунской ширококолейной линии или же взамен ее Аньдун-Гашичао; на постройку означенных линий потребуется большое количество рельс, и ему теперь представляется удобный случай завязать непосредственные торговые сношения с Россией и параллельно с заказами американским и английским заводам дать часть заказов русским рельсопрокатным заводам, которые выполняют заказ не хуже иностранных заводов.

На это барон Гото возразил, что он вполне разделяет высказанные мною взгляды на необходимость обоюдности выгод при развитии торговых сношений, и при этом добавил, что он не имеет понятия о том, что русские заводы могут конкурировать с американскими и английскими, и просил меня дать ему имеющиеся у меня данные о русских заводах, которыми я

его снабдил, и обещал дать ответ через несколько дней. Вчера он сообщил мне, что он выслушал мнение некоторых членов “Гэнро” по этому предмету и они с ним вполне солидарны, и потому он решил приехать в Россию в конце февраля, чтобы лично ознакомиться с нашими заводами и, если условия подойдут, дать им заказы на доставку рельс как для Южно-Маньчжурской дороги, так и для японских казенных железных дорог; при этом он просил меня держать этот факт по возможности в тайне до его приезда в Россию, так как иначе это может стать достоянием иностранной прессы. Барон Гото, по-видимому, находится, под свежим впечатлением нападок английской прессы и английских заводчиков, упрекавших Японию в том, что последний заем для Южно-Маньчжурской дороги она реализовала в Англии, вырученные же по займу деньги она истратила в Соединенных Штатах, отдав почти весь последний заказ американским заводчикам»¹¹. Вот кто был источником вдохновения Гото, который почти дословно повторил посланнику некоторые аргументы Виленкина!

«Барону Гото стоило немало трудов, – пояснял Бахметев в цитированном выше письме Извольскому, – чтобы превозмочь предрассудки некоторых членов гэнро – как-то Ямагата и Кацура – но он, наконец, успел заручиться их согласием, несмотря на то, что англичане, на основании союза, считают, что имеют право монополизировать все подобные заказы или, по крайней мере, не допускать их в других странах без своего одобрения». С англичанами все понятно: они считали, что в 1902 г. «снизошли» до союза с Японией¹², а потому та не должна ничего делать без их ведома и одобрения, тем более поддерживать Россию государственными заказами. Приглаждались к Маньчжурии и американцы. Ямагата и Кацура упомянуты не столько как противники России, которых надо было особо убеждать в пользе хороших отношений с ней, сколько как влиятельные «континенталисты», от которых зависел будущий успех. Курс Гото они поддержали.

Заслуживает внимания заключительная часть письма: «С Гото и Японией, и всем имеющим дело с ней; он теперь выставляет себя только духовным наследником Русофильской политики Князя Ито – но, несомненно, метит ему и в политические преемники, когда первый Государственный человек Японии сойдет со сцены». Посланник был прав, но Ито оставил этот мир слишком рано, и Гото некоторое время пришлось довольствоваться ролью «правой руки» Кацура.

Коковцов заинтересовался японскими предложениями и выступил за их рассмотрение, о чем известил МИД. Из-за болезни Гото не смог приехать в Россию в начале 1908 г., как это поначалу планировал, но от намеченной поездки не отказался. «Личность барона Гото, его ум и энергия, – писал

¹¹ *Кацура Таро*. Гото Симпэй и Россия, док. 1.

¹² О сторонниках и противниках англо-японского союза в Великобритании см.: В. Э. Молодяков. Россия и Япония: поверх барьеров. М., 2005, гл. 2.

Бахметев Извольскому 17 (4) апреля 1908 г., когда вопрос о поездке был решен, – делают его одним из самых влиятельных японских политических деятелей в вопросах, касающихся Маньчжурии. Я убежден, что из посещения бароном Гото Санкт-Петербурга мы можем извлечь весьма существенную пользу как для интересов Китайской Восточной железной дороги и русского дела в Маньчжурии, так и для дальнейшего закрепления тех сношений с Японией, которые создались для нас заключением с нею политического соглашения, торгового договора и рыболовной конвенции»¹³.

Понимая важность готовящегося визита, Коковцов писал министру путей сообщения Н. К. Шаффаузен-Шенберг-эк-Шауфусу (бумаги он подписывал просто «Шауфус»): «При посещении в минувшем году Высочайше командированным на Дальний Восток тайным советником Шиповым Японией ему был оказан там особенно любезный прием, несмотря на то, что он ездил в эту страну в качестве частного лица. Помимо дружественных России демонстраций, целого ряда банкетов в его честь и т. д., было обращено особое внимание и на обеспечение ему со спутниками удобного проезда по железным дорогам как в Японии, так и в Южной Маньчжурии... Имея в виду, что барон Гото является первым японцем с высоким общественным положением, посещающим Россию после поездки тайного советника Шипова в Японию, и принимая во внимание значение, которым г. Гото пользуется в своем отечестве, я со своей стороны полагал бы, что нам необходимо отнестись к нему также с возможной любезностью, соответствующей как дружбе, существующей между Россией и Японией, так и добрососедским отношениям между нашей и японской линиями в Маньчжурии. Озабочиваясь в виду этого обеспечением барону Гото наиболее удобного проезда в Петербург, я поручил Правлению Общества Китайской Восточной железной дороги предоставить барону Гото со спутниками служебный вагон дороги от Куаньченцзы, а равно оказать сему лицу при его проезде по дороге полное внимание и предупредительность. Вместе с тем, считаю долгом обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбой не отказать выразить согласие на пропуск помянутого вагона до Санкт-Петербурга со скорым поездом, отходящим из Харбина»¹⁴.

В ноябре 1907 г. в Японии с частным визитом побывал бывший министр финансов И. П. Шипов, встреченный не только тепло, но и с почестями, включая аудиенцию у императора Мэйдзи. Президента Мантэцу решили принять не хуже. Шипов «общался преимущественно с деловыми людьми и банкирами, – сообщал в Брюссель из Токио 7 декабря 1907 г. бельгийский посланник А. д'Анетан, – несколько раз публично выражал восхищение успехами Японии и сожалел, что между двумя странами не ведутся более серьезные дела. Он говорил, что цель его поездки – расшире-

¹³ *Кацура Таро*. Гото Симпэй и Россия, док. 5.

¹⁴ Там же, док. 3.

ние сферы взаимных интересов. Насколько реальны великолепные отношения, существующие сегодня между Россией и Японией и урегулированные столь быстро, как долго они продлятся? Японское правительство верит русским заверениям. С этой стороны оно не боится новой агрессии, стоящей много крови и денег. Не знаю, на каких соглашениях основывается доверие императорского (японского. – В. М.) правительства, но самый надежный источник свидетельствует, что такое доверие существует»¹⁵. Итоги визита были положительно оценены и в Петербурге. Шипова даже рассматривали в качестве возможного преемника Бахметева в Токио, работой которого российское министерство иностранных дел было недовольно.

Принимали Гото прекрасно. И дело было не только в дипломатическом этикете или русским гостеприимстве. Президент Мантэцу, ценивший слова, но предпочитавший им дела, ехал в Россию не с пустыми руками. 21 (8) апреля Извольский – в предверии его приезда – уведомил Коковцова о сообщении консула в Дайрене Н. А. Роспопова: «Японцы убедились в невыгодности резкого противодействия иностранной предпринимательской деятельности в Южной Маньчжурии и обнаруживают готовность идти на известные уступки... Для нас такая тенденция Японии представляет некоторое значение, так как дает нам возможность проникнуть в закрытые доселе южно-маньчжурские рынки, хотя... главные выгоды выпадут при этом на долю японцев»¹⁶.

Колониальная политика Гото, разумеется, была ориентирована на преобладание японского экономического (а в идеале и политического) влияния в Маньчжурии. Однако он прекрасно понимал, во-первых, что полностью вытеснить оттуда другие державы не получится, а, во-вторых, что без привлечения иностранных инвестиций Япония, находившаяся после войны с Россией в тяжелом финансовом положении, просто не сможет осуществить задуманную полномасштабную колонизацию Маньчжурии хотя бы вокруг ЮМЖД. Для этих целей российский капитал казался ему наиболее приемлемым. У России тоже не оказалось необходимого количества свободных денег, поэтому в итоге Мантэцу сделала выбор в пользу лондонских и отчасти парижских банков. Более всего Гото опасался американского капитала. Как заметил Л. Н. Кутаков, «перед Японией стоял вопрос о выборе дальнейшего пути: вместе с Россией против США или вместе с США против России. Гото лучше, чем кто-либо другой, видел, что последний путь неприемлем для японских капиталистов. Этот путь означал подчинение Японии гораздо более мощному и агрессивному американскому империализму. Сближение с Россией не создавало такой угрозы»¹⁷.

¹⁵ The d'Anethan Dispatches from Japan, 1894–1910. Tokyo-Tallahassee, 1967. p. 228.

¹⁶ Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия, док. 6.

¹⁷ Кутаков Л. Н. Портсмутский мирный договор, с. 116.

Сама логика событий вела к такому сближению. 2 марта (18 февраля) 1908 г. русский посланник в Пекине Д. Д. Покотиллов писал Извольскому: «При полной согласованности действий России и Японии постороннее вмешательство в маньчжурские дела никакого фактического влияния на ход последних иметь не может»¹⁸.

В Петербурге Гото встречался с Коковцовым, Извольским, Шауфусом и премьером П. А. Столыпиным, обсуждая с ними перспективы развития двусторонних отношений не только в железнодорожной сфере. Разумеется, руководство работой ЮМЖД было главной задачей Гото, но дорога все глубже проникала в экономику Маньчжурии, постепенно становясь «государством в государстве». 18 (5) мая японский гость был принят императором Николаем II в Царском Селе, а позже получил от него орден Белого Орла.

Подробности переговоров – или, как тогда выражались, «объяснений», главным партнером Гото на которых выступал Коковцов, – не были преданы гласности, а потому вызвали оживленные толки в прессе. Главным предметом спекуляций был вопрос о возможной продаже ветки Харбин-Куаньченцзы, ежегодно приносившей 17 млн. руб. убытка (эту цифру повторяли газеты). Петербургская «Русь» писала: «Продажу этого участка, рассматривая ее с финансовой стороны, можно только приветствовать, но едва ли это явится благоразумным [шагом] с точки зрения нашей дальневосточной политики». «Со стратегической точки зрения, – вторил ей “Голос Москвы”, – пока у нас нет Амурской дороги, такая продажа явилась бы верхом необдуманности». Беспокоились и за границу. Генеральный консул в Мукдене А. Н. Грушецкий телеграфировал: «Если действительно существует предположение о продаже этой линии, то Китай охотно купил бы ее... (По мнению китайцев. – В. М.) покупка линии Японией, равно как и притязания ее на Цзяндао, имеют общее стратегическое значение – приблизиться к нашим коммуникационным линиям с Владивостоком и Приамурским краем»¹⁹.

Извольский переслал Коковцову телеграмму консула вместе с несколькими донесениями аналогичного содержания, попросив коллегу определить свою позицию, «так как по отбытии барона Гото вопрос о железной дороге, несомненно, утратит в глазах китайцев свою остроту»²⁰. Через несколько дней министр финансов отвечал: «Указанный слух едва ли имеет какое-либо основание. Но во всяком случае, я, со своей стороны, имею в виду при предстоящих объяснениях с бароном Гото категорически устранить самое предположение о том, что мы считаем допустимой уступку кому бы то ни

¹⁸ Цит. по: *Севостьянов П. П.* Экспансионистская политика США на Дальнем Востоке (в Китае и Корее в 1905–1911 гг.). М., 1958, с. 50.

¹⁹ Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия, док. 7.

²⁰ Там же, док. 8.

было (курс. наш. — В. М.) линии Харбин-Куанченцзы»²¹. Извольский тоже придерживался этой линии. Продавать дорогу не стали, хотя судьба этой ветки, которую японцы хотели купить, а потом получить в качестве благодарности за помощь в годы первой мировой войны, обсуждалась в обеих столицах вплоть до большевистской революции.

Некоторые, например агент министерства финансов в Китае Л. фон Гойер, предлагали расстаться со всей КВЖД, если за нее дадут хорошую цену. На 1 января 1909 г. задолженность общества казне составила 550 577 386 руб. В октябре 1909 г. Коковцов признал, что на нужды дороги казна ежегодно выплачивает до 26 млн. руб. золотом, а Владивостокский биржевой комитет прямо заявил, что ее сохранение наносит ущерб экономике и торговле Приамурья²². О продаже КВЖД снова заговорят в 1916 г. по окончании строительства Амурской железной дороги, которая дублировала первую экономически и стратегически, но и тогда эта идея поддержки не получила.

Результаты визита Гото были разнообразными и полезными как для развития русско-японских отношений, так и для реализации японских планов в Маньчжурии. Во-первых, 16 (3) мая он заключил следующую договоренность с заместителем председателя правления КВЖД А. Н. Вентцелем — главным лицом дороги в Петербурге (пост председателя правления, предназначенный по уставу Общества КВЖД представителю Китая, с 1900 г. оставался вакантным)²³.

1. Открывается прямое сообщение между ЮМЖД и КВЖД как часть великой транспортной артерии между Европой и Азией и Америкой.

2. Дайрен — как ворота в Европу — должен быть оснащен всем необходимым.

3. Для обеспечения прямого сообщения КВЖД обязуется пустить дважды в неделю скорый поезд от Иркутска до Куаньченцзы и обратно, связанный со скорыми поездами, которые курсируют между Владивостоком и Москвой и Петербургом, а также улучшить сообщение между Харбином и Куаньченцзы, обеспечив этот участок вагонами первого и второго класса не хуже, чем те, которые используются на линии Владивосток—Петербург.

4. Обе дороги устанавливают тарифы таким образом, чтобы избежать ненужной конкуренции.

5. Для установления указанных тарифов КВЖД и ЮМЖД назначат уполномоченных для скорого обмена мнениями.

²¹ Там же, с. 15 (в составе вступительной статьи).

²² Романов Б. А. Россия в Маньчжурии. 1892–1906. Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928, с. 554–555. Пример современной полемики: Харбинский Ст. Что такое Китайская Восточная железная дорога и куда идут ее миллионы. СПб., 1908.

²³ Непосредственное руководство дорогой на месте осуществлял управляющий, постоянно находившийся в Харбине. В 1902–1918 гг. этот пост бессменно занимал Д. Л. Хорват.

6. В дальнейшем будет достигнута договоренность о соединении наземных и морских путей по мере завершения систем наземного транспорта и увеличения объемов пассажирских и грузовых перевозок²⁴.

Во-вторых, он успешно поместил заказ на рельсы, что было первоначальной целью поездки. «Заказ бароном Гото рельсов в России, – писал 13 июня (30 мая) Бахметев Извольскому из Токио, где досиживал последние дни во главе миссии, – может служить первым доказательством желания его избавиться от западно-европейской и американской промышленной опеки и иметь дело непосредственно с нами»²⁵. А это относится уже не только к путям сообщения, но и к большой политике.

Не менее, если не более, важно то, что Гото использовал свой вполне «технический» визит в Петербург для налаживания личных связей с российской политической, финансовой и промышленной элитой. Он верил в личные контакты между «сильными мира сего» куда больше, чем в церемонии и дипломатическую рутину, а потому не упустил возможности подробно изложить собеседникам свой взгляд на перспективы двусторонних отношений в целом. Записями бесед мы не располагаем (судя по всему, в большинстве случаев они не велись), но их отсутствие отчасти восполняют официальные речи на банкетах, данных в честь его гостя, Гото министром финансов, а затем правлениями Русско-Китайского банка и Общества КВЖД. Гото отдал дань этикету, но за его словами, тем более с учетом его положения, нельзя не увидеть продуманную политическую программу:

«Несмотря на то, что географическое положение России и Японии уже по самой своей природе показывает, что оба государства должны придти к тесному сближению, до сих пор, из-за отсутствия путей сообщения, оба государства не могли достичь этой цели. Теперь же, благодаря могущественной России, прямое и быстрое сообщение между Европой и Азией устроено. Время тесного сближения обоих государств уже наступило, и еще один шаг – обе соседние нации должны пойти от души рука об руку. Это послужит не только для блага обоих народов, но и для блага всех наций...

Железные дороги и банки столь же необходимы для развития и укрепления торговли и промышленности, как две пары колес для вагонов. Как ваше сиятельство указали, Русско-Китайский банк является одним из самых главных нервов торговли и промышленности на Дальнем Востоке и имеет громадное значение для процветания тесных экономических сношений между обеими нациями. Нетрудно понять блестящий результат дружной совместной работы... Ваше сочувствие и содействие, опять повторяю, имеет большое значение не только для блага Дальнего Востока, но для блага всего мира»²⁶.

²⁴ Цуруми Ю. Гото Симпэй, т. 2, с. 1013–1014; Matsuoka Y. *Building Up Manchuria*, p. 97–98.

²⁵ Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия, док. 20.

²⁶ Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия, док. 15.

Коковцов отдал дань как статусу и влиянию гостя, так и его намерениям:

«Не могу не высказать, с какою симпатией мы относимся к чувствам, побудившим барона оставить на время руководство ответственным и сложным предприятием, которым он управляет с таким выдающимся умением и успехом, и предприятия утомительное путешествие. Я искренне убежден, что в основе этих чувств лежит желание содействовать сближению между Японией и Россией на почве экономических интересов вообще и в частности тех, которые связаны с железнодорожными предприятиями на Дальнем Востоке, – сближению, основы которого столь успешно заложены благодаря тому, что представительство Японии в нашей столице находится в опытных руках такого выдающегося государственного деятеля, каким является уважаемый барон Мотоно. Я искренне желал бы, чтобы ознакомление барона Гото с нашей родиной, с ее торговлей и промышленностью послужило к развитию и укреплению торговых сношений между Японией и Россией, к усилению их товарооборота и на пользу промышленности обеих стран, – а в настоящий век, век экономического и культурного прогресса, торгово-промышленные связи наций служат не только к развитию их благосостояния, но и являются лучшим залогом в деле мира и взаимных дружеских отношений»²⁷. Звучит актуально и сегодня.

Вернувшись домой 15 июня, Гото был доволен итогами поездки и сердечно благодарил Коковцова и Извольского за гостеприимство²⁸. «Почетный и любезный прием, оказанный барону Гото в России, и Милостивое награждение его высоким орденом, – писал 13 июня (30 мая) Бахметев, – не только польстили столь чуткому самолюбию японцев, но возбудили и более серьезный отголосок в стране, в особенности в финансовых и торговых кругах, надеющихся... что политическое сближение между нашими государствами также создаст и установит прямой обмен товаров между нами, без существовавшего до сих пор немецкого и китайского посредничества, живающегося на счет обоих и не приносящего им никакой пользы. Все уповают, что переговоры... приведут к дружескому соглашению по главным пунктам и что торговое движение через Северную Маньчжурию и Сибирь в скором времени увеличится»²⁹.

* * *

Деятельность Гото на посту президента ЮМЖД дала мощный толчок его дальнейшей карьере. Приведенные в начале статьи данные показывают, что именно при нем были заложены основы будущих успехов «империи Мантэцу». Именно по инициативе Гото был создан знаменитый Исследовательский отдел ЮМЖД, позднее ставший уникальным аналитическим,

²⁷ Там же, док. 13.

²⁸ Там же, док. 21.

²⁹ Там же, док. 20.

плановым и разведывательным центром Японии на континенте³⁰. Вспоминая поездку по Маньчжурии в 1916 г., британский аналитик Ф. Кольман писал: «Дорога – это “все” на той территории, которая называется полосой отчуждения. Она включает не только Дайрен, но и другие города вдоль линии. Компания взяла на себя обязательство обеспечивать образование, общественные работы и санитарно-гигиенические мероприятия в этой зоне и уполномочена японским правительством собирать подушный налог с местных жителей... Сооружение парков, кладбищ, крематориев, боен, рынков и многого другого находится под контролем ЮМЖД. Наконец, сама земля в полосе отчуждения тоже принадлежит компании, и любое строительство на ней возможно лишь с ее разрешения. Компания знает все, что происходит в Дайрене»³¹.

В июле 1908 г. Кацура, вторично назначенный премьером, предложил Гото пост министра путей сообщения. Успешное налаживание контактов с Россией также сыграло в этом свою роль, поскольку Кацура, возглавлявший кабинет в годы русско-японской войны, превратился в горячего сторонника партнерства с вчерашним врагом, если не стратегического, то регионального. Опыт Гото, которого премьер хорошо знал и высоко ценил, мог пригодиться ему во многих отношениях. Гото принял должность, выставив неизменным условием переход ЮМЖД от Квантунского генерал-губернаторства в ведение министерства путей сообщения и дополнительно добившись создания в составе кабинета Железнодорожного агентства, подчиненного лично премьеру. Эту структуру он возглавил сам, а в президенту Мантэцу провел своего бывшего заместителя и доверенного помощника Накамура Корэкими.

Деятельность Гото в составе второго кабинета Кацура, прежде всего руководство национализацией железных дорог, лежит за пределами настоящей работы. В свете заявленной темы необходимо отметить только один факт: в 1909 г., опираясь на десятилетний опыт собственной работы, Гото предложил создать единую систему управления колониями и арендованными территориями. План был реализован лишь частично учреждением в июне 1910 г. Колонизационного бюро с подчинением непосредственно премьеру, однако кабинет Ямамото уже в 1913 г. ликвидировал его. Министерство колонизации появилось в Японии только в июне 1929 г.

Оставив пост президента ЮМЖД, Гото более не занимался непосредственно *колониальной* политикой (сёкумин сэйсаку), т. е. управлением колониями или арендованными территориями. Однако, его интерес к *колониационной* политике (такусёку сэйсаку), т. е. к участию японского капитала и рабочей силы в разработке природных ресурсов и создании промышленных

³⁰ Подробнее см.: *Кобаяси Хидэо*. Гото Симпэй то Мантэцу тэсабу. (Гото Симпэй и Исследовательский отдел ЮМЖД). – Киндай Нихон то Мантэцу. (Современная Япония и ЮМЖД). Токио, 2000.

³¹ *Coleman Frederic*. The Far East Unveiled. London – New York, 1918, p. 101–102.

и сельскохозяйственных предприятий за пределами страны, не угасал никогда. Последующие колонизационные и концессионные планы Гото были связаны главным образом с Китаем и Россией. Но это уже тема отдельного исследования, которое автор намерен предпринять в будущем.

Ю. С. Пестушко

«Обзор положения дел в Азии открывает нам глаза на тот факт, что нашей империи и ей одной после успешных войн с Китаем и Россией удалось укрепить здесь свое положение и занять место первоклассной державы. Ни одна европейская держава не решается вмешиваться в дела Японии или противодействовать ей»¹.

Японская служба внешней разведки была создана в середине XIX в. До этого времени необходимости в организации разведки за рубежом у японцев не возникало, поскольку страна была почти полностью закрытой. Вместе с тем опыт внутреннего шпионажа, когда даже передвижение внутри страны находилось под строгим контролем, позволил правительству в последней трети XIX в. сравнительно быстро наладить разведку в Китае, Корее и на Дальнем Востоке России – районах, ставших объектом японских интересов ². Японская агентура направлялась туда для изучения положения дел на материке, а позднее – для исследования будущего театра военных действий с Россией. Для координации действий агентов, занимавшихся сбором информации, правительством организовывались организации и общества под той или иной вывеской. Так, в 1899 г. в Японии под патронажем генерального штаба было основано Восточно-азиатское общество культурного единения (То-а-добункай), в задачи которого, помимо исследования перспектив японской эмиграции, входило изучение географии, национальных особенностей, традиций азиатских стран. Главный зарубежный отдел этой организации находился в Пекине в здании японского посольства. Вскоре другие отделения общества появились во Внутренней и Внешней Монголии, в Индокитае, Сиаме, Индии. Членами общества становились не только офицеры и нижние чины японской армии, но и простые японцы, проживавшие за пределами своей родины и знавшие местные язы-

¹ Из программы То-а-добункай. – РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив), ф. 2000, оп. 1, д. 29, л. 120.

² См.: Масуми Дзюнносукэ. Нихон сэйто сирон (История политических партий Японии). Токио, 1967, т. 3, с. 134.

ки и обычаи³. Тогда же в Японии были созданы два подобных общества, которые официально занимались изучением перспектив японской эмиграции в Азиатско-тихоокеанском регионе, а на самом деле – разведывательной деятельностью. Это – общества Тихоокеанское сотрудничество (Тайхэй кёкай) и Тихий океан (Тайхэй)⁴.

К началу русско-японской войны японцы наводнили своей агентурой практически все важные пункты Маньчжурии и Кореи, раскинув огромную шпионскую сеть, в которой под видом торговцев, фотографов, парикмахеров, содержателей гостиниц и домов терпимости были задействованы кадровые японские военные⁵. Опыт русско-японской войны наглядно показал, что из-за отсутствия надлежащей организации русская контрразведка не могла противостоять японской агентуре. Очевидно, что Генеральному штабу России следовало еще накануне войны с Японией заняться разработкой организации тайной агентуры для работы на предполагаемом театре военных действий. Однако практически никаких шагов в этом направлении сделано не было, а разработанный к 1902 г. штабом Приамурского военного округа план организации разведки по непонятным причинам был отклонен Генеральным штабом. Наспех подобранная и обученная уже после начала войны с Японией агентура оказалась малоподготовленной для выполнения задач по сбору информации о противнике, а неудовлетворительная работа русской разведки явилась одной из причин поражения России⁶.

Победа Японии в войне ослабила позиции России на Дальнем Востоке, вынудив царское правительство перейти к политике сохранения здесь status quo. Страна Восходящего солнца после Портсмута стала все больше претендовать на роль лидера в Азиатском регионе. Учитывая, что ни Россия, ни Япония не были довольны итогами недавней военной кампании и то, что в первые послевоенные месяцы с обеих сторон раздавались призывы к реваншу, Дальнему Востоку в самом ближайшем будущем предстояло вновь стать ареной дуэли между двумя странами. Между тем Японии и России удалось направить двусторонние отношения в мирное русло и значительно сгладить имевшиеся взаимные противоречия, что во многом объяснялось наличием у Санкт-Петербурга и Токио общих интересов на Дальнем Востоке.

Перенос спектра внешнеполитических интересов на европейское направление в послевоенные годы, и это хорошо понимали сторонники европейской ориентации внешнеполитического курса России – С. Ю. Витте и А.

³ РГВИА, ф. 2000, оп. 1., д. 29, л. 120.

⁴ «Морской сборник». 1913. № 9. С. 125.

⁵ Доклад военного следователя 3-й Маньчжурской армии об организации японского шпионажа. 15 сентября 1905 г. – Японский шпионаж в царской России. Сборник документов. М., 1944, с. 16.

⁶ См.: Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг. Документы. – Павлов Д. Б., Петров С. А. Японские деньги и русская революция. М., 1993, с. 156.

П. Извольский, не мог быть осуществлен без урегулирования российско-японских отношений, поскольку от него зависела безопасность дальневосточных владений Российской империи⁷. Растущие притязания на роль лидера в Азии и связанное с этим усиление разногласий с Вашингтоном, а затем и с Великобританией поставили Японию перед необходимостью коренным образом пересмотреть свое отношение к вчерашнему противнику – России. В создавшейся на Дальнем Востоке новой геополитической ситуации Токио все больше нуждался в союзнике для защиты своих сфер интересов в Китае.

Однако, даже взяв курс на сближение с Россией, правительство Японии не намеревалось отказываться от своих давних экспансионистских планов, в которых Сибирь и русский Дальний Восток занимали далеко не последнее место. Анализ японской и российской дипломатической и внутриведомственной переписки позволяет утверждать, что токийский кабинет намеревался действовать в этом направлении в зависимости от развития событий. Минимум, на что рассчитывала Япония, – окончательно закрепить за собой Южную Маньчжурию, а максимум – присоединить к владениям империи Северную Маньчжурию и Приамурский край⁸. Однако теперь японскому правительству надо было действовать более осторожно, чтобы до определенного времени не нанести вреда японо-российским отношениям, которые стали постепенно налаживаться в первые послевоенные годы и от развития которых в ближайшем будущем во многом зависело положение самой Японии в Азии⁹.

По мере постепенного развития диалога между Санкт-Петербургом и Токио, документально оформленного рядом соглашений¹⁰, политика Японии, связанная с русским Дальним Востоком, стала переходить в практическую плоскость: к сбору различной информации, которая могла пригодиться в будущем. Правительство предпринимает меры к детальному изучению российских дальневосточных владений, а в организованных в Приамурском крае японских школах начинают преподавать географию При-

⁷ См.: *Bumme C. Ю.* Воспоминания. Таллинн–Москва, 1994, т. 3, с. 497.

⁸ Копия секретного донесения посъетского станового пристава на имя никольск-уссурийского уездного начальника. 3 июня 1914 г. – ГАХК (Государственный архив Хабаровского края), ф. И 16, оп. 6, д. 1, л. 268.

⁹ Мансю бункацу рон (Рассуждения о разделе Маньчжурии). Август 1913 г. – Архив внешней политики Японии (Токио), ф. 1.2.1.31. Дзай харупин сорёдзикан хококу «Рококу кёкуто сэйсаку кэнкю сирё» дзаккэн (Подборка донесений генерального консульства из Харбина, озглавленных «Материалы по исследованию российской дальневосточной политики»).

¹⁰ Имеются в виду соглашения, подписанные в 1907, 1910 и 1912 гг., по которым были разграничены сферы влияния обеих стран в Маньчжурии и Монголии. См.: *Mo Shen.* Japan in Manchuria. An Analytical Study of Treaties and Documents. Manila, 1960, p. 35; *Гримм Э. Д.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927.

амурья и русский язык¹¹. Как отмечала русская пресса того времени, «японцы знают наше Приамурье так хорошо, как мы, переселенцы, не знаем своих центральных губерний»¹². В самой Японии издавалась газета «Сибирь», где публиковались данные об обстановке на русском Дальнем Востоке, составе населения, сведения о залегающих в Приамурском крае полезных ископаемых. Издателем этой газеты являлся владивостокский корреспондент «Осака Асахи» – некий Ясусимо, получавший от японского правительства средства на сбор информации для подготовки публикаций такого рода. Газета «Осака Асахи» имела своих корреспондентов не только на русском Дальнем Востоке, но и в Санкт-Петербурге, откуда также удавалось получать сведения о положении дел на дальневосточных окраинах России. В первые послевоенные годы в Японии начинает появляться все больше справочных изданий, посвященных русскому Дальнему Востоку, в которых зачастую приводилось немало данных, собранных путем шпионажа. Так, в свое время особый интерес у русской контрразведки вызвала книга японского консула в Харбине Каваками «Промышленность Северной Маньчжурии», которая была издана на деньги министерства иностранных дел Японии. В ней приводились не только статистические данные по экономическому положению дальневосточных владений России, которые можно было почерпнуть, например, из местной прессы, но и материалы, считавшиеся секретными¹³.

Наряду с изучением русского Дальнего Востока Япония продолжала вести здесь сбор сведений военного характера. С 1910 г. японская разведка активизировала свою деятельность на юге Приморской области и возле побережья Камчатки. С этого времени пограничные службы России стали регулярно фиксировать появление у российского побережья китайских шаланд с находившимися в них японскими военными. Нередко местными властями задерживались переодетые в рыбацкие костюмы японцы, у которых при обыске находили фотоаппаратуру и топографические рисунки местности. По заявлению русских военных, дислоцированных в этом районе, на наблюдательном посту возле залива Посьета стал по непонятным причинам часто портиться военно-морской телеграф¹⁴. Прямых доказательств причастности к этим неполадкам японской разведки у русских военных не было. Однако, по-видимому, японцы все же имели отношение к данным инцидентам, так как телеграфная связь стала нестабильной именно после появления здесь японских агентов, а возможной причиной поломки телеграфа могли стать попытки подключиться к нему для прослушивания.

¹¹ Вестник иностранной литературы. 1913, № 84, с. 21.

¹² Наш журнал. 1910, № 7, с. 20.

¹³ Выписка из разведывательной сводки Заамурского округа пограничной стражи. 9 ноября 1909 г. – РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 29, л. 81.

¹⁴ «Китай и Япония». 18 ноября 1910 г., № 12, с. 39.

Практически каждый месяц русская контрразведка задерживала японцев по подозрению в занятии шпионажем во Владивостоке, Иркутске или Чите¹⁵. Например, в окрестностях Владивостока нередко подвергались аресту японцы, которые под видом загородных семейных прогулок старались приблизиться к укрепрайону, куда подданным иностранных государств доступ был категорически закрыт. При обыске у арестованных часто обнаруживали точные карты местности, очевидно, составленные для их последующей передачи в Токио. В Архиве внешней политики Японии хранится немало подобных карт того времени, где указаны численность и расположение российских военных частей в Северной Маньчжурии и на Дальнем Востоке¹⁶. После нескольких случаев арестов местной полицией японцев, подозреваемых в шпионаже, местная японская община разразилась потоком гневных писем в адрес местной администрации и прессы. В них русские власти обвинялись в неподобающем отношении к гражданам Японии, которые, оказывается, и не думали заниматься чем-то противозаконным, а лишь хотели выбраться в окрестности города, чтобы подышать свежим воздухом¹⁷. Самую активную помощь своим соотечественникам, уличенным в шпионаже, оказывал японский коммерческий агент Каваками Тосихино. Следует отметить, что после спешного отъезда Каваками из Владивостока за три дня до начала русско-японской войны в его доме контрразведка обнаружила обрывки документов, в которых содержалось подробное описание дислокации войск владивостокского гарнизона, а также приводились статистические данные по фортификационным сооружениям и минным заграждениям¹⁸.

Там, где дальневосточной администрации было сложно установить наблюдение за передвижениями японской агентуры, последняя почти не скрывала истинных целей своей деятельности. Например, по свидетельствам многих китайцев, проживавших на северо-востоке Маньчжурии, которая находилась в сфере российских интересов, агенты японской разведки собирали здесь сведения о количестве и тоннаже судов, курсировавших по реке Сунгари, а также стоимости речного фрахта и численности дислоцированных в этом районе русских войск. Активизация японской разведки, а также характер расспросов местного населения японскими агентами все больше укрепляли у дальневосточной администрации уверенность в том, что Япония вплотную подбирается к русским владениям, готовясь к судо-

¹⁵ Лабру А. Японцы в Сибири и Маньчжурии. – «Новое Слово». 1913, № 3, с. 86.

¹⁶ Хокумансю рококу гунтай хайти (Дислокация русских войск в Северной Маньчжурии). Данные на декабрь 1916 г. – Архив внешней политики Японии (Токио), ф. 5-2-15-27-1; Осю сэно но сай косэн каккоку но кокудзё канкэй дзассан. Рококу но бу (Документы, касающиеся положения в странах, ведущих войну в Европе. Российский отдел).

¹⁷ «The Seoul Press». 10.06.1913.

¹⁸ Краткая пояснительная записка о системе японского шпионажа, составленная ротмистром Михайловым. 28 июля 1906 г. – Японский шпионаж в царской России, с. 26.

ходству по Сунгари¹⁹. По поддельным документам японские резиденты свободно перемещались в пределах дальневосточных владений России. Они получали необходимые данные от служащих находившихся там японских фирм и местного населения. Японцев особенно интересовало положение дел в городах Цицикар, Хайлар и на станции Маньчжурия²⁰.

В районы северо-восточного Китая и в города русского Дальнего Востока направлялись японские агенты, прошедшие необходимую подготовку. Иногда это были лишь пятидневные курсы, на которых будущих агентов учили лишь русским буквам и умению различать по погонам военные чины. Однако в Россию также направлялись люди, закончившие в Японии специальные школы. Такие разведчики владели несколькими языками, в том числе европейскими. Для передачи секретных сведений агентурой, как правило, использовались шифрованные письма и телеграммы, а также почтовые открытки. Например, на почтовой открытке черточками или точками делались отметки, показывавшие направление передвижения русских войск: вверх открытки – передвижение на север, вниз – на юг, справа – на восток, слева – на запад. Численность войск обозначалась количеством черточек на краях открытки: одна – батальон, две – дивизия, три – корпус. В некоторых случаях для пересылки собранных сведений применялось туалетное мыло, которое разрезалось посередине, а по краям проделывались небольшие углубления, после чего туда закладывалось донесение. Затем оба куска складывались вместе и слегка намыливались по краям. Определить по внешнему виду, что внутри такого куска что-то находится, было практически невозможно²¹.

Очевидно, уроки «маленькой победоносной войны» должны были несколько отрезвить многих российских военных и политиков, не принимавших до этого всерьез Японию, и заставить задуматься об исправлении допущенных ошибок. Тем не менее, надлежащие выводы были сделаны далеко не сразу, о чем свидетельствуют случаи халатного отношения отдельных военных к секретной информации, и даже факты продажи ими секретных сведений. Например, после участвовавших случаев исчезновения из строительного управления владивостокской крепости секретных документов местная контрразведка направила туда ротмистра Михайлова для расследования этих фактов. К большому удивлению самого ротмистра, ему удалось свободно купить в крепости последний план телеграфных и телефонных

¹⁹ Копия донесения секретного сотрудника из Китая. 13 августа 1916 г. – РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 4167, л. 8.

²⁰ Кантото сэйфу рикугун санбоку (Администрация района Канто – В генеральный штаб). 16 октября 1915 г. – Архив внешней политики Японии (Токио), ф. 5-2-15-27-1.

²¹ Подполковник Немыский – Ротмистру Постникову. 14 февраля 1916 г. – ГАХК, ф. И 16, оп. 6, д. № 2, л. 17; Подполковник Немыский – Ротмистру Постникову. 24 октября 1916 г. – ГАХК, ф. И 16, оп. 6, д. № 2, л. 204.

сообщений, а также схемы расположения орудийных батарей и минных заграждений²².

На недостаточную организацию контроля над российскими военными объектами указывают и случаи фактически беспрепятственного посещения иностранными гражданами владивостокского укрепрайона. Например, в феврале 1913 г. в жандармерии Уссурийской железной дороги стало известно о нахождении на территории владивостокской крепости большого контингента иностранных рабочих, среди которых были замечены китайцы и корейцы-японскоподданные. В ходе дальнейших разбирательств выяснилось, что все эти рабочие попали на территорию укрепрайона при содействии братьев Кузьминских, заключивших подряд с инженерным ведомством на выполнение работ по очистке дымоходов владивостокской крепости. Благодаря финансовой поддержке проживавшего во Владивостоке китайского подданного Лю Шу Ина Кузьминским удалось быстро наладить дело²³. По-видимому, их совершенно не волновало, что поданным иностранных государств доступ на военные объекты России был запрещен. Китайские рабочие и японскоподданные корейцы, приходившие наниматься на работу в контору Кузьминских, предъявляли поддельные паспорта, по которым они якобы являлись российскими корейцами. Впрочем, паспорт можно было свободно приобрести и в самой конторе по цене 15–30 руб.²⁴ Как только формальности с документами улаживались, поддельные паспорта передавались во владивостокскую крепостную жандармерию на регистрацию,

после чего нанятые рабочие приступали к работе. Старые паспорта могли перепродаваться следующим командам рабочих по несколько раз, причем со временем хозяева предприятия даже перестали выдавать сами паспорта, ограничившись выдачей рабочим пропуска в крепость. Таким образом, по одному и тому же пропуску в крепость проходило несколько человек. Предприятие братьев Кузьминских и Лю Шу Ина просуществовало всего около двух недель. В ходе проведенных контрразведкой и жандармерией обысков и арестов по данному делу был арестован 21 человек, в числе которых оказались японскоподданные корейцы, воспользовавшиеся возможностью практически беспрепятственного допуска в укрепрайон для сбора разведанных.

Несмотря на то, что после поражения в русско-японской войне Россия была вынуждена на время отказаться от активной дальневосточной политики, царское правительство окончательно не отказалось от намерений

²² Краткая пояснительная записка о системе японского шпионажа, составленная ротмистром Михайловым. 28 июля 1906 г. – Японский шпионаж в царской России, с. 24–25.

²³ Ротмистр Фиошин – Начальнику жандармского управления Уссурийской железной дороги. 26 февраля 1913 г. – Японский шпионаж в царской России, с. 164–166.

²⁴ 30 рублей стоил паспорт, срок действия которого должен был истечь еще не скоро. Если срок действия документа скоро заканчивался, он продавался вдвое дешевле.

вернуть здесь свои прежние позиции. Хотя Санкт-Петербург на фоне готовящейся аннексии Кореи поспешил дистанцироваться от попыток императора Коджона склонить Россию к вмешательству в японо-корейские дела, выдвижение Японии к границам Российской империи не могло не беспокоить царское правительство. Растущее в Корее антияпонское сопротивление в российской столице рассматривалось как положительный фактор, при помощи которого можно было добиться ослабления влияния Японии на Корейском полуострове. Поэтому после 1910 г. на территории русского Дальнего Востока получили убежище не только рядовые корейские крестьяне и ремесленники, бежавшие из своей страны от японского гнета, но и участники антияпонского корейского сопротивления. На юге Приморского края развернули деятельность «Отряды независимости» («Тоннипкун»), организованные корейскими патриотами Ли Сиёном, Ли Доннёном и Ли Санъёном, а в окрестностях Владивостока проживала корейская семья Ан Чжун Гын, подготовившая и осуществившая убийство японского генерального резидента в Корее Ито Хиробуми. Хотя официально российские власти не поддерживали лидеров антияпонского сопротивления, опасаясь осложнений в отношениях с Японией, со стороны русской администрации им оказывалась негласная поддержка. Корейские повстанцы были расквартированы в русских казармах, а обучали их русские военные инструкторы.

От Токио не укрылось, что дальневосточная администрация подозрительно спокойно относится к нахождению на своей территории корейских партизан. Хотя после событий 1910 г. движения за независимость Кореи стихийно возникли в США, Китае и на Гавайях, особое беспокойство у японского правительства, завоевавшего право хозяйничать в Корее ценою кровопролитной русско-японской войны, вызывала перспектива появления антияпонской оппозиции в России. Опасаясь, как бы царское правительство не попыталась вновь разыграть «корейскую карту», Токио предпринимал энергичные меры по установлению контроля над корейскими эмигрантами, обосновавшимися на русском Дальнем Востоке. С этой целью еще накануне аннексии Кореи усилиями генерального консульства Японии во Владивостоке и Ассоциации японских резидентов были созданы прояпонские общества, занимавшиеся наблюдением за корейцами, покинувшими Корею – Общество прогресса (Ильчинхой), Народное общество (Кукминхой), Общество корейских резидентов (Тёсэн кёрюминкай).

Помимо наблюдения за корейской общиной, данные организации ставили своей главной задачей распространение прояпонских идей среди дальневосточных корейцев²⁵. Такого рода пропаганда приносила пользу, поскольку японское правительство, имевшее определенные виды на русский Дальний Восток, обещало предоставить корейцам много земли в слу-

²⁵ Штаб Приамурского военного округа – Военному губернатору Приморской области. 2 июля 1907 г. – ГАХК (Государственный архив Хабаровского края), ф. И 16, оп. 1, д. 2, л. 74.

чае захвата российских территорий²⁶. В стремлении привлечь корейцев на свою сторону японское правительство даже обещало вернуть независимость Корее в случае захвата Приамурья²⁷. На корейцев, состоявших в Ильчинхой, возлагалась также задача поддержания связей с хунхузами. Нередко японским агентам предписывалось принимать участие в грабежах и разбое вместе с хунхузами и «вообще производить беспорядки, чтобы вызвать у русских ненависть к корейцам и китайцам»²⁸. С началом первой мировой войны, когда практически весь военный контингент был переброшен с Дальнего Востока в Европу, местной администрации становилось все сложнее поддерживать порядок в Приамурском крае и русских владениях в Китае.

Относительно благополучно обстояли дела лишь в районе КВЖД, как наиболее охраняемом во всей Маньчжурии участке. В остальных же районах шайки хунхузов, состоявших из нескольких сотен человек, «представлявшие собой постоянную угрозу человеческой жизни и собственности, иногда нападали на целые деревни и даже на небольшие города»²⁹.

Подобная пропагандистская работа велась Японией и в отношении китайцев. В одном из перехваченных русской разведкой воззваний к китайскому народу заявлялось, что «если Япония, навязавшая Пекину кабальные требования, все-таки приобретет в Южной Маньчжурии новые права, Россия не остановится ни перед чем, чтобы приобрести такие же права в северной Маньчжурии»³⁰. Таким образом, главным противником Китая называлась все-таки не Япония, а Россия. Подобная агитация находила немало сторонников среди китайцев, полагавших, что именно Россия, заключившая, по их мнению, ряд неравноправных договоров с Пекином, которые лишили Поднебесную выхода к Японскому морю, во многом несет ответственность за нынешний политический и экономический упадок их страны.

О причастности японской разведки к агитации такого рода свидетельствует ряд случаев, когда во время своих выступлений китайские ораторы свободно оперировали сверхсекретными данными о численности русских войск на Дальнем Востоке и состоянии армии. Один из подобных эпизодов, заставивший обратить на себя внимание русскую контрразведку, произошел в ноябре 1914 г. в ресторане «Тэ шунь куань», расположенном в ки-

²⁶ Сводка наблюдений за японскими шпионами. 30 апреля 1909 г. – Японский шпионаж в царской России, с. 106.

²⁷ Секретное донесение посъетского станового пристава начальнику Никольско-Уссурийского уезда. 3 июня 1914 г. – ГАХК, ф. И 16, оп. 6, д. 1, л. 268.

²⁸ Разведывательная сводка Штаба Приамурского военного округа. 12 апреля 1910 г. – РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 29, л. 105–106.

²⁹ Kinney H. *Modern Manchuria and the South Manchuria Railway Company*. Dairen, 1928, p. 42.

³⁰ Помощник военного агента в Китае – Командующему Сибирской флотилией. 12 марта 1915 г. – РГА ВМФ (Российский государственный архив военно-морского флота), ф. 418, оп. 2, д. № 48, л. 2.

тайской слободке Владивостока. В обеденное время, когда в ресторане было много посетителей, появившийся там китаец произнес перед соотечественниками речь, в которой призвал сограждан отомстить России «за все обиды со времен договора в Айгуне». По словам китайского агитатора, состояние русской армии оставляло желать лучшего, поскольку Россия закупила у Японии 600 тыс. винтовок и с началом войны в Европе перебросила туда пятисоттысячный военный контингент с Дальнего Востока. Это позволяло рассчитывать на успех в случае вторжения китайских войск численностью в несколько тысяч человек в дальневосточные владения России³¹.

Китаец назвал абсолютно точные данные о численности русских войск, переброшенных с Дальнего Востока, и о количестве винтовок, закупленных царским правительством у Токио, хотя на тот момент переговоры о закупке Россией вооружения в Японии еще не были закончены. Эти данные были известны только японскому и царскому правительствам, а документы, касающиеся военного сотрудничества между Японией и Россией, были впервые опубликованы лишь в 30-е годы в Советском Союзе и значительно позже, в 60-е годы прошлого века в Японии³². Утечка подобной информации с российской стороны была маловероятна. В годы первой мировой войны всем военным частям были разосланы инструкции, где говорилось о необходимости соблюдения крайней осторожности при контактах с посторонними лицами, особенно иностранцами, чтобы избежать утечки информации, касающейся дислокации русских войск и охраны железных дорог³³. Вся корреспонденция, уходившая с Дальнего Востока, проверялась на предмет передачи секретных сведений, и даже мало-мальски подозрительные послания задерживались военной цензурой. Однако даже в письмах, содержащих разведывательную информацию, не называлось точная численность русских войск, находившихся на Дальнем Востоке, хотя их передвижение фиксировалось иностранной агентурой. Например, в письме, отправленном из г. Серпухов на ст. Пограничная КВЖД, содержался следующий текст: «Сибирская железная дорога занята воинскими поездами, товарные поезда совсем не идут. С Дальнего Востока посылается очень много войск, ежедневно мимо нас проходит 10–20 воинских поездов в Россию (европейскую часть. – Ю. П.)»³⁴. Судя по этому письму, а также другим подобным депешам, задержанным русской контрразведкой, иностран-

³¹ Ротмистр Немыский – Начальнику Николаевской-на-Амуре крепостной жандармской команды. 6 декабря 1914 г. – ГАХК, ф. И 16, оп. 6, д. № 1а, л. 535.

³² См.: Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. М.-Л., 1935–1937. – Нихон гайко бунсё (Японские дипломатические документы) (1914–1917). Токио, 1966–1968.

³³ Начальнику второго отряда Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи. 3 января 1915 г. – РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3984, л. 4.

³⁴ Полковник Немыский – Ротмистру Посникову. 14 февраля 1916 г. – ГАХК, ф. И 16, оп. 6, д., 2, л. 22.

ным агентам на Дальнем Востоке приходилось довольствоваться лишь наблюдением за передвижением русских войск и на основании этого производить общие подсчеты их действительной численности. Таким образом, можно с достаточной степенью уверенности предположить, что сведения о численности русских войск, а также другая секретная информация стали известными с подачи японского правительства.

Российские политики по-разному относились к упрочению позиций Японии на Дальнем Востоке и деятельности в этом регионе ее разведки. Например, уполномоченный российского министерства иностранных дел В. В. Граве после детального ознакомления с положением дел в дальневосточных владениях России пришел к несколько парадоксальному выводу о достаточно стабильной обстановке на русском Дальнем Востоке, несмотря на отмеченное им же стремление Японии к главенству в этом регионе. По мнению В. В. Граве, японцы, проживавшие на Дальнем Востоке России, по сравнению с другими этническими группами были менее опасны из-за своей малочисленности. Факты шпионажа японскими подданными также не вызвали у русского чиновника особого беспокойства. В итоге местные власти получили от него еще одно напоминание о необходимости усилить надзор за проживающими в крае иностранцами, однако при этом японские резиденты не были выделены особо, что, очевидно, следовало бы сделать. В докладе В. В. Граве говорилось о необходимости усиления охраны русско-китайской границы и расширении штатов местной полиции. Остальные меры по усилению дальневосточных владений России, предложенные В. В. Граве, носили общий характер, и дальневосточная администрация вряд ли могла взять из них что-нибудь на вооружение. В частности, В. В. Граве указал на необходимость привлечения на Дальний Восток русскоязычного населения и поднятия Приамурского края в культурном отношении посредством строительства школ. Российский чиновник также отметил важность скорейшего налаживания на Дальнем Востоке инфраструктуры, что предполагало сооружение дорог, телеграфных линий, установление пароходных сообщений между населенными пунктами и привлечение сюда российских и иностранных капиталов³⁵.

³⁵ Граве В. В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье: Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. СПб., 1912, вып. 11, с. 234. Следует заметить, что подобного рода заявления делались русскими чиновниками и раньше, однако дальше дело, как правило, не шло. У местной администрации не хватало сил и средств даже на то, чтобы остановить контрабандный ввоз алкогольной продукции через русско-китайскую границу, прозрачность которой отмечалась даже японцами, не говоря уже о принятии конкретных мер к укреплению Приамурского края. См.: Японское генеральное консульство во Владивостоке – министру иностранных дел Японии Исии Кикудзиро. 30 марта 1916 г. – Архив внешней политики Японии (Токио), ф. 3.1.6.4. Энкайсё э сюсэй юнъю кинси иккэн (Дела о запрещении ввоза в Приморскую область алкогольной продукции).

Такие российские политические деятели, как П. Ф. Унтербергер, П. Л. Барк и Я. Я. Лютша призывали царское правительство не особенно полагаться на дружбу с Японией, а позаботиться о военном укреплении русского Дальнего Востока³⁶. Однако никаких шагов в этом направлении царским правительством предпринято не было. Санкт-Петербург ограничился лишь введением новых мер, призванных поставить под более строгий контроль иностранное присутствие на русском Дальнем Востоке. В частности, было усилено наблюдение за всеми иностранными гражданами, прибывавшими на Дальний Восток, от которых требовалась обязательная регистрация и предоставление сведений о своем местожительстве³⁷.

В силу целого ряда причин политического толка, требовавших сосредоточения всех усилий на ведении войны в Европе, царскому правительству приходилось сквозь пальцы смотреть на выходы Японии, хотя русской разведке было хорошо известно, кто стоит за бандами хунхузов и кто инспирирует антирусскую агитацию среди китайцев и дальневосточных корейцев. Царское правительство, заключая в 1916 г. союзный договор с Японией, было уверено, что юридическое оформление союзных отношений между двумя странами если и не остановит, то, по крайней мере, снизит активность японских спецслужб. На предварительных переговорах о заключении японо-российского союза глава дальневосточного департамента царского внешнеполитического ведомства Г. А. Козаков, не понаслышке имевший представление о деятельности японцев на Дальнем Востоке, в разговоре с министром иностранных дел Исии Кикудзиро заметил, что сложившаяся в российских дальневосточных владениях обстановка создает правительству России известные трудности в деле корректировки своего внешнеполитического курса. Кроме того, глава дальневосточного департамента выразил уверенность, что упрочение отношений между Японией и Россией окажет благотворное влияние на стабилизацию обстановки в этом регионе³⁸. Однако и после подписания японо-российского союзного договора в июле 1916 г. ситуация на Дальнем Востоке России не изменилась, поскольку японское правительство продолжало проводить прежнюю политику на территории теперь уже своего союзника.

³⁶ П. Ф. Унтербергер – И. Л. Горемыкину. – Международные отношения в эпоху империализма. Серия III. М.–Л., 1935, т. VII, ч. 1, с. 469; Я. Я. Лютша – С. Д. Сазонову. 30 июня 1915 г. – Международные отношения в эпоху империализма. Серия III. М.–Л., 1935, т. VIII, ч. 1, с. 86–87; П. Л. Барк – С. Д. Сазонову. 17 августа 1915 г. – Международные отношения в эпоху империализма. Серия III. М.–Л., 1935, т. VIII, ч. 2, с. 94–96.

³⁷ Японский консул в Николаевске Ямагути – министру иностранных дел Японии Като. 15 мая 1914 г. – Японские дипломатические документы, т. 1, [1914], с. 374.

³⁸ Кодзакофу Исии гаймудайдзин кайдан (Переговоры Козакова с министром иностранных дел Исии). 14 января 1916 г. – Японские дипломатические документы (1916). Токио, 1967, т. 1, с. 111.

Очевидна цель, ради которой японское правительство поощряло деятельность хунхузов и сознательно разжигало антироссийские настроения среди китайского и корейского населения. Оно рассчитывало, что в условиях политической нестабильности царское правительство, практически не имевшее на Дальнем Востоке своих войск, обратится за военной помощью к Японии. Судя по дипломатической переписке японского министерства иностранных дел, Исии Кикудзиро настоятельно рекомендовал японскому послу в России Мотоно Итиро прощупать почву относительно возможности отправки оставшихся на Дальнем Востоке русских воинских частей в Европу, чтобы при первой же возможности заменить их японскими войсками. При этом Токио лицемерно утверждал, что с самого начала войны Япония неустанно следит за поддержанием стабильности в Азии, в особенности в русских владениях Дальнего Востока³⁹.

К тому же, растущая активность банд хунхузов давала японскому правительству возможность продемонстрировать всему миру, что Пекин самостоятельно не контролирует ситуацию на своей территории и, следовательно, нуждается в постоянном военном присутствии Японии для поддержания там порядка. Так, в 1916 г. Окума Сигэнобу открыто заявил, что увеличение японского военного контингента на территории Китая преследует единственную цель – сохранение целостности страны, поскольку самостоятельно Китай этого сделать не может⁴⁰.

Смена японских кабинетов на протяжении 1906–1917 гг. в целом не повлияла на направление дальневосточной политики Токио. Несмотря на общность политических целей Японии и России по отдельным внешнеполитическим вопросам, Санкт-Петербургу не следовало преувеличивать значения нормализации отношений в этот период. События 1918 г. показали, что ни союзные отношения, ни формально оформивший их союзный договор не спасли русский Дальний Восток от японской агрессии. Таким образом, деятельность японской разведки в дальневосточных владениях России была частью общего плана по установлению контроля над Сибирью и Дальним Востоком. Япония только ждала удобного случая, чтобы от приготовлений и агентурной работы, осуществлявшейся на протяжении нескольких последних лет, перейти к непосредственному захвату русской территории.

³⁹ Исии – Мотоно. 15 февраля 1916 г. – Японские дипломатические документы (1916), т. 1, с. 120.

⁴⁰ «Okuma Urges Army Increase». 23.06.1916. – Архив внешней политики Японии (Токио), ф. 1.1.4.1-2. Тэйкоку сёгайкоку гайко канкэй дзассан. Нитириккан (Подборка документов по дипломатическим отношениям Японской империи с другими государствами. Японо-русские отношения).

Русско-японская политическая конвенция 1916 г. и ее международно-политическое значение

Э. А. Барышев

В истории российско-японских отношений первая мировая война занимает особое место. В тот период они достигли своего исторического апогея, который не был превзойден ни в прошлом, ни в дальнейшем. Тем не менее, данная тема по сей день остается «белым пятном» в отечественной историографии¹. Точка в дискуссии о целях и историческом значении сближения России и Японии до сих пор не поставлена. Исследователи не могут прийти к единому мнению о том, что же собой представляло это сближение: военно-политический союз или что-то наподобие Антанты; являлось ли оно логическим продолжением процесса, обозначившегося после 1907 г., или это было особое соглашение, продиктованное условиями первой мировой войны. Если это был военно-политический союз, то против кого он был направлен: Германии, Великобритании, Китая или США; какие цели преследовали стороны, заключая данное политическое соглашение и т. д.

Изучение русско-японского сближения во время первой мировой войны проливает дополнительный свет на историю двусторонних отношений, помогает выявить некоторые закономерности их развития, а значит, лучше понять национальные интересы современной России на Дальнем Востоке. Все это, безусловно, должно способствовать выработке более гибкого внешнеполитического курса по отношению к Японии.

* * *

Первая мировая война изменила баланс сил не только в Европе, но и на Дальнем Востоке. После объявления войны Германией Россия встала перед необходимостью сосредоточения своих сил на Западном фронте. Однако для этого требовалось, прежде всего, обезопасить восточные рубежи, поскольку было неясно, как поведет себя Япония в такой ситуации. Печальный опыт русско-японской войны, начавшейся неожиданным, вероломным

¹ В той или иной степени проблема русско-японского сближения во время первой мировой войны исследовалась российскими учеными: *Гальперин А.* Англо-японский союз: 1902–1921 гг.. М., 1947; *Григорцевич С. С.* Дальневосточная политика империалистических держав в 1906–1917 гг. Томск, 1965; *Васюков В. С.* Внешняя политика России накануне Февральской революции: 1916 – февраль 1917 г. М., 1989; *Пестушко Ю. С.* Японо-российские отношения в годы первой мировой войны. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владивосток, 2003; *Молодяков В.* Россия и Япония: поверх барьеров. – Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899–1929). М., 2005.

ударом японского флота по русским боевым соединениям на Дальнем Востоке,

заставлял поверить в самый худший вариант развития событий. В случае вступления Японии в войну на стороне Германии Россия должна была бы вести боевые действия на двух фронтах, что могло привести к самым непредвиденным последствиям².

К счастью, эти опасения не оправдались. 23 августа 1914 г. Япония объявила войну Германии. Сразу же после разрыва дипломатических отношений с Германией Япония направила в «южные моря» морскую эскадру для «поиска и уничтожения» германского Восточного флота, создававшего угрозу торговым интересам Великобритании и Японии, и приступила к осаде крепости Циндао, являвшейся на тот момент оплотом германского влияния в Восточной Азии. С самого начала войны Япония заняла по отношению к России достаточно дружелюбную позицию, начав поставки боеприпасов, медикаментов и сырья, столь необходимых для страны в военное время. Россия избежала войны на два фронта и могла смело перебросить размещенные на Дальнем Востоке войска на запад. Русско-японские отношения стали фактически союзническими³.

Дружественные отношения между двумя странами были закреплены подписанной 3 июля (20 июня) 1916 г. в Петрограде русско-японской политической конвенцией, содержащей в себе, помимо предназначенных для публикации «явных» статей, секретный протокол. Последний гласил буквально следующее: «Императорское российское правительство и императорское японское правительство, желая укрепить свои искренно дружеские отношения, установленные их секретными конвенциями от 30/17/VII – 1907 года, от 4/VII – 21/VI 1910 года, и от 8/VII – 25/VI 1912 года согласились в нижеследующих статьях, предназначенных дополнить указанные соглашения:

Ст. 1. Обе высокие договаривающиеся стороны, признавая, что их жизненные интересы требуют, чтобы Китай не подпал под владычество *какой-либо третьей державы* (курс. наш. – Э. Б.), враждебной России или Японии, вступят в откровенные и дружеские сношения каждый раз, когда обстоятельства того потребуют, и согласятся относительно мер, которые должны быть приняты, дабы воспрепятствовать тому, чтобы создалось подобное положение.

² См.: *Асида Хитоси*. Какумэй дзэнъя но Росиа (Россия накануне революции). Токио, 1950, с. 39.

³ См.: *Полумордвинов М.* О влиянии современных мировых событий на положение дел в Дальневосточных странах. – Вестник Азии. 1915, № 31–32, с. 10, 20–21; *Штейнфельд Н. П.* Новый фазис русско-японских отношений – Вестник Азии. 1915, № 31–32, с. 57; *Вонсович И. И.* Русско-японское торговое сближение и меры к его развитию. – Вестник торгово-справочного бюро. 1916, № 1, с. 19–21; Нитиро бокки (Русско-японская торговля). Дайрэнь: управление Квантунского генерал-губернаторства. 1916, с. 1–2.

Ст. 2. В случае если вследствие мер, принятых по взаимному согласию,... будет объявлена между одной из договаривающихся сторон и одной из третьих держав, подразумеваемых предшествующей статьей, война, другая договаривающаяся сторона, по просьбе (*demande*) своей союзницы, придет ей на помощь, и в таком случае каждая из высоких договаривающихся сторон обязуется не заключать мира без предварительного согласия другой договаривающейся стороны.

Ст. 3. Условия, при которых каждая из высоких договаривающихся сторон предоставит свою вооруженную помощь другой договаривающейся стороне, как постановлено в предшествующей статье, и средства, коими эта помощь будет осуществлена, будут установлены компетентными властями двух высоких договаривающихся сторон.

Ст. 4. Твердо установлено, однако, что ни одна из высоких договаривающихся сторон не будет обязана оказать своей союзнице вооруженную помощь, предусмотренную ст. 2 настоящей конвенции, *не обеспечив себе со стороны своих союзниц содействия* (курс. наш. – Э. Б.), соответствующего серьезности грозящего конфликта.

Ст. 5. Настоящая конвенция вступит в силу тотчас по подписании и сохранит силу до 14/VII 1921 года. – В случае если ни одна из высоких договаривающихся сторон не нотифицирует за 12 месяцев до наступления срока своего намерения прекратить действие конвенции, последняя сохранит обязательную силу впредь до истечения одного года, считая со дня, когда та или другая из высоких договаривающихся сторон его денонсирует.

Ст. 6. Настоящая конвенция будет храниться между двумя высокими договаривающимися сторонами в строгом секрете»⁴.

Текст секретной конвенции показывает, что объектом данного соглашения являлся Китай. Стороны заключили военно-политический альянс, ставивший целью защиту интересов держав в Восточной Азии и предусматривавший совместное ведение войны с «третьей державой». В то же время выполнение условий по оказанию военной помощи ставилось в зависимость от позиции других стран-союзниц – Англии и Франции. Срок действия союзного договора был приведен в соответствие со сроком действия англо-японского договора.

Вместе с тем нужно отметить, что простой анализ текста секретного протокола не позволяет в полной мере раскрыть характер военно-политического союза, ибо документ содержит в себе немало спорных, неясных моментов. Основная проблема в интерпретации положений секретного протокола связана с неопределенностью выражения «третья держава». Ряд

⁴ Гримм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1926). М., 1927, с.191–192.

зарубежных исследователей⁵ утверждает, что здесь подразумевается Германия, однако такая интерпретация кажется преднамеренно нарочитой и слишком поверхностной, ибо неясно: 1) зачем нужно было заключать секретное соглашение именно против Германии, с которой Россия и Япония уже находились в состоянии войны; 2) почему в таком случае стороны прямо не указали Германию в качестве предполагаемого противника; 3) почему оказание взаимной помощи ставилось в зависимость от «содействия стран-союзниц»?

Очевидно, что неопределенность понятия «третья держава» имела под собой веские основания. Внимательное рассмотрение общественно-политических условий, в которых была заключена русско-японская конвенция, позволяет, на наш взгляд, прояснить эти вопросы и расставить все точки над *i*.

Положения русско-японской конвенции, официально опубликованные 7 июля 1916 г., имели достаточно умеренный характер и не выходили за рамки русско-японской «Антанты». Открытый текст договора гласил: «Российское и японское правительства, решив объединить свои усилия для поддержания постоянного мира на Дальнем Востоке, условливаются в нижеследующем:

Статья 1. Россия не примет участия ни в каком соглашении или политическом сочетании, направленном против Японии. Япония не примет участия ни в каком соглашении или политическом сочетании, направленном против России.

Статья 2. В случае если бы что-либо грозило территориальным правам или особым интересам на Дальнем Востоке одной из договаривающихся сторон, признанным другой договаривающейся стороной, Россия и Япония согласятся между собою относительно мер, которые они примут в видах оказания друг другу поддержки и содействия для охраны и защиты сказанных прав и интересов»⁶.

Тем не менее, оттекаемые дипломатические формулы официального соглашения устраивали, по-видимому, далеко не всех. Информация о готовящемся подписании секретного русско-японского договора каким-то образом просочилась в японскую прессу, и этот факт стал активно обсуждаться еще задолго до официальной публикации соглашения. Газета «Нити-нити», отражавшая взгляды и интересы военного ведомства, уже 5 апреля 1916 г. сообщала «из достоверных источников», что «Россия и Япония пришли к согласию заключить союзный договор на следующих условиях.

⁵ См.: Berton Peter A. The Secret Russo-Japanese Alliance of 1916. Doctoral Dissertation (Columbia University). 1956, p.258.

⁶ Цит. по: Русско-японская политическая конвенция. – Утро России. 24.06.1916, с. 3; см. также: Приамурские ведомости. 25.06.1916, с. 5–6.; Позднеев Д. Русско-японское соглашение. – Приамурские ведомости. 16.07.1916, с.3.

1. Россия соглашается уступить Японии ветвь Китайской Восточной железной дороги к северу от Чаньчуня до пункта несколько южнее Харбина.

2. Япония соглашается снабжать Россию оружием и припасами до предельного размера ее производительной способности до конца войны с Германией и Австрией.

3. Россия соглашается предоставить льготы японцам, которые пожелают заняться земледелием, торговлей и промышленностью в Восточной Сибири, на северном Сахалине и в зоне Китайской Восточной железной дороги, а также в Северной Маньчжурии.

4. Россия открывает во Владивостоке коммерческий порт и отказывается от каких бы то ни было военных приготовлений, так как таковые могли бы вызвать недоразумения с Японией.

5. Япония и Россия обязуются взаимно уважать их интересы в Маньчжурии и Монголии, и если произойдут какие-либо беспорядки в сфере влияния России во время войны с Германией и Австрией, Япония принимает на себя восстановление порядка по просьбе России.

В случае если Япония предпримет необходимые действия в Китае с целью сохранения мира, не нарушая принципа неприкосновенности Китая и одинакового благоприятствования в нем, Россия признает за Японией свободу таких действий, и в случае вмешательства третьей державы Россия действует в кооперации с Японией»⁷.

Газета «Йомиури», находившаяся в руках японского посла в России и будущего министра иностранных дел в кабинете Тэраути Мотоно Итиро (1862–1918), являвшегося одной из главных движущих сил русско-японского сближения в указанный период, 30 июня 1916 г. сообщила о предстоящем подписании русско-японского соглашения, поместив предполагаемые статьи нового договора и описав достаточно подробно ход предстоящих переговоров.

Договор, хотя и заключаемый в виде «политической конвенции» («Антанты», или «согласия», как тогда говорилось), определялся в этой статье в качестве наступательно-оборонительного «военно-политического союза» (альянса). Указывалось на то, что Россия и Япония, подписывая данный документ, согласились принять совместные меры в случае угрозы их интересам в Китае и договорились о взаимном предоставлении режима благоприятствования в Маньчжурии и Монголии. При этом говорилось о том, что «связь нового соглашения с существующими англо-японским и русско-французским союзами остается неясной». Кроме того, утверждалось, что в новой конвенции будет зафиксирована уступка Россией Японии части КВЖД от станции Куанченцзы до Сунгари II⁸, разрешение судоходства по

⁷ Цит. по: *Межуев Л.* Русско-японское соглашение. – Вестник Азии: Журнал общества русских ориенталистов. Харбин, 1916, № 38–39, с.11–12.

⁸ Под названием «Сунгари II» в то время был известен мост через р. Сунгари, находящийся между станциями Таолайчжао и Лаошаогу; «Сунгари I» – мост через ту же реку в Харбине.

р. Сунгари, а также пункт об обязательствах японской стороны относительно поставок оружия и боеприпасов⁹.

Японские власти, естественно, отрицали существование каких бы то ни было секретных статей, однако многие органы японской периодической печати поспешили поместить в своих номерах предполагаемые варианты тайной русско-японской конвенции и пытались достаточно широко и вольно трактовать положения новой русско-японской конвенции. Если умеренно либеральная «Дзидзи симпо» рассматривала соглашение всего лишь как подготовку к настоящему «союзу», то газеты «Хоти», «Токио Асахи», «Нити-нити» и «Иомиури» прямо называли его наступательно-оборонительным военно-политическим альянсом. В японской периодической печати по отношению к новому соглашению прочно закрепился термин «союз».

Таким образом, несмотря на тот факт, что российско-японский союзный договор имел секретный характер, и шестая статья протокола обязывала стороны хранить его содержание в строжайшей тайне, японская сторона по какой-то причине была заинтересована в обнародовании самого факта заключения секретного «союзного» договора и части его статей.

По-видимому, кампания, развернувшаяся в японской прессе весной и летом 1916 г., преследовала две цели. Во-первых, она призвана была консолидировать общественное мнение, разжечь националистические настроения, и тем самым оказать давление на российскую сторону во время последующих переговоров о «компенсации», которую Россия должна была «выплатить» Японии за «неприкосновенность российских дальневосточных границ». В этом смысле японская дипломатия использовала свой излюбленный и уже проверенный на деле прием. Во-вторых, и это крайне важно для понимания сути русско-японской конвенции 1916 г., данная кампания выступала ничем иным, как инструментом давления на другие державы с целью укрепления международно-политического положения Японии.

Англо-японский альянс, заключенный в 1902 г. в преддверии русско-японской войны, оставался и в 1914 г. стержнем внешнеполитической доктрины Японии. Широкие либерально-политические силы Японии, определявшие в начальный период войны характер своей дипломатии, стояли за сохранение этой пробританской ориентации. В этих условиях проблема российско-японского сближения была самым непосредственным образом связана с вопросом о будущем англо-японского союза.

Было ясно, что на время первой мировой войны Англия, Франция, Япония и Россия связаны прочными узами сотрудничества: им удалось сплотиться перед лицом общей угрозы со стороны Германии. Однако никто не мог гарантировать того, что такое положение вещей сохранится и после разгрома «германского милитаризма». «Что будет дальше?» – все пытались дать ответ на этот важнейший вопрос дня. Здравая логика, знание по-

⁹ Нитиро кёяку сэйрицу: Кёяку найё то тэйкэцу кэйка (Подписание японско-русской конвенции: Содержание и ход переговоров). – Иомиури симбун. 30.06.1916, с. 2.

литической ситуации и опыт подсказывали многим, что такая комбинация хрупка и недолговечна.

Не трудно было предположить, что в случае победы стран Антанты и исчезновения с мировой арены Германии международная ситуация могла бы вернуться к тому положению, которое предшествовало русско-японской войне, а именно, к новому витку англо-русского соперничества. Россия, хотя и серьезно ослабленная поражением в войне 1904–1905 гг. и первой русской революцией, с началом мировой войны снова продемонстрировала свою недюжинную силу, которую рано было списывать со счетов мировой политики. Что же делать Японии в случае возобновления противостояния между Россией и Британией? В каком положении очутится Япония, если мир снова будет свидетелем продолжения Великой Игры (the Great Game) в центре евразийского континента?

Большая часть японских политиков и общественных деятелей считала, что необходимо, во что бы то ни стало, избежать столкновения международных обязательств Японии, исходящих из положений англо-японского союзного договора и нового русско-японского соглашения. Иными словами, по мнению многих, Японии следовало оговорить для себя возможность соблюдения нейтралитета в случае англо-русского конфликта. Это могло быть возможно лишь в том случае, если русско-японское соглашение имело бы второстепенный по отношению к англо-японскому союзу характер¹⁰.

Либерально настроенные политики, не желавшие менять внешнеполитические ориентиры, считали, что русско-японская конвенция является не более чем продолжением и прямым следствием тесных отношений, сложившихся между странами Антанты. Русско-японское соглашение с их точки зрения являлось еще одним шагом вперед по сравнению с присоединением Японии к Лондонской декларации. Оно вводило Японию на полных правах в состав антигерманской коалиции, создавая тем самым благоприятные условия для ее активного и непосредственного участия в подготовке будущего мирного договора с державами оси. Общественно-политические деятели либерального крыла подчеркивали тот факт, что договор имел характер «согласия», а не военно-политического союза, закрывая глаза на слухи о существовании секретного протокола. Они считали, что новое русско-японское соглашение никоим образом не противоречит положениям англо-японского союзного договора, и что последний по-прежнему остается неизменным стержнем внешнеполитического курса Японии¹¹.

¹⁰ Кёяку какудзё но иги то оё: Тюи субэки нитиэй домэй то но канкэй. Кёкуто нару ханъи то коги нару сёнин (Смысл и применение статей соглашения. Требуемое пристального внимания отношение договора к англо-японскому союзу. Сфера Дальнего Востока и широкое толкование соглашения) – Нитиро дзичугё симпо. 15.07.1916, с.39–40.

¹¹ *Сүэхиро Сигэо*. Нитиро син-кёяку хихё (Оценка нового русско-японского соглашения). – Гайко дзихо. 01.08.1916, с.7–12; *Тати Сакутаро*. Домэй то кёсё (Союз и Антанта) – Гайко дзи-

Бывший министр иностранных дел Като Такааки (1860–1926), олицетворявший собой позицию этих проанглийски настроенных либеральных сил, писал по случаю заключения новой русско-японской конвенции: «Всем сведущим людям должно быть известно, что я никогда не выступал против заключения русско-японского соглашения. Я всего лишь никогда не соглашусь с теми, кто предлагает аннулировать англо-японский союзный договор и заменить его другим политическим альянсом... В силу того, что и сегодня англо-японский союз в действительности является стержнем японской дипломатии, я вынужден последовательно выступать против любых соглашений с другими странами, вступающих с ним в противоречие. Заключение только что русско-японское соглашение не только не противоречит англо-японскому альянсу, но, наоборот, полностью совпадает с его основной линией и даже дополняет его, поэтому мне остается лишь горячо и от всей души приветствовать его подписание»¹².

Взгляды либерально настроенной общественности нашли широкое отражение на страницах периодической печати. Основанная Фукудзава Юкити «Дзидзи симпо», принадлежавшая Като Такааки «Кокумин», контролируемая премьер-министром Окума «Хоти» утверждали, что заключение русско-японского соглашения, усиливая связи сотрудничества между странами Антанты, в частности между англо-японским и франко-русским союзами, минимизирует угрозу подписания российско-германского сепаратного мира, слухи о котором волновали японскую общественность.

В то же время в Японии существовали силы, которые рассматривали заключение русско-японского соглашения как символ новой независимой японской дипломатии, выходящей далеко за рамки англо-японского союзного договора.

Начало первой мировой войны ускорило процесс русско-японского сближения и породило дискуссию о русско-японском союзе, инициаторами которой стали члены Совета старейшин (*гэнро*), являвшиеся на тот момент фактическими правителями Японии. 21 февраля 1915 г. на стол премьер-министра графа Окума легла записка, составленная генерал-фельдмаршалом Ямагата Аритомо (1838–1922) и подписанная остальными членами Совета старейшин – Ояма Ивао (1842–1916), Мацуката Масаёси (1835–1924) и Иноуэ Каору (1835–1915). В этой записке настоячиво рекомендовалось приложить силы к заключению русско-японского союзного договора.

Старейшины полагали, что после окончания войны в мире произойдет неминуемое обострение отношений между белой и желтой расами, и предлагали в качестве «политической меры, направленной на предотвращение формирования “белой” коалиции», заключить русско-японский союзный

хо. 15.08.1916, с.1–14; Ёсино Сакудзо. Кёсё ва ёси, домэй ва фуё (Антанта – возможна, союз – не нужен). – Тюо-корон. 01.10.1915, с.74–75.

¹² Като Такааки. Нитиро син-кёяку то нитиэй домэй (Новое русско-японское соглашение и англо-японский союз). – Доси. 15.08.1916, т.1, №5, с.1–3.

договор. По их мнению, сохранить мир в Восточной Азии исключительно на основе англо-японского союза было невозможно, поэтому считалось необходимым дополнить его заключением подобного русско-японского союза. Эти политики небезосновательно полагали, что во время войны Англия за неимением ни сил, ни сколько-нибудь серьезных контраргументов, не сможет противодействовать русско-японскому сближению. Говорилось, что в случае каких-либо возражений против термина «союз», следует формально сохранить название «согласие». При этом *гэнро* подчеркивали, что новое соглашение должно включить в себя следующую фразу: «Договаривающиеся стороны обязуются оказывать друг другу взаимную помощь, если одной из них будет объявлена война со стороны третьей державы, как в случае обороны, так и нападения». Иными словами, старейшины считали, что вне зависимости от названия соглашения оно должно было иметь характер «союза», или военно-политического альянса¹³.

С весны 1915 г. на страницах японских газет и журналов все настойчивее критикуется близорукая «проанглийская» политика правительства Окума. Старейшины переходят к активным действиям по смещению Като Такааки, основного противника идеи русско-японского союза, с поста министра иностранных дел¹⁴. В августе 1915 г. эти усилия увенчались успехом, и на место «своенравного» Като был назначен более податливый Исии Кикудзиро (занимал данный пост с октября 1915 по октябрь 1916 г.). Это открыло путь к дальнейшей конкретизации курса на русско-японское сближение и подстегнуло критику существующего англо-японского военно-политического союза.

С конца 1915 в японской прессе разворачивается широкая кампания против англо-японского альянса. В периодической печати все чаще и настойчивее поднимается вопрос о его скорейшем пересмотре в качестве необходимого условия независимого положения Японии в мировой политике. Некоторые политики и общественные деятели стали утверждать, что англо-японский союз, заключенный с тем, чтобы остановить «русскую экспансию» на Дальнем Востоке, уже выполнил свое назначение и должен уйти в небытие. Они заявляли, что необходимость в английском посредничестве отпала, поскольку русско-японские отношения регулируются несколькими политическими конвенциями. Отдельные публицисты начали называть англо-японский союз «странным», «нравным» и «односторонним». В сложив-

¹³ Ямагата Аритомо. Нитиро домэй-рон (Теория русско-японского союза) – Ямагата Аритомо икэнсё (Памятные записки Ямагата Аритомо). Токио, 1966, с.345–348; *Мацумото Тадао*. Кинсэй нихон гайко-си кэнкю (Исследования по истории японской дипломатии нового времени). Токио, 1942, с. 169–177. См. также: *Berton Peter A.* The Secret Russo-Japanese Alliance of 1916, p. 119–120, 140–144; *Hackett Roger F.*, Yamagata Aritomo in the Rise of Modern Japan, 1838–1922 (Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 1971), p. 291–300.

¹⁴ Нитиро домэй то Окума найкаку (Русско-японский союз и кабинет министров Окума) – Гайко дзихо. 15.03.1915, с. 1–4.

шейся ситуации русско-японский союз стал восприниматься как определенная альтернатива англо-японскому альянсу¹⁵.

Умеренно националистические силы, включая так называемых «русофилов», хотя официально и заявляли, что «русско-японский союз» не противоречит положениям англо-японского договора, в то же время явно пытались противопоставлять их друг другу, демонстрируя независимый характер японской дипломатии. Они утверждали, что заключение русско-японского «союзного договора» означает создание системы «двойных гарантий»: безопасность Японии будет впредь обеспечиваться двумя союзами – с «морской» Великобританией и «континентальной» Россией¹⁶.

Националисты подходили к оценке политической конвенции не с точки зрения формальной логики международного права, как это делали либерально настроенные политики, а с точки зрения общей международно-политической ситуации. Признавая существование секретных статей, они рассматривали настоящий договор в качестве оборонительного союза, ставящего своей целью охрану японо-российских интересов в Китае. Эта часть политиков предпочитала не ограничивать действие договора лишь борьбой с Германией, подчеркивая, что он может быть применен против «любых врагов». Ясно, что под последними подразумевались, прежде всего, Соединенные Штаты¹⁷.

Сторонники русско-японского союза, представлявшие собой радикально-консервативное крыло японской политической элиты, которая отражала главным образом интересы военного и военно-морского министерств, воспринимали новую русско-японскую конвенцию не только как серьезный инструмент давления на Великобританию, сковывавшую внешнеполитические инициативы Японии. Они также рассматривали конвенцию в качестве сильной и эффективной меры противодействия политике американского

¹⁵ *Асада Косон*. Нитизэй домэй но како то сёрай (Прошлое и будущее англо-японского союза) – Тайё. 01.03.1916, с. 2–19; *Тояма Мицуру*. Нитизэй домэй ва хэнмэй да (Англо-японский союз – «странный союз») и *Томидзу Хирондо*. Нитизэйро но тэнмэн-сакусю о ика (О сложном переплетении англо-русско-японских интересов). – Нитиро син-кёяку-рон (Теория нового русско-японского соглашения). – Кодзуй иго. 1916, апрель, №11, с. 6–9; *Coleman F.* The Far East Unveiled: an Inner History of Events in Japan and China in the Year 1916. London–New York, Cassel, 1918, p. 17–22.

¹⁶ *Накасёдзи Рэн*. Рикү-ро кай-эй саку (Политика курса на континентальную Россию и морскую Англию). – «Нитиро домэй-рон но кати» («О значении теории русско-японского союза»). – Тайё. 01.01.1915, с. 107–109.

¹⁷ *Укиита Кадзутами*. Нитиро син-кёяку то тэйкоку но симэй (Новое русско-японское соглашение и миссия империи). – Тайё. 01.09.1916, с. 2–14; *Сибусава Эйити*. Нитиро син-кёяку кангэй (Приветствуя новое русско-японское соглашение). – Нитиро дзицугё симпо. 15.08.1916, с. 4; *Гото Симпэй*. Нитиро кёяку ва нитизэй домэй но какутё нари (Русско-японское соглашение – продолжение англо-японского альянса). – Нитиро дзицугё симпо. 15.08.1916, с. 5; *Макино Ёситомо*. Нитиро син-кёяку (Новое русско-японское соглашение). – Тайё. 01.08.1916, с. 81–85.

доллара в Китае, которая открывала путь активному проведению «южной политики» и, как следствие, решению «тихоокеанской проблемы»¹⁸.

Бывший председатель японского парламента, один из лидеров партии Сэйюкай, Ока Икудзо (1856–1928) описывал русско-японские отношения как «родственные отношения между аристократом и помещиком». В то же время англо-японский союз напоминал, по его мнению, неравный «брак между старым самураем и крупным купцом». Томидзу Хирондо (1861–1935), проявивший себя во время русско-японской войны как один из активных сторонников борьбы с «северным соседом», высоко оценивал значение нового русско-японского соглашения, полагая, что в будущем оно может пригодиться в случае конфликта с США. С нескрываемым оптимизмом смотрел на русско-японское сближение один из виднейших представителей национально-патриотических сил Утида Рёхэй (1874–1937)¹⁹.

Приветствовали заключение русско-японского «союзного договора» и «германофилы», видя в нем, как это ни парадоксально, возможность будущего японо-германского сближения. Они видели в новой русско-японской конвенции желание прогермански настроенных российских политиков заключить сепаратный мирный договор с Германией. Только так, на их взгляд, можно было объяснить ее смысл и значение.

Известный журналист Каяхара Кадзан (1870–1952), пользовавшийся доверием таких влиятельнейших фигур японской политики, как генерал-фельдмаршал Ямагата и барон Гото Симпэй (1857–1929), усматривая за русско-японским соглашением тень японско-русско-германского союза, писал: «А что, если Россия уже имеет договоренность с Германией, и русско-японское соглашение было подписано в качестве предпосылки к заключению русско-германского сепаратного мирного договора и предпосылки к созданию японско-русско-германского союза? Если это так, нужно признать чрезвычайную дальновидность такой дипломатической стратегии. Это означает то, что намечается интересная драма, в ходе которой Япония, Россия и Германия собираются разделить между собой наследие Британской империи. Для этого Россия, получив свободу действия в Персии и Индии, должна, прежде всего, заручиться словом Германии не заключать договоров, направленных против нее. Заручилась ли Россия поддержкой Германии? ... В это нельзя легко поверить. Однако если в это нельзя поверить, русско-японское соглашение не имеет большого смысла»²⁰.

¹⁸ См.: *Укута Кадзутами*. Нитиро син-кёяку то тайхэйё мондай (Новое русско-японское соглашение и тихоокеанская проблема). – Тайё. 28.09.1916, с. 2–13.

¹⁹ *Утида Рёхэй*. Нитиро синдзэн но соин (Предпосылки русско-японской дружбы). – Нитиро дзицугё симпо, 15.07.1916, с. 15–16.

²⁰ *Каяхара Кадзан*. Нитиро кёяку то кокусай сэйкёку но хэнка (Русско-японское соглашение и изменение международной ситуации). – Нихон хёрон. 01.08.1916, с. 7.

С точки зрения Каяхара русско-японское соглашение фактически объявило, что «США являются врагом Японии», а «Англия является врагом России», и в этом смысле оно должно хотя бы временно сблизить интересы США, Великобритании и Германии. Именно поэтому Россия и Япония для того, чтобы избежать международной изоляции, должны будут включить в свой союз Германию. Каяхара полагал, что в этом русско-японском сближении, которое, по его мнению, открывало путь к заключению после войны тройственного японо-русско-германского союза, кроются ростки нового международного порядка, который должен родиться из лона первой мировой войны²¹.

«Германофилы» считали, что расширение экспансии Японии на Дальний Восток и в южном направлении неминуемо приведет к столкновению с британскими интересами и что Япония стоит перед необходимостью заключения нового тройственного японско-русско-германского альянса. По их мнению, Япония, Россия и Германия, объединив свои силы, должны осуществить новый передел мира. В японской прессе началось обсуждение и возможного раздела сфер влияния: Японии отводилась зона Дальнего Востока, России – территории Ближнего Востока, примыкающие к Персидскому заливу, Германии – Балканы. Таким образом, предполагалось, что тройственный блок будет направлен, прежде всего, на борьбу с Великобританией. По мнению многих, в результате создания такого альянса, «хозяйка морей» будет наконец-то наказана и окажется в международной изоляции²².

Вместе с тем подразумевалось, что тройственный союз должен одновременно действовать и против Соединенных Штатов. В условиях, когда тихоокеанская проблема грозила вот-вот перерасти в военный конфликт, было ясно, что наибольшие опасения в связи с заключением русско-японского союзного договора испытывает не Лондон, а именно Вашингтон. В случае возникновения американо-японского конфликта тройственный союз мог бы сослужить Японии хорошую службу: Германия и Россия прикрыли бы своим щитом Японию, и США, в конце концов, были бы вынуждены уйти из Китая.

После заключения русско-японской политической конвенции 3 июля 1916 г. разговоры о японско-русско-германском сближении еще более усиливаются. Через две недели после этого в России с поста министра иностранных дел уходит Сазонов, известный своими симпатиями к «либераль-

²¹ Там же, с. 4–8; *Нинагава Арата*. Родоку моси тандоку кова сэба (Если Россия и Германия заключат сепаратный мир). – Гайко. 01.01.1917, с. 13–16.

²² *Кэмуяма Сэнтаро*. Нитиродоку домэй-рон (Японо-русско-германский союз), с. 48–49. См. также: *Сэнга Цурутаро*. Нитиро син-кёяку то сангоку домэй (Новое русско-японское соглашение и Тройственный союз). – Нитиро син-кёяку (Новое русско-японское соглашение). – Тайё. 01.08.1916, с. 101–103.

ным демократиям» и последовательно проводивший на протяжении многих лет политику, направленную на углубление добрососедских отношений с Японией в рамках Антанты. На его место назначается известный своими консервативными взглядами Штюмер²³. Это было воспринято во всем мире как усиление «германофилов» во внутренней политике России.

Сторонники японско-русско-германского сближения яростно критиковали позицию кабинета министров Окума, якобы не замечающего несовместимости англо-японского и русско-японского союзов и наивно полагающего, что такая политика «двойных гарантий» может быть плодотворной. В октябре 1916 г. их деятельность по смещению кабинета министров Окума увенчалась успехом. В Японии была осуществлена правительственная реформа, в результате которой образовалось «надпартийное» правительство Тэраути, означавшее приход к власти консервативных сил и дальнейшее усиление роли Совета старейшин во внутренней политике Японии. Новый кабинет министров был создан по замыслу барона Гото и при непосредственном участии генерала Ямагата. В кабинете Тэраути Гото сначала занял пост министра внутренних дел, а в 1918 г. возглавил дипломатическое

ведомство. Смена правительства в Японии означала переход власти от либерально настроенных «англофилов» к консервативно настроенным «германофилам»²⁴.

Фактически, к концу 1916 г. были созданы предпосылки для заключения японско-русско-германского союза. Япония была готова присоединиться к России и Германии в случае заключения сепаратного русско-германского договора, однако все надежды на такой поворот событий рухнули в результате Февральской революции, когда к власти в России приходят либерально настроенные элементы, берущие курс на углубление отношений с Великобританией и США. Япония была вынуждена спешно перестраивать свой внешнеполитический курс и восстанавливать дружеские отношения с Соединенными Штатами.

Несмотря на то, что отношение японских политиков к русско-японскому соглашению зачастую было диаметрально противоположным, оно устраивало практически всех. Иными словами, в нем нашли отражение самые различные внешнеполитические подходы.

«Англофилы», не желавшие менять внешнеполитические ориентиры и закрывавшие глаза на слухи о существовании секретного протокола, считали, что русско-японская конвенция является неплохим дополнением к существующему англо-японскому альянсу. Ярчайшим выразителем интересов этих политических кругов являлся Като Катааки, первый министр ино-

²³ Точнее говоря, он стал совмещать посты председателя совета министров и министра иностранных дел.

²⁴ Об образовании правительства Тэраути см.: *Китаока Синъити*. Гото Симпэй. Гайко то видзэн (Гото Симпэй. Дипломатия и видение). Токио, 1988, с. 161–164.

странных дел в кабинете Окума. Русско-японское соглашение с их точки зрения вводило Японию на полных правах в состав антигерманской Антанты, создавая тем самым благоприятные условия для ее активного и непосредственного участия в подготовке будущего мирного договора. Общественно-политические деятели либерального крыла не забывали при каждом удобном случае подчеркивать, что российско-японская политическая конвенция 1916 г. имела характер «согласия», а не военно-политического союза.

В то же время представители национально-патриотических сил рассматривали новое русско-японское соглашение в качестве союзного договора, подчеркивая его особый характер. По их мнению, первая мировая война предоставила Японии уникальную возможность освободиться от пут англо-японского альянса, который начинал приходить в противоречие с японскими национальными интересами в Восточной Азии. Выразителями взглядов этих общественно-политических сил являлись члены Совета старейшин, в частности, генерал-фельдмаршал Ямагата. Запущенные ими кампании в периодической печати о «русско-японском союзе» и существовании секретных статей, о пересмотре англо-японского альянса, преследовавшие цель укрепления авторитета Японии в международной политике, были использованы в качестве инструмента давления на США и Англию. Это был очередной ход, направленный против политики «открытых дверей», проводимой в жизнь Вашингтоном и Лондоном.

Среди национально-патриотических сил выделялись так называемые «германофилы», влияние которых усиливалось по мере осложнения ситуации на русско-германском фронте. Эти общественно-политические силы, одним из влиятельнейших представителей которых был барон Гото Симпэй, рассматривали новое российско-японское соглашение в качестве важнейшего звена будущей японской внешнеполитической стратегии, открывавшего путь к японо-германскому сближению. Предвидя дальнейшее ослабление Британской империи, они всерьез рассматривали возможность заключения в будущем Тройственного японско-русско-германского континентального блока.

Исходя из изложенного выше, можно утверждать, что русско-японская политическая конвенция от 3 июля 1916 г., формально не выходящая за рамки антигерманской Антанты, преследовала совершенно другие цели. Вне всякого сомнения, японская сторона сознательно включила в текст секретного протокола такую неопределенную фразу, как «третья держава». Тем самым Япония получила в руки еще один козырь в борьбе с американским и британским влиянием, упрочив свои позиции в Китае и зоне Тихого океана. Именно японская сторона, в частности ее национально-патриотические силы, была заинтересована в том, чтобы придать русско-японскому соглашению союзный характер. Тем не менее, такой подход встретил сопротивление со стороны японских либерально настроенных политиков. Россия

также не желала быть втянутой в японо-американский конфликт, поэтому упорно придерживалась курса на русско-японское сближение в рамках Антанты. Это нашло свое отражение в четвертой статье секретного протокола, где оказание военной помощи ставилось в зависимость от позиции стран-союзниц, что фактически лишало русско-японский союз самостоятельного значения. Тем не менее, проведение в периодической печати полномасштабной кампании по обсуждению «союзного русско-японского договора» и умелое использование слухов о существовании секретного протокола предоставили Японии дополнительные аргументы для борьбы с британским и американским влиянием в Восточной Азии. Русско-японское соглашение означало несомненное усиление роли Японии в мировой политике и уменьшение опасности ее изоляции после окончания войны.

Различные варианты интерпретации русско-японского соглашения, рассмотренные в данной статье, позволяют понять не только то, чем было это сближение, но и то, чем оно могло стать. Сложный, противоречивый характер соглашения подчеркивает неустойчивость и зыбкость международно-политической ситуации, сложившейся к середине 1916 г. Характер российско-японского сближения определялся не столько «буквой» договора, сколько пониманием того, что скрывается за ней. Русско-японское сближение готово было сравнительно легко изменить свою форму в соответствии с изменением послевоенной международной ситуации.

Восточная песня, или названия кораблей японского императорского флота

Г. Б. Брылевский

До недавнего времени японский императорский флот был для отечественных любителей военно-морской истории неизвестной величиной. Доступной информации о нем было немного, обычно приходилось довольствоваться немногочисленными работами по русско-японской войне и переводами иностранных авторов, которые трудно было найти. Сейчас литературы о японском флоте хватает, но неосвещенной остается такая, может быть, не самая актуальная, но очень интересная тема, как тематика названий японских военных кораблей. Мало кто знает, что обозначали названия кораблей одного из сильнейших флотов мира. Попытаемся ответить на этот вопрос.

Прежде всего, необходимо сказать несколько слов о написании названий японских кораблей. Практически все опубликованные на русском языке работы о японском флоте основываются не на оригинальных материалах, а на переводах с других языков, в основном с английского. Это часто приводит к искажению написания японских слов, поскольку авторы, как правило, пишут их в соответствии с правилами транслитерации слов английского языка. Применительно к теме названий японских кораблей вопрос о транслитерации проиллюстрирован следующими примерами, где указаны наиболее распространенные ошибки:

Латинское написание	Правильное русское написание	Встречающееся в отечественной литературе неправильное написание
Shikishima	Сикисима	Шикишима
Chitose	Титосэ	Читосе, Читозе
Fuji	Фудзи	Фуджи
Chiyoda	Тиёда	Чийода
Yoshino	Ёсино	Йошино
Chokai	Тёкай	Чокай
Hyuga	Хюга	Хьюга
Chihaya	Тихая	Чихайя
Tsubame	Цубамэ	Тсубаме
Myoko	Мёко	Миоко

Ikazuchi Junyo	Икадзути Дзюнъё	Иказучи Дзюнё
-------------------	--------------------	------------------

Свою лепту в создании путаницы внесли и иностранные авторы, записывавшие японские слова в двух транскрипциях, имеющих хождение на Западе и немного отличающихся между собой. Ярким примером такого разнобоя служит название крейсера «Дзинцу», который в наших изданиях называли то «Джинтсу» (от «Jintsu»), то «Зинту» (от «Zintu»). Также необходимо отметить, что даже самые солидные зарубежные издания не были свободны от неточностей в написании названий.

В последнее время качественный уровень отечественных работ, затрагивающих японскую тематику, несколько повысился, некоторые авторы явно не ленятся проконсультироваться у людей, владеющих японским языком. Тем не менее, нет-нет да проплывет по страницам книг и журналов очередная «Чийода» или «Матсушима», и поэтому хотелось бы окончательное прояснить этот вопрос.

В настоящей статье названия кораблей по-русски записаны в соответствии с правилами «поливановской» транскрипции, по-английски (латиницей) они записаны транскрипцией Хэпбёрна, наиболее применяемой за рубежом и наиболее точно передающей фонетику японского языка.

Япония – страна с богатыми морскими традициями. Однако в период самоизоляции страны, начавшейся в первой половине XVII в., японцам разрешалось строить только небольшие суда для каботажного плавания. Но если торговый флот, хотя и в таком незначительном виде, существовал, то отсутствие внешнего врага и интересов за пределами прибрежных вод стали причиной отсутствия военного флота как такового.

Впервые японцы познакомились с современным западным военным кораблестроением в середине XIX в. В 1855 г. правительство страны получило из Голландии паровой корабль «Soeming», ставший первым современным боевым кораблем Японии. Полученному заморскому чуду японцы поначалу оставили его наименование, только немного искажая его в соответствии с особенностями своего произношения, – «Сумбин». Но вскоре корабль получил новое название «Канко-мару» («Kanko Maru»). Оно вызывает недоумение, как по форме, так и по смыслу.

Иероглифы, которыми записывается слово «канко», означают «путешествие, туризм». Это – весьма нехарактерное название для военного корабля. Что касается формы, то необычно наличие слова «мару». Как известно всем, знакомым с темой японского флота, «мару» является атрибутом названий гражданских судов. Однако при ознакомлении с японскими материалами выясняется любопытная картина: в середине XIX в. «мару» вполне спокойно применялось и в названиях военных кораблей. Одновременно были в ходу и другие подобные слова-иероглифы: кан (kan), сэн (sen), го (go). Иногда название одного и того же корабля могло записываться при помощи двух таких слов. Например, «Канко-мару» иногда называли также

и «Канко-сэн». Наименование построенного для Японии в США в 1864 г. винтового фрегата в японских источниках вообще встречается в пяти вариантах: «Фудзи-сэн», «Фудзи-кан», «Фудзи-мару», «Фудзияма-кан» и «Фудзияма-мару». И это не считая просто «Фудзи» и «Фудзияма».

Такой разноречивой отчасти объясняется тем, что японский военный флот того периода не был единым организмом. В военных делах правительство страны полагалось на воинские формирования различных самурайских кланов, и существовавшие в середине XIX в. боевые японские корабли не образовывали единые военно-морские силы, а входили в состав маленьких флотов своих кланов. Конечно, делались попытки хоть как-то их объединить, но отсутствие руководящего центра все равно чувствовалось, и «местный колорит» сохранялся.

Все изменилось в Японии в начале периода Мэйдзи (1867–1912), характеризовавшегося резкими переменами во всех сферах жизни страны. По своим масштабам и историческому значению реформы Мэйдзи вполне можно сравнить с петровскими реформами. В обоих случаях отсталая в экономическом и военном плане страна быстро превратилась в значительную силу. Слабость и отсталость Японии, со всей очевидностью продемонстрированные в период ее недолгого противостояния западным державам, вызвали в обществе желание избавиться от старой системы политического и военного устройства, приобщиться к западной науке и технике. Перемены в жизни страны начались очень трудно, произошла даже небольшая гражданская война между сторонниками императора – реформатора Мэйдзи и сторонниками бакуфу, выступавшими за сохранение старых порядков. Именно в ходе этой войны образовался и впервые показал себя в деле единый Императорский флот, в состав которого поступили корабли разных кланов.

Первые годы молодого флота были непростым периодом становления, и на то, как именуются корабли, поначалу особого внимания не обращалось, просто оставили все как есть. Поэтому в конце 60-х годов слова «*канн*» и «*мару*» в японском флоте имели примерно равное хождение, хотя все явственнее была тенденция соединения «*канн*» с названиями более крупных и «военных» кораблей. Транспортные корабли преимущественно получали название с приставкой слова «*мару*».

В 1869 г. Япония получила свой самый мощный к тому времени корабль – бывший броненосец Конфедерации южных штатов «Stonewall». В изданных на Западе справочниках по Императорскому флоту указывается, что этот корабль поначалу именовался «Котэцу» («Kotetsu»), а затем был переименован в «Адзума» («Azuma»). Однако тут имело место не просто переименование. Дело в том, что сами японцы воспринимали слово «котэцу», что можно перевести как «бронированный», не столько как настоящее название корабля, сколько как указание его класса – броненосец. Других броненосцев у японцев тогда не было, и поэтому без названия некоторое

время спокойно обходились. Но вскоре обратили внимание на тот возмутительный факт, что флагман Императорского флота не имеет названия, и в декабре 1871 г. последовало распоряжение военного департамента, в котором говорилось: «Не подобает, что броненосец (котэцу-кан) до настоящего времени оставался без наименования»¹. Так корабль получил свое настоящее название «Адзума» (или «Адзума-кан»).

В это же время продолжался процесс передачи кораблей из флотов кланов Императорскому флоту. В документах, направляемых в этой связи в адрес военного департамента «с мест», в названиях некоторых кораблей сохранялся иероглиф «*мару*», но в ответах, приходящих из Токио, он всегда опускался. С окончанием формирования Императорского флота в конце 1871 г. «*мару*» перестало применяться в названиях его кораблей.

Окончательную ясность в этом вопросе внес приказ военно-морского министерства в сентябре 1888 г., которым официально было отменено употребление «*канн*», «*мару*» и других подобных иероглифов с названиями боевых кораблей. Иероглиф «*мару*» продолжал употребляться с названиями вспомогательных, учебных и транспортных судов военного флота. В частности, этот иероглиф иногда присоединялся к названиям старых боевых кораблей, выведенных из основного состава и использовавшихся в качестве вспомогательных судов. Эта практика прекратилась намного позже: в августе 1916 г. последовало распоряжение убрать «*мару*» из названий транспортов, а в июле 1920 г. – из названий вспомогательных судов. Однако в названия транспортов иероглиф «*мару*» затем вернулся, оставался он и в названиях мобилизованных судов, а также кораблей и судов Императорской армии.

Отмененные в названиях боевых кораблей иероглифы не исчезли из флотской терминологии. С помощью некоторых из них была создана корабельная классификация, существующая и в наше время. Все тот же иероглиф «*канн*» присутствует в словах сэнкан (senkan) – линкор, кокубоккан (kokubokan) – авианосец, дзюньёкан (junyokan) – крейсер, кутикукан (kuchikukan) – эсминец, сэнсуйкан (sensuikan) – подводная лодка, кайбоккан (kaibokan) – эскортный корабль (ранее корабль береговой обороны) и т. д. «*Сэн*» является компонентом таких слов, как унососэн (unsosen) – транспорт, юсосэн (yusosen) – танкер и дзацуэкисэн (zatsuekisen) – вспомогательное судно. Иероглиф «*го*» с конца XIX в. неизменно присутствует в номерных названиях. С его помощью также часто записываются названия иностранных кораблей, например, затонувший в 1854 г. у японского побережья русский фрегат «Диана» японцы называют «Диана-го». Иероглиф «*мару*» продолжает оставаться элементом названий гражданских судов.

Интересную и во многом неповторимую картину представляют темы для названий японских кораблей. В названиях первых кораблей Императорского флота, разумеется, определенной системы не было, поскольку ка-

¹ Сэкай но кансэн. 1995, №11.

ждый клан давал названия в соответствии со своими представлениями о том, как лучше именовать корабли. Среди названий первых современных японских кораблей были такие, которые могли бы оказать честь любому другому флоту: «Гром и молния» («Райдэн» – «Raiden»), «Летающий дракон» («Хирю» – «Hiryu»). Даже слово «канко» в названии «Канко – мару» в середине XIX в. означало не безобидный туризм, как сейчас. Оно было близко к понятию «разведка», означая «сбор и изучение информации о разных территориях». Смысл некоторых названий был по-восточному запутанным.

Например, построенный в 1870 г. для клана Сага корвет, позже переданный Императорскому флоту, по рекомендации одного из ученых этого клана, любителя китайской философии, получил название «Ниссин» («Nisshin») – термин, почерпнутый в одном из трактатов и примерно означающий «Непрерывный прогресс, развитие». Многие другие японские корабли того времени носили трудно переводимые названия, отражавшие влияние культурной китайской традиции.

Название «Ниссин» прижилось в Императорском флоте, позже было еще два корабля с этим названием, но в целом быстро обозначилась тенденция давать кораблям более понятные наименования. У крупных боевых кораблей до начала XX в. наиболее часто встречались названия в честь гор. Япония – горная страна, около 70% ее территории занимают горы, но не многочисленность их была причиной такого предпочтения. Дело в том, что горы играли важную роль в религиозных представлениях японцев, горы считались местами обитания богов. Второй причиной было то, что в Японии многие горы являются вулканами, а ассоциация огнедышащих вулканов с мощными кораблями, готовыми изрыгнуть нечто столь же разрушительное, вполне уместна. По названиям гор в 60–80-х годах XIX в. получили свои имена, например, корабли «Цукуба» («Tsukuba»), «Атаго» («Atago»), «Мая» («Maya»), «Хиэй» («Hiei»), «Каймон» («Kaimon»), «Унэби» («Unebi»), «Такао» («Takao»). Названия гор были популярны для наименования кораблей и позже. В честь горы Микаса получил название флагман адмирала Того. Названия гор носили и многие другие известные «супостаты» периода Русско-японской войны: «Фудзи» («Fuji»), «Асама» («Asama»), «Иватэ» («Iwate»), «Касуга» («Kasuga»), «Такатихо» («Takachiho»), «Ёсино» («Yoshino»), «Касаги» («Kasagi»), «Ниитака» («Niitaka»). По названию небольшой горной системы получил свое имя и крейсер «Адзума». Интересно, что его название, хотя оно и звучит совершенно одинаково с названием первого японского броненосца, не имеет с ним ничего общего. Эти слова записываются разными иероглифами, и наименование броненосца в старом японском языке означает «Восток».

К началу XX в. появились названия в честь исторических провинций Японии. Среди первых кораблей с такими названиями были «Ямато» («Yamato») и «Мусаси» («Musashi»). Эти названия получили более широкую известность в годы второй мировой войны как имена самых мощных японских линкоров. В Русско-японской войне участвовали крейсера, но-

сившие названия провинций: «Идзумо» («Izumo») и «Идзуми» («Izumi»). В отношении слова «Ямато» возможно второе толкование – это одно из старых названий Японии, и до сих пор в высокопарной речи японцы называют свою родину «страна Ямато». В богатом японском языке есть и другие слова, в древних сказаниях и поэзии обозначающие Японию: «Фусо» («Fuso»), «Ясима» («Yashima») и «Сикисима» («Shikishima»), эти названия носили броненосцы. Аналогичное по смыслу название «Акицусима» («Akitsushima») было у крейсера.

Распространены были имена по названиям известных местностей Японии: крейсера «Нанива» («Naniwa»), «Такасаго» («Takasago»), «Акаси» («Akashi»). Для названий, как правило, выбирались местности, известные красотой своей природы, а построенные в 1888–1894 гг. три однотипных крейсера – «Ицукусима» («Itsukushima»), «Мацусима» («Matsushima») и «Хасидатэ» («Hashidate») – получили названия в честь мест, красота пейзажей которых воспевалась на протяжении веков.

Среди японских топонимов немало таких, которые звучат одинаково и записываются одними и теми же иероглифами, что иногда может вызвать затруднения. Например, среди японских историков нет единого мнения относительно того, чье название носит броненосец «Хацусэ» («Hatsuse») – горы или реки. Расхождение во мнениях существует и в отношении крейсера «Отова» («Otowa») – считается, что он носил название либо горы, либо известного водопада.

Абстрактно-философских названий стало намного меньше. Среди наиболее известных кораблей Русско-японской войны с подобными названиями, помимо крейсера «Ниссин», были крейсера «Токива» («Tokiwa»), что означает «Вечный, неизменный», а также «Титосэ» («Chitose») и «Тиёда» («Chiyoda»), чьи названия близки друг другу по смыслу и означают приблизительно «Да здравствует». Из любых категорий выбивался крейсер «Якумо» («Yakumo») со своим поэтичным названием, обозначавшим «Многослойные облака».

Японцы серьезно подходили к вопросу о выборе наименований – список предполагаемых названий представлялся на рассмотрение императора. При этом, как правило, давалось по два возможных варианта на каждый корабль. После одобрения императором списка в целом он передавался военно-морскому министру, который уже делал окончательный выбор одного из двух названий². При этом император Мэйдзи не ограничивался простым визированием представленных ему списков, а неоднократно сам выбирал наиболее подходящий вариант. Японский флот, пожалуй, был уникален в том, что при выборе названия намного большее, чем в других флотах, внимание уделялось тому, насколько красиво и мелодично оно звучит. В марте 1897 г. военно-морскому министру было предоставлено право самостоятельно, без получения предварительного согласия императора, присваивать

² Сэкай но кансэн. Дзюкан №44.

названия миноносцам. Начиная с января 1921 г. император определял названия только линкоров и крейсеров, наименования кораблям остальных классов давались министром, который сразу докладывал о новых названиях императору.

Любопытная история связана с названиями трофейных кораблей. В период парусного флота в Европе захваченному кораблю противника часто оставляли старое название, и в отношении бывших китайских кораблей японцы именно так и поступили. Это облегчалось тем, что иероглифика пришла в Японию из Китая, и до сих пор почти все иероглифы в Японии имеют два типа чтения – собственно японское, и китайское. Японцы оставили трофеям их прежние иероглифические названия, только произносили их на свой лад. Например, главный трофей японо-китайской войны 1894–1895 гг. – броненосец, часто именуемый в отечественной литературе «Чин-Иен», на самом деле в Императорском флоте назывался «Тинъэн» («Chinen», китайское чтение «Чжэнь-Юань»).

Совсем по-другому японцы поступили с доставшимися им русскими кораблями. Произнести их названия японцы могли только с превеликим трудом, и поэтому было решено их переименовать. Новые названия давались примерно по такому же принципу, что и своим кораблям, но в ряде случаев имелся один нюанс: иногда новое название подбиралось так, чтобы напоминать о победах японского флота. Например, захваченные при Цусиме эскадренные броненосцы получили названия провинций, но при этом были выбраны те, которые располагались на юго-западном побережье Японии, вблизи Корейского пролива, чтобы тем самым увековечить память о Цусимском сражении: «Ивами» («Iwami» – «Орел») и «Ики» («Iki» – «Император Николай I»). Броненосцы береговой обороны получили названия островов, также расположенных вблизи места сражения: «Генерал-адмирал Апраксин» стал называться «Окиносима» («Okinoshima»), а «Адмирал Сеньявин» – «Мисима» («Mishima»).

Немного по-другому поступили с поднятыми в Порт-Артуре и восстановленными броненосцами. Они также были названы по провинциям – «Танго» («Tango» – «Полтава»), «Сагами» («Sagami» – «Пересвет»), «Хидзэн» («Hizen» – «Ретвизан»), но смысл этих новых названий был другой: японцы выбрали те провинции, где располагались их основные военно-морские базы. «Пересвет» восстанавливался в Ёкосука – базе, расположенной на территории бывшей провинции Сагами, отсюда и новое наименование этого корабля. «Полтава» ремонтировалась в Майдзуру (провинция Танго), «Ретвизан» – в Сасэбо (провинция Хидзэн), что и нашло свое отражение в названиях. «Победа» получила свое новое наименование «Суо» («Suo») по названию провинции, рядом с которой располагалась база Курэ.

Бывшие русские крейсера получили обычные для кораблей их классов «географические» названия. От горы Асо получил новое название крейсер «Баян» («Aso»). По названиям проливов были переименованы «Варяг» и

«Паллада» – «Соя» («Soya») и «Цугару» («Tsugaru») соответственно. На отечественных картах Соя называется проливом Лаперуза, Цугару – Сангарским проливом. При переименовании «Новика» японцы постарались увековечить бой с ним: крейсер стал называться «Судзюя» («Suzyuя») – японское название реки на Сахалине, вблизи которой «Новик» принял свой последний бой под Андреевским флагом.

В отношении трофейных вспомогательных и транспортных судов японцы, как правило, руководствовались двумя принципами. Одни суда именовались таким образом, чтобы новые названия были немного созвучны прежним. Например «Ангара», использовавшаяся в Порт-Артуре как госпитальное судно, стала называться «Анэгава» («Anegawa») в честь одной из рек Японии. Принадлежавшее КВЖД судно «Маньчжурия», захваченное с началом войны в Нагасаки, получило название «Мансю» («Manshu»), что было не только немного созвучно с прежним названием, но и означало одно и то же. Другие трофеи получали названия мысов, вблизи которых они были захвачены. Так транспорт «Екатеринослав» превратился в «Карасаки» («Karasaki»), а английский грузовой пароход «Roseley», конфискованный в январе 1905 г. за попытку провоза военных грузов, – в «Такасаки» («Takasaki»).

Отсутствие четких норм в системе присвоения названий кораблям Императорского флота побудило военно-морского министра Г. Ямамото представить в апреле 1905 г. на рассмотрение императора предложение о порядке выбора названий. Его смысл был прост: броненосцам и броненосным крейсерам предлагалось присваивать названия провинций и синтоистских святилищ, а остальным крупным кораблям давать названия городов. Но этот план не был полностью претворен в жизнь. В заметно измененном виде он получил, наконец, одобрение и вступил в силу 1 августа 1905 г. Новый порядок присвоения названий выглядел следующим образом: броненосцы должны были называться по провинциям, крейсера 1-го ранга (броненосные) получали названия гор, крейсера 2-го и 3-го ранга (легкие) – городов.

Но и распоряжение от 1 августа 1905 г. не было выполнено в точности. Так и не получила развития идея давать кораблям названия городов. Японцы продолжали избегать названий, слишком явно напоминающих о повседневной человеческой деятельности, предпочитая запечатлеть на бортах кораблей не людскую суету, а вечную красоту природы. Например, название столицы страны за всю историю Императорского флота носил только один корабль: это был полученный в 1871 г. изрядно потрепанный деревянный транспорт, потерпевший кораблекрушение в следующем году. С 1869 г. нес службу транспорт «Осака» («Osaka»), названный в честь второго по величине города Японии, но он затонул в 1875 г. в результате столкновения. После этого в Императорском флоте корабли с названиями городов встречались редко, и это всегда были вспомогательные суда.

На японцев произвела очень тяжелое впечатление череда потерь, понесенных их флотом в мае 1904 г. у Порт-Артура. Следствием этого стало то, что тем же распоряжением 1 августа 1905 г. было предписано названия кораблей, «потерянных при печальных обстоятельствах», присваивать новым кораблям не раньше чем через три года после потери. В выполнении этого предписания японцы пошли даже дальше: в Императорском флоте так и не повторялось название ни одного крупного корабля, потопленного в ходе русско-японской войны или потерянного в результате катастроф. И в этом вопросе японцы явно отличались от других флотов, где наименование потопленного корабля могло быть практически сразу присвоено новому кораблю.

Необходимо отметить еще одну уникальную особенность Императорского флота: в отличие от остальных флотов мира ни один японский военный корабль не был назван в честь какой-либо известной личности. Идея присваивать кораблям имена известных исторических личностей и т. п. рассматривалась в период становления Императорского флота, но в конечном итоге была отвергнута. К примеру, несмотря на почти божественный статус императорской семьи ни один корабль не получил названия в честь императора, хотя в других флотах названия в честь царствующих особ были широко распространены. Среди японских моряков ходила байка, что когда в 1920 г. был спущен на воду линкор «Муцу» («Mutsu»), американцы подумали, что таким образом была увековечена память императора Муцухито (Мэйдзи). Они решили, что японцы, сократив это имя на американский

манер, присвоили его новому кораблю. На самом деле «Муцу» получил ставшее к тому времени традиционным для линкоров название одной из провинций. Чуть ли не единственным примером дани уважения к человеческой деятельности можно назвать канонерскую лодку «Тихая» («Chihaya»). Корабль получил свое название от замка Тихая, прославленного героической обороной верных императору войск во главе с Кусуноки Масасигэ от армии узурпатора.

К 20-м годам XX в. процесс унификации названий кораблей в основном завершился, а к началу второй мировой войны номенклатура названий окончательно сложилась. Начиная с «Сацума» («Satsuma») линкоры назывались по провинциям. Исключением была четверка однотипных кораблей, первым из которых был «Конго» («Kongo»), получивших названия гор. Это объясняется тем, что изначально они строились как линейные крейсера, а в линкоры были переклассифицированы позже, сохранив прежние «крейсерские» названия. В некоторых случаях, возможно, было двойное толкование наименований. Пример тому – линкор «Исэ» («Ise»). Идея давать линкорам названия синтоистских святилищ не получила распространения, но помимо провинции Исэ, в честь которой официально был назван линкор, существовало святилище Исэ, главный центр синтоистской религии, находившийся

под особым покровительством императорской семьи. Несомненно, что при выборе названия корабля был учтен и этот важный момент.

У крейсеров также была четкая система: тяжелые носили названия гор, легкие – названия рек. Но и тут некоторую путаницу внесли игры с классификацией. Началось с крейсера «Како» («Како») – поначалу предполагалось, что он будет первым кораблем в новой серии легких крейсеров, и ему заранее было присвоено название одной из рек. Однако вступило в силу Вашингтонское соглашение, и кораблестроительные программы пришлось срочно менять. 9 октября 1922 г., еще до закладки, «Како» был официально переклассифицирован из легкого в тяжелый крейсер, но «речное» название ему так и оставили. Корабли типа «Могами» («Mogami») строились в рамках лимита, выделенного Вашингтонским соглашением для легких крейсеров, и носили «речные» названия. Но после истечения срока действия соглашения они были коренным образом перевооружены, превратившись в тяжелые крейсера. Та же история была с «Тонэ» («Тоне») и «Тикума» («Chikuma»). Какого-либо четкого критерия, по которому отбирались названия тяжелых крейсеров (вроде «самые высокие горы»), не было. Например, крейсер «Фурутака» («Furutaka») был назван в честь совсем неприметной горы, которая, однако, располагалась рядом с военно-морским училищем Этадзима. Крейсер «Аоба» («Aoba») получил название от горы вблизи Майдзуру. Насчет однотипного с ним крейсера «Кинугаса» («Kinugasa») не совсем ясно, но считается, что его название пошло от одной из гор около базы Ёкосука.

С легкими крейсерами было несколько проще. Начиная с построенных в 1918–1919 гг. «Тэнрю» («Tenryu») и «Тацута» («Tatsuta») и заканчивая «Оёдо» («Oyodo») – последним типом японских легких крейсеров, все корабли этого класса носили названия рек. Исключением были только три корабля типа «Катори» («Katori») – они изначально задумывались как учебные корабли, и поэтому носили отличные от других наименования (им присваивались названия синтоистских святилищ). Первые два корабля этого типа повторяли названия броненосцев постройки 1905–1906 гг.

У авианосцев четкой системы не было. В принципе, отражая их принадлежность также и к воздушной стихии, девиз для их наименований мог бы быть «все, что летает». Первый японский авианосец назывался «Хосё» («Hosho»), что означает «Парящий феникс». Подобными ему были и последующие наименования, например, «Сёкаку» («Shokaku») – «Парящий журавль», «Дзуйкаку» («Zuikaku») – «Счастливый журавль», «Дзуйхо» («Zuiho») – «Счастливый феникс» и довольно неожиданное название – «Сорю» («Soryu») – «Синий дракон». Однако изменения в кораблестроительных программах смешали систему наименований кораблей и этого класса. «Кага» («Kaga») был заложен как линкор. В авианосец его переоборудовали позже, но название у него осталось прежним. «Акаги» («Akagi») начал строиться как линейный крейсер, и он также сохранил свое прежнее наименование по названию горы. Самый известный пример сохранения

прежнего названия при переоборудовании в авианосец – это «Синано» («Shinano»). Первоначально это был третий линкор типа «Ямато», сохранивший название одной из провинций. В июне 1943 г. к официально одобренной номенклатуре названий авианосцев были добавлены названия провинций и гор, что стало отражением тенденции к строительству авианосцев на основе корпусов боевых кораблей других классов. В частности, в начале в 1943 г. строительстве последней серии крупных японских авианосцев только «Унрю» («Unryu») имел традиционное название («Поднимающийся в небо дракон»). Построенные «Амаги» («Amagi») и «Кацураги» («Katsuragi»), как и недостроенные корабли этой серии, получили названия гор.

Японцы сумели организовать строительство авианосцев также на основе корпусов торговых судов. Бывших «купцов» легко можно было определить по их названиям – они были двухсложными, вторым слогом неизменно был «ё». Он является одним из чтений иероглифа «сокол», который присутствует в названиях всех кораблей этого типа: «Унъё» («Unyo») – «Сокол, прорезающий небо», «Кайё» («Kaiyo») – «Морской сокол», «Тюё» («Chuyo») – «Сокол, парящий высоко в небесах».

Но самые интересные названия были у миноносцев. Поначалу они, как и их собратья в других флотах, были номерными, но с увеличением водоизмещения и у них появились названия. Первый «именной» миноносец назывался «Котака» («Kotaka»), что означает «Маленький ястреб». «Птичьи» имена были присвоены и первым двум сериям более крупных миноносцев 1899–1904 гг. Среди них фигурировали названия следующих птиц:

хаситака	–	hashitaka	–	перепелятник
камомэ	–	kamome	–	чайка
хаябуса	–	hayabusa	–	сапсан
касагаги	–	kasasagi	–	сорока
манадзуру	–	manazuru	–	журавль
хибари	–	hibari	–	жаворонок
удзура	–	uzura	–	перепел

Намного позже, в 1931–1937 гг., две серии миноносцев поддержали традицию «птичьих» имен. В своем большинстве эти корабли повторяли названия миноносцев периода русско-японской войны:

тидори	–	chidori	–	кулик
хато	–	hato	–	голубь
саги	–	sagi	–	цапля
кидзи	–	kiji	–	фазан

Первые эсминцы положили начало традиции именования кораблей этого класса по разным природным явлениям. Как известно, японцы – поэтический народ, и в названиях эсминцев неисчерпаемое богатство их поэтиче-

ского наследия было отражено в полной мере. Например, в Русско-японской войне принимали участие следующие корабли:

«Акэбоно»	«Akebono»	«Рассвет»
«Синономэ»	«Shinonome»	«Утренняя заря»
«Акацуки»	«Akatsuki»	«Заря»
«Муракумо»	«Murakumo»	«Гряда облаков»
«Икадзути»	«Ikazuchi»	«Гром»
«Инадзума»	«Inazuma»	«Молния»
«Усугумо»	«Usugumo»	«Мелкие облака»
«Садзанами»	«Sazanami»	«Зыбь»

Традиция «поэтически-метеорологических» названий получила свое продолжение и развитие в следующей серии миноносцев 1905–1907 гг.

«Хацусимо»	–	«Hatsushimo»	–	«Первый иней»
«Усио»	–	«Ushio»	–	«Прилив»
«Асакадзэ»	–	«Asakaze»	–	«Утренний ветер»
«Юнаги»	–	«Yunagi»	–	«Вечернее затишье»

Столь же поэтичные имена получили и трофейные русские миноносцы. «Решительный» стал называться «Ямабико» («Yamabiko») – «Горное эхо». «Сильный» и «Бедовый» превратились в «Фумидзуки» («Fumizuki») и «Сацуки» («Satsuki») соответственно по названию седьмого и пятого месяца лунного календаря. В современном японском языке названия месяцев лунного календаря иногда (в поэзии и т. д.) используются для обозначения соответствующих «по порядковому номеру» месяцев современного календаря, поэтому можно сказать, что русские миноносцы превратились в «июль» и «май». Миноносцу «Бедовый» новое название было выбрано как память о Цусиме (май 1905 г.).

В 10–20-е годы тематика названий эсминцев несколько сузилась и стала стандартизованной. Эсминцы первого класса теперь получали наименования ветров:

ямакадзэ	–	yamakaze	–	горный ветер
умикадзэ	–	umikaze	–	морской ветер
акикадзэ	–	akikaze	–	осенний ветер

Темой для названий начавших строиться перед первой мировой войной эсминцев второго класса довольно неожиданно стала ботаника. Первые корабли этого класса назывались «Сакура» («Sakura») и «Татибана» («Tachibana») по названиям местных разновидностей вишни и мандарина. Названия были подобраны со смыслом: ряды вишневых и мандариновых деревьев были посажены перед входом во дворец Сисиндэн, где проводились важные церемонии. С названиями последующих кораблей было проще. Богатая флора Японских островов была широко представлена в названиях эсминцев Императорского флота:

«Касива»	–	«Kashiwa»	–	«Дуб»
----------	---	-----------	---	-------

«Каэдэ»	–	«Kaede»	–	«Клен»
«Хиноки»	–	«Hinoki»	–	«Кипарис»
«Сумирэ»	–	«Sumire»	–	«Фиалка»
«Кику»	–	«Kiku»	–	«Хризантема»

Необычной стала серия из 12 эсминцев, построенных в 1924–1927 гг. и получивших имена по названиям месяцев лунного календаря. Любопытно, что в японском языке слово «месяц», как и в русском, может означать как календарный месяц, так и фазы Луны. Такой двойной смысл нашел отражение в названиях кораблей этой серии. Первые девять эсминцев получили названия по месяцам лунного календаря, от первого месяца («Муцуки» – «Mutsuki»), до девятого месяца («Кикудзуки» – «Kikuzuki»). Три последних корабля этой серии воспевали красоту Луны: «Микадзуки» («Mikazuki») – «Молодой месяц», «Мотидзуки» («Mochizuki») – «Полный месяц», «Юдзуки» («Yuzuki») – «Месяц на вечернем небосклоне». Но период полного торжества поэзии настал чуть позже.

Спуск на воду в 1928 г. эсминца «Фубуки» («Fubuki») ознаменовал собой как появление принципиально нового корабля, так и отказ от стандартизированной системы наименований эсминцев. Теперь их имена объединяло только природно-поэтическое начало, в остальном буйство фантазии не знало границ. Пошли в ход все красочные образы и многоцветные эпитеты тысячелетнего богатства японской поэзии. Многие названия встречались у кораблей предыдущих серий, но появились и новые наименования. Интересно отметить, что среди этих поэтических названий немало настолько специфических слов, которых нет в большинстве словарей, и их значение способно поставить в тупик значительную часть современных японцев:

фубуки	–	fubuki	–	метель
асагири	–	asagiri	–	утренний туман
югурэ	–	yugure	–	вечерние сумерки
тэрудзуки	–	teruzuki	–	сияющая луна
вакаба	–	wakaba	–	молодая листва
киёнами	–	kiyonami	–	прозрачная волна
ариакэ	–	ariake	–	рассвет
хацухару	–	hatsuharu	–	начало весны
сираюки	–	shirayuki	–	чистый снег
арасио	–	arashio	–	бурный прилив
касуми	–	kasumi	–	туманная дымка
судзукадзэ	–	suzukaze	–	прохладный ветер
макигумо	–	makigumo	–	перистые облака
арарэ	–	arare	–	град

Названия некоторых эсминцев невозможно перевести одним – двумя словами. Для этого требуется описательная конструкция. Например, такие названия, как «Кагэро» («Kagero») – «Струящийся от жары воздух, маре-

во», «Татикадзэ» («Tachikaze») – «Ветер, поднятый взмахом меча», «Хаясимо» («Hayashimo») – «Выпавший рано утром иней», «Минэгумо» («Minegumo») – «Облака, клубящиеся у вершин гор», «Сирануи» («Shiranui») – «Фосфоресцирующий свет на поверхности моря», «Новаки» («Nowaki») – «Сильный осенний ветер, пригибающий траву». Но по части замысловатости всех оставил за кормой «Аянами» («Ayunami»). Это название даже переводили по-разному. Незадолго до войны японцы предоставили известному справочнику «Jane's Fighting Ships» официальный перевод названий многих своих кораблей. «Аянами» тогда перевели как «Волны, своей красотой напоминающие вышитые на шелку гребни моря». Однако более поздние источники дают вариант более скромный – «Набегающие одна за другой волны»³.

О действительном богатстве языка можно составить представление хотя бы по «гидрометеорологическим» названиям эсминцев, встречающимся в списках Императорского флота:

«Сигурэ»	–	«Shigure»	–	«Осенний моросящий дождь»
«Самидарэ»	–	«Samidare»	–	«Затяжной дождь в начале лета»
«Харусамэ»	–	«Harusame»	–	«Мелкий весенний дождь»
«Мурасамэ»	–	«Murasame»	–	«Короткий сильный ливень»
«Юдати»	–	«Yudachi»	–	«Внезапный летний ливень»

У кораблей других классов была своя система наименований, хотя и не такая красивая. Начавшие строиться с 1942 г. эскадренные миноносцы подержали традицию эсминцев времен первой мировой войны с их «ботаническими» наименованиями:

«Мацу»	–	«Matsu»	–	«Сосна»
«Цубаки»	–	«Tsubaki»	–	«Камелия»
«Янаги»	–	«Yanagi»	–	«Ива»
«Суги»	–	«Sugi»	–	«Криптомерия»
«Кусуноки»	–	«Kusunoki»	–	«Камфара»

Подводные лодки имели литерно-цифровое обозначение в зависимости от своих размеров. Большие лодки (водоизмещением более 1 тыс. т) обозначались буквой И (I). Лодки водоизмещением до тысячи тонн обозначались слогом Ро (Ro), малые лодки – Ха (Ha). Смысл этих литер следующий: И, Ро и Ха – это первые три слога старой японской азбуки, что-то вроде русской церковно-славянской. Весьма приблизительно их можно перевести как «Аз», «Буки», «Веди». В наименовании своих лодок японцы явно пошли за англичанами, назвавшими первые серии своих лодок А, В и С.

Эскадренные корабли именовались следующим образом: небольшие корабли (водоизмещением до тысячи тонн), переклассифицированные из ста-

³ Катагири Д. Рэнго кантай гунканмэй мэйдэн. Токио, 1993, с. 134.

рых эсминцев и трофейные были номерными. Кораблям более крупным присваивались названия принадлежавших Японии островов. Например, среди первой серии эскортных кораблей специальной постройки (вошли в строй в 1940–1941 гг.) хорошо известны названия «Кунасири» («Kunashiri») и «Симусю» («Shimushu»). Кунасири – это японское название о-ва Кунашир, одного из южных Курильских островов или так называемых «северных территорий», которые японцы продолжают требовать у России до сих пор. А о-в Симусю на Курилах советский десант брал в 1945 г. как остров Шумшу. Знакомые названия были и среди кораблей следующей серии – например, «Эторофу» («Etorofu») в честь ныне российского о-ва Итуруп. Название спущенного на воду в марте 1943 г. корвета «Цусима» («Tsushima») пояснений не требует.

У кораблей других классов четкая система отсутствовала. В целом главной темой их наименований была географическая – острова, мысы, проливы и т. д. Например, канонерские лодки носили названия или рек («Удзи» – «Uji», «Сумида» – «Sumida»), или известных местностей («Атами» – «Atami», «Фусими» – «Fushimi»). Географические наименования были и у первых плавучих баз подводных лодок – «Тоёхаси» («Toyohashi») в честь небольшого города и «Комахаси» («Komahashi») по названию одной местности. Но следующие корабли получили совсем иные названия – «Дзингэй» («Jingei») и «Тёгэй» («Chogei»), что соответственно означает «Быстрый кит» и «Большой кит». Что касается последних кораблей этого класса (тип «Цуругидзак» – «Tsurugizaki»), вскоре переоборудованных в авианосцы, то к ним вернулись географические названия. Интересно, что в отличие от линкоров и крейсеров, переоборудованных в авианосцы, этим кораблям старые наименования не оставили. Видимо, название мыса Цуругидзак посчитали недостаточно почетным для авианосца.

Географические названия традиционно носили транспорты и танкеры Императорского флота. Встречались названия мысов («Нодзима» – «Nojima», «Эримо» – «Erimo»), заливов («Родзан» – «Rozan»), проливов («Наруто» – «Naruto», «Мамия» – «Mamiya»). В 1921–1922 гг. был построен танкер «Сирия» («Siriya»), но к стране на Ближнем Востоке наименование корабля никакого отношения не имело, так назывался мыс в Японском море.

До второй мировой войны все транспорты и танкеры, как и боевые корабли, не имели иероглифа «мару» в своих названиях. В 1941 г. началась активная мобилизация торговых судов, которым оставляли их прежние названия (только в некоторых случаях «мару» убирали), и по названию уже невозможно стало различить мирного «купца» и вспомогательное судно военного флота. В дальнейшем это различие практически вообще исчезло. Почти все транспортные суда имели «мару» в своих названиях. Как это было с грузовыми судами и в других странах, темой их названий могло быть все что угодно, и говорить о какой-либо системе затруднительно.

Почти весь Императорский флот погиб в ходе войны, а из уцелевших кораблей считанные единицы продолжили службу в послевоенное время. В 50-е годы в Японии был создан новый военный флот, который до сих пор называется «морскими силами самообороны» (официально в Японии до сих пор нет армии, ВВС и ВМС, только сухопутные, воздушные и морские силы самообороны). Из-за культивируемого в послевоенной Японии еще со времен оккупации «комплекса вины» и соображений политкорректности официальные японские лица всячески подчеркивают, что новый «демократический» флот страны не имеет ничего общего с прежним «захватническим» Императорским флотом. Действительно, культа былых традиций, характерного для нормальных флотов, в морских силах самообороны нет. Однако в некотором смысле традиции Императорского флота сохраняются — многие из послевоенных японских кораблей носили и носят названия, прославленные десятилетиями ранее.

Японская православная церковь в 1917–1948 гг.: от Московской патриархии к Американской митрополии

Н. А. Суханова

В 1947–1948 гг. Японская православная церковь, исторически и канонически связанная с Русской православной церковью, вошла в состав Американской митрополии – одной из православных юрисдикций Северной Америки. Несомненно, это подчинение Японской церкви Американской митрополии произошло под прямым давлением штаба оккупационных войск США. Но отторжение от Русской церкви началось задолго до второй мировой войны. Поэтому данную проблему следует рассматривать в контексте общей ситуации в русском православии после 1917 г. и места Японской церкви в нем; положения в самой Японской церкви в предвоенные и военные годы; степени возможности Московской патриархии восстановить прерванные войной связи с Японской церковью; места Митрополии в американском православии и причин, сделавших предпочтительным для оккупационных властей переход Японской церкви именно в эту юрисдикцию.

В 1912–1940 гг. Японскую церковь возглавлял епископ (с 1921 г. – архиепископ, с 1931 г. – митрополит) Сергей (Тихомиров). Исторические условия его служения были иные, нежели условия титанической деятельности первосвященника Николая в эпоху Мэйдзи. Трагически отразившись на судьбе самого владыки Сергея, они привели в конечном счете к отторжению Японской церкви от Русской. Начало было положено событиями революции и гражданской войны в России, коренным образом изменившими судьбы русского православия. Война, изменение границ, эмиграция, отсутствие постоянной связи с Патриархом в Москве повлекли за собой многочисленные расколы, изменения юрисдикционной принадлежности многих епархий и церквей. 20–30-е годы часто называют периодом «великой церковной смуты». 20 ноября 1920 г. Патриарх Московский и всея Руси Тихон, учитывая катастрофическую ситуацию в стране, разделенной враждующими армиями, выпустил указ № 362, предписывавший епархиям, оказавшимся по какой-либо причине вне связи с патриархией, переходить на временное самоуправление. В 1921 г. в Сербии, в Сремских Карловцах, состоялся Собор эмигрировавших из России иерархов, принявший со ссылкой на указ Патриарха Тихона решение о создании временно самоуправляющейся Русской православной церкви за границей (РПЦЗ). Поначалу РПЦЗ мыслила себя как каноническая часть Московской патриархии в изгнании. Однако активная монархическая позиция, которую занимали мно-

гие иерархи РПЦЗ, не раз ставила под удар церковь в СССР, и без того подвергавшуюся жестоким репрессиям. В то же время вынужденные заявления Московской патриархии о лояльности советской власти вызывали негодование в РПЦЗ. Кульминацией стало издание в 1927 г. заместителем патриаршего местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским), стоявшим во главе РПЦ с 1925 г., «Декларации» о полном признании власти и совместной работе с ней для блага советской родины, «радости и успехов которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи»¹. Более того, в ней содержалось требование к заграничному духовенству «дать письменное обязательство в полной лояльности к советскому правительству во всей своей общественной деятельности. Не давшие такого обязательства или нарушившие его будут исключены из состава клира, подведомственного Московской Патриархии»². В ответ Заграничный синод постановил «прекратить административные сношения с Московской Церковной властью... ввиду порабощения ее безбожной советской властью, лишаящей ее свободы в своих волеизъявлениях и каноническом управлении Церковью»³. Требуемую подписку дали лишь немногие иерархи, и среди них – глава Японской церкви, архиепископ Сергей (Тихомиров). Таким образом, в 1927 г. разделение РПЦЗ и Московской патриархии стало несомненным фактом. Первая претендовала на роль единственной юрисдикции, объединяющей всех русских православных людей в изгнании. При образовании она действительно включала в себя практически все территории, на которых существовали русские приходы. Однако с середины 20-х годов разгорелся конфликт руководившего Церковью Синода с двумя из четырех ее округов – Западно-Европейским и Северо-Американским, которые стремились к самостоятельному устройению церковной жизни.

Наиболее последовательными были автономистские тенденции в Северной Америке, где православие имело особую, значительно более длительную историю. Основанная в конце XVIII в. валаамскими иноками Северо-Американская епархия Русской православной церкви до революции объединяла подавляющее большинство православных в Америке, среди которых были не только русские переселенцы, но и крещенные местные жители, в особенности на Аляске и на Алеутских островах; в состав епархии входили также грекоязычные, арабоязычные приходы и воссоединившиеся с православной церковью бывшие униаты из Галиции и Карпатской Руси. Однако события 1917 г. вызвали у представителей иных народов – сербов, арабов, греков – желание обособиться от Русской церкви, результатом чего стал их переход в подчинение своим национальным патриархатам. Американское православие оказалось разбитым на множество юрисдикций, и русская епархия не могла более претендовать на всеобъемлющее значение

¹ Цытин В. Русская церковь. 1925–1938. М., 1999, с. 97.

² Там же, с. 98.

³ Русская Православная Церковь Заграницей. 1918–1968. Нью-Йорк, т. 1–2, 1968, т. 1, с. 36–37.

на континенте. В результате конфликта с патриархом Тихоном, с одной стороны, и РПЦЗ – с другой, в 1924 г. было провозглашено самоуправление Северо-Американской епархии, переименованной в Американскую митрополию (Митрополичий округ). К началу второй мировой войны большинство русских православных в Америке принадлежало к Американской митрополии, формально признававшей юрисдикцию РПЦЗ, но фактически самостоятельной в своем управлении. Особняком стояли несколько архиереев, действительно преданных РПЦЗ. Кроме того, существовали немногочисленные приходы в юрисдикции, возглавляемые митрополитом Вениамином (Федченковым).

Японская православная церковь в отличие от большинства зарубежных образований РПЦ, объединявших русскую диаспору, состояла в большинстве своем из японцев. Она была единственной достаточно крупной национальной церковью, возникшей в лоне РПЦ. И ее деятельность на протяжении XX в. – это история попыток обретения самостоятельности. Отчетливо эта проблема обозначилась после революции.

Непосредственным следствием революции стало полное прекращение финансирования из России, хотя до той поры материальная помощь была основным источником существования Японской церкви. Это привело к резкому сокращению числа священнослужителей, почти полному упразднению должности катехизаторов, закрытию духовной семинарии, функционировавшей с 1875 г., и т. д. И все же Японская церковь выстояла и, хотя и вынужденно, оказалась независимой в финансовом отношении от Русской церкви. Другим не менее важным следствием стала волна русской эмиграции в Японию. Конечно, она была далека от масштабов эмиграции в Европу и Америку. В Японии одновременно находилось не более 4–5 тыс. беженцев из России. Многие, особенно пережившие Кантоское землетрясение 1923 г., стремились перебраться из Японии в США, Австралию и другие страны⁴. Это был новый фактор для Японской православной церкви – до того японским священникам во время войны 1904–1905 гг. приходилось окормлять лишь русских военнопленных. Столкновение с русскими единоверцами способствовало более глубокому осознанию национальной специфики японского православия, отделению его от русского. В городах, где образовались крупные колонии эмигрантов, – Иокогама, Кобэ, Нагасаки – существовали и отдельные русские приходы. Контакты с местными японскими верующим были минимальны.

Хотя гонения на православную церковь, начатые советским государством, сделали невозможными реальные контакты Русской и Японской церквей, митрополит Сергей продолжал настаивать на их каноническом единстве. Конечно, владыка понимал, что после революции Японская православная церковь жила независимой жизнью. В 1927 г. в своем докладе в

⁴ Подалько П. Э. Япония в судьбах россиян. Очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии. М., 2004, с. 10.

Россию он писал: «Японская Православная Церковь будет весьма духовно утешена, если Московская патриархия, зная уже ее самостоятельность во внутренних делах, так или иначе подтвердит эту самостоятельность и особым дарственным актом»⁵. Предоставление автономии не состоялось. В том же докладе митрополит Сергей подчеркивал, что Японская церковь «всегда мыслила и мыслит себя в лоне Московской Патриархии»⁶. Он продолжал изредка поддерживать с Москвой почтовую связь. Можно предположить, что для владыки Сергея, приехавшего в Японию в качестве помощника святителя Николая (Касаткина) в 1908 г. и с тех пор ни разу не бывшего в России и к 30-м годам полностью утратившего контакты с родственниками, переписка с митрополитом Сергием (Страгородским) была единственной связью с Родиной, и он ею дорожил. В мае 1944 г. в связи со смертью Страгородского владыка Сергей напишет: «Православная Церковь потеряла незаменимого вождя. Богословская наука потеряла выдающегося ученого. Отечество потеряло верного, пламенного патриота. Я лично потерял моего старого друга и отца»⁷.

Вместе с тем, на протяжении 20-х годов митрополит Сергей поддерживал контакты и с иерархами Дальне-Восточного округа РПЦЗ. Он неоднократно выезжал в Харбин и Шанхай, собирая пожертвования на восстановление Токийского кафедрального собора Воскресения Христова («Николай-до»), значительной частью разрушенного во время Кантоского землетрясения. На освящении возрожденного собора 15 декабря 1929 г. присутствовало харбинское духовенство во главе с архиепископом Харбинским Нестором и архимандритом Ювеналием. В этот же день пришла и поздравительная телеграмма от заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергея: «Сорадуемся радости Японской церкви. Молимся. Просим молитв. Митрополит Сергей с Синодом»⁸.

В 1931 г. добрососедским отношениям с Дальне-Восточным округом пришел конец. Был получен указ Заграничного Синода: «Прервать молитвенное общение с митрополитом Сергием Японским, как признающим митрополита Сергия Московского»⁹. К середине 30-х годов полностью прекратились и контакты с Москвой, где государственные органы «целенаправленно ликвидировали все контакты Русской церкви с внешним миром, чтобы сведения о ее разгроме и уничтожении духовенства не стали достоянием мировой общественности»¹⁰. Утратив связь с Московской патриархи-

⁵ Бувеский А. РПЦ за границей. – Журнал Московской Патриархии. 1950, № 10, с. 30.

⁶ Там же.

⁷ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 23, л. 1.

⁸ *Сергий, архиепископ Японский*. Освещение Воскресенского кафедрального собора в Токио. 1930, с. 26.

⁹ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 23, л. 4.

¹⁰ *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999, с. 284.

ей, митрополит Сергей остался в духовном вакууме, хотя и не утратил веры в необходимость единства Японской и Русской церквей.

Но не было такой веры у многих прихожан Японской православной церкви. Не все разделяли убежденность владыки Сергея в необходимости сохранения единства с «красной церковью» Советского Союза. С нарастанием милитаризма и ксенофобии в 30-е годы эти настроения получили еще большее распространение. Немалое число выпускников Токийской духовной семинарии зарабатывало себе на жизнь внецерковным трудом, чаще всего преподаванием русского языка, а в знании русского в то время нуждалась, прежде всего, армия. Так, японские священники активно использовались в Маньчжурии для ведения там пропаганды среди русского православного населения. В целом в Японской православной церкви сложилась влиятельная группа верующих, которые преподавали русский в военных учебных заведениях и, ориентируясь на линию военного командования, ратовали за полную самостоятельность церкви и за то, чтобы ее возглавлял японец.

В 1939 г. был принят Закон о религиозных организациях, согласно которому все они до апреля 1941 г. были обязаны пройти регистрацию в министерстве народного просвещения. Обязательным условием регистрации было управление ими японцами. Этот закон, призванный ослабить иностранное влияние в стране, нанес удар по всем христианским конфессиям, во главе которых стояли иностранцы. Начался процесс их замены японцами. Митрополит Сергей был вынужден покинуть свой пост. 4 сентября 1940 г. он передал временное управление делами Церкви Арсению (Хэйки-ти) Ивасава, влиятельному верующему, связанному с военными кругами.

Ивасава, выпускник Токийской духовной семинарии, продолжил образование в России, в Московской духовной семинарии и в Санкт-Петербургской духовной академии, которую окончил в 1888 г. со степенью кандидата богословия. В академии он был соучеником Святейшего патриарха Тихона и главы РПЦЗ митрополита Анастасия (Грибановского). Вернувшись в Японию, Ивасава вначале преподавал философию и нравственное богословие в Токийской семинарии, одновременно сотрудничая с переводческим отделом миссии, а с 1918 г. стал преподавателем русского языка в Высшей школе сухопутных войск. Почти сразу же после его назначения управляющим в церкви начались недовольства. В декабре верующие потребовали проведения внеочередного Собора, однако Ивасава отказал им. Тогда, 11 января 1941 г., они избрали нового управляющего делами Японской православной церкви – настоятеля церкви в Осака протоиерея Якова (Синтаро) Тохэй, а также членов консистории. Ивасава, чьи сторонники оказались в явном меньшинстве (по оценкам митрополита Сергея, они составляли не более 20% верующих¹¹), был вынужден уйти в оппозицию, и фактическое руководство перешло к протоиерею Тохэй и консистории.

¹¹ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 23, л. 2.

Тем временем о сложностях Японской православной церкви стало известно Синоду РПЦЗ. В начале 1941 г. митрополит Анастасий отправил своему бывшему соученику телеграмму, в которой указывал на невозможность существования Церкви без епископа и, настаивая на скорейшем избрании нового архиерея, обещал содействие в его рукоположении. Действительно, Церковь не может нормально функционировать без епископа, а возвести в епископский сан (совершить хиротонию) по церковным канонам имеют право только другие епископы, но никак не простые священники. А епископов, кроме митрополита Сергия, в Японской церкви не было. Сам Ивасава не был даже священнослужителем и, несмотря на уговоры некоторых своих сторонников, не соглашался принимать священнический сан. Поэтому необходимо было найти другого кандидата, который бы устроил японское военное командование. В конце концов, Ивасава остановил свой выбор на старейшем протоиерее Иоанне Оно (ему было 70 лет), не принявшем участия в собрании 11 января 1941 г.

Иоанн Оно (Киити Ямадзаки) родился в 1872 г. в деревне Каннами префектуры Сидзуока и впервые познакомился с православием в школьные годы, когда его старший брат принял крещение и стал катехизатором. В 1885 г., по окончании средней школы, Киити решил продолжить образование в столице и пешком пришел в православную миссию. Святитель Николай посоветовал ему поступить в духовную семинарию. Юноша последовал его совету, приняв крещение с именем Иоанн. По окончании семинарии в 1892 г. он был рукоположен в дьяконы. Женившись на Вере Оно – приемной дочери одного из самых первых крещенных святителем Николаем японцев, взял ее фамилию. В марте 1905 г. он был рукоположен в священники и по окончании русско-японской войны духовно окормлял русских военнопленных в лагере неподалеку от Осака. В 1925 г. отец Иоанн был возведен в сан протоиерея, с 1940 г. назначен служить в Токийском кафедральном соборе. Отец Иоанн всю свою жизнь служил в провинции, поэтому верующие Токио его совсем не знали и не испытывали к нему доверия. Он не был человеком сильной воли и больших административных способностей, и, по-видимому, группа Ивасава использовала его как подставное лицо в своей борьбе за власть над церковью.

В марте 1941 г. протоиерей Иоанн Оно направился в Харбин. Брак не стал препятствием к получению епископского сана. В Харбинском кафедральном соборе Оно принял монашеский постриг с именем Николай и был возведен в сан архимандрита. Матушка Вера была пострижена в монахини во Владимирском женском монастыре. 6 апреля 1941 г. состоялась хиротония Оно, которую совершали архиереи РПЦЗ. Известие о хиротонии ставленника Ивасава большинством духовенства и мирян в Японии было принято враждебно. На обратном пути в Токио Оно встретила делегация от церкви

с просьбой не въезжать в столицу. Тем не менее, в канун Пасхи Ивасава

все же привез нового епископа к воротам Токийского кафедрального собора, через два часа прибывших пустили на паперть, но двери собора так и не открыли, и пасхальная служба была отменена. Епископу Николаю пришлось совершать богослужение в доме дьякона. За неделю до Троицы, 31 мая, Оно удалось занять здание собора, и на Троицу здесь состоялась служба. Однако большинство верующих молились в другой церкви на территории собора с отцом Яковом Тохэй.

18 июня 1941 г. состоялся внеочередной собор Японской православной церкви, на котором присутствовали епископ Николай Оно, протоиерей Яков Тохэй и их сторонники, а также японские военные и чиновники из министерства народного просвещения. Под их давлением было решено признать Николая Оно епископом, управляющим церковью, протоиерея Якова Тохэй возвести в сан епископа и обоим управлять церковью по очереди в течение года, от Пасхи до Пасхи. Консистория при правящем архиепископе должна была состоять из представителей обеих партий. Однако хиротония отца Тохэя так и не состоялась. Японская военная миссия в Харбине уведомила церковь, что до окончания войны не позволит рукополагать другому епископу.

Трудности военного времени не сгладили противоречий. Несмотря на формальное руководство Оно, поддерживаемого военным режимом, большинство верующих находилось в оппозиции, хотя и не осмеливалось высказывать протест открыто. Были у него и явные противники, до того входившие в консисторию отца Тохэя священники Иоанн Кодэра, Яков Ямагучи, Самуил Удзава, верующий Лиин Сато. Полиция изъясала находившиеся у них печать и документы церкви. Однако к концу войны и епископу Николаю было запрещено судом вести церковные дела. В качестве предупредительной меры были заморожены все капиталы церкви в банках и все доходы с арендных статей. Был назначен новый состав Консистории.

Отдельной страницей военной истории Японской церкви является положение русских. Вступление Японии в войну еще четче обозначило разделение верующих по национальному признаку. Токийский район Суругадай, где стоял кафедральный собор Николай-до и где жила большая часть русских, был объявлен «запретной зоной» для иностранцев. Русских переселяли в Каруидзава, где не было ни церкви, ни священника. Те, которым удалось остаться в Токио, объединились вокруг митрополита Сергия, с января 1941 г. переехавшего в бывший англиканский миссионерский дом в районе Сэтагая. В этом доме он устроил молитвенное помещение и с 8 октября начал службы. Митрополит Сергей неоднократно высказывал перед своей пастырской сочувствие Советскому Союзу, борющемуся с фашистскими захватчиками. Служил он один, без дьякона.

В 1943 г. владыка писал начальнику Русской духовной миссии в Корее: «Я в Суругадае за 32 года жизни там ни разу не имел такой любви и сердечности, каковые я видел здесь и в 1941, и в 1942 году... и особенно ны-

не»¹². Прихожане помогали владыке с оплатой квартиры, приносили продукты. Нужно сказать, что оказывали ему помощь и многие японские прихожане. Тем не менее, митрополит Сергей все равно сильно нуждался и в материальной поддержке, и в духовном утешении. В письме от 19 октября 1944 г. чувствуются горькие ноты: «Родные мне не пишут с 1932 г. Переписку, а чаще – обмен телеграммами имел только с Блаж. Сергием – со Свят. Сергием. Но нет Его: оборвались мои связи с Родиной!..¹³ Ну, и думаешь: “Memento mori”... До писем ли? Но тем горячее молитвы мои»¹⁴. Церковного общения с епископом Николаем Оно митрополит митрополит Сергей не поддерживал.

Вторая мировая война явилась переломным моментом в отношении советского государства к церкви. 4 сентября 1943 г., незадолго до Тегеранской конференции, в Кремле состоялась знаменательная встреча Сталина с тремя остававшимися на свободе иерархами – митрополитами Сергием (Страгородским), Алексием (Симанским) и Николаем (Ярушевичем). Во время этой встречи Сталин дал санкцию на восстановление нормальной деятельности Московской патриархии. Митрополит Сергей спешно и с множеством нарушений был избран патриархом на импровизированном соборе РПЦ 8 сентября. Конечно, Сталин не ставил своей целью реальное возрождение православной духовности в стране. Но чем яснее становились перспективы послевоенного передела мира, тем большее значение приобретал тот факт, что во многих странах имела русская православная паства, которая могла быть возвращена в юрисдикцию Московской патриархии, а это был хороший путь усилить советское влияние. При правительстве был образован Совет по делам РПЦ во главе с полковником госбезопасности Г. Г. Карповым, который стал контролировать деятельность РПЦ и направлять ее в нужное государство русло. С советом сотрудничали и иные ведомства, в частности дипломатическое.

В мае 1944 г. митрополита Сергея посетил один из сотрудников советского посольства и передал просьбу Московской патриархии сообщить о состоянии дел. Владыка направил митрополиту Ленинградскому Алексию отчет и телеграмму с соболезнованиями в связи с кончиной патриарха Сергея. Летом 1944 г. Тихомиров получил советское гражданство. От митрополита Алексия пришло письмо: «В ноябре месяце у нас предполагается Собор Преосвященных Архиереев для предварительного Совещания о порядке созыва Поместного Собора Русской Православной Церкви, который у нас предназначен на январь месяц 1945 г. Надеюсь на то, что Вы могли бы к этому времени, а быть может даже и раньше, прибыть в Москву, я посылаю Вам при сем официальный вызов и надеюсь, что Господь и Вам даст

¹² ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 75, л. 175.

¹³ Сергей (Страгородский) скончался 15 мая 1944 г.

¹⁴ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 75, л. 175.

радость возвращения на отеческую землю, и нам утешение братского общения с Вами»¹⁵.

На Архиерейский собор митрополит Сергей не выехал, но в декабре, при очередной встрече с послом СССР в Японии Я. А. Маликом, передававшим ему письма из Патриархии, изъявил желание выехать в Москву к Поместному собору, который должен был избрать нового главу РПЦ. «Однако через несколько дней, ссылаясь на условия зимнего времени и свой преклонный возраст, высказал боязнь относительно поездки. При этом вскользь упомянул об отсутствии в письмах Алексия сообщения о его дальнейшей церковной службе»¹⁶.

В своем отчете о встрече с митрополитом Малик просил «выделить средства на приобретение Сергию теплой одежды и вообще на его поддержание, ибо он, живя на скудные средства верующих, сильно нуждается»¹⁷. Малику было дано указание выделить из сметы посольства средства «для приобретения Сергию необходимой одежды, а также денег и на дорогу и на питание» и сообщить о том, что в СССР ему предполагают выделить епархию¹⁸.

Тем не менее, владыка ответил, что по состоянию здоровья в ближайшее время Японию он покинуть не сможет, доктора посоветовали ему лечь на 3–4 недели в больницу: проблемы с сердцем и почками, отеки на ногах, повышенное давление. Однако «весной-летом я, аще (если. — *Ред.*) Богу будет угодно, возвращусь под Ваше мудрое водительство»¹⁹. Свой голос митрополит Сергей отдавал за митрополита Алексия.

Очевидно, митрополит Сергей оттягивал отъезд и из понятного страха старого человека перед возвращением в страну, которую он покинул 37 лет назад и где его никто не ждал, а также под давлением японских властей, которые не могли допустить выезда из Японии иерарха, прожившего в ней столь долгий срок и слишком хорошо разбиравшегося во внутренней обстановке. По некоторым сведениям, владыке даже намекали на то, что снова могут привлечь его к руководству Японской православной церковью. Но выяснилось, что митрополит Сергей от подобной перспективы откажется и что он все-таки намеревается уехать в Советский Союз. Тогда, в мае 1945 г., его арестовали по подозрению в шпионаже в пользу СССР. Через 40 дней митрополита Сергия выпустили, но здоровье его было окончательно подорвано заключением. 10 августа 1945 г. он умер в своей квартире.

К окончанию второй мировой войны Японская православная церковь переживала административный и финансовый кризис. Во время бомбарди-

¹⁵ Там же, д. 13, л. 192.

¹⁶ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 13, л. 199.

¹⁷ Там же, л. 200.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, д. 64, л. 52.

ровок были разрушены храмы в ряде японских городов. Тринадцать священников не выдержали испытаний военного времени. Оккупация страны Соединенными Штатами Америки от имени союзных держав стала началом прочного вхождения Японии в сферу американского влияния. С падением милитаристского режима группа, боровшаяся за смещение епископа Николая Оно, получила реальный шанс это осуществить. Однако в случае его отстранения Японская православная церковь лишалась единственного архиерея. А ведь необходимо было рукополагать в сан новых священников (что является прерогативой епископа), нужны были материальные средства на восстановление разрушенного войной хозяйства. Поэтому церковь снова оказывалась перед необходимостью установить отношения с какой-либо православной юрисдикцией. И теперь, казалось, должно было произойти возобновление канонических связей с Московской патриархией.

Новая политика, начатая советским государством по отношению к церкви в 1943 г. (получившая впоследствии наименование «сталинского конкордата»), давала свои результаты. Сталин решил превратить Русскую православную церковь «в центр международного православия с политическим уклоном, своего рода “православный Ватикан”, который мог стать духовно-православной опорой международной политики Кремля»²⁰ в послевоенном мире. В 1945 г. Карпов в отчете правительству докладывал: «Внешняя деятельность РПЦ направляется Советом в следующих направлениях. 1. Воссоединение с Московской патриархией русских православных церквей за границей. 2. Установление тесных и дружественных отношений с православными церквями славянских стран. 3. Дальнейшее укрепление связей с главами других автокефальных церквей и влияния в решении международных церковных вопросов»²¹. Наиболее успешно выполнялся второй пункт, касавшийся стран народной демократии, но значительные достижения были и в деле воссоединения патриотически-настроенных русских эмигрантских приходов. Заграничный Синод, утративший прежний авторитет, покинул Сербию вместе с немецкими войсками и обосновался в Мюнхене. В сентябре 1945 г. московскую юрисдикцию признало большинство приходов в Западной Европе, а в октябре в подчинение Патриархии перешли все архиереи Дальневосточного округа РПЦЗ (кроме епископа Шанхайского Иоанна, уехавшего впоследствии в США) и Русская духовная миссия в Китае. В 1946 г. китайские приходы были преобразованы в Восточноазиатский экзархат Московской патриархии во главе с митрополитом Нестором.

27 марта 1946 г. Консистория составила прошение избранному Патриарху Алексию о воссоединении с Матерью-Церковью и о направлении в

²⁰ Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М., 2001, с. 166.

²¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 407, л. 12.

Японию представителя от Московской патриархии. Епископа Николая известили об этом прошении в последний момент, надеясь, что он откажется поставить свою подпись, и это станет поводом к его отстранению. Однако, поскольку переход его в юрисдикцию Московской патриархии оказывался, по существу, механическим, ведь с ней уже воссоединились остальные иерархи Дальневосточного округа, Оно документ подписал (правда, это не помогло ему удержаться у власти). Ответная телеграмма от Алексия гласила, что пожелание о воссоединении принято с любовью и в дальнейшем предполагается прибытие в Японию представителя Московской патриархии для выяснения дел.

5–6 апреля 1946 г. состоялся первый после войны Чрезвычайный собор Японской православной церкви. Он постановил: «Епископ Оно, которого поддерживала военщина и тайная полиция, поняв новое положение, должен добровольно покинуть свой пост»²². Собор постановил также запретить участвовать в священнослужении сторонникам Оно – священникам Антонию Такаи и Иоанну Иосимура. Было принято решение подготовить к следующему Собору кандидатуры для возведения в сан епископа.

Но самое главное – резолюция об отношениях с Московской патриархией оказалась на удивление туманной: «Японская Православная Церковь должна признать и иметь контакт с Московским Православным Патриархатом. Уже с давних времен существует традиционная и историческая связь с Московским Православным Патриархатом, и наша вера, богослужение и церковные правила абсолютно одинаковы». И тут же: «Японская Православная Церковь с помощью Главной квартиры оккупационных войск решила прибегнуть к помощи Американской Православной Церкви, чтобы улучшить состояние Церкви, а также просить помощи в работе ее проповедников. Японскую Православную Церковь посещают многие русские верующие, живущие в Японии, офицеры и солдаты американских оккупационных войск, и именно по этой причине Собор решил просить командующего оккупационных войск о том, чтобы он помог прислать в Японию из США русского епископа»²³.

Это следовало понимать так: Японская православная церковь желала восстановить связи с Московской патриархией, однако боялась, что это вызовет недовольство американского оккупационного командования, и потому, чтобы смягчить впечатление, просила вызвать епископа не непосредственно из СССР, а из США, где также существовали приходы Московской патриархии. Но ведь юрисдикций в Америке было несколько!

Героическая борьба советского народа с фашистской Германией и возрождение религиозной жизни в СССР вызвали всплеск патриотических настроений и у русских православных в США, однако массового воссоедине-

²² ГАРФ, ф. 6991, оп. 6, д. 142, л. 48.

²³ Там же, л. 47. Текст японского оригинала см.: *Усимару Ясуо*. Нихон сэйкё си. Токио, 1968, с. 144–145.

ния с Московской патриархией в Америке не произошло. Хотя на Седьмом всеамериканском соборе, прошедшем в Кливленде 26–29 ноября 1946 г., большинство участников высказалось за разрыв отношений с Заграничным Синодом и восстановление канонических связей с Русской православной церковью при сохранении полной автономии, по мере охлаждения в отношениях СССР и США перспективы воссоединения с Москвой становились все менее реальными. Руководство митрополии изначально не разделяло ностальгического порыва простых верующих. И когда в июле 1947 г. в Америку прибыл полномочный представитель Патриарха московского и всея Руси митрополит Ленинградский Григорий, глава Американской митрополии Феофил (Пашковский), упорно избегая встречи с ним в течение трех месяцев, сорвал переговоры. Митрополит Григорий, опубликовав послание к православной пастве Америки с выражением скорби о несостоявшемся воссоединении, вынужден был покинуть страну.

Причины были более глубокими, нежели простая боязнь руководящих архиереев Американской митрополии потерять власть. Епископ Бруклинский Иоанн, активный поборник независимости митрополии, подчеркивал ее стремление стать американской национальной церковью, что не согласовывалось ни с интересами Московской патриархии, ни с интересами РПЦЗ.

22 ноября 1947 г. в Сан-Франциско прошел Собор епископов, отклонивший предложения митрополита Григория и постановивший «отложить оформление канонической связи Северо-Американской Церкви с Московской Патриархией до более благоприятного времени... Жить на прежнем основании, осуществляя полную автономию в своей церковной жизни»²⁴. На американской земле остались три русские православные юрисдикции – Американская митрополия (объединявшая большинство верующих), выделившаяся из нее епархия РПЦЗ и Патриарший экзархат.

Резолюция апрельского собора Японской церкви не уточняла, к какой из юрисдикций должен принадлежать «русский епископ из США». Правда, в новом письме Патриарху Алексию, переданном 24 апреля через посольство, Консисто́рия сообщала: «Японская церковь изъявила желание войти с ходатайством в епархию митрополита Вениамина в Нью-Йорке, которая подчиняется Вам, о присылке для службы в Японии одного русского епископа и об оказании поддержки»²⁵. Кроме того, Консисто́рией был составлен меморандум непосредственно на имя митрополита Вениамина, переданный ему по неофициальным каналам, через возвращавшихся в США православных офицеров. Митрополит Вениамин доложил в Москву о получении просьбы Японской православной церкви и получил ответ, что в ближайшем будущем планируется приезд в Японию епископа непосредственно из СССР. Таким образом, Японская православная церковь не поднимала вопрос о выходе из подчинения Московской патриархии. Однако в письме с просьбой о содействии в приезде епископа из Америки, переданном чуть

²⁴ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 131, л. 234.

²⁵ Там же, д. 23, л. 10–11.

ранее, 14 апреля, в Отдел религий штаба Макартура, юрисдикционная принадлежность этого епископа не была указана, что дало штабу возможность выбора. И выбор этот, естественно, пал на Американскую митрополию. Не последнюю роль сыграл находившийся в Японии полковник американской разведки Паш (Пашковский) – родной сын митрополита Феофила, проводивший «активную работу по отторжению православных приходов от Московской патриархии»²⁶. 17 августа 1946 г. глава Митрополии митрополит Феофил писал Заграничному Синоду: «Грустно за Церковь японскую, что ее может поглотить советская Церковь..., о чем мне пишут и просили прислать от нас епископа»²⁷.

31 октября – 1 ноября в Нью-Йорке состоялся Малый собор епископов Американской митрополии. На нем было решено по просьбе военных властей США послать в Японию «для ознакомления с ситуацией» епископа Питтсбургского и Западной Вирджинии Вениамина (Басальгу), тезку Патриаршего экзарха по случайному(или не случайному?) совпадению, о чем митрополия уведомила Японскую православную церковь. Консистория обсудила это сообщение, но так и не приняла никакого решения, так как несколько членов Консистории (К. Мори, С. Судзуки, Ф. Д. Швец) высказались против. На заседании присутствовали представители американского командования, которых такие результаты не удовлетворили. Советское посольство в Токио било тревогу, требуя от Совета по делам РПЦ «весьма срочно командировать делегатов Московского патриарха для упорядочивания дел и сохранения позиций Русской православной церкви в Японии»²⁸.

Действительно, Патриархия медлила с посылкой своих представителей в Японию. То ли объем свалившихся на нее международных поручений был так велик, то ли не удавалось согласовать с советом состав делегации. Кандидатуры несколько раз менялись. Еще в марте 1946 г., получив прошение Консистории о воссоединении, патриарх набросал «предварительные соображения по делу о командировке в Японию». Но лишь в ноябре эта тема всплыла вновь. Карпов уведомил советское посольство, что в Японию должны выехать епископ Одесский и Кировоградский Сергей (Ларин) – чтобы ознакомиться со сложившейся ситуацией и через две недели вернуться в СССР для доклада Патриарху, и епископ Черниговский и Нежинский Борис (Вик) со своим секретарем – чтобы остаться в Японии для управления церковью. Патриарх Алексей направил Консистории телеграмму, извещавшую, что делегация Московской патриархии скоро прибудет в Японию. Эту телеграмму заведующий Консульским бюро советской части Союзного совета для Японии Волгин принес в консисторию в день ее следующего заседания.

²⁶ Там же, д. 130, л. 602.

²⁷ Русская православная церковь за границей. 1918–1968. Нью-Йорк, 1968, т. 2. 153–154.

²⁸ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 23, л. 27.

В архивах сохранилось описание этого визита: «Волгин отвез текст телеграммы патриарха Алексия в консисторию 24 ноября и вручил ее уже во время заседания последней. После взаимных приветствий Волгин осведомился о повестке совещания. Член консистории Манабэ ответил, что они обсуждают кандидатуры в священники для посвящения их в этот сан с приездом из США епископа Вениамина. На вопросы Волгина, Манабэ показал ему письма Феофила, одно из них на английском языке, второе на русском. К первому письму приложена препроводительная записка штаба Макартура. Феофил пишет, что он весьма доволен случаем принять японскую православную церковь под свое руководство и, во исполнение просьбы штаба главнокомандующего, решил направить в Японию своего епископа Вениамина, на что просит согласия консистории и выражает свое удовлетворение, что японская православная церковь свободна от влияния Московской патриархии, “тем более что церковь в России не является свободной”».

После краткого слова Волгина о том, что принятие епископа от Феофила было бы проявлением нетактичности по отношению к Московской патриархии и неблагодарности к российской церкви..., выступили Манабэ и Сато, которые стремились доказать, что японцы, как побежденные в войне, должны подчиняться штабу союзных держав, что они веруют с Феофилом в одного Бога и поэтому им безразлично, какой епископ к ним придет... Узава сказал, что они признают Московскую патриархию, с удовольствием примут ее представителей, но не могут отказать и в приезде епископа от Феофила, как гостю.

Затем члены консистории пожелали обсуждать вопросы в присутствии только состава консистории. Перед уходом Волгин повторял, что японская православная церковь находится в юрисдикции патриархии, и ее представители, возможно, уже находятся на пути в Токио, поэтому единственное решение, которое может быть принято – это ждать приезда представителей от патриархии и отказаться от приема епископа от Феофила. На это Манабэ ответил репликой: “Кто из них скорее приедет, того и примут”²⁹.

Итак, в решении вопроса о том, к какой юрисдикции будет принадлежать Японская церковь, Консистория повела себя абсолютно пассивно, побоявшись вступить в конфликт со штабом оккупационных войск. Вообще, неизбежность иностранного руководства японские православные принимали скрепя сердце, и потому им по большому счету было все равно, к какой именно юрисдикции оно будет принадлежать (чего никак нельзя сказать о русских эмигрантах). 28 ноября Консистория окончательно решила принять епископа от митрополита Феофила. Это решение «мотивировали необходимостью подчиниться штабу Макартура и пришли к общему мнению,

²⁹ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 23, л. 29–30.

что приезд представителей от Московской патриархии будет зависеть от разрешения штаба Макартура, а не от Консистории»³⁰.

Лишь 13 декабря штаб Макартура получил от советских дипломатов запрос о разрешении на въезд делегации от Московской патриархии. А 6 января 1947 г. на имя члена Союзного совета для Японии от СССР генерал-лейтенанта Деревянко был прислан меморандум следующего содержания: «Запрос на разрешение не удовлетворен ввиду того, что такие запросы должны быть представлены главнокомандующему от Консистории православной церкви в Японии. Такой запрос для оказания помощи от Московской патриархии не был получен от православной церкви в Японии. С другой стороны – штаб получил запрос для оказания помощи от епископа православной церкви США. Этот вопрос удовлетворен и епископ Соединенных Штатов Вениамин сейчас находится на пути в Токио. Вполне естественно, что в связи с прибытием его до 7 или 7 января 1947 г. должность будет занята, и нет необходимости, чтобы три представителя православной церкви, указанные в Вашем письме, выезжали в Японию»³¹.

Епископы Сергей и Борис, более месяца прождав во Владивостоке выдачи виз, вынуждены были вернуться, не выполнив своей миссии. Кто знает, как бы сложилась судьба Японской церкви, возглавляемой епископом Борисом, но, несомненно, оба посланца Патриархии были людьми с крепкой политической хваткой. Оба из бывших «обновленцев», они были посвящены в епископский сан во время войны (Ларин – в 1943 г., Вик – в 1944 г.), когда церковь любой ценой стремилась восполнить оголенные ряды иерархов. В 60-е годы Ларин несколько раз посещал Японию, и во время его визита на торжества по случаю 100-летия прибытия туда святителя Николая летом 1961 г. в юрисдикцию Московской патриархии перешел священник Саяма, будущий глава Благочиния РПЦ в Японии, немало сделавший для возвращения Николай-до в лоно Русской православной церкви. Впрочем, эти посещения стали возможны лишь спустя десяток лет, когда, наконец, были восстановлены дипломатические отношения Японии с Советским Союзом. А в 1947 г. американское командование не предоставило альтернативы: единственным православным архиереем, впущенным в страну, стал епископ Американской митрополии.

Епископ Вениамин (Басалыга), первый архиерей Митрополии, рожденный в США (а не иммигрировавший из России), прибыл в Японию 7 января. В тот же день он отслужил молебен в Николай-до. У собора его встречали члены Консистории, полковник Паш и около 20 русских, не принявших советского гражданства. После молебна епископ Вениамин обратился к присутствующим с речью (на английском языке, так как русским он владел слабо), переводить которую взялся член Консистории Александр Манабэ. «В своей речи Вениамин [...] сказал, что Япония раньше не понимала

³⁰ Там же, д. 131, л. 112.

³¹ Там же, д. 23, л. 35.

США, начала против них войну, и Бог за это ее покарал, что он приехал в Японию “для налаживания запущенных, благодаря прошлому плохому руководству, дел Японской православной церкви”. Характерно, что Манабэ, переводивший слова Вениамина, первую часть речи Вениамина, где говорилось о непонимании Японией США, на японский язык умышленно не перевел»³².

Вскоре епископ Вениамин созвал собор, на котором присутствовали члены Консистории, 12 священников с мест и сотрудник русского отдела американской контрразведки. Представлявший в Консистории русскую колонию Ф. Д. Шве́ц, активный сторонник Московской патриархии, приглашен не был. Собор осудил как «ошибочно принятое» решение (6 апреля 1946 г.) о воссоединении с Московской патриархией и отменил его. Одновременно собор постановил войти в юрисдикцию Американской митрополии и оставить епископа Вениамина главой Японской православной церкви, пока она не «сможет быть самостоятельной». Решено было ввести в состав Консистории одного представителя от находящихся в Японии православных американских граждан (т. е. служащих оккупационных войск). Решения собора были разосланы членам Союзного совета для Японии. Англоязычное издание журнала «Тайси» 10 февраля 1947 г. констатировало не без злорадства: «Алексий добился значительного успеха в поощрении панславянской пропаганды и в содействии советским целям в странах за железным занавесом. Но в других местах он не имеет большого счастья»³³.

Но и среди приглашенных на собор нашлось несколько человек, отказавшихся признать разрыв с Русской православной церковью. В знак протеста они покинули собор. На имя Патриарха и Священного Синода было составлено прошение с просьбой направить в Японию епископа или священнослужителя в ином сане для обслуживания церковных нужд верующих, находящихся в духовном общении с Патриархией, под которым поставили подписи 183 человека – в большинстве своем советские граждане, а также русские без гражданства и японские подданные.

Возглавив Японскую церковь, епископ Вениамин вел себя недостаточно тактично по отношению к японским верующим. Он постоянно подчеркивал свою связь с американскими оккупационными властями (из Японии сообщалось, что епископ проживает в американском офицерском отеле «Дай Ичи», ходит в штатском платье и пользуется американскими автомашинами³⁴). Вопреки ожиданиям Консистории, после его приезда ни Американская митрополия, ни штаб оккупационных войск не спешили оказать Японской церкви щедрую материальную помощь.

³² ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 23, л. 36-37.

³³ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 23, л. 66.

³⁴ Там же, л. 55.

Сотрудники советского посольства отмечали: «Ввиду неавторитетности епископа Вениамина посещаемость богослужений в токийском соборе резко упала. В воскресенье 16 февраля с. г. (1947 г. – *Н. С.*), в частности, на богослужении присутствовало несколько человек японцев и 7 русских. Заметно упала посещаемость храма и со стороны верующих американцев. Верующим, особенно русским, Вениамин не нравится за его “гражданский” вид и ношение стоячего крахмального воротничка, подобного тому, какой носят иезуитские священники. Он исключил из службы моление за здравие русских православных и патриарха Алексия и ввел моление за православных в США и президента Трумэна»³⁵.

Русским, которые отказались признать юрисдикцию Американской митрополии, было запрещено молиться в соборе. К весне 1947 г. для богослужений они оборудовали отдельное помещение, находившееся на территории собора в здании бывшей школы им. А. С. Пушкина для детей русских эмигрантов. Церковь была освящена в честь преподобного Сергия Радонежского. Служить для русских стал протоиерей Антоний Такай, изгнанный из Японской церкви по решению Собора 5–6 апреля.

Антоний (Макио) Такай родился в 1873 г. в г. Мацусиро префектуры Нагано и принял крещение в четырехлетнем возрасте вместе с родителями, учился в Токийской духовной семинарии, а по окончании служил катехизатором. Во время русско-японской войны он окормлял русских пленных в Курума и Кумамото. В течение многих лет Такай был настоятелем православной церкви в Нагасаки. В 1945 г. во время взрыва атомной бомбы храм был разрушен. Отец Антоний продал земельный участок, на котором стоял храм, и переехал с семьей в Токио. Собор 1946 г. постановил «удалить из Церкви священника Такай (из Нагасаки) за присвоение денег, полученных от продажи... земель, принадлежащих митрополиту Сергию»³⁶, т. е. Японской церкви. Впоследствии эту историю ему не раз припоминали противники. Такай ссылался на то, что продажа произошла с согласия прихожан. Как бы то ни было, он обладал многолетним опытом общения с русскими верующими, и опыт этот теперь пришелся кстати. Через несколько месяцев по его приглашению к Сергиевской церкви присоединился и другой изгой – вернувшийся из ссылки епископ Николай Оно, которого отец Антоний хорошо знал как соучника по духовной семинарии. 21 февраля 1947 г. Оно вторично обратился к Патриарху Алексию с просьбой принять его в юрисдикцию Московской патриархии и получил согласие.

В 1948 г. активность Московской патриархии заметно снизилась. Началась эпоха «холодной войны». Патриархия не могла заниматься активной поддержкой японских оппозиционеров вплоть до 1957 г., когда после нормализации дипломатических отношений Японии и СССР было учреждено

³⁵ Там же, л. 63.

³⁶ ГАРФ, ф. 6991, оп. 1, д. 142, л. 48.

Благочиние РПЦ в Японии, на базе которого развернулась борьба за воссоединение с РПЦ всей Японской церкви.

* * *

Стремление Японской церкви к независимости, потерпевшее крах после войны, подспудно жило и стало источником новых противоречий, теперь уже с американским священноначалием, особенно обострившихся в 60-е годы. Но это уже предмет другого исследования. Можно думать, что какой-то шаг вперед был сделан Московской патриархией только в 1970 г., которая, после возвращения ЯПЦ в ее юрисдикцию в результате договоренности с Американской митрополией, даровала ей статус автономной, т. е. возможность внутреннего самоуправления.

Наши авторы

Барышев Эдуард Анатольевич, докторант Университета Кюсю, Япония

Брылевский Георгий Борисович, военный историк, Токио

Герасимова Майя Петровна, кандидат филологических наук,
Институт востоковедения РАН

Гринюк Владимир Александрович, кандидат исторических наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Дубровская Марина Юзефовна, доктор искусствоведения, профессор
кафедры этномузыкознания Новосибирской государственной консерватории
им. М. И. Глинки

Коновалова Нина Анатольевна, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института теории архитектуры градостроительства, Москва

Куланов Александр Евгеньевич, главный редактор, «Японский журнал – Japan.Ru.», Москва

Молодяков Василий Элинархович, доктор философии, доктор
политических наук, университет Такусёку, Токио

Молодякова Эльгена Васильевна, доктор исторических наук, профессор,
Институт востоковедения РАН

Накорчевский Андрей Альфредович, профессор университета Кэйо, Токио

Пестушко Юрий Сергеевич, доцент Дальневосточного государственного
гуманитарного университета, Хабаровск

Саблина Элеонора Борисовна, кандидат исторических наук,
преподаватель Иокагамского государственного университета

Семин Анатолий Васильевич, кандидат исторических наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Сенатаров Алексей Иванович, кандидат исторических наук,
Институт Дальнего Востока

Суханова Наталья Анатольевна, аспирантка факультета журналистики
МГУ им. М. В. Ломоносова

Тимонина Ирина Львовна, доктор экономических наук, профессор
Института Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова

Цветова Ирина Алексеевна, кандидат исторических наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Щербаков Денис Аркадьевич, аспирант Института Дальнего Востока РАН

Южакова Елена Васильевна, кандидат искусствоведческих наук,
преподаватель Сибирского филиала Международного института
экономики и права, Новосибирск

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

- Сенаторов А. И., Цветова И. А.** Либерально-демократическая партия: полвека у власти **5**
- Молодякова Э. В.** Как выбирают лидера страны в современной Японии (на примере Коидзуми Дзюньитиро) **24**
- Семин А. В.** Токио – Пекин: от партнерства к противостоянию? **41**
- Гринюк В. А.** Проблема «похищенных японцев» в отношениях Японии и КНДР **55**

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

- Тимонина И. Л.** «Ниссан» в условиях глобализации: от выживания к успеху **71**
- Щербаков Д. А.** Стратегия японских производственных корпораций на российском рынке **92**

ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРА

- Коновалова Н. А.** «Триада»: пустота – промежуток – тень в современной архитектуре Японии **105**
- Куланов А. Е.** Роль боевых искусств в формировании имиджа Японии в России **128**
- Дубровская М. Ю.** О формировании в Японии национальной композиторской школы (конец XIX – первая половина XX в.) **143**
- Накорчевский А. А.** Мистическая метафизиолингвистика Ямагути Сидо (1765–1842): опыт интерпретационного прочтения **160**
- Герасимова М. П.** Новое об известном **181**
- Южакова Е. В.** Сине-голубой цвет в художественной японской традиции **194**
- Саблина Э. В.** Россия и Япония – музыка и слово **204**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Молодяков В. Э.** Гото Симпэй и колониальная политика Японии. Часть вторая: Южно-Маньчжурская железная дорога и русско-японские отношения, 1906–1908 гг. **214**
- Пестушко Ю. С.** Неизвестные страницы японского шпионажа (1896–1908 гг.) **230**
- Барышев Э. А.** Русско-японская конвенция 1916 г. и ее международно-политическое значение **243**
- Брылевский Г. Б.** Восточная песня, или названия кораблей японского императорского флота **257**
- Суханова Н. А.** Японская православная церковь в 1917–1948 гг.: от Московской патриархии к Американской митрополии **272**

Научное издание

Япония 2006

Ежегодник

Редактор Н. П. Дмитриевская

Институт востоковедения РАН
Ассоциация японоведов
103031, Москва, ГСП, ул. Рождественка 12

Автономная некоммерческая организация
Научно-исследовательский центр «АИРО–XXI»
e-mail: andmak@ www.airo-xxi.ru
<http://www.airo-xxi.ru>

Подписано в печать 22.10.2006 г. Формат 60х90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Печ. л. 19,5
Тираж 500 экз.